

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 10

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **Т. Н. Котельникова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Внутских А. Ю., Оконская Н. К.</i> О специфике социально-гуманитарных исследований периода «аномальной» науки: диалог исследовательских программ	6
<i>Хапчаев И. А.</i> К вопросу о духе, душе и духовности личности	13
<i>Гутова С. Г.</i> Историческая философия Вл. Соловьёва: мистическое и рациональное в учении о богочеловечестве	17
<i>Долгих А. Ю.</i> София и мудрость: смысл понятий и их влияние на восприятие философии	24
<i>Краузе А. А.</i> Социокультурная динамика современной этнической идентичности (на примере коми-пермяков)	36
<i>Хайруллина Ю. Р., Нуруллина Э. Р.</i> Статус детей в современном российском обществе и семье: экономический подход	40
<i>Дудин А. С.</i> Реклама как отражение этнокультурной, национальной и государственной идентичности (теоретико-методологическое обоснование проблемы)	47
<i>Кутеева Н. Э.</i> Роль Э. Л. Юманса в популяризации идей Герберта Спенсера в культуре США	51

ИСТОРИЯ

<i>Акилбаев А. В.</i> Древнерусские изделия в могильниках IX – начала XII в. севера Вятско-Ветлужского междуречья	56
<i>Туров С. В.</i> Опыт реконструкции родовых (общинных) угодий аборигенного населения Обдорского края на данных полевых исследований второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг.	61
<i>Лобанов В. В.</i> К биографии бывшего обновленческого «архиепископа» Андрея Расторгуева.....	71
<i>Багаутдинов Р. О., Гафаров А. З.</i> Действия отдельной Башкирской кавалерийской бригады на Польском фронте	77

К 100-летию начала Первой мировой войны

<i>Куманьков А. Д.</i> Мировая задача России: члены Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва о Великой войне	81
<i>Миронова Е. В.</i> Первая мировая война и Казанская губерния в воспоминаниях дворянок	87

ПРАВО

<i>Петров А. М.</i> Либерализация уголовно-исполнительной политики России (вчера и сегодня)	92
<i>Комаров Д. А.</i> Арбитражный управляющий как лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации	98
<i>Чиркова Е. В.</i> Система органов власти и государственного управления РФ по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма	105

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Полякова О. А.</i> Художественная репрезентация образа России в романе Х. Хоссейни «Тысяча сияющих солнц»	113
<i>Уткина Н. В.</i> Стилистические особенности языка для специальных целей (LSP)	116
<i>Островская Т. А.</i> Стандартный английский язык в эпоху глобализации: преимущества и проблемы	120
<i>Бубнова Н. В.</i> «Смоленский» ономастический компонент национального корпуса русского языка	123
<i>Вахотин А. А.</i> Классификация перцептивных типов русского слова	133
<i>Двоеглазов В. В.</i> Идея «праведничества» в творческом сознании Н. М. Карамзина	142
<i>Лобин А. М.</i> История и революция в творчестве Б. Акунина (на материале цикла романов «Приключения Эраста Фандорина»)	148
<i>Пепеляева С. В.</i> Рецепция «Святой ночи» А. Корреджо в повести Н. В. Кукольника «Антонио»	154

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Золотарева С. С.</i> Социально-психологические факторы формирования групповой самооценки	159
<i>Атрощенко С. А., Менькова С. В.</i> Личностно-ориентированный подход к организации самостоятельной деятельности учащихся в виртуальном классе	167
<i>Помелов В. Б.</i> Вятский педагог-методист Н. Н. Блинов (к 175-летию со дня рождения)	172
<i>Косарев А. Н.</i> Применение интерактивных методов при обучении школьников решению стереометрических задач	185
<i>Семенова Л. Э., Кожина Е. В.</i> Нетрадиционные подходы к исследованию родительства	188
<i>Бобкова Т. С.</i> Использование типологической личностной характеристики в исследовании половой идентификации подростков	195

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Вечтомов Е. М., Варанкина В. И.</i> XXXIII Международный научный семинар вузовских преподавателей математики и информатики, посвящённый 100-летию ВятГГУ	203
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Сауров Ю. А.</i> Вечность можно и надо строить... ..	206
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Владимиру Федоровичу Юлову – 70 лет	208
---	-----

<i>Сведения об авторах</i>	220
----------------------------------	-----

<i>Information about authors</i>	224
--	-----

CONTENTS

- Vnutskikh A. Y., Okonskaya N. K.* About specificity of social-humanitarian researches of “anomalous” science period: dialog of paradigms
- Hapchaev I. A.* On the question of spirit, soul and spirituality of a person
- Gutova S. G.* Historiosophy VI. Soloviev: mystical and rational in the doctrine of Godmanhood
- Dolgikh A. Yu.* Sophia and wisdom: the meaning of the concepts and their influence on the perception of philosophy
- Krauza A. A.* Socio-Cultural Dynamics of Modern Ethnic Identity (Evidence from Komi-Permyaks)
- Khairullina Y. R., Nurullina E. R.* Status of children in contemporary Russian society and the family: an economic approach
- Dudin A. S.* Advertising as a reflection ethnocultural, national and state identity (theoretical and methodological substantiation)
- Kuteeva N. E. E. L.* Youmans’s contribution to expansion of Herbert Spenser’s ideas in the USA culture
- Akilbaev A. V.* Medieval Rus’ products in north part of Vyatka-Vetluga river system graveyards
- Tourov S. V.* The experience of generic (communal) reconstruction of aboriginal population territory in Obdorskiy region based on the field studies including the second half of the 1920s – the first half of 1930s
- Lobanov V. V.* For the biography of the former renovationist “Archbishop” Andrei Rastorguyev
- Bagautdinov R. O., Gafarov A. Z.* The actions of individual Bashkir cavalry brigade on the Polish front
- Kumankov A. D.* World object of Russia: Moscow Vladimir Soloviev's religious-philosophical society on Great War
- Mironova Ye. V.* The First World war and Kazav province in the memories of noblewomen
- Petrov A. M.* The liberalization of the penal policy of Russia (yesterday and today)
- Komarov D. A.* Court-appointed Receiver as a Person Performing Managerial Functions in a Commercial or Other Organization
- Chirkova E. V.* The system of bodies of power and state administration of the Russian Federation on combating legalization (laundering) of income obtained by criminal means and financing of terrorism
- Polyakova O. A.* The Artistic Representation of the Image of Russia in K. Hosseini’s Novel “A Thousand Splendid Suns”
- Utkina N. V.* Stylistic features in language for special purposes (LSP)
- Ostrovskaya T. A.* Standard English in the period of globalization: advantages and problems
- Bubnova N. V.* «Smolensk» onomastic component of the national case of Russian language
- Vakhotin A. A.* Classification of perceptive types of the Russian word
- Dvoeglazov V. V.* The idea of «righteousness» in Karamzin’s literary consciousness
- Lobin A. M.* History and Revolution in B. Akunin’s fiction (based on the novel cycle *Erast Fandorin's Adventures*)
- Pepelyaeva S. V.* Reception of A. Correggio’s ‘Holy Night’ in N. V. Kukolnik’s story ‘Antonio’
- Zolotareva S. S.* Social and psychological factors of formation of a group self-assessment
- Atroshchenko S. A., Menkova S. V.* Personality-oriented approach to the organization of independent learning in virtual class
- Pomelov V. B.* Vyatsky teacher and methodist N. N. Blinov. *To the 175-th anniversary*
- Kosarev A. N.* Applying of interactive methods in teaching students of solving of stereometric problems
- Semenova L. E., Kozhina E. V.* Non-traditional approaches to the study of parenthood / parenting
- Bobkova T. S.* Usage of typological personality characteristics in the study of gender identity of adolescents
- Vechtomov E. M., Varankina V. I.* XXXIII International scientific workshop of high school teachers of mathematics and informatics, devoted to 100 anniversary of VyatSHU
- Saurov Y. A.* Eternity can be and must be built...
- Vladimir Fyodorovich Yulov is 70

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 303.4

А. Ю. Внутских, Н. К. Оконская

О специфике социально-гуманитарных исследований периода «аномальной» науки: диалог исследовательских программ

Статья включает две части. В первой части анализируются некоторые особенности современной науки, которую авторы рассматривают как науку «аномальную» (по Т. Куну), науку кризисную. Показано, что многообразие подходов в современной гуманитаристике не является ценностью само по себе в том смысле, что оно не должно приводить к потере объективного характера научного исследования человека и общества и «методологическому хаосу» в социально-гуманитарных науках. По их убеждению, преодоление данного кризиса возможно только при органичном совмещении в практике исследовательской работы принципов двух различных, но дополняющих друг друга программ современных наук о человеке: натуралистической и культур-центристской. Авторы полагают, что выполнение данного методологического требования может стать важным критерием селекции гипотез и исследовательских подходов, призванной придать современной гуманитаристике большую научную определенность в будущем. Во второй части статьи предлагается анализ актуальных попыток такого совмещения исследовательских программ на примере материалов, опубликованных в двух российских научных журналах.

The article includes two parts. In first part the authors analyze some features of contemporary anomalous science (accordingly T. Kuhn), so called «science of crisis». Diversity of approaches in contemporary human sciences, methodological chaos and loss of objectivity are not values themselves. The authors suggest that negotiation of this crisis in human sciences is possible in case of organic complementation two different scientific research programs: naturalism and cultural centrism only. The authors believe that this methodological principle can become important criteria of hypothesis and research approaches selection in future. This selection can assign to human sciences more scientific certainty. In second part of the article the authors analyze some attempts of these research programs complementation, which were published as articles in two Russian scientific journals.

Ключевые слова: кризис науки, аномальная наука, научная революция, научная исследовательская программа, натурализм, культур-центризм.

Keywords: crisis, anomalous science, scientific revolution, scientific research program, naturalism, cultural centrism.

Один из основоположников современного науковедения, представитель постпозитивизма Томас Кун называл *парадигмами* общепризнанные научные достижения, которые дают научному сообществу модель для постановки проблем и их решения, направляя ход развития «нормальной науки» [1]. Однако Кун отмечал, что в ходе развития зрелой науки в рамках парадигмы постепенно происходит *накопление «аномалий»* («неудобных» для данной парадигмы фактов), которые игнорируются научным сообществом в период нормальной науки, но начинают рассматриваться всерьез в период кризиса науки старого типа. В силу действия социокультурных и психологических факторов наука становится «чувствительной к аномалиям». В итоге это приводит к крушению старой парадигмы и формированию новой – *научной революции*. При этом старая и новая парадигма «взаимно непроницаемы», никак не связаны друг с другом.

Сложно спорить с тем, что общепризнанный комплексный кризис современного общества имеет и аспект *кризиса науки*. Слово «кризис» греческого происхождения. Первое его значение – «разделение», «различение» одного от другого; второе значение – «суд». Показательно, что оба значения подразумевают селективную процедуру, процедуру «отбора» в отношении многообразия некоторых элементов. И по нашему мнению, современная наука действительно вступила в период, когда уже сформировалась «критическая масса» многообразия исследовательских подходов и конкретных гипотез, настоятельно требующего определенной селекции в интересах преодоления наступающего «методологического хаоса». Вопрос, однако, в том, какими должны быть критерии этой селекции.

Процесс формирования указанного многообразия получил отражение в концепции постструктурализма, для сторонников которой многообразие и толерантное к нему отношение являются высшей ценностью и главным методологическим принципом. Показательно, что не только философы, изначально придерживавшиеся вербализованных субъективистских и иррационалистических позиций пришли к этому результату. К такому же итогу в форме «методологического анархизма» П. Фейерабенда пришел и позитивизм, начинавший как претендующее на объективность сугубо сциентистское предприятие и оставшийся таковым вплоть до середины XX в. (в лице неопозитивизма). Первый звонок прозвучал, когда К. Поппер, исходя из постулированной им принципиальной гипотетичности любого знания (принципа фаллибилизма), попытался вообще элиминировать индукцию и верификацию из числа основных познавательных процедур, утверждая, что научное знание (в силу всегда ограниченного характера индукции) можно лишь фальсифицировать, но не подтвердить [2]. Далее Т. Кун вполне в попперовском ключе рассуждал об отсутствии преемственности между старой и новой парадигмами, смена которых не имеет объективных оснований, а имеет скорее основания психологические. И. Лакатос попытался модернизировать «наивный фальсификационизм» Поппера, отметив, что на практике ученые стремятся не опровергнуть, а как раз подтвердить свои теории, входящие в комплексы научно-исследовательских программ, состоящих не только из «жесткого ядра», но и «защитного пояса», стремящегося превратить опровержения программы в ее подтверждения. Однако по-прежнему негативистская интерпретация индукции, утверждение, что рост науки идет в попперовском «третьем мире», отсутствие четких объективных критериев отбора исследовательских программ [3] дали Куну основания причислить самого Лакатоса к иррационалистам [4].

В свою очередь, П. Фейерабэнд довел логику позитивизма и постпозитивизма до постструктуралистского «финала». Он выдвинул принцип *anything goes* («все пойдет»), подразумевающий «упорство» в следовании принимаемой позиции, а также принцип «неограниченной пролиферации гипотез», заявив, что познание «представляет собой увеличивающийся океан взаимно несовместимых... альтернатив», в котором «исследовательские программы погибают не вследствие натиска аргументов, а потому что их защитники гибнут в борьбе за выживание» [5].

Возможно, Фейерабэнд исходил из благих побуждений, привлекая внимание к многообразию научных гипотез и к достижениям вненаучных форм познания (например, к нетрадиционной медицине), он одновременно выступал против негативных и антигуманистических тенденций, которые определенно являются «маркерами» упомянутого кризисного состояния науки конца XX, а затем и начала XXI в. Так, по данным исследований науковедов, 5% современных ученых, причем ученых, наиболее «эффективных экономически», занимаются не производством знания, а производством «презентаций» для грантообразующих организаций, а еще 15% относятся к маргиналам, не производящим практически никакой научно-технической продукции [6]. До 10% данных в такой «прорывной» отрасли, как биомедицинские науки, относятся экспертами к данным фальсифицированным (и, к сожалению, отнюдь не в смысле Поппера) [7]. Все эти факты говорят о необходимости критического отношения к претензиям конкретных теорий на исключительность и сугубую объективность.

Более того, и сама базовая установка научного подхода на объективность в современных условиях модифицируется. Как отмечает В. С. Степин, при формировании постнеклассического типа научной рациональности включение субъекта в ткань познавательных процедур характерно даже для практики естественных наук [8]. Тем более сложной ситуация оказывается в сфере социально-гуманитарных наук, в качестве самостоятельных отраслей

формировавшихся главным образом в период господства неклассической и постнеклассической методологии. В этом случае непосредственно в объект познания входит сам познающий субъект, поэтому объективация здесь неполная и элиминация субъекта здесь недопустима. Объект изучается с ценностных позиций, поэтому объективность социального познания должна включать адекватное понимание мотивов и ценностей людей.

Однако все сказанное о пользе методологической толерантности, об «антидогматической прививке», которую необходимо сделать науке, по мнению сторонников постпозитивизма и постструктурализма (как и всех философских течений, восходящих к И. Канту, стремившегося, как известно, «подрезать корни всякого догматизма»), по нашему мнению, *отнюдь не означает, что социально-гуманитарному познанию следует доходить до потери объекта и методологического хаоса* [9]. Да, объективность современной науки, особенно науки социально-гуманитарной, – эта объективность гораздо более сложная, нежели объективность классического типа научной рациональности, «исключавшей» субъекта из процедуры познания. Однако это все-таки *объективность*. В противном случае упомянутая «антидогматическая прививка» окажется страшнее самой болезни, может привести к *потере научности* современной гуманитаристикой.

На наш взгляд, в адекватное понимание объективности в социально-гуманитарных науках может внести значительный вклад *методологическое требование совмещения* (по аналогии с боровскими принципами *дополнительности* и *соответствия*) в исследовательской деятельности положений двух основных исследовательских программ современной гуманитаристики: «*натуралистической*» и «*культур-центристской*». Специфика этих программ состоит в следующем:

1. Натуралистическая программа утверждает, что социальный мир рационален и может быть уподоблен вещам.

2. Соответственно, ведущее методологическое средство здесь – объяснение социальных фактов как вещей, как тождественных, среднетипичных явлений посредством выявления закономерностей, имеющих общий характер.

В связи с кризисом методологии классической науки натуралистическая программа сама претерпела кризис на рубеже XIX–XX вв., когда культур-центристская программа, открыв новую онтологическую реальность – культуру, указала границы применимости натуралистического подхода; однако в последние десятилетия представители натуралистического подхода вновь существенно активизировались, в частности, в связи с открытиями в социобиологии и нейронауках.

1. Культур-центристская программа утверждает, что социальный мир как минимум не вполне рационален; она открывает культуру как логически первый объект наук о человеке и обществе, уподобляет социальный мир человеку, настаивает на включении в его научную характеристику ценностей субъекта.

2. Соответственно, ведущее методологическое средство здесь – понимание социальных фактов как нетождественных посредством выявления их уникальных смыслов.

Хотелось бы особо подчеркнуть принципиальную совместимость лучших достижений культур-центристской программы с программой натуралистической. На наш взгляд, выполнение этого методологического требования является необходимым, хотя, конечно, и не единственным *критерием селекции, призванной внести в многообразие подходов социально-гуманитарных наук научную определенность*. Действительно, адекватно понятое уникальное всегда можно рассматривать как *ключ к среднетипичному*, и если натуралистическая программа ориентирована на изучение взаимодействия частей «скелета» социальной системы, то культур-центристская – на изучение «мягких тканей» общества [10]. Разумеется, и то и другое важно. В случае игнорирования данного методологического требования совмещения мы и получаем многочисленные исследования, иллюстрирующие, как «одномерность» методологии мешает решению конкретных научных проблем у тех авторов, кто предпочел акцентировать внимание на принципиальной несовместимости парадигм по Куну, а не на конкуренции и взаимном дополнении исследовательских программ по Лакатосу (при учете ограниченностей и его методологии тоже). Однако, к счастью, из этого ряда есть и исключения.

Целью второй части данной статьи является выявление особенностей практического применения методологического принципа совместимости в отношении двух указанных программ в работе исследователей в области социально-гуманитарных наук на материале ряда статей, опубликованных в двух научных журналах: «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» и «Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право» в 2013–2014 гг. Данные журналы выпускаются гуманитарным сообществом двух Пермских вузов, имеющих статус Национальных исследовательских университетов, однако география их авторов выходит далеко за пределы Пермского края и Приволжского федерального округа, включает другие регионы России, ряд стран ближнего и дальнего зарубежья. Это позволяет предположить, что картина публикаций в этих междисциплинарных журналах будет достаточно репрезентативной для оценки современной ситуации в социально-гуманитарных науках в целом.

Органично, не эклектически совмещать, казалось бы, несовместимое – задача очень непростая. Диалектическое удерживание противоположностей с учетом ведущей роли одной из отрицающих друг друга сторон сродни эквилибристике, и к этому талантливому действу не каждый автор оказывается способен. Подчеркнем особо – сказанное отнюдь не значит, что работа в рамках строго определенной исследовательской программы бесплодна. Однако фактом является и то обстоятельство, что в современной междисциплинарной и проблемно-ориентированной науке важнейшие «точки роста» связаны именно с «пограничьем» наук и исследовательских подходов.

Так, в выпуске первом «Вестника Пермского университета. Философия. Психология. Социология» оказалась интересной статья Ю. С. Марковой, выполненная, на наш взгляд, в русле «понимающей социологии» – и, вместе с тем, с привлечением значительного эмпирического материала и математических методов. Автор исследует актуальную проблему формирования ценностей у современного студенчества и исходит из того, что именно ценности, выступая в качестве культурных регуляторов социальной жизни, определяют смысл, стратегию целенаправленной деятельности, внутренне мотивируют личность. По результатам исследования Ю. С. Маркова приходит к обоснованному выводу: несмотря на то, что нормативно-правовое сознание студенчества является достаточно размытым, в целом студенты сохраняют приверженность многим традиционно одобряемым обществом нормам. Вместе с тем ряд других традиционных норм морали пересматривается, демонстрируя тенденцию перехода от отношения порицания, неодобрения к снисходительности, оправданию и принятию... реализация студенческой молодежью своего потенциала направлена в большей степени на частную, приватную сторону жизни – семью и ближайшее социальное окружение, а также на удовлетворение потребностей в сфере труда. Одновременно это служит одной из причин слабой вовлеченности молодых людей в активистскую политическую деятельность и функционирование общественных организаций [11].

Из статей, опубликованных во втором выпуске журнала за текущий год, остановимся на работе волгоградского автора Ф. Н. Нагой, в которой изучаются современная эстетическая ситуация сосуществования классического и неклассического подходов к пониманию эстетического опыта. Для нас важно, что данные подходы фактически рассматриваются автором как в равной степени ценные и дополняющие друг друга. Так, Ф. Н. Нагой отмечает, что традиции этики труда прочно закрепили за игрой роль развлекательной, несерьезной деятельности, хотя в современной ситуации этот подход вряд ли применим, поскольку многие социально-экономические и социокультурные факторы все более стирают грань между работой и отдыхом на основе новой этики – этики игры. Однако не следует забывать о том, что это только одна из точек зрения. Действительно, если игру рассматривать как свободную творческую активность, главными характеристиками ее участников должна стать способность не рисковать, а мыслить творчески и неутилитарно. Важно преодолеть понимание игры как чего-то симулятивно-вторичного, вернув этому понятию в социальном контексте подзабытый смысл, который в него вкладывали ведущие мыслители прошлого. То есть рассматривать игру как творческую способность человека к самостоятельному конструированию некоей реальности. При этом принципиально важно не забывать о нравственных границах всякого подобного конструирования [12].

В третьем выпуске «Вестника Пермского университета» за 2014 г. привлекают внимание две статьи, фактически представляющие формат научной дискуссии, речь идет о работах В. Г. Горбачева и Ю. В. Лоскутова. Первый автор, на наш взгляд, исходит из культур-центристской исследовательской программы, проводя критический анализ достижений советской социальной философии. По его мнению, советская философия не могла полностью обходить стороной тему человека. Но эта проблематика рассматривалась в рамках исторического материализма при осмыслении общих проблем общества и исторического процесса, на фоне массовидных процессов и явлений в обществе [13]. По его мнению, такой подход к познанию человека совершенно неприемлем.

Однако Ю. В. Лоскутов отмечает, что в действительности советская философия была значительно более многогранной, нежели тот ее образ, который рисует брянский исследователь. Пермский автор подчеркивает, что философия советского периода отнюдь не выпадает из общей логики развития отечественной философии. Обращаясь к многочисленным текстам советских философов (В. П. Тугаринова, Г. С. Батищева, З. М. Какабадзе, В. С. Степина и др.), он убедительно доказывает, что в советской философской мысли (в онтологии, гносеологии, социальной философии и т. д.) сохранилась характерная для русской философии ключевая роль философско-антропологической проблематики: советская философия сложилась как система философских наук (и зрелых наук, и только формирующихся), скрепленная прежде всего философско-антропологической проблематикой. Можно спорить о степени особой выделенности советской философской антропологии из других философских дисциплин, но универсальный антропологизм советской марксистской философии как единого целого, по его мнению, бесспорен [14].

Среди статей, опубликованных в последнее время в «Вестнике Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право», в свете рассматриваемой проблематики привлекают особое внимание работы достаточно молодых авторов: В. А. Рыбальченко, С. Р. Динабург, Д. С. Малышевой, О. Ю. Гудошниковой. Но это тем более интересно – ведь именно молодым исследователям, возможно, суждено принимать участие в том теоретико-методологическом синтезе гуманитаристики, о необходимости которого для преодоления разобщенности альтернативных исследовательских программ мы говорили в первой части статьи. Так, в работе В. А. Рыбальченко, посвященной актуальным проблемам фундаментальной естественной науки – физики, мы не найдем фрагментов, «зауженных» под эмпирическую верифицируемость и наукообразие. Здесь не приводятся «голые» формулы, в расчете предсказать какие-либо опасные или счастливые следствия из проработывания этих абстракций. Автор ставит сложнейшую для обыденного восприятия проблему т. н. «темной материи» на конкретном естественнонаучном материале, вместе с тем избегая опасности «обмирщения» философии, нового низведения ее до уровня мифотворчества – будь то научного или вненаучного [15].

Если в работе Рыбальченко основным средством выступает материализм «натуралистической программы», то в работе Д. С. Малышевой начинают играть ведущую роль ценностные ориентации. Однако автор подчеркивает, что «наблюдающий из абсолютного находится здесь» [16], тем самым создавая условия для объединения альтернативных философских подходов. В основе мира лежит абсолютное начало, объективные законы, и дело философа сделать эти законы ясными не только в сугубо научном, но и в общезначимом смысле. Сходных методологических установок придерживается и С. Р. Динабург, характеризующая современную ситуацию в культуре, обществе и науке как требующую синтеза альтернативных подходов. Она отмечает, что постнеклассическое пространное «положение об истине» включает в себе не только знание древней идеи о единстве истины, добра, красоты и здоровья, но и рефлексию о том, что простроенная машина по умножению знаний есть также и машина по умножению печалей, а ясность и простота требуют мужества и титанических усилий [17].

О. Ю. Гудошникова в своем анализе культуры прошлого, настоящего и будущего исходит из концепции универсальности родовой человеческой сущности. По ее мнению, именно тенденция к универсализации человека определяет ход развития художественной культуры от первобытного, примитивного синкретизма, через стадию дифференциации и противопоставления жанров, стилей, элементов художественного сознания – до стадии их синтеза. По ее мнению, именно материальная и духовная культура выступает важнейшим фактором универсализации, «сборки человека» в каждую конкретную историческую эпоху [18].

Подводя итоги нашего исследования, можно прийти к выводу о том, что эмпирический материал, характеризующий особенности применения основных исследовательских программ современными учеными-гуманитариями, свидетельствует, что тенденция к их взаимному дополнению в настоящее время в методологическом отношении является наиболее перспективной. С одной стороны, натуралистическая исследовательская программа может репрезентироваться и на такой объект изучения, как культура. С другой стороны, культур-центристская программа указывает на пределы применимости натурализма не только в социально-гуманитарных науках, но и в естествознании в связи с тем, что факты всегда теоретически выделяются и обрабатываются исследователями в определенном социокультурном контексте. По нашему мнению, выполнение методологического требования соответствия (дополнительности) данных программ может оказаться важным критерием селекции, призванной придать современной гуманитаристике большую научную определенность.

Примечания

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. С. 17.
2. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004.
3. Лакатос И. Доказательства и опровержения (Как доказываются теоремы). М.: Наука, 1967. С. 102–103; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. С. 283–286, С. 376.
4. Кун Т. Замечания на статью И. Лакатоса // Кун Т. Структура научных революций. С. 589–590.
5. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 162, 342.
6. Плюснин Ю. М. Институциональный кризис науки и новые ценностные ориентиры профессионального ученого // Философия науки. 2003. № 2. С. 99–108.
7. Bergman J. Why the epidemic of fraud exists in science today. URL: http://creation.com/science-fraud-epidemic?utm_media=email&utm_source=infobytes&utm_content=intl&utm_campaign=emails (дата обращения: 1.10.2014.)
8. Степин В. С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). URL: <http://philosophy.ru/library/stepin/index.html> (дата обращения: 2.10.2014)
9. Порус В. Н. Цена «гибкой» рациональности (о философии науки Ст. Тулмина) // Философия науки. М.: ИФ РАН, 1999. Вып. 5. С. 241, 244; Татарова Г. Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3–12.
10. Федотова В. Г., Власова В. Б. и др. Социальные знания и социальные изменения. М.: ИФ РАН, 2001. С. 62.
11. Маркова Ю. С. Жизненные ценности современного студенчества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 1(17). С. 163–172.
12. Нагой Ф. Н. Игра как основание классического и неклассического эстетического опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 73–89.
13. Горбачев В. Г. Тема человека в советской философии (особенности подхода) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 33–39.
14. Лоскутов Ю. В. Русская философия советского периода (о статье В. Г. Горбачева) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 40–45.
15. Рыбальченко В. А. К вопросу о едином закономерном мировом процессе и проблеме развития физической формы материи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Сер. Культура. История. Философия. Право. 2013. № 7(44). С. 31–36.
16. Малышева Д. С. Мир как феномен // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Сер. Культура. История. Философия. Право. 2013. № 7(44). С. 65–72.
17. Динабург С. Р. Прологомены к будущей душевной терапии, могущей появиться как наука // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2013. № 7(44). С. 54–64.
18. Гудошникова О. Ю. Древневосточная предфилософия и античная философия о человеке-микросмосе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Сер. Культура. История. Философия. Право. 2013. № 7(44). С. 73–81.

Notes

1. Kun T. *Struktura nauchnyh revolyucij* [Structure of scientific revolutions]. Moscow. AST. 2001. P. 17.
2. Popper K. *Logika nauchnogo issledovaniya* [Logic of scientific research]. Moscow. Respublika. 2004.
3. I. Lakatos *Dokazatel'stva i oproverzheniya (Kak dokazyvayutsya teoremy)* [Proofs and refutations (As theorems are proved)]. Moscow. Nauka. 1967. Pp. 102-103; Lakatos I. *Fal'sifikaciya i metodologiya nauchno issledovatel'skih programm* [Falsification and the methodology of scientific research programs] // Kuhn T. *Struktura nauchnyh revolyucij* [Structure of scientific revolutions]. Pp. 283-286. p. 376.

4. Kun T. *Zamechaniya na stat'yu I. Lakatosa* [Comments on an article of I. Lakatos] // Kun T. *Struktura nauchnyh revolyucij* [Structure of scientific revolutions]. Pp. 589-590.
5. Feyerabend P. *Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya* [Against methodological coercion] // Feyerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* - Selected papers on the methodology of science. Moscow. Progress. 1986. Pp. 162, 342.
6. Plusnin Y. M. *Institucional'nyj krizis nauki i novye cennostnye orientiry professional'nogo uchenogo* [Institutional crisis of science and new values of a professional scientist] // *Filosofiya nauki* - Philosophy of science. 2003, No. 2, pp. 99-108.
7. Bergman J. Why the epidemic of fraud exists in science today. Available at: http://creation.com/science-fraud-epidemic?utm_medium=email&utm_source=infobytes&utm_content=intl&utm_campaign=emails (accessed on 1.10.2014.)
8. Stepin V. C. *Teoreticheskoe znanie (struktura, istoricheskaya ehvolyciya)* [Theoretical knowledge (structure, historical evolution)]. Available at: <http://philosophy.ru/library/stepin/index.html> (date of access: 2.10.2014)
9. Porus V. N. *Cena «gibkoj» racional'nosti (o filosofii nauki St. Tulmina)* [Price of a 'flexible' rationality (about the philosophy of science of St. Toulmin)] // *Filosofiya nauki* - Philosophy of science. Moscow. Institute of philosophy Russian Academy of Sciences. 1999. Vol. 5. Pp. 241, 244; Tatarova G.G. *Metodologicheskaya travma sociologa. K voprosu integracii znaniya* [Methodological injury of a sociologist. To the question of integration of knowledge] // *Sociologicheskie issledovaniya* - Sociological research. 2006, No. 9, pp. 3-12.
10. Fedotova V.G., Vlasova V.B. and others *Social'nye znaniya i social'nye izmeneniya* [Social knowledge and social changes]. Moscow. Institute of philosophy of Russian Academy of Sciences. 2001. P. 62.
11. Markova Y. S. *ZHiznennye cennosti sovremennogo studenchestva* [Life of modern students] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* - Herald of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2014, № 1(17), pp. 163-172.
12. Nagoy F. N. *Igra kak osnovanie klassicheskogo i neklassicheskogo ehsteticheskogo opyta* [Play as the basis of classical and non-classical aesthetic experience] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* - Herald of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2014, № 2(18), pp. 73-89.
13. Gorbachev V.G. *Tema cheloveka v sovetskoj filosofii (osobnosti podhoda)* [Theme of a man in Soviet philosophy (specialties of approach)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* - Herald of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2014, № 3(19), pp. 33-39.
14. Loskutov Y.V. *Russkaya filosofiya sovetskogo perioda (o stat'e V. G. Gorbacheva)* [Russian philosophy of the Soviet period (on the article of V.G. Gorbachev)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* - Herald of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2014, № 3(19), pp. 40-45.
15. Rybalchenko V.A. *K voprosu o edinom zakonomernom mirovom processe i probleme razvitiya fizicheskoy formy materii* [To the question of a unified natural world process and the problem of development of physical forms of matter] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* - Herald of Perm national research Polytechnic University. Ser. Culture. History. Philosophy. Right. 2013, No. 7(44), pp. 31-36.
16. Malysheva D. S. *Mir kak fenomen* [World as a phenomenon] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* - Herald of Perm national research Polytechnic University. Ser. Culture. History. Philosophy. Right. 2013, No. 7(44), pp. 65-72.
17. Dinaburg S. R. *Prolegomeny k budushchej dushevnoj terapii, mogushchej poyavit'sya kak nauka* [Prolegomena to a future of mental therapy that may emerge as a science] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* - Herald of Perm national research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Right. 2013, No. 7(44), pp. 54-64.
18. Gudoshnikova O. Y. *Drevnevostochnaya predfilosofiya i antichnaya filosofiya o cheloveke mikrokosme* [Ancient East pre-philosophy and ancient philosophy of man-microcosm] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* - Herald of Perm national research Polytechnic University. Ser. Culture. History. Philosophy. Right. 2013, No. 7(44), pp. 73-81.

К вопросу о духе, душе и духовности личности

В статье на основе анализа различных концепций выявляется органическое единство духа, души и духовности. Особое внимание уделяется их взаимосвязи, взаимодополняемости и гармонии.

In this article, the organic unity of spirit, soul and spirituality is revealed on the basis of the analysis of various concepts. Particular attention is paid to their relationship, complementarity and harmony.

Ключевые слова: дух, душа, духовность, сознание, гармония, самоорганизация, смысловые ценности, духовная жизнь.

Keywords: spirit, soul, spirituality, consciousness, harmony, self-organization, meaningful values, spiritual life.

Одной из наиболее важных проблем нашего века является вопрос о смысле и цели человеческой жизни. Данная проблема волновала философскую мысль на протяжении многих веков. Она побуждала исследователей к дискуссии о соотношении в человеке материального и духовного, тела и души, физического и психического, служила стимулом для рассмотрения понятий «дух», «душа», «духовность». Так, например, Н. А. Бердяев, защищая идеи экзистенциализма и говоря о примате свободы над бытием, об откровении бытия через (богоподобного) человека, исследует духовный мир человека. Он отмечает, что «экономический человек преходящий. И вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека... она неизбежно есть проблема новой душевной структуры человека, проблема нового человека. Новая душевная структура предполагает духовное перевоспитание человека» [1]. Данное высказывание философа совпадает с характеристикой нынешней ситуации в России, идеей Н. А. Бердяева о том, что экономические проблемы невозможно решить без смены духовных парадигм, духовные процессы играют существенную роль в жизни личности и социума в целом.

В отличие от Н. А. Бердяева, который больше интересовался проблемами политики, другой русский ученый, С. Л. Франк, особое внимание уделяет вопросам духа, души, внутреннего мира человека.

Многие идеи С. Л. Франка также перекликаются с современной ситуацией в России. Так, например, он подчеркивает: «И среди этого всеобщего смятения и маразма, как мало признаков духовного осмысления жизни и стремления к подлинному духовному возрождению! Когда теперь мы, русские, материально и духовно обнищавшие, все потерявшие в жизни, ищем поучения и осмысления у вождей европейской мысли...» [2]

Говоря о душе, философ частично сводит ее к психологическим состояниям. При этом, рассматривая проблему о «свободной правдивости духа», он пишет: «Можно искалечить человеческий дух, можно внешне властвовать над ним; но внутренне поработить его нельзя, даже если его носитель сознательно согласится на это» [3].

Критикуя учение Лейбница о монадах и его представления о том, что душа замкнута телом, С. Л. Франк пишет: «"Душа" и в направлении "вовнутрь" или "вглубь" именно не заперта, а, напротив, открыта. "Душа" не только в себе самой, в своей собственной стихии, т. е. в своей субъективности, безгранична и потенциально бесконечна, но ее бесконечность вместе с тем такова, что в своем глубинном слое душа, как бы выходя за пределы самой себя, соприкасается с чем-то иным, чем она сама... В этом и заключается трансцендирование вовнутрь» [4].

С нашей точки зрения, следует согласиться с мнением ученого о том, что «еще доселе никому не удалось определить различие между "духом" и "душой" столь ясно и однозначно, чтобы этим установлены были бы точные границы между этими двумя областями. Где, собственно, "кончается" "душа" и начинается область "духа"? ...Есть ли "дух" нечто, что надлежит ко мне, к моей собственной внутренней жизни, как имманентная часть последней, или же он

в отношении меня нечто численно иное, другое – т. е. нечто мне трансцендентное? Имею ли я сам “дух” в том смысле, что я сам есмь дух (а не только “душа”), или я имею дух так, что я имею к нему как к внешней в отношении “меня”, т. е. моей “души”, реальности? Принадлежит ли “дух” ко мне, или он только принадлежит мне наподобие всего другого, чему я могу быть только причастен? Или... то и другое имеет силу одновременно, что я имею, с одной стороны, начало “духа” как элемент моей душевной жизни и, с другой стороны, через него соприкасаюсь с духовными реальностями, выходящими за пределы своего “я»? [5]. В процессе решения поставленных вопросов, говоря, что между духом и душой нет четкой грани, он обосновывает их непрерывный переход друг в друга. По его мнению, соотношение между ними есть «трансрациональность» и подчинено принципу «антиномистического монодуализма – единству раздельности и взаимопроникновения» [6]. Уточняя проблему об отношении духа к душе, он подчеркивает, что дух и трансцендентен, и имманентен душе.

Идее С. Л. Франка об отсутствии четкой грани между духом и душой частично соответствует концепция К. Юнга о душе. Так, например, К. Юнг пишет: «Знание о сущности души для нас невозможно, по крайней мере, с помощью доступных нам в настоящее время средств» [7]. И далее он продолжает: «Мы говорим, что дух есть принцип, противостоящий материи. Под этим мы понимаем имматериальную субстанцию или экзистенцию, которая на высшем и наиболее универсальном уровне называется “Богом”... В противовес этой точке зрения имеется антитеза: дух и природа. Это понятие духа избавлено от сверхъестественного или антиприродного и теряет субстанциальную связь с психикой и жизнью» [8].

Однако в то же время К. Г. Юнг пишет: «Отличительными признаками духа являются: во-первых, принцип спонтанного движения и деятельности; во-вторых, стихийная способность продуцировать образы независимо от чувственного восприятия; в-третьих, автономное и независимое манипулирование этими образами» [9]. Вместе с тем он подчеркивает: «Душа является жизненным началом в человеке, тем, что живет из самого себя и вызывает жизнь. Затем вдвухает бог Адаму дыхание жизни, чтобы он стал душой живою... Чтобы возникшая жизнь не исчезла, душа убеждает ее в самых невероятных вещах...» [10]

В отличие от души, по мнению К. Г. Юнга, дух «обозначает сумму всех проявлений рациональной мысли, или интеллекта, включая волю, память, воображение, творческую силу и стремления, мотивированные идеалами» [11].

Говоря о сходстве и различии души и духа ученый говорит: «душа является духом», а «дух всегда является активной, крылатой и подвижной сущностью», динамическим принципом, составляющим «антитезис материи – антитезис ее статичности и инертности» [12].

Исходя из своих этимологических исследований К. Г. Юнг сделал заключение, что древняя атмосфера, обусловленная понятием «дух», живет в нас и поныне в психике, «лежащей ниже сознания», но временами выходит и на поверхность. Как видим, К. Г. Юнг исследует дух и душу в психологическом плане, часто сводя эти феномены к многообразным формам психики.

Таким образом, К. Г. Юнг исследует дух и душу в системе сознания. Вместе с тем он не полностью отрицает религиозное понимание духа и души, ибо в его учении содержатся ссылки к Священному Писанию. Это свидетельствует о том, что ученый иногда отклоняется от психологической науки, и утверждает, что дух временами проявляет своеобразную автономную жизнь, которая воспринимается как жизнь суверенного от нас существа. Но в целом мыслитель разработал научную концепцию духа и души.

Несколько сходную с учением К. Г. Юнга концепцию о духе разработал Д. Сантаяна, который отмечает: «Дух – это сознательность, свойственная животным, открывающая мир и их самих в нем. Другими названиями духа являются сознание, внимание, чувство, мысль» [13]. Как видим, ученый отождествляет дух и сознание.

Подобные взгляды с концепцией Д. Сантаяна развивают и другие исследователи. Так, например, А. Лосев дает духу следующее определение: «Дух – совокупность и средоточие всех функций сознания, возникающих как отражение действительности, но сконцентрированных в единой индивидуальности, как орудие сознательной ориентации в действительности для воздействия на нее и в конце концов для ее переделывания... он – активно действующая сила человека» [14]. Исходя из этого, разъясняется, что дух возникает только как явление вторичное в сравнении с действительностью, воздействуя, однако, на нее и через общественную практику переделывания ее, без чего невозможна и сама история. Представ-

ляется, что А. Лосев трактует дух как понятие, выражающее невещественное начало, но производное от материального и преобразующее реальную действительность.

Говоря о духе, Б. Петерсоне пишет: «Дух странствует не в одиночестве, его спутник – человек. Возможность человеческого обращения к духу одновременно есть и единственная возможность бытия самого духа, ибо только глазами человека смотрит дух на мир и на себя» [15]. В своих трудах автор пытается выявить неразрывную связь духа с человеком.

Некоторые ученые утверждают, что дух – это «способность человека, позволяющая ему стать источником смыслополагания, личностного самоопределения, осмысленного преобразования действительности, играющая роль руководящего и сосредоточивающего принципа для других способностей души» [16]. Такой взгляд связан с научным подходом, состоящим в понимании духа и души как взаимосвязанных форм психической деятельности.

Следует отметить, что понятие «духовность» в философской литературе также получило самые разнообразные дефиниции: духовность как форма бытия индивида, как «поиск альтернатив» [17], а также как осмысление духовности, которое намечает совершенные духовные потребности, осознание чувства прекрасного и безобразного и которое противопоставляется бездуховному и т. д.

Представляется, что вышеприведенные феномены человеческой жизни, безусловно, связаны с духовностью, но каждый из них выявляет лишь один аспект данного феномена в человеческой жизни. При этом остается не раскрытым в духовности самое главное, связанное с сущностью человека, смыслом его жизни, его идеалами. Подобными чертами характеризуются и некоторые другие дефиниции духовности.

Отдельные мыслители духовность связывают с отношением человека к самому себе в комплексе духовных отношений. В этом плане, с нашей точки зрения, более глубокое и всестороннее определение духовности дала Л. П. Буева, которая считает, что область духовности шире и богаче по содержанию области рациональности, что духовность также невозможно распознавать как культуру переживаний и чувственно-волевого изучения мира личностью, хотя и без этого духовность как атрибут человека и как характеристика его культуры не существует. Ученый раскрывает следующие особенности духовности, связанные с решением личностью смысловых проблем: «...кто я; зачем пришел в этот мир; каково мое место в этом мире; каков смысл моей жизни; на основании каких ценностей я делаю выбор жизненного пути; по каким критериям и как возможно усовершенствование моей личности, обретение духовной культуры; что такое духовно богатая личность?» [18]

Подобную концепцию в духовности развивает также Э. Фромм. По его мнению, человека как разумное существо нуждается в формировании представления о себе, в том, чтобы сказать и ощутить: «Я – это Я». Согласно Э. Фромму духовность связана с тем, что личность действует нормально только тогда, когда насыщаются не только ее материальные потребности, дающие возможность физиологического выживания, но и такие своеобразные потребности, как нежность, радость, любовь и т. д. [19]

Можно было бы проанализировать и другие концепции о проблеме духа, души и духовности. Но в рамках данной статьи невозможно рассмотреть все концепции, ибо это требует специального и самостоятельного исследования. Однако и проанализированных взглядов достаточно для вывода о том, что исследуемая тема относится к числу чрезвычайно сложных и слабо исследованных проблем. В современной литературе еще нет целостной концепции о духе, душе и духовности. С нашей точки зрения, дух – это своего рода предрасположенность человека к духовности. Он является главной способностью индивида, санкционирующей ему стать ключом смыслополагания, индивидуального самоопределения разумного изменения объективной реальности, а также раскрывающей осуществимость пополнить природную базу личностного и социального бытия сферой духовных ценностей. Представляется, что дух исполняет роль управляющего принципа для многообразных способностей души. При этом в отличие от души дух акцентирует внимание на справедливой значимости своей природы и его относительной автономности от различных экспансивных переживаний. Вместе с тем в отличие от психики человека дух регистрирует не столько расстояние между феноменальным Я и его эмпирическим наполнением, сколько их оживленную взаимосвязь.

С нашей точки зрения, душа – это совокупность неразрывно связанных физиологических процессов мозга и внутреннего психического мира человека. Выявление духа – духовности и проявление души – душевности являются деятельностью, процессом. Поэтому ду-

ховность как обнаружение духа выступает активным участником в жизнедеятельности индивида. У развитой личности дух и душа достигают соразмерного совершенствования на основе органического единства, постоянного взаимодополнения и укрепления. Представляется, что гармония взаимосвязи и души и духа является истинной духовностью, когда немислимо исследовать душу и дух отдельно. С нашей точки зрения, подобная гармония этих феноменов есть высший уровень развития человечности и духовности.

Духовность представляет собой феномен, присущий органическому миру человека. Она выражает специфические особенности человеческой организации психики, ее внутреннюю целостность, сущность, механизмы человеческой самоорганизации и самоопределения. Духовность есть система смысловых ценностей бытия, которая изучена и принята человеком, группой, народом, показатель существования определенной иерархии ценностей и смыслов.

Духовность человека представляет собой синтез его представлений, верований, убеждений, систему ценностных ориентации. Данный феномен нельзя сводить к религиозности или к морали, ибо он есть система взглядов человека на весь окружающий мир, осмысление своего положения в этом мире. Основная суть духовности личности – стремление к гармонии в собственной душе. При этом духовность личности связана с ориентацией ее души, это ее внутренний мир, включающий конкретные жизненные ориентации, потребности, идеалы, убеждения. В отличие от этого душевность связана с внешним аспектом жизни индивида и проявляется в процессе коммуникации с другими людьми, в котором существенны умения сопереживать, его способности к речевому выражению своих внутренних чувств. Вместе с тем духовность и душевность часто не совпадают. Нередко духовно богатый человек проявляет бездушие по отношению к другим людям. В связи с этим следует также отметить, что духовность есть способность человека создавать свой, особый внутренний мир, относительно независимый от окружающего мира.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что духовность – это органический мир личности, который связан с разрешением вопросов смысла жизни, с пониманием своего Я, своего отношения к миру в целом и к другим людям. Вместе с тем дух и душа играют существенную роль в организации духовности, которая проявляется в ориентации человека, в аспектах творческого озарения, интуиции. Представляется, что духовность индивида не только обуславливает его действия, практику общения с другими людьми, жизненную точку зрения, но и проявляет воздействие на духовную жизнь общества. При этом духовная жизнь социума не остается пассивной, ибо она, в свою очередь, не только проявляет воздействие на сознание человека, но и играет доминирующую роль в формировании духовности человека. Представляется, что духовная жизнь – это сложная подсистема социальной жизни, связанная, с одной стороны, с формированием духовности личности, а с другой – с существованием человека, так как он представляет собой ее субъекта, олицетворяющего духовную деятельность, отражающего и преобразующего природный и общественный мир в соответствии с его понятиями и знаниями, умениями и навыками. Поэтому духовность – это результат целенаправленных усилий духовной жизни общества и личности по изменению себя, их стремление соответствовать тому образцу развития, который содержится в идеале.

Примечания

1. Бердяев Н. Л. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 151.
2. См.: Франк С. Л. Сочинение. М., 1990. С. 136.
3. Там же. С. 132.
4. Там же. С. 391
5. См.: Там же. С. 401.
6. Там же. С. 391.
7. См.: Юнг К. Г. Душа и миф... М.; Киев: Порт-Рояль – Совершенство, 1997. С. 208.
8. Там же. С. 289.
9. Там же. С. 294.
10. См.: Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного. // Вопросы философии. 1988. №1. С. 144.
11. См.: Юнг К. Г. Душа и миф... С. 290–291.
12. Там же. С. 282–283.
13. Santajana G. Realism of being. N. Y., 1959. P. 569.
14. Философская энциклопедия. М.: Мысль, 2005. Т. 2. С. 82.

15. Петерсоне Б. Человек и духовность. Рига, 1990. С. 35.
16. The new philosophical: in 4 v. V. I. M.: Mysl, 2010. P. 206.
17. Дух и космос: культура и наука пути к нетрадиционному миропониманию: тез. докл. 28–30 сент. 1992 г. / ред.-сост.: А. В. Тягло и др.; Харьк. гос. ун-т и др. Харьков, 1992. С. 9, 10, 15.
18. Духовность, художественное творчество, нравственность: (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 4.
19. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 322.

Notes

1. Berdyaev N. L. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origins and meaning of Russian communism]. Moscow. Nauka. 1990. P. 151.
2. See: Frank S. L. *Sochinenie* [Composition]. Moscow. 1990. P. 136.
3. Ibid. P. 132.
4. Ibid. P. 391
5. See: Ibid. P. 401.
6. Ibid. P. 391.
7. See: Jung K.G. *Dusha i mif...* [Soul and myth...] Moscow; Kiev. Port-Royal – Excellence. 1997. P. 208.
8. Ibid. P. 289.
9. Ibid. P. 294.
10. See: Jung K.G. *Ob arhetipah kollektivnogo bessoznatel'nogo* [Archetypes and the collective unconscious]. // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 1988, No. 1, p. 144.
11. See: Jung K.G. *Dusha i mif...* [Soul and myth...] Pp. 290-291.
12. Ibid. Pp. 282-283.
13. Santajana G. Realism of being. N. Y., 1959. P. 569.
14. Encyclopedia of philosophy. Moscow. Mysl'. 2005. Vol. 2. P. 82.
15. Petersone B. *CHelovek i duhovnost'* [Man and spirituality]. Riga. 1990. P. 35.
16. The new philosophical: in 4 v. V. I. M.: Mysl, 2010. P. 206.
17. *Duh i kosmos: kul'tura i nauka puti k netradicionnomu miroponimaniyu: tez. dokl. 28–30 sent. 1992 g.* - Spirit and cosmos: culture and science is the way to unconventional outlook: proc. of report 28-30 Sept. 1992 / Ed. comp.: A. V. Tyaglo and others; Kharkov State University and others. Kharkov. 1992. Pp. 9, 10, 15.
18. Spirituality, art, morality: (materials of the round table) // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 1996, No. 2, p. 4. (in Russ.)
19. Fromm E. *Psihoanaliz i ehtika* [Psychoanalysis and ethics]. Moscow. 1993. P. 322.

УДК 1(091)

С. Г. Гутова

Историософия Вл. Соловьева: мистическое и рациональное в учении о богочеловечестве

В статье рассматривается историософия В. С. Соловьева как результат философского синтеза, где развернуто и последовательно представлена его основная идея всеединства. Осуществляется анализ историософских взглядов русского мыслителя, в центре которых оказывается концепция Богочеловечества, ориентированная на нравственно-практическую область, охватывающую все сферы человеческого бытия. Показаны философские истоки мистического и рационального в творчестве Соловьева. В работе анализируется синтез различных методологий, используемых русским мыслителем для выявления сущности исторического процесса, цель которого состоит в духовно-культурном становлении человечества как целостности. Понятие исторического прогресса анализируется в тесной взаимосвязи с нравственным совершенствованием человеческой личности. Рассматривается значение Софии в становлении единства идеального и материального, божественного и человеческого, ее роль в историческом развитии.

The article considers historiosophy of Vladimir Soloviev as a result of philosophical synthesis, where deployed and consistently is presented its basic idea of allunity. The paper examines the views of the thinker, where the focus is the concept of Godmanhood. This concept is oriented to practical and moral area, covering all spheres of human existence. Were revealed the origins of mystical and rational in creativity Soloviev. This

paper discusses the synthesis of the various methodologies used by Russian thinker for detecting the essence of the historical process, purpose of which is the spiritual and cultural in becoming of the human as a whole. The notion of historical progress is analyzed in close connection with the moral perfection of the human person. The article considers the value of Sofia in becoming unity of ideal and material, divine and human, and its role in the historical development.

Ключевые слова: историософия, Богочеловечество, всеединство, мистицизм, рационализм, нравственное совершенствование, София, сущность человека.

Keywords: historiosophy, Godmanhood, allunity, mysticism, rationalism, moral perfection, Sofia, essence of man.

Социальная антропология и историософия классического для Западной Европы образца, несмотря на ярко выраженный антидогматический и антиклерикальный характер, вырастает из глубин христианского миропонимания. Но в определенных культурно-исторических обстоятельствах это генетическое родство существенно затемняется той тенденцией к десакрализации и демифологизации миросистемного видения, которую Фридрих Ницше в свое время емко обозначил как «смерть Бога».

Подобное родство, в частности, выявлял С. Н. Булгаков в работе «Апокалиптика и социализм», сопоставляя мотивы древних иудейских пророчеств и эволюционной социологии XIX в.: «Употребление будущего времени одинаково по отношению к событиям как прошлым, так и настоящим и будущим в известной общей перспективе имеет задачей раскрыть их внутреннюю необходимость, их объективно-религиозную закономерность, в свете которой они все изображаются как связные звенья одной причинной цепи. Это совершенно та же самая задача, которую ставит себе и современная “социология”, притязаящая закономерно объяснять прошлое и предсказывать будущее. О. Конт и К. Маркс подают в этом руку древним анонимным апокалиптикам» [1].

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) именно в этом ключе утверждает внутреннее смысловое родство христианской модели миропонимания с социально-историческими воззрениями О. Конта: «Великая заслуга безбожника и нехристя Конта перед современным христианским миром не ограничивается тем, что он во главу угла своей “позитивной религии” взял ту основную сторону Богочеловечества, забвение которой так много вредило правильному развитию религиозного сознания. Кроме этого, определяя состав и пути деятельности Великого Существа, Конт очень близко – ближе многих верующих – подошел к другой, завершительной истине христианства...» [2]

Основные смысловые мотивы философии всеединства Владимира Соловьева аккумулируются в его учении о Богочеловечестве. Если полагать ведущим стимулом его философствования разработку теоретических основ и практического руководства для осуществления всемирной миссии христианской культуры, то становится понятным особое значение идеи Богочеловечества, которое представляет собой завершение целостного учения Соловьева.

Если в онтологии и гносеологии русского философа характер данной идеи представлен чисто теоретическим постулатом, то в историософских исследованиях он выходит в плоскость практическую, охватывающую социальные, культурные, политические преобразования человечества. Это подтверждается тем центральным местом, которое занимают в его наследии «Чтения о Богочеловечестве», изданные в «классический» период его творчества (1877–1881). И самые поздние его работы – «Теоретическая философия» (1897–1899) и «Оправдание добра» (1899) – уделяют существенное внимание практическим аспектам его системы. Так, «Теоретическая философия» открывается разделом о нравственном значении философии, что убедительно доказывает особое отношение русского мыслителя к преобразованию мира и человека.

В понимании этической значимости своих идей философ находился на пересечении двух мировоззренческих течений: философской мистики вообще и собственно русской религиозно-философской традиции. В результате концепция Богочеловечества также оказывается в точке пересечения различных духовных традиций. Идея Богочеловечества с ее историософским, культурологическим, этическим и эсхатологическим потенциалом представляет собой одну из наиболее фундаментальных догматически закрепленных идей христианства, и даже более того – самую суть христианского вероисповедания.

В мистической философии данная идея представлена с двойственных позиций, так как, во-первых, она является символом внутреннего единства Бога и человека, а с другой стороны, выступает как апокалиптический символ, указывающий человеку на ограниченность его бытия, но при этом дающий ему надежду, поскольку человеческая сущность не только имманентна, но и трансцендентна.

Концепция Богочеловечества В. Соловьева, которая органично включена в систему всеединства, была представлена во многих отечественных философских учениях. С одной стороны, она уходит своими корнями в традиции общехристианской мистики, с другой – опирается на социальную идею соборности (как общечеловеческого подобия божественному совершенству), заложенную А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским и другими ранними славянофилами. Характерной чертой христианской мистической традиции является наличие в качестве основного элемента философского мышления мифологемы как наглядно-образного и символического представления основных смысловых данных мистического философствования. Так, к примеру, в центре мистической историософии христианства находится миф о Христе как носителе Богочеловечества в его конкретно-воплощенной форме [3].

Владимир Соловьев в той мере, в которой он опирается на христианский мистицизм, наследует этот способ и стиль историософского и социального мышления. В то же время по ряду вопросов философ словно не замечает прямого следования уже сложившейся философской традиции. Оставаясь в рамках традиционного рационализма (это как раз касается историософии и учения о Богочеловечестве, представленных в его творчестве в рационально-схематической форме), он испытывает убежденность в том, что дискурсивные и внутренне непротиворечивые формы мысли соответствуют самим законам и логике мироздания, а потому могут быть воспроизведены в реальности, не утрачивая своего внутреннего смысла.

С другой стороны, Владимир Соловьев в отличие от других создателей социально-утопических концепций не стремится к детальному прописыванию разработанных им схем, как и механизмов их конкретной социально-инженерной реализации. В то же время аналогом такого механизма можно считать идею Вселенской Церкви. Но в практических аспектах ее реализации философ достаточно быстро разочаровался, и в результате данная идея осталась чисто теоретической разработкой.

Анализ учения Соловьева о Богочеловечестве может быть предпринят с двух «сходящихся» позиций: первая – нравственное обоснование Богочеловечества, вторая – его антропологическая основа. Что касается первого из двух направлений, то здесь необходимость нравственной философии обнаруживается в придании метафизического смысла особому характеру человеческой деятельности. По мнению Соловьева, ее особенность состоит в том, что всякий отдельный акт человека, совершаемый им сознательно, сопровождается обязательным выбором. Таким образом, выбор и есть основной акт деятельности, и в конечном итоге – это выбор между добром и злом. Понимая, что этический смысл поступка обнаруживается только постфактум, он полагает, что этическая философия способна воздействовать на индивида, прививая ему истинное понимание сущности совершаемого действия с точки зрения постулатов этики.

Из этого следует, что единственный предел, положенный совершенствованию человека, – это беспредельность божественного совершенства, где фиксация смысла нравственности осуществляется в контексте концепции всеединства. Далее следует его рационально-практическое раскрытие. Соловьев выдвигает три условия достижения предельной цели. Первое – это признание нравственных условий для соединения духа с Богом; второе – представление самого соединения как процесса постепенного; и наконец, то, что высшее духовное совершенство не отменяет внешнего «благочестия» и соблюдения норм морали. Здесь присутствует триединство моментов нравственного восхождения: познавательного, деятельного и социального (в последнем случае философ берет за образец не реальную общественную мораль, а ее идеальное качество).

Процесс нравственного восхождения в понимании Соловьева близок по духу христианскому аскетизму. При этом философ отвергает его крайние проявления, считая их чуждыми христианским традициям отношения к плоти и телу. Он акцентирует внимание не столько на «умерщвлении плоти», сколько на безусловном подчинении телесного начала духовному: «Принцип аскетизма есть принцип духовного самосохранения, так как преобладание духа над плотью необходимо для сохранения нравственного достоинства человека» [4]. И в этом русский философ следует традиционному для европейской философии принципу «золотой середины»: плотское не отверга-

ется и не подавляется полностью, а скорее вводится в разумные пределы, так как разум осуществляет контроль за аффектами и порывами телесной природы человека. Таким образом, в «положительном» человек должен приблизиться к своей истинной природе, отказываясь от естественных желаний и подавляя их аффектацию. Взамен человек получает возможность и способность обрести себя и своего Бога. Общая цель этой нравственно-мистической духовной практики – «установление совершенствующейся связи между нашей жизнью и совершенным добром» [5].

Такое достаточно абстрактное изложение нравственных принципов всеединства у Владимира Соловьева компенсируется требованием нравственной свободы как необходимого условия достижения нравственного совершенства и возможности вступления в мир идеальных сущностей. Мистическое содержание этой концепции скорее обнаруживается в ее онтологическом субстрате (когда речь идет об онтологическом статусе Добра и Блага) и в ее связи с общими основаниями учения о Богочеловечестве, одним из важнейших условий к которому она и является. А основанием для этого служит утверждение не только личного характера восхождения к духовному и нравственному совершенству, но и его всечеловеческого и даже космического характера. В этом утверждении содержатся основные темы Богочеловечества – онтологическая, логико-диалектическая, антропологическая и софийная. Более того, становится ясным, что действительно полнота и завершенность человеческой личности мыслятся Соловьевым прежде всего как завершенность всечеловеческой личности – «универсального и индивидуального существа». Но ее судьба зависит от судьбы каждой личности, свободно вставшей на путь Богочеловеческого восхождения.

Если следовать логике Владимира Соловьева, то концепция Богочеловечества представляет собой своего рода кульминацию всеединства в его последовательном философском раскрытии и, следовательно, предполагает особый тип историософского мышления, разрабатываемый философом. Анализ данной историософской модели приводит к выводу о влиянии на нее как традиционных установок христианского вероучения, так и идеи прогресса как феномена внецерковной европейской духовности. Вместе с тем в этой концептуальной части философии всеединства обнаруживаются специфические мотивы русской историософской мысли, начиная с П. Я. Чаадаева и ранних славянофилов и заканчивая писателями-современниками Соловьева. Соответственно этим многообразным влияниям, исторический процесс у Владимира Соловьева осмысливается в различных парадигмах: в традиционном для христианства противопоставлении Царства Кесаря и Царства Духа (Града Божьего, Церкви), при этом сущностно история предстает как двуединый процесс материально-духовного становления человечества с постепенным преобладанием духовного начала.

Схема истории, предложенная Соловьевым, связана с осмыслением исторической проблематики через призму самой социальности в ее изменчивых и инвариантных формах, характерных для классической мысли Нового времени. Здесь также присутствует историософская тема – усмотрение сущности исторического в духовно-культурном становлении человеческого как целостности.

Рассматривая концептуальную сторону данного синтеза различных методологий видения истории, можно выделить несколько основополагающих моментов и, прежде всего, саму принципиальную направленность историософской схематики у Соловьева. Очевидно, что он стремится представить историю человечества с точки зрения трансцендентно-имманентного смысла, что само по себе вполне укладывается в русло мистико-религиозной перспективы историософии. С другой стороны, собственно сущностный смысл истории выводится им через объективные законы исторического развития социума, то есть в прямом соответствии с рационалистической ориентацией на познание природы, общества и человека в обобщающих закономерностях их истории (естественной, социальной, антропологической). Помимо этого в перспективу соловьевской историософии вплетены чуждые «позитивному» историзму мотивы этического, эстетического и религиозно-антропологического рода.

Такая синкретическая матрица исторического познания соответствует общим принципам философии Владимира Соловьева, но противоречит духу строгой науки истории и монистическому схематизму исторического мышления XIX в. Однако в некоторых отношениях она предвосхищает методологический поиск социальной мысли XX в., связанный с ликвидацией монополии монистического понимания истории, с принципом «осевого» видения социально-исторического процесса. Хотя у Соловьева эта многоуровневость постижения истории не отменяет единой ее линии, выведенной в соответствии с установками христианской версии всеединства.

Со стороны своих «предельных параметров» историософия в системе всеединства связана с онтологическими и гносеологическими ее определениями. Логика истории вытекает из логики космогонического процесса: хотя история всегда есть история человечества, историческое становление само по себе присуще и космосу и природе. В этом вопросе Соловьев престоупает догмат об одномоментном творении бытия Богом. Человеческая история есть лишь этап истории космической, истории взаимоотношений бытия и сущего. Но этот этап рассматривается им как важнейший, так как в человеке заложена потенция реализации божественного плана мироздания. Поэтому человечество у Владимира Сергеевича есть в то же время и София – «энтелехия мироздания».

Второй метафизический момент истории – реализация сущностной потенции человечества, становление сверхчеловеческой актуальности Богочеловечества. Как начальный, так и завершающий моменты истории связаны с преобразованием человеческой природы: первый (грехопадение) привел человека к подчиненности обособившемуся материально-природному, второй – полагает собственно человеческим прошлым, возвращая человеку цельность бытийственного и абсолютного. Все поле истории оказывается процессом становления и раскрытия «внутреннего человека».

Первично эта мысль раскрывается Соловьевым в истории Церкви (для него – высшего воплощения человеческой самости в единстве уникально-личностного и сверхиндивидуального). Этот момент истории философ связывает со становлением религиозного сознания: от уровня «материальных» религий (язычество) через религии «ничто» (буддизм) до христианства в основных фазах его развития. Собственно мировая история начинается с воплощения Христа (под мировой историей понимается умопостижаемое единство исторического действия, субъектом которого является все человечество). Но общий ход совершается в двух основных направлениях: движение к Христу и от него – к Вселенской Церкви, которая есть «человечество, воссоединенное со своим божественным началом посредством Иисуса Христа» [6].

Первый факт Богочеловечества дан в Христе и во всех его проявлениях: «В благодати таинств, в церкви как святыне и святилище, как реально-мистическом теле Христовом» [7]. Второй момент становления Богочеловечества – свободная всесторонняя деятельность человека, обращенная к Богу. Связь с богом не уничтожает человеческую действительность, а, напротив, предполагает свободное стремление, в котором божественная истина соотнобразывается с человеческой природой. Третий момент представляет собой завершающую цель рассмотренного историософского процесса и его подлинную сущность: это окончательный вид Богочеловечества, «полное соответствие всей внешней действительности внутреннему началу истинной жизни» [8]. Изначально он дается как внешний факт (трансцендентное творчество Отца), затем проводится через человека как живая действительность (воплощение Христа в человеческом теле).

Данная концепция духовно-религиозного становления рассматривает историю как процесс взаимодействия абсолютного и человеческого в различных типах связей между ними. Эта схема раскрывается в троичной динамике социального становления всеединства. Христианский мир (или вселенская церковь в возрастании ее космического значения) развивается как троякое богочеловеческое соединение. Первичным его видом является церковная общность, или священное право социальности; затем – царское, находящее выражение в истории христианской государственности; и пророческое, пока еще не достигнутое, но полагающееся общим социально-духовным прогрессом истории. Его выражением будет служить просветленная социальность всемирной теократии, или Вселенская Церковь. Мировая теократия – воплощение истины как истинно-сущего. Следовательно, троичность социального становления осмыслена Владимиром Соловьевым с позиций последовательного раскрытия всеединства во всех сферах бытия – от трансцендентно-божественных до социально-политических. По своему существу и замыслу историософия в версии Соловьева есть апогей всеединства, его окончательное теоретическое раскрытие, переходящее уже на уровень перспективно-практического указания.

Логика духовно-мирового процесса представляется Соловьеву через раскрытие всеединства как всеобщего космогонического процесса иерархического становления космоса от его идеально-всеобщих определений в абсолютно сущем до конкретности и многообразия земного бытия. Вхождение в божественное мироздание человека приводит к стимулирующему кризису грехопадения, которое дает относительную обособленность всему тварному

бытию. Эта относительность проявляется, прежде всего, в свершении исторического процесса, который трактуется двойственно: внешне-историческое развитие диалектически сопряжено с внутренне-духовным становлением.

Раскрытие подлинного единства Бога и мира совершается именно в духовной сфере исторического – в самодвижении религиозного, метафизического и научно-практического познания. «Свободная теософия», по замыслу Владимира Сергеевича, позволяет синтезировать эти исторически расходящиеся магистрали познания, созидая тем самым «совершенное знание» как выявление реально-мистического характера актуального всеединства во всех сферах и формах бытия. «Совершенное знание», в свою очередь, дает основу совершенной практики – общечеловеческой культивации социально-исторического опыта и свободной, просветленной нравственности. Здесь особо подчеркивается кардинальное значение духовно-религиозного компонента: историческое самораскрытие человечества немислимо без созидания нравственно-религиозного фундамента «свободной мировой теократии», которое представляется как идеально-реальное сообщество свободных личностей, объединенных не внешне-социальными связями (групповыми и индивидуальными интересами утилитарного характера), а осознанным духовным единством с каждым из сочленов, равно как и с всеединной божественной сущностью.

Этот процесс носит софийный характер, так как на каждом его этапе тот или иной аспект Софии является основой и провиденциальной предзаданностью воссоединения с абсолютно сущим. София, таким образом, и есть предвечно осуществленная субстанциальная связь идеального, материального и абсолютного, а также энергия осуществления такой связи. Она есть и космический порядок, и двуединство человека, его «эмпирически конкретная» самосущность, и, одновременно, вселенская сверхличность; Христос идеальный и Христос воплощенный; Церковь Вселенская и историческая церковь-община. В конечном же итоге она суть само Богочеловечество, представленное как сочетание совершенного духовного и просветленного материального. В то же время София раскрывается нам как единство цельного знания и сознания. Таким образом, можно проследить, как София пронизывает собой саму философию всеединства, делая ее инструментом теоретического и нравственно исторического раскрытия всеединства в его историческом и космическом аспектах.

Такой апофеоз всеединства в историософии Богочеловечества представляет собой вершину синкретического метода Соловьева: здесь содержание и цель (т. е. трансцендентно-имманентный смысл истории) – суть и откровение, и мистическая интуиция одновременно, а распределение этого смысла в пространстве его исторического осуществления производится благодаря диалектике мифо-символического и рационального выявления содержания исторических эпох.

Таким образом, в последующей отечественной религиозно-философской традиции можно обнаружить, что именно эта концепция Соловьева неоднократно становилась предметом критики. В. В. Зеньковский, к примеру, так охарактеризовал соловьевскую идею Богочеловечества: «...Соловьев не сумел достигнуть органического синтеза тех начал, сочетанием которых он был занят. ...Уклонившись от философского использования понятия творения, Соловьев все более склоняется в сторону метафизического дуализма. У христианства Соловьев берет понятие богочеловечества, но затем оно – из понятия, связанного с темой о человеке и истории, с темой о грехе и спасении, – становится общеметафизическим понятием и поэтому теряет почти целиком свое христианское содержание» [9]. Это лишь подтверждает мысль Зеньковского о том, что философия и вера в Соловьеве «жили как бы отдельной жизнью», поэтому неудивительно, что он «ставит вопрос не об “оправдании” философии тем, что дает вера, а... об оправдании веры итогами философского развития на Западе» [10]. Подобные мысли высказывал и Н. А. Бердяев, который утверждал, что Владимир Соловьев верит в осуществление Царства Божьего путем прогрессивной эволюции [11]. Бердяева, судя по его многочисленным откликам о личности и творчестве Соловьева, вообще не устраивало то, что у последнего «рациональная философия и рациональное богословие преобладают над мистикой» [12].

Как правило, почти все критики софийно-богочеловеческой интерпретации историософских тем у Соловьева особо подчеркивают два момента: эволюционно-детерминистское восприятие истории и, как следствие, недооценка проблемы зла, «розовое благодушие прогрессиста», по выражению Г. В. Флоровского, который, кстати, характеризует соответствующую

щие мотивы соловьевской философии, пожалуй, наиболее жестко. Признав, что Соловьев «был убежденным дарвинистом», историк русского богословия констатирует: «Зло, в восприятии Соловьева, есть только раз-лад, без-порядок, хаос... Иначе сказать, дез-организованность бытия... Поэтому и преодоление зла сводится к ре-организации или просто организации мира... И это совершается уже силою самого естественного развития» [13].

Вердикт Г. Флоровского недвусмыслен: «С неоплатонизмом и с новой немецкой мистикой Соловьев всегда был связан больше и теснее, чем с опытом Великой Церкви и с католической мистикой... Церковь он воспринимал скорее в элементах схоластики и каноники, еще и в плане “христианской политики”, – всего меньше в плане мистическом, всего меньше – на глубинах таинственных и духовных» [14]. В конечном же счете, критика Флоровского сводится к указанию на то, что Соловьев пытается выстроить великое церковное дело на вне-церковной основе. С другой стороны, это можно рассматривать не столько как критику, сколько как очередную констатацию синкретизма и синкретизма как в метафизических, так и в социально-практических сферах соловьевской мысли.

Во всяком случае, часто встречающийся в историко-философских исследованиях тезис о близости историософской схематики Соловьева аналогичным мотивам Гегеля или Шеллинга (равно как и Филона, Плотина, Оригена) сам по себе совершенно справедлив. Однако это сближение нуждается в ряде существенных оговорок. Так, историософская диалектика русского философа скорее именно «напоминает» диалектические триады великих немецких идеалистов – как самой триадической формой, так и господством архетипа прогрессивной эволюции. В каждой диалектической стадии исторического процесса трансцендентальный синтез, выявляющийся Гегелем из качественного со-бытия тезиса и антитезиса, у Соловьева присутствует изначально – в своей «стяженной» форме. Но в любой диалектической триаде Соловьева в действительности всегда присутствует четвертый член – София как осуществленное двуединство. И тем самым лишь внешняя актуализация совершается как феноменально данный прогресс, внутренняя же смысловая реализация свершается софийно, то есть благодатно и мистически.

Таким же образом происходит становление всеединства в истории, где весь ее последующий ход изначально присутствует в акте творения. Однако не следует забывать, что для Соловьева сам акт творения не актуален, но формален и не является одномоментным, поскольку сопряжен с эволюционным развертыванием, осуществляется в индивидуальности Христа и одновременно в соборности Церкви, целостно схватывается в становящемся «цельном знании» и, наконец, всецело реализуется – посредством Софии – в Богочеловечестве. Вл. Соловьев особо подчеркивает, что Богочеловечество представляет собой единственно возможную и необходимую цель духовно-исторического становления человечества. В то же время сам этот процесс наполняет смыслом и нравственным содержанием бытие человека, раскрывая перед ним уникальную возможность обретения полноты, цельности и духовного совершенства через подлинное единство телесного и духовного, человеческого и божественного.

Примечания

1. Булгаков С. Н. Апокалиптика и социализм // Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 384–385.
2. Соловьев В. С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 579.
3. См.: Гугова С. Г. Владимир Соловьев: синкретизм философии всеединства: монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 166 с.
4. Соловьев В. С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 151.
5. Там же. С. 153.
6. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 160.
7. Соловьев В. С. Из философии истории // Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 339.
8. Там же. С. 340.
9. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Л., 1991. Т. 2. Ч. 1. С. 70–71.
10. Там же. С. 30–31.
11. Бердяев Н. А. Основная идея Вл. Соловьева // Н. Бердяев о русской философии. Ч. 2. Свердловск, 1990. С. 45.
12. Бердяев Н. А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 357.
13. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 314.
14. Там же. С. 316.

Notes

1. Bulgakov S. N. *Apokaliptika i socializm* [Apocalypticism and socialism] // Bulgakov S. N. Op.: in 2 vol. Moscow. 1993. Vol. 2. Pp. 384-385.
2. Soloviev V.S. *Ideya chelovechestva u Avgusta Konta* [Idea of humanity of August Conte] // Soloviev V. S. Op.: in 2 vol. Moscow. 1990. Vol. 2. P. 579.
3. See: Gutova S.G. *Vladimir Solov'ev: sinkretizm filosofii vseidinstva: monografiya* [Vladimir Soloviev: the syncretism of the philosophy of unity: monograph]. Nizhnevartovsk. Publ. of Nizhnevartovsk Humanit. University. 2009. 166 p.
4. Soloviev V.S. *Ideya chelovechestva u Avgusta Konta* [Idea of humanity of August Conte] // Soloviev V. S. Op.: in 2 vol. Moscow. 1990. Vol. 2. P. 151.
5. Ibid. P. 153.
6. Soloviev V. S. *CHteniya o Bogochelovechestve* [Reads about God-manhood] // Soloviev V. S. Op.: in 2 vol. Moscow. 1989. Vol. 2. P. 160.
7. Soloviev V. S. *Iz filosofii istorii* [Philosophy of history] // Soloviev V. S. Op.: in 2 vol. Moscow. 1989. Vol. 2. P. 339.
8. Ibid. P. 340.
9. Zenkovsky V.V. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian philosophy]: in 2 vol. Leningrad. 1991. Vol. 2. Pt. 1. Pp. 70-71.
10. Ibid. Pp. 30-31.
11. Berdyaev N. A. *Osnovnaya ideya Vl. Solov'eva* [Main idea of Vl. Solovyov] // N. Berdyaev o russkoj filosofii - N. Berdyaev about Russian philosophy. Pt. 2. Sverdlovsk. 1990. P. 45.
12. Berdyaev N. A. *Problema Vostoka i Zapada v religioznom soznanii Vl. Solov'eva* [Problem of East and West in the religious consciousness of Vl. Solovyov] // *Kniga o Vladimire Solov'eve* - Book about Vladimir Soloviev. Moscow. 1991. P. 357.
13. Florovsky G.V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology]. Vilnius. 1991. P. 314.
14. Ibid. P. 316.

УДК 130.122

А. Ю. Долгих

София и мудрость: СМЫСЛ ПОНЯТИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ФИЛОСОФИИ

Греческое видение философии (особенно на начальном этапе ее становления) в значительной степени определялось смыслом понятия «софия», как оно существовало в языке греков к моменту появления самого термина «философия» (конец V в. до н. э.). По традиции переводя *софию* на русский язык как мудрость, мы теряем большую часть значений данного слова, прежде всего, если это так можно назвать, его «ремесленную» и «изобретательную» составляющую. В статье на многочисленных примерах показаны особенности понятийного семейства, главными представителями которого выступают *софия* и *софизм*.

The way of Greek understanding of philosophy (especially at the initial stage of its development) is largely determined by the meaning of "Sophia" as it existed in the Greek language by the time the term "philosophy" started to come into use (the end of the V century B. C.). Traditionally translating Sophia as wisdom or something alike, we lose much of the value of the word, especially, if it can be called so, its "craft" and "inventive" component. The article shows numerous features of the conceptual family, the main representatives of which are Sofia and sophism.

Ключевые слова: мудрость, знание, софия, софизм, софист, философия.

Keywords: wisdom, knowledge, Sophia, sophism, sophist, philosophy.

Введение. Любой человек, который основательно изучал иностранный язык, знает, что спектры значений слов в различных языках довольно широки и, самое главное, полностью совпадают очень редко (за исключением специальных терминов, введенных, по сути, искусственно и особо оговоренных). Поэтому, в частности, при переводе отдельных слов в тексте

следует руководствоваться контекстом, а не просто брать первое же значение данного слова из словарной статьи. Так можно получить не только неуклюжий перевод, но нередко полную бессмыслицу.

Это простое и разумное правило иногда приносится в жертву соображениям почти что идеологического порядка. В данном случае речь идет о философии. «Канонический» перевод, с которым знакомят всех приступающих к изучению данного предмета, гласит: «философия» означает «любовь к мудрости».

Однако ожидать, что греческая *софия* окажется такой же по смыслу, как русская мудрость, в общем и целом не приходится. И этому есть многочисленные подтверждения.

Вопроса о *софии* так или иначе приходится касаться всем историкам греческой философии. Специальные исследования ей в свое время посвятили А. Ф. Лосев, В. Н. Топоров, Г. Г. Майоров, С. С. Аверинцев [1]. В. Н. Топоров, сопоставляя сходные по значению и строению слова из разных языков, пытается раскрыть этимологию *софии* и через это вычленил ее смысловый корень. А. Ф. Лосев и С. С. Аверинцев тяготеют к так называемой софиологии, в большей или меньшей степени метафизической. Представленная ниже статья по своему подходу ближе скорее к небольшой работе Г. Г. Майорова. Однако по сравнению с ней здесь расширен спектр примеров, причем во многих случаях приводятся подлинные отрывки, позволяющие читателю, если он, конечно, имеет познания в области греческого языка, оценить степень правильности выводов. Кроме того, мы сочли невозможным для себя опираться на отрывочные и потому сомнительные изречения, приписываемые так называемым ранним греческим философам, а также на предания о жизни и деятельности этих лиц, появляющиеся лишь в весьма поздней литературе. За редким исключением мы основывались только на больших, хорошо сохранившихся текстах, уровень надежности которых как первоисточников по соответствующим эпохам весьма высок.

1. Языковое подсемейство σοφία и σοφός: В древнейших греческих произведениях слово «софия» и однокоренные с ним слова встречаются крайне редко – один раз в «Делах и днях» Гесиода, один раз в «Илиаде», пару раз в «Гимне Гермесу». Возможно, это просто какое-то случайное совпадение, ведь немалое количество эпических поэм и прочих стихотворных произведений VIII–VII вв. до н. э. на сегодняшний день безвозвратно утрачено. Лучше дело в этом смысле обстоит с более богатой литературой VI в. до н. э. и последующих времен.

София обычно появляется там, где речь идет о человеческой деятельности, о каких-нибудь ремеслах, умениях, навыках. Иногда при этом в греческом подлиннике *софия* обнаруживается в паре с *технэ*, и даже если последней в явном виде нет, то она как будто подразумевается. Возможно, что это обманчивое впечатление, поскольку наблюдения если и подтверждают его, то только отчасти. В древнейших дошедших до нас произведениях понятие «технэ» употребляется едва ли не чаще в отрицательном смысле. Так, в «Рождении богов» Гесиода четырежды звучит выражение *δολίη τέχνη* (стихи 160, 540, 547, 560), что трудно перевести иначе, как «хитрое дело» или «коварная хитрость», и еще один раз коварство и обман возникают в связи с Кроном, побежденным хитростью своего сына, т. е. Зевса: *δολωθείς Κρόνος... ικηθείς τέχνησι* (стихи 494–496). Дважды мы слышим выражение *κακή τέχνη*, т. е. «злая хитрость» (стихи 160 и 770). И во всех этих случаях речь идет о кознях богов друг против друга.

Очень примечательно в этой связи, что в «Делах и днях» Гесиода, где много места отдано ведению домашнего хозяйства, а значит, всяким повседневным человеческим делам, *технэ* не звучит ни разу!

Имеются указанные словосочетания и в так называемых гомеровских поэмах: *δολίη τέχνη* дважды возникает в «Одиссее» (IV, 455 и 529); в «Илиаде» (XV, 14) Гера удостоивается звания *κακότεχος* («злоискусная»).

Лишенными явной отрицательной оценки оказываются всего четыре случая – по одному в «Рождении богов» и «Илиаде» и два – в «Одиссее». Не имеет оценочной окраски и глагол *τεχνάω*, в различных видах звучащий в гомеровских поэмах. Можно также говорить о том, что воплощением *технэ* у греков выступают Гефест и в несколько меньшей степени Афина – боги, за которыми каких-то особых коварных дел не числится. Гесиод говорит, что Гефест превосходит в искусствах (*τέχνησι κεκασμένον*) всех потомков Урана (стих 929); в гомеровских поэмах сын Геры обозначен как *κλυτοτέχνης*, что значит «славный искусством» (Илиада I, 571 и XVIII, 143; Одиссея VIII, 286); в «Одиссее» содержится прозрачный намек на то, что всякое

искусство у человека – от Гефеста и Афины (VI, 233–234). Подобные характеристики и эпитеты встречаются и в более поздней греческой поэзии и прозе (Солон «К Музам»; «Гимн Гефесту» и т. д.). И только в середине V в. до н. э. Эсхил впервые связал происхождение всех наук и ремесел с Прометеем.

Теперь вернемся к *софии*. В «Илиаде» читаем (песнь 15, стихи 410–412):

ἀλλ' ὡς τε στάθμη δόρυ νήϊον ἐξιθύνει
τέκτωνος ἐν παλάμῃσι δαήμονος, ὅς ῥά τε πάσης
εὖ εἶδη σοφίης ὑποθημοσύνησιν Ἀθήνης. [2]

Как направляющий шнур корабельное дерево ровняет
Плотника ловкого в длани, который вот так свое *дело*
Всё хорошо понимает, внимая советам Афины
(Здесь и далее неподписанные переводы принадлежат автору статьи).

Кажется, что если в последней строке подлинника заменить *софию* на *технэ*, то по смыслу не изменится ничего, тем более что есть похожее место в третьей песне (стихи 61–62): ὅς ῥά τε τέχνη νήϊον ἐκτάμνησιν («который умело вот так корабельное дерево рубит»). В подобных обстоятельствах можно даже заподозрить, что выбор поэта был случайным или подсказанным исключительно соображениями красоты стихосложения. К этому языковому явлению мы еще вернемся.

У Гесиода в «Делах и днях» (стихи 645–649):

Εὔτ' ἂν ἐπ' ἐμπορίην τρέψας ἀεσίφρονα θυμὸν
βούληται [δὲ] χρέα τε προφυγεῖν καὶ λιμὸν ἀτερπέα,
δείξω δὴ τοι μέτρα πολυφλοίσβοιο θαλάσσης,
οὔτε τι ναυτιλίας σεσοφισμένος οὔτε τι νηῶν. [3]

Если к торговле решишь обратиться умом поврежденным,
Чтобы нужды не иметь или голода злого избегнуть,
То покажу я тебе многошумного моря просторы,
Пусть ни делам корабельным, ни плаванию я не *обучен*.

Если попытаться перевести последнюю строку с использованием корня «мудр», то получится, например, такое: «Пусть ни в делах корабельных, ни в плавании не умудрен я». Однако выражение «быть умудренным в мореплавании и в строительстве судов», по нашему мнению, в рамках современного русского языка звучит не слишком естественно. Словом, здесь, как и во многих других местах, о которых речь в дальнейшем, нет смысла пытаться любой ценой сохранить мудрость в русском переводе.

Вообще, «морская тема» в связи с *софией* звучит нередко, что тоже едва ли может быть чистой случайностью.

У Эсхила в «Просительницах» (стихи 769–770):

<...> φιλεῖ
ὠδίνα τίκτειν νύξ κυβερνήτη σοφῶ. [4]

<...> любит
Опытным кормчим ночь чинить препятствия.

В современном русском языке, конечно, существует выражение «мудрый кормчий», но надо понимать, что это совсем не тот человек, который сидит на корме корабля и указывает ему движение. Здесь же имеется в виду как раз обыкновенный водитель.

У Пиндара в «Немейских песнях» (песня 7, стихи 17–18):

σοφοὶ δὲ μέλλοντα τριταῖον ἄνεμον
ἔμαθον <...> [5]

Погоды перемену за три дня предвидят
Знатоки <...>

А сразу после этого говорится о прибылях, торговле, а также о странствованиях Одиссея, из-за чего создается достаточно устойчивое впечатление, что подразумевалась перемена погоды на море. Отражено это и в переводе М. Л. Гаспарова.

У Вакхилида в «Эпиникиях» (песня 12, стихи 1–4):

Ὡσεὶ κυβερνήτας σοφός, ὑμνοάναςσ'
εὖθυνε Κλειοῖ
νῦν φρένας ἀμετέρας,
εἰ δὴ ποτε καὶ πάρος. [6]

И словно кормчий *умелый*, Клио,
Гимнов вожатая,
Наши умы направляй –
И прежде, и ныне, и после.

Абсолютных синонимов в языках, по-видимому, не бывает: в самом деле, это было бы бессмысленное явление – два, три или больше слов с совершенно одинаковым значением. Следовательно, между *софией* и *технэ* нужно искать различие. И оно есть, причем неоднозначное. Прежде всего, *софия* – это как бы высшая степень *технэ*: если человек занимается каким-то делом (*τέχνη*) и он в нем не новичок, то по-гречески он обозначается как *σοφός* («опытный», «знающий», «сведущий», «умелый» и т. д.). Это подтверждается рядом примеров и особенно Аристотелем, который в «Никомаховой этике» (1141a 9–12) выразил эту мысль прямо: Τὴν δὲ σοφίαν ἐν τε ταῖς τέχναις τοῖς ἀκριβεστάτοις τὰς τέχνας ἀποδίδομεν <...> οὐθὲν ἄλλο σημαίνοντες τὴν σοφίαν ἢ ὅτι ἀρετὴ τέχνης ἐστίν [7]. Прежде чем дать перевод этого предложения, нужно сделать разъяснения. Выражение *ἀρετὴ τέχνης* иногда переводят даже как «добродетель искусства» (Н. В. Брагинская [8]). Однако в общем смысле *ἀρετή* отнюдь не добродетель, а *τέχνη* – не искусство. «Технэ» – это наука, ремесло, искусство, т. е. всякое человеческое занятие, или дело, а также хитрость, уловка, средство; «аретэ» – высокое качество, высокая степень развития, совершенство, превосходство, достоинство, доблесть, храбрость, высокая нравственность. В греческом языке встречаются, например, такие словосочетания, как *ἀρετὴ ποδῶν* («аретэ» ног), *ἀρετὴ ἵππων* («аретэ» лошадей). Очевидно, ноги не могут быть добродетельными – они могут быть крепкими, быстрыми, неутомимыми, т. е. хорошими в том, к чему они вообще предназначены – к ходьбе и бегу. И так же дело обстоит с лошадьми.

Таким образом, *ἀρετὴ τέχνης* – это не что иное, как «совершенство в [своем] деле». Тогда первая часть вышеприведенной фразы Аристотеля (смысл второй мы, по сути, уже передали) означает: «Совершенство в [той или иной] деятельности мы признаем по причине ее высочайшей тщательности».

Переводя одним словом понятие «софия», можно было бы сказать и «профессионализм»! Однако «профессионализм» – понятие слишком современное, в переводах древних сочинений оно звучало бы неуместно, почему и не используется. Это была бы явная языковая безвкусица.

Приведем еще один показательный пример из «Антигоны» Софокла (стихи 364–366):

Σοφόν τι τὸ μηχανόεν
τέχνας ὑπὲρ ἐλπίδ' ἔχων,
τοτὲ μὲν κακόν, ἄλλοτ' ἐπ' ἐσθλὸν ἔρπει. [9]

Это место очень трудно перевести так, чтобы оно по смыслу было близким к подлиннику и в то же время чтобы переложение звучало естественно в рамках русского языка. Поэтому мы ограничимся чисто прозаическим переводом, который будет довольно длинным:

У кого способностей к изобретательству столько,
сколько он и не надеялся иметь,
и кто решил, что это и есть само *совершенство*,
тот и к дурному и к хорошему влечется.

По-видимому, подразумевается, что такой человек стал, как говорится, не очень разборчивым в средствах. Контекст, к сожалению, этого до конца не проясняет. Но, во всяком случае, это лицо ошибочно принимает (*ἔχων*) «изобретение всяких хитроумных штучек» (τὸ

μηχανόεν τέχνας) за «некое совершенство» (σοφόν τι), за «нечто мудрое». На это как будто указывают слова ὑπὲρ ἐλπίδα («сколько и не надеялся») и вся последняя строка.

В «Гимне Гермесу» σοφία и τέχνη в двух местах (стихи 482–485 и 511–512) стоят рядом, что тоже позволяет почувствовать их разницу:

<...> ὅς τις ἂν αὐτὴν
τέχνη καὶ σοφίη δεδαημένος ἐξερεείνη
φθεγγόμενη παντοῖα νόῳ χαρίεντα διδάσκει
ρεῖα συνηθείησιν ἄθυρομένη μαλακῆσιν. [10]

Если же хитростью кто и *умением* [лиру] освоит,
Выведав тайны звучанья на опыте, тот, забавляясь,
Всяких приятных душе переливов познает немало.

Второй отрывок труден для понимания и перевода по следующей причине: в нем τέχνη находится в отношении подчинения к σοφία, что выражено родительным падежом последней:

αὐτὸς δ' αὖθ' ἐτέρης σοφίης ἐκμάσσατο τέχνην
συρίγγων ἐνοπὴν ποιήσατο τηλόθ' ἀκουστήν. [11]

Тотчас же сам для иного *искусства* измыслил он средство:
Голос свирелей создал, разносящийся в дальние дали.

Как видим, в том и другом отрывке *σοφία* выражает то, что обычно относят на счет *технэ*! И это неплохо согласуется со словоупотреблением в пятнадцатой песне «Илиады». Таким образом, здесь можно говорить о некоей закономерности: в языке так называемого гомеровского времени *σοφία* передает те смыслы, которые позднее стали связываться скорее с *технэ*.

Достаточно обратиться к словарю и просмотреть перечень значений этих слов, чтобы убедиться, что представленный выше перевод и оправдан, и гораздо более осмыслен (чем, например, малопонятное и неуклюжее выражение «изобрел искусство иной мудрости», в принципе возможное во втором случае).

Уместно привести и сохранившийся отрывок из древней поэмы «Маргит» (у Аристотеля в «Никомаховой этике», 1141a 15):

τὸν δ' οὐτ' ἄρ σκαπτῆρα θεοὶ θέσαν οὐτ' ἀροτῆρα
οὐτ' ἄλλως τι σοφόν. [12]

Ни землекопом, ни пахарем боги его не создали
И никаким *умельцем* другим.

Ясно, что копать и пахать землю, даже если делать это весьма и весьма умело, не есть мудрость. «Мудрость землекопа и пахаря» именно как землекопа и пахаря (т. е. в отношении данных видов деятельности) есть словосочетание, бессмысленное в рамках современного русского языка. Ведь не говорят же у нас «мудро копать землю» (хотя по-гречески вполне можно было бы сказать что-то вроде σοφία σκάπτω, – это очевидно из предыдущих примеров).

Сходных случаев можно найти немало. Например, у Пиндара в «Пифийских песнях» (песня 5, стихи 114–115):

ἐν τε Μοῖσαισι ποτανὸς ἀπὸ μητρὸς φίλας,
πέφανταί θ' ἄρματηλάτας σοφός. [13]

И среди Муз летает с ранних лет,
И в колесничных гонках *изощренный*.

Возница именно в качестве возницы не может быть мудрым – он ловкий, умелый, искусный, опытный и т. д.

Возникает вопрос: а можно ли тогда вообще в древнегреческих текстах встретить *софию*, соответствующую мудрости в современном русском понимании этого слова, т. е. не в «техническом», а в «этическом» ключе? Ответ: да, можно. Как и следовало ожидать, случаи

такого словоупотребления имеют место в нравоучительной поэзии Ксенофана, Пиндара, в так называемом «Феогнидовском сборнике», в трагедиях Софокла и Еврипида. Вот отрывок из немейских песен Пиндара (песня 5, стихи 16–18):

οὐ τοὶ ἅπαντα κερδαίων
φαίνοισα πρόσωπον ἀλάθει' ἀτρεκές·
καὶ τὸ σιγᾶν πολλάκις ἐστὶ σοφώ-
τατον ἀνθρώπῳ νοῆσαι. [14]

Не вся та истина, что кажется
Надежным образом, полезна.
Молчанье часто есть *мудрейшее*
Решение для человека.

Иокаста в «Финикиянках» Еврипида, взывая к Зевсу с просьбой смягчить участь потомков Лабдака, говорит (стихи 86–87):

χρὴ δ', εἰ σοφὸς πέφυκας, οὐκ ἔαν βροτὸν
τὸν αὐτὸν αἰεὶ δυστυχῆ καθεστάναι. [15]

Одним и тем же смертным, если *мудрый* ты,
Не позволяй весь век терпеть несчастья.

Пытаясь примирить сыновей, Иокаста сдерживает нетерпеливого Этеокла (стихи 452–453):

ἐπίσχεες· οὗτοι τὸ ταχὺ τὴν δίκην ἔχει,
βραδεῖς δὲ μῦθοι πλεῖστον ἀνύουσιν σοφόν. [16]

Постой! Никто от спешки правды не достиг.
Небыстрая же речь приводит к *мудрости*.

II. Языковое подсемейство σοφισμα и σοφιστής. В ранних текстах (до века VI до н. э. включительно) эти и другие однокоренные с ними слова – совсем редкие гости. Они не встречаются ни в древнейших эпических поэмах (не считая вышеприведенного отрывка из Гесиода), ни в гимнах, ни в нравоучительных стихах. Распространяются они только в V в. до н. э. Весьма показательные примеры их употребления обнаруживаются впервые, пожалуй, только у Эсхила в трагедии «Прометей прикованный», написанной примерно в середине этого столетия, т. е. задолго до появления так называемых софистов с их пресловутыми софизмами.

Например, Прометей, перечисляя свои заслуги перед родом людским, говорит (стихи 460–461):

καὶ μὴν ἀριθμὸν, ἔξοχον σοφισμάτων,
ἔξηρῶν αὐτοῖς <...> [17]

Затем число, среди *хитростей* особое
Для них открыл я <...>

И далее – уже о своих злоключениях (стихи 469–471):

τοιαῦτα μηχανήματ' ἐξευρὼν τάλας
βροτοῖσιν, αὐτὸς οὐκ ἔχω σοφισμ' ὄψω
τῆς νῦν παρούσης πημονῆς ἀπαλλαγῶ. [18]

Для смертных открывая эти хитрости,
Несчастный, сам не нахожу я *способа*,
Как от постигших меня бед избавиться.

Заметно, что σοφισμα здесь есть что-то достаточно близкое по смыслу к μηχανήμα, с той, вероятно, разницей, что последнее можно пощупать, оно осязаемо, а первое мыслимо и на-

блюдается в действии: μηχανήμα – хитроумное устройство, сооружение, прибор; σοφισμα – хитроумный способ поведения. Впрочем, значения «средство», «уловка», «выдумка» у них общие.

Это подтверждается и целым рядом других примеров.

У Еврипида в «Ифигении в Тавриде» (стихи 1031–1032) главная героиня и ее брат Орест рассуждают, как лучше устроить побег:

Иφ. ταῖς σαῖς ἀνίαις χρήσομαι σοφίσμασι.
Ор. δειναὶ γὰρ αἱ γυναικίκες εὐρίσκειν τέχνας. [19]

Иф. Твои же беды мне послужат *выходом*.
Ор. Сильны в изобретеньях хитрых женщины.

Несколько ранее в той же поэме Ифигения говорит об Артемиде (стихи 380–384):

τὰ τῆς θεοῦ δὲ μέφομαι σοφίσματα,
ἥτις βροτῶν μὲν ἦν τις ἄψηται φόνου,
ἢ καὶ λοχείας ἢ νεκροῦ θίγη χεροῖν,
βαμῶν ἀπείργει, μυσσάρων ὡς ἡγουμένη,
αὐτὴ δὲ θυσίας ἤδετα βροτοκτόνοις. [20]

Уловки порицаю я богини той,
Что смертную, кто крови хоть единожды
Коснулась, иль рождения, иль мертвого,
От алтарей, как нечисть, вечно гонит прочь,
Но жертвами людскими наслаждается.

Как сказали бы сейчас, Ифигения уличила Артемиду в двойных стандартах: та позволяет себе то, что запрещает другим, – в этом, очевидно, и заключаются ее «софизмы» («уловки» или даже «коварства», «обманы»). Она, конечно, богиня, но все же...

В «Финикиянках» Еврипида Тиресий рассуждает о несчастьях Эдипа и последствиях его рождения на свет против воли бессмертных (стихи 870–871):

αἱ θ' αἰμάτων ποτὶ δερμάτων διαφθοραὶ
θεῶν σοφισμα κἀπίδειξις Ἑλλάδι. [21]

Кровавый взор глазниц его исколотых –
Богов *коварство* и урок Элладе всей.

Вернемся к Эсхилу. Сам Прометей в упомянутой трагедии дважды назван «софистом». По сути, «софистом» оказался и Зевс. Когда Гефест привязывает Прометея, вечный спутник предводителя олимпийцев Крат говорит (стихи 61–62):

καὶ τήνδε νῦν πόρπασον ἀσφαλῶς, ἵνα
μάθῃ σοφιστῆς ὦν Διὸς κωθέστερος. [22]

И эту [руку] прочно привяжи, чтоб знал:
Пусть и *хитрец* он – Зевса все равно глупей.

Что общего между Зевсом и Прометеем, кроме дел? Оба боги, дети титанов (Крона и Япета соответственно). На этом, казалось бы, все заканчивается. Однако есть у них сходство, не лежащее на поверхности, но многозначительное. Προμηθεύς – имя говорящее, оно означает «провидящий», «предусмотрительный», «благоразумный», «заботливый». А одной из жен Зевса была Метида (т. е. Μητις – «разум», «замысел», «решение» и т. д.), которую Зевс проглотил, дабы она всегда была при нем и помогала ему мудрыми советами. По этой причине Зевс даже назывался особым образом – μητιέτα, – и это прилагательное не применялось ни к какому другому богу или человеку. Таким образом, отнесение того и другого божества к числу «ловких обманщиков» перестает быть чистой случайностью.

Многим современным философам, привыкшим к «стандартной модели» греческой философии (натурфилософы, софисты, Сократ, Платон и Аристотель, эллинистические школы),

крайне странным может показаться не только причисление к «софистам» тех или иных богов, но даже таких людей, как Солон и Пифагор. Однако именно это мы находим, например, у Геродота: «После того как Крез завоевал [многочисленные] народы и присоединил их к Лидии, в блистающие богатством Сарды стали приезжать из Эллады разные *знающие люди* (σοφισταί), жившие в то время, – каждый по своему поводу, – и, конечно, Солон, человек из Афин, который, написав афинянам по их воле законы, покинул родину на десять лет» (История, I, 29; перевод наш по изданию [23]). И о Пифагоре: «Среди фракийцев, которые вообще живут плохо и глуповаты, Салмоксис был сведущ в ионийском образе жизни и нравах, более глубоких, нежели фракийские, поскольку общался с эллинами, а из эллинов – с довольно *искушенным человеком* (οὐ τῷ ἀσθενεστάτῳ σοφιστῇ) – с Пифагором» (История, IV, 95; перевод наш по изданию [24]).

Ясно, что Пифагор и Солон обозначены здесь как «софисты» в очень и очень общем смысле – как лица образованные и знающие свое дело. Здесь важно также помнить, что Геродот писал во времена, когда такие люди, как Протагор, Горгий, Гиппий и Продик, еще не вышли на историческую сцену, еще не прославились в качестве «первых софистов», а также то, что не было пока никакой «модели» философии, поскольку самой философии в явном виде не существовало.

А вот Фукидиду в последней четверти V в. до н. э. уже, по-видимому, приходилось встречать «тех самых софистов». В одном месте он воссоздает речь некоего Клеона, порицающего афинян за народовластие, пренебрежение законами, за изнеженность, сострадание к союзникам, увлеченность словопрениями и всякими красивыми новшествами. Как итог Клеон выдает: «Сказать прямо, вы побеждены удовольствием от услышанного и похожи на зрителей, в бездействии сидящих перед софистами, а не на тех, кто имеет заботу о государстве» (История, III, 38; перевод наш по изданию [25]).

Возвращаясь к Геродоту, заметим, что *софию* и *софизмы* он почти видит везде, где дело касается тех или иных хитроумных способов действия, а также изобретений (см. например: История, I, 60, 63, 68, 71, 80, 125; II, 4, 49; III, 152 и т. д.). Приведем только наиболее яркий пример.

Когда Отан отрекся от престола, на царскую власть в Персии стали притязать шесть человек из знати, среди которых был Дарий. Эти шестеро условились однажды, что чей конь на следующее утро первым заржет, тому и быть царем. Дарий, не желавший упускать такую возможность, обратился к своему конюху за помощью. Воссоздавая его речь, Геродот дважды использовал почти одну и ту же фразу, только в первой звучит *σοφία*, а во второй – *σόφισμα*:

Νῦν ὦν εἴ τινα ἔχεις σοφίην, μηχανῶ ὡς... и т. д.

Εἰ τοίνυν τι τοιοῦτο ἔχεις σόφισμα, ὄρη μηχανῶσθα... и т. д. (История, III, 85) [26]

Смысловая разница между этими предложениями настолько мала, что переводчик Геродота Г. А. Стратановский даже не стал искать слова для того, чтобы ее выразить. По сути, говорится: «Если есть у тебя какое-нибудь *хитрое средство*, то...» и т. д.

Не следует думать, что это какой-то частный случай, свойственный исключительно языку Геродота. У Еврипида в «Финикиянках» (стихи 49–49) Иокаста рассказывает, как после нашествия Сфинкс Креонт объявил свою волю:

ὅστις σοφῆς αἴνιγμα παρθένου μάθοι,
τούτῳ ξυνάψειν λέκτρα. [27]

Кто тайну *хитрой* девы сможет разгадать,
Тому и ложе брачное.

Трудно понять, по какой вообще причине Сфинкс могла бы быть названа мудрой, а вот хитрости и коварства ей, очевидно, не занимать, что и подразумевается в трагедии.

Эти примеры показывают, что граница между *софией* и *софизмом* в древнегреческом языке могла истончаться вплоть до полной неразличимости.

III. Языковое подсемейство *φιλοσοφία*. Не исключено, что слово «философ» впервые прозвучало в сочинении Гераклита Эфесского. Уверенности здесь препятствует то, что полностью произведение не сохранилось. Есть только предположительные отрывки, о степени подлинности которых приходится выносить решение в каждом отдельном случае. Естест-

венно, что мнения исследователей тут далеко не всегда совпадают. Вот место, которое мы имеем в виду (впервые упоминается только Климентом Александрийским, Строматы, V, 14, 140): *χρὴ γὰρ εἶ μάλα πολλῶν ἱστορας φιλοσόφους ἄνδρας εἶναι* [28], что, по-видимому, означает: «Много исследовать должны *любопытные* люди» или «Многого знатоками должны быть *любопытные* люди». Если учесть, что *σοφία* (точнее *τὸ σοφόν*) в некоторых изречениях, связываемых с именем Гераклита, звучит весьма возвышенно и загадочно, то, возможно, имелось в виду и такое: «Много исследовать должны люди, стремящиеся к совершенству (к высшему знанию)».

Гераклит написал свою книгу около 500 г. до н. э. Следующего «появления» философии пришлось ждать более полувека. Между 445 и 425 гг. до н. э. Геродот Галикарнасский создал свою знаменитую «Историю». Описывает он, в частности, встречу лидийского царя Креза и афинского законодателя и поэта Солона, встречу, которой он, Геродот, не мог быть свидетелем. В уста Креза, приветствующего Солона, он вложил такие слова (История I, 30): *Ξεῖνε Ἀθηναίε, παρ' ἡμέας γὰρ περὶ σέο λόγος ἀπικταὶ πολλὸς καὶ σοφίης [εἵνεκεν] τῆς σῆς καὶ πλάνης, ὡς φιλοσοφῶν γῆν πολλὴν θεωρίης εἵνεκεν ἐπελήλυθας* («Гость афинский! У нас идет большая молва о тебе благодаря *познаниям* твоим и странствиям, а именно что ты из *любопытности*, желая побольше увидеть, объездил многие земли») [29]. Вместо слова «знание» в нашем переводе можно было бы поставить и «опыт» – существенных изменений от этого не произошло бы. К последней четверти V в. до н. э. относится «История» Фукидида. Среди прочего в ней рассказывается, как афинский народный вождь Перикл произносит речь по случаю погребения погибших афинян. В одном месте он говорит обо всем афинском народе (История II, 40): *Φιλοκαλοῦμέν τε γὰρ μετ' εὐτελείας καὶ φιλοσοφοῦμεν ἄνευ μαλακίας* [30]. Дословный перевод этого изречения звучал бы неясно, поэтому позволим себе некоторые вольности, не нарушающие, однако, смысла подлинника: «Любовь к прекрасному сочетается у нас с неприхотливостью, а *стремление к знаниям* не порождает изнеженности». Перикл в действительности этого не говорил – в предисловии Фукидид предупреждает читателя, что заставляет героев своей истории произносить те речи, которые они могли бы произнести при тех обстоятельствах, в которых оказывались [31]. Таким образом, изречение принадлежит самому Фукидиду.

Эти два отрывка – у Геродота и Фукидида – суть, по-видимому, первые достоверные случаи употребления слов с корнем *φιλοσοφ-*. И конечно, обращает на себя внимание то, что оба раза это глагол *φιλοσοφέω*. Таким образом, можно говорить о том, что с него и началась история терминов этого семейства. Слова «философия» и «философ» (последнее, кстати говоря, в греческом языке грамматически является прилагательным, а не существительным) впервые обнаруживаются – причем сразу в очень большом количестве – в сочинениях трех афинских современников – Ксенофонта, Исократы и Платона. Все они начали писать не раньше последнего десятилетия V в. до н. э. Что предшествовало этому «большому взрыву» философии – не понятно. Казалось бы, у него должна быть какая-то предыстория, но ее нет, – по крайней мере, сейчас она не известна.

Из того, что высказал по поводу философии Платон, в данном случае особо хочется привлечь внимание к изречению, в котором он пытается объяснить ее основание (Теэтет, 155d 2–4): *μάλα γὰρ φιλοσόφου τοῦτο τὸ πάθος, τὸ θαυμάζειν· οὐ γὰρ ἄλλη ἀρχὴ φιλοσοφίας ἢ αὕτη* («Это чувство, удивление, более чем философское: ведь нет другого начала философии, кроме этого») [32]. Вскоре мысль Платона полностью повторил Аристотель (Метафизика, 982b 12–13): *διὰ γὰρ τὸ θαυμάζειν οἱ ἄνθρωποι καὶ νῦν καὶ τὸ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν* («Через удивление люди во все времена начинали философствовать») [33]. Соглашались с таким взглядом на вещи и в более поздние столетия. Поэтому можно говорить о том, что для греков связь философии и удивления была естественна.

Но в чем заключается эта естественность? Мы объясняем это следующим образом. Когда человек удивляется, у него возникает непроизвольное желание узнать больше о предмете, вызвавшем удивление. Таким образом, удивление рождает любопытство, любознательность, а это и есть буквальный и наиболее общий смысл слова «философия».

А мудрость? Зададим себе этот вопрос: что могло бы быть признано началом стремления к мудрости, понимаемой как жизненный опыт, как знание человеческих отношений? Что само собой подталкивает человека к мудрости? Житейские ошибки и неудачи? Желание побеждать? Страх смерти? Страх перед богом?.. Вероятно, все вышеперечисленное имеет ка-

кое-то значение. Ведь мудрость в числе прочего связывают еще и с неким особым отношением к жизни, когда человек становится нечувствительным к мелким обидам, перестает гоняться за преходящими удовольствиями и сторонится суеты. Подобная мудрость, вероятно, проистекает из глубокого ощущения бренности жизни, которую не следует растрачивать на пустяки. Образ такого мудреца можно найти и в древности – у киников, стоиков, эпикурейцев и позднеантичных эклектиков.

Выводы. Рассмотренные характерные случаи употребления слов с корнями σοφ- и σοφισ-, имевшие место в греческой литературе в основном в период VIII–V в. до н. э. (т. е. в эпоху, непосредственно предшествующую появлению философии в явном виде), позволяют утверждать следующее.

1. Паре «мудрость – мудренность» в русском языке очень ограниченным образом соответствует пара «σοφία – σοφισμα» в греческом языке. Известное сходство этих понятийных связок все же весьма примечательно и наводит на предположение, что в далеком прошлом они были ближе по смыслу. «Мудрый» в современном русском языке означает «имеющий большой жизненный опыт», «знающий жизнь, человеческие отношения». Особо показательно то, что мудрым у нас может считаться человек, который не только не разбирается в науках, но не умеет даже читать и писать, – здесь все дело в том, что его большие познания лежат в совершенно иной плоскости. Далее, «мудреный» – значит, «излишне сложный» и поэтому, как способ, вероятно, менее удачный в применении (независимо от области деятельности). Но существует старинная поговорка, в которой отражено явно иное значение «мудренности»: «Утро вечера мудренее». Подразумевается, что на следующий день в нашем уме сам собой рождается некий замысел, подсказывающий хороший выход из создавшегося непростого положения. Однако это и есть то, что выражает греческое понятие σοφισμα (см. вышеприведенный отрывок из «Прометея прикованного», «Ифигении в Тавриде», а также из «Истории» Геродота). «Мудрость» же тысячу лет назад в русском языке означала почти любое знание, почему слово «философия» и было переведено как «любомудрие» (а не как «любознательность», «любознание»). Этот древний перевод по обычаю сохраняется и в наши дни, хотя по сути (т. е. по правилам русского языка) почти перестал быть оправданным. Греческой σοφии в ее широко распространенном «ремесленном» значении, если задаться целью непременно найти русский перевод с корнем «мудр», соответствует сейчас не мудрость, а премудрость, но это слово уже употребляется редко и воспринимается как устаревшее. Существуют у нас близкие по смыслу глаголы «мудрствовать» и «мудрить», которые соотносятся скорее с «мудреностью», а не с «мудростью». На память приходит также страдательный глагол «умудриться (сделать что-либо)», который, кажется, выражает свойство полностью противоположное мудрости, ведь, говоря так, подразумевают: «совершить некоторое действие по недогадливости, невнимательности, неловкости!» В греческом языке со всем этим немного пересекаются глаголы σοφίζομαι («мудрить», «хитрить», «придумывать»), σοφίζω («учить», «наставлять»), σοφιστέω («преподавать диалектику и риторику»), которые все несколько ближе к σοφισμα. Греческая связка «σοφός – σοφιστής» весьма широка по смыслу и может переводиться в зависимости от обстоятельств «умелый – умелец», «знающий – знаток», «искусный – искусник», «хитрый – хитрец», «мудрый – мудрец».

2. В греческом языке дофилософской эпохи (VIII–VI в. до н. э.) σοφια означает по большей части «умение», «опыт», «ремесло», «искусство», а τεχνэ – «хитрость», «средство для ремесла», «орудие», «набор приемов». Затем постепенно и незаметно происходит некоторый смысловой сдвиг, так сказать, в сторону возвышения: τεχνэ – «ремесло», «искусство», «наука», «всякое дело» и только потом «средство» и «хитрость»; σοφια – «высшая степень достижений в своем деле», «житейская смекалка» («мудрость»), «высшее знание» и только потом «ремесло». В то же время σοφός изначально есть человек, хорошо владеющий своим делом. Имеющая прямое отношение к τέχνη, σοφια почти неизбежно отсылает к κρηδύματα («вымысел», «хитрость», «орудие», «сооружение», «средство») и к τὸ εὐρίσκειν («обнаружение», «открытие», «изобретательство», «измышление»), а через них как бы вторично связывается с близкой к ним σοφισμα («ухищрение», «обман», «средство»). До некоторой степени она родственна по смыслу и μῆτις («разум», «мудрость», «замысел», «решение», «совет»). Таковы ее ближайшие смысловые соседи.

3. Существительное σοφιστής, по-видимому, было образовано в греческом языке довольно поздно (V в. до н. э.). Иначе как объяснить его полное отсутствие в ранних текстах.

В самом общем смысле «софист» – любой человек, достигший значительных высот в выбранном им виде деятельности, т. е. «профессионал». В более узком смысле, сложившемся во второй половине указанного столетия, это странствующий преподаватель, обучающий любым наукам (но делающий упор на риторику и диалектику) и непременно берущий деньги за обучение. Наконец, в самом узком и резко отрицательном смысле, впервые прозвучавшем ясно в сочинениях Платона и Аристотеля, софист – это обманщик, человек, который с помощью особым образом построенных рассуждений выдает истину за ложь и ложь за истину. Примечательно, что в греческом языке возникла со временем форма женского рода этого слова – σοφίστρια, т. е. «софистка».

4. Философия (φιλοσοφία) есть стремление к *софии*, но что представляет собой предмет этого стремления? Широта и даже расплывчатость понятия «софия» в греческом языке привели к тому, что в его рамках возникло и соответствующее понимание философии. И здесь, как мы полагаем, даже не важно, что явным образом звучало в ее определении, – важно, что включали в ее состав. Если взять шесть крупнейших школ, составлявших, так сказать, цвет древней философии, то картина получается такая. Скептики разрабатывали нечто такое, что можно обозначить как науку опровержения всякого знания. Это можно было бы на греческий манер назвать эленктикой, но в любом случае это относится к области логики (диалектики). У киников были только проповеди об образе жизни. В остальных же четырех школах – академики, стоики, эпикурейцы и перипатетики – держались мнения, что философия складывается из науки о познании (диалектика, логика, каноника, аналитика), науки о происхождении и сущности вещей (физика, физиология) и науки о человеческой жизни (этика и политика). В общем и целом эти области исследования охватывали весь мир. В сущности, очень похожее деление философии сохраняется и в наши дни (гносеология, онтология, социальная философия). При этом, возвращаясь к грекам, кто каким предметом углубленно занимался, тот, по-видимому, его и ставил на более значимое место в философии. Это естественно. Например, Аристотель в «Метафизике» даже определяет *софию* как «достоверное знание о каких-либо причинах и началах» (ἡ περὶ ποίας αἰτίας καὶ περὶ ποίας ἀρχὰς ἐπιστήμη σοφία ἐστὶν [34]), а в Никомаховой этике – как «достоверное знание и постижение того, что наиболее ценно по природе» (ἡ σοφία ἐστὶ καὶ ἐπιστήμη καὶ νοῦς τῶν τιμιωτάτων τῆ φύσει [35]). Соответственно и философия тогда должна быть понята прежде всего в качестве стремления к обретению именно такого знания. Платон видел вершину философии в диалектике, Эпикур – в этике, стоики колебались между этикой и физикой, Страбон подчеркивал значимость географии, Клавдий Птолемей выдвигал вперед математику. И так далее. В подобных обстоятельствах понятие «философия» превратилось в условное обозначение самых разнообразных познавательных устремлений. Кажется даже, что вся их совокупность была названа так случайно: с тем же успехом она могла бы носить имя «филоматия» (φιλομαθία – «любопытность»).

5. В связи с тем, что было только что отмечено (см. Выводы, пункт 4), можно согласиться с высказываемым иногда мнением, что в философии со временем возникло новое, так сказать, собственно философское, понимание *софии*. Точнее сказать, некоторые философы предложили и продолжают предлагать свое личное видение. По этой причине для анализа словоупотребления нами и была использована литература древнейшего периода, еще не отягощенная философскими умозрениями. В соответствующих письменных источниках, как можно ожидать, понятия *софия* и *софизм* присутствуют в изначальном естественном смысле. От этого смысла и отталкивалась на первых порах философия, и лишь потом в ней зародилось что-то свое. Впрочем, это произошло очень быстро, что мы видим уже на примере текстов Платона и Аристотеля.

Примечания

1. Лосев А. Ф. Термин «София» // Мысль и жизнь: к столетию со дня рождения А. Ф. Лосева: [сб. ст.]. Уфа, 1993. Ч. 1. С. 7–21; Топоров В. Н. Еще раз о др.-греч. Σοφία: происхождение слова и его внутренний смысл // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 148–173; Топоров В. Н. Др.-греч. Σοφία: происхождение слова и его внутренний смысл // Античная балканистика 3. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1978. С. 46–50; Майоров Г. Г. Роль Софии-Мудрости в истории происхождения философии // Логос. 1991. № 2. С. 139–151; Аверинцев С. С. София // Аверинцев С. С. София – Логос: словарь. Киев: Изд-во «Дух и Литера», 2000. С. 159–161.

2. Homerus. Ilias // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d–32. 1992–1995.

3. Hesiodus. Opera et dies // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d–32. 1992–1995.

4. *Aeschylus. Supplices* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
5. *Pindarus. Nemea* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
6. *Bacchylides. Epinicia* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
7. *Aristoteles. Ethica Nicomachea* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
8. *Аристотель. Никомахова этика* // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1975-1984. Т. 4. С. 178.
9. *Sophocles. Antigone* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
10. *Hymni Homerici. In Mercurium* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
11. *Ibid.*
12. *Aristoteles. Ethica Nicomachea.*
13. *Pindarus. Pythia* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
14. *Pindarus. Nemea.*
15. *Euripides. Phoenissae* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
16. *Ibid.*
17. *Aeschylus. Prometheus vinctus* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
18. *Ibid.*
19. *Euripides. Iphigenia Taurica* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
20. *Ibid.*
21. *Euripides. Phoenissae.*
22. *Aeschylus. Prometheus vinctus.*
23. *Herodotus. Historiae* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
24. *Ibid.*
25. *Thucydides. Historiae* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
26. *Herodotus. Historiae.*
27. *Euripides. Phoenissae.*
28. *Clemens Alexandrinus. Stromata* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
29. *Herodotus. Historiae.*
30. *Thucydides. Historiae.*
31. *Фукидид. История: в 2 т. СПб.: ТОО «Пролог», 1994. Т. 1. С. 16.*
32. *Plato. Theaetetus* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
33. *Aristoteles. Metaphysica* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0d-32. 1992-1995.
34. *Ibid.*
35. *Aristoteles. Ethica Nicomachea.*

Notes

1. Losev A. F. *Termin «Sofiya»* [Term "Sofia"] // *Mysl' i zhizn': k stoletiyu so dnya rozhdeniya A. F. Loseva - Thought and life: on the centenary of the birth of A. F. Losev: [Proc. of art.].* Ufa. 1993. Pt. 1. Pp. 7-21; Toporov V.N. *Eshche raz o dr.-grech. Sofia: proiskhozhdenie slova i ego vnutrennij smysl* [Again about ancient-Greece Sofia: origin of the word and its inner meaning] // *Struktura teksta - Structure of the text.* Moscow. Nauka. 1980. Pp. 148-173; Toporov V.N. *Dr.-grech. Sofia: proiskhozhdenie slova i ego vnutrennij smysl* [Ancient-Greece Sofia: origin of the word and its inner meaning] // *Antichnaya balkanistika 3 - Antique balkanistics 3.* Moscow. Institute of Slavic and Balkan studies of USSR Academy of Sciences. 1978. Pp. 46-50; Mayorov G.G. *Rol' Sofii-Mudrosti v istorii proiskhozhdeniya filosofii* [The role of Sophia-Wisdom in the history of the origin of philosophy] // *Logos - Logos.* 1991, No. 2, pp. 139-151; Averintsev S. S. [Sofia] // Averintsev S. S. *Sofiya - Logos: slovar'- Sofia - Logos: dictionary.* Kiev. "Dukh I Litera" Publ. 2000. Pp. 159-161.
2. *Homerus. Ilias* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
3. *Hesiodus. Opera et dies* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
4. *Aeschylus. Supplices* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
5. *Pindarus. Nemea* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
6. *Bacchylides. Epinicia* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
7. *Aristoteles. Ethica Nicomachea* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
8. *Aristotle. Nikomahova ehtika* [Nicomachea ethics] // *Aristotle. Works: 4 vol.* Moscow. Mysl. 1975-1984. Vol. 4. P. 178.
9. *Sophocles. Antigone* // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.

10. Hymni Homerici. In Mercurium // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
11. Ibid.
12. Aristoteles. Ethica Nicomachea.
13. Pindarus. Pythia // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
14. Pindarus. Nemea.
15. Euripides. Phoenissae // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
16. Ibid.
17. Aeschylus. Prometheus vinctus // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
18. Ibid.
19. Euripides. Iphigenia Taurica // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
20. Ibid.
21. Euripides. Phoenissae.
22. Aeschylus. Prometheus vinctus.
23. Herodotus. Historiae // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
24. Ibid.
25. Thucydides. Historiae // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
26. Herodotus. Historiae.
27. Euripides. Phoenissae.
28. Clemens Alexandrinus. Stromata // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
29. Herodotus. Historiae.
30. Thucydides. Historiae.
31. Thucydides. *Istoriya* [History]: in 2 vol. St.Petersburg. LLP "Prolog". 1994. Vol. 1. P. 16.
32. Plato. Theaetetus // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
33. Aristoteles. Metaphysica // Musaios. By Darl J. Dumont and Randall M. Smith. Version 1.0 d-32. 1992-1995.
34. Ibid.
35. Aristoteles. Ethica Nicomachea.

УДК 39(470.53)

А. А. Краузе

Социокультурная динамика современной этнической идентичности (на примере коми-пермяков)

В данной статье с философских позиций анализируются результаты работы фокус-группы, куда вошли представители коми-пермяцкой этнической общности. В статье определяются факторы, переводящие традиционную этническую идентичность коми-пермяков в новые контексты. Исследование опирается на предположение о том, что современная динамика межнациональных отношений теряет традиционность и не подчиняется этнической заданности, а этническая идентичность выступает как результат социальной практики. В исследовании проводится сравнение русской и коми-пермяцкой этнических групп в плане определения специфики небольшой моноэтнической группы, а также прослеживается социокультурная динамика этнической общности коми-пермяков по их отношению к традициям и обрядам. Дается характеристика современной парадигмы этнической идентичности, обусловленной социальными запросами современного субъекта действия. Анализируется специфика культурологической доминанты в этнической идентичности, определяющей территориальное, бытовое и социальное содержание коми-пермяцкого этнического дискурса, и отмечается существенная роль субъекта в формировании этнической идентичности.

The paper analyses from the philosophical standpoint the results of a focus group activity, in which representatives of the Komi-Permyak ethnic community were involved. Factors of turning Komi-Permyaks'

* Материал подготовлен в рамках Проекта № 023–Ф Программы стратегического развития ПГПУ.

traditional ethnic identity into new contexts are determined. The research is based on the assumptions that the contemporary dynamics of interethnic relations loses its traditional character and fails to comply with ethnic determinants and that ethnic identity is a result of social practice. The author compares the Russian and the Komi-Permyak ethnic groups in terms of specific features of a moderate monoethnic group and, by their attitudes to traditions and customs, traces the socio-cultural dynamics of Komi-Permyaks' ethnic community. The contemporary paradigm of ethnic identity, conditioned by modern subjects' social demands, is characterized. The specificity of the culturological dominance in ethnic identity, which determines territorial, domestic and social contents of the Komi-Permyak ethnic discourse, is analyzed. A subject's substantial role in the formation of ethnic identity is observed.

Ключевые слова: этническая идентичность, субъект, полиэтническая среда, дискурс, конструкт сознания.

Keywords: ethnic identity, subject, polyethnic environment, discourse, construct of conscience.

Специфика современной этнической идентичности коми-пермяков, проживающих в городском социуме, обусловлена процессами глобализации, закономерно приводящими к трансформации традиционной этнической идентичности в новую синтезированную форму. Целью данного исследования является изучение особенностей этого процесса.

В последнее время феномен идентичности, несомненно, выступает в качестве центрального звена в системе социально-гуманитарного знания. В этническом контексте проблема идентичности исследуется достаточно широко и многогранно: Э. Геллнер «Нации и национализм» [1], Б. Андерсон «Воображаемые сообщества...» [2], Э. Смит «Национализм и модернизм» [3], В. В. Коротеева «Теории национализма в зарубежных социальных науках» [4], Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов «Этносоциология» [5]. Ценность указанных работ заключается в формулировании методологических оснований и принципов изучения феномена «этнической идентичности».

Отправной точкой нашего исследования стало предположение о том, что современная динамика межнациональных связей отрицает всякую заданность и постоянство этнической идентичности. В этих условиях этническая идентичность формируется как результат социальной практики, следовательно, одна и та же идентичность может приобретать несколько смыслов. Это детерминируется также тем обстоятельством, что модернизированная форма этнического самосознания чаще всего трансформируется в обыденно-практические, жизненные проявления, через которые можно уловить все ее актуальные сущностные характеристики. Важнейшей стороной в исследовании современной формы этнической идентичности является учет характерных особенностей среды, в которой она фиксируется: в полиэтнической или моноэтнической, поскольку осознание людьми своей этнической принадлежности значительно варьируется от того, в какой среде они живут.

В исследовании феномена «этническая идентичность» мы использовали семь наиболее валидных показателей, которые важны для измерения имеющегося положительного либо негативного опыта респондентов, состояния их удовлетворенности и субъективных ощущений. В реестр основных показателей, выражающих состояние этнической идентичности, вошли: «признаки национальности», «владение языком», «знание обычаев», «религия как фактор самоопределения», «идентификация с природой», «историческое прошлое», «толерантность по отношению к другим этническим группам».

Программа исследования состояла из пяти интервью, проведенных в формате фокус-группы, с респондентами моноэтнической группы коми-пермяков, проживающих в коми-округе г. Кудымкара. Возраст участников варьировался от 16 до 50 лет; по гендерному признаку в группу респондентов вошли как мужчины, так и женщины. По роду деятельности респонденты были представлены как служащие и студенты.

Следует отметить, что работа с респондентами в формате фокус-группы позволяет переводить обыденно-практические представления субъекта в плоскость научного познания. Ежедневная разнообразная практика субъекта, которая полна смыслов, имеет определенные социальные последствия, играющие существенную роль в создании и изменении окружающей среды. Зачастую эти последствия носят эффект «отложенности» во времени. Целью анализа становится не категоризация людей, а исследование содержания их практики, через что они структурируют свою жизнь, от чего меняется эта структура. Соединение в исследовании

этнической идентичности и личной социальной практики привело к изменению респондентами принятой в структуре исследования изначальной повестки. Первоначальная задача исследования статуса этнической идентичности в современной социальной среде сменилась проблемой существования субъекта в полиэтническом пространстве, которым для моноэтнической группы коми-пермяков является Пермский край. Респонденты продемонстрировали, что конструкт сознания (дискурс) субъекта не является замкнутым и завершенным, он постоянно меняется в процессе пересечения с другими.

К примеру, на вопрос о признаках, определяющих национальность человека, большинство респондентов ответили, что таковыми являются «родовые корни». Интервью респондентов показало признание родовых корней и связей в качестве доминирующего фактора, ориентация на который всегда характерна для небольшой моноэтнической группы. Исследования, проводимые в русской этнической группе Пермского края, подобного результата не дали. В русской этнической группе «родовая связь» не рассматривалась в качестве преобладающего признака сопричастности к этносу. Очевидно, что «родовая связь» для коми-пермяков является институциональным основанием для самоопределения, тогда как для русской этнической группы институциональной основой в большей степени выступает идентичность на уровне государства либо общества. Этническая надстройка во многом определяется ими как родоплеменное образование, исторически переформатированное в государство и больше связанное с духовно-культурными артефактами прошлого своего рода.

Все респонденты группы коми-пермяков отметили заметную тенденцию к уменьшению количества представителей этноса, владеющих национальным коми-пермяцким языком. Но в то же время они феномен национального языка не стали рассматривать как признак этноса, а отнесли к культуре. Это дает основание полагать, что на уровне обыденного сознания пересекается множество дискурсов, среди которых национальный конструкт не является доминирующим. Кроме того, в качестве мотивации нередко фигурирует «здравый смысл», влияющий на социальный выбор субъекта. Именно на уровне индивидуальных оценок и интерпретаций, в которых отражается субъектом реальность, «здравый смысл» играет не последнюю роль, так как, преодолевая общее и устоявшееся, но не всегда актуальное современному миру, он гибко реагирует на значимые вызовы этой современности. «Здравый смысл» нащупывает новые возможности, предоставляемые социумом, переводя выбор и действие субъекта в построение для себя эффективной социальной среды. В глобализирующемся мире, с его ориентацией на потребительские ценности, где «язык» выступает базовым фактором коммуникативных взаимоотношений, выбор респондентов, базирующийся на здравом смысле, вступает в противоречие с этническим статусом индивида.

Показательным индексом этнической идентичности является отношение к «обычаям». Это качественное выражение этнической жизни социума. Важность традиций и обрядов обусловлена тем, что они обеспечивают культурное поле для существования этноса. Среди пространственных обычаев коми-пермяков респонденты называют ритуальный – «быкобой» и трудовой – «день смены травы». Были также отмечены, но по существу не конкретизированы похоронные и свадебные обряды. В интервью респонденты придают значение современным праздникам, которые в последние годы проводятся в Коми-Пермяцком округе: «Ай да рыжик!» в честь гриба рыжика, «Пистик лун» в честь растения хвощ и «Пикан лун» в честь растения сныть. Как подчеркнули респонденты, современные праздники пользуются чуть ли не большей популярностью, чем традиционные. Возможно, одной из причин такого выбора является то обстоятельство, что традиционные этнические обычаи и обряды долгое время значительной частью населения Коми-Пермяцкого округа не были интериоризированы и не использовались как средство для трансляции собственной культуры. Но более значим тот факт, что характер современных праздников ориентирован на актуальные социальные запросы, в них отсутствуют сакральный смысл и нормативная обрядовость, что облегчает способы приобщения к ним.

На первый взгляд кажется, что социокультурная динамика коми-пермяцкой этнической группы относительно «религии» по-прежнему находится на перепутье языческого и христианского дискурсов. Христианский статус коми-пермяцкой общности определился только в Средневековье, и языческие традиции, связанные с природой, до сих пор не потеряли значения, однако большинство респондентов не соотнесли, что коми-пермяцкая религия изначально была языческой. Только один респондент вспомнил языческое прошлое ко-

ми-пермяков и отметил, что религия является важным фактором национального самоопределения. Остальные ответили, что это не имеет столь уж серьезного влияния для их современного статуса. Значение религии применительно к этнической идентичности оказалось для участников интервью формальным индикатором, более того, конфессиональному аспекту религии респонденты предпочли мировоззренческий. Они отвергли религиозный подтекст в этническом самоопределении, примеряя его к себе как нечто опосредованное в их социальной жизни. Возможно, такой поворот в оценке объясняется тем, что архетип коми-пермяков лежит все-таки в языческом прошлом, где большую обусловленность этническому статусу давала «природа». «Природа» для коми-пермяков может рассматриваться как самостоятельный дискурс, находящийся на пересечениях понятий: «родина», «гражданин», «национальная история», «национальность».

Все респонденты рассматривают «природу» как свое национальное пространство, имеющее сущностное значение для их этноса, отождествляемое с понятиями: «родная земля», «дом», «семья», «коми-пермяк». Очевидно, что в понятие «природа» для коми-пермяка вложен институциональный смысл, позволяющий структурировать коми-пермяцкую культуру как отдельную идентичность. Причем дискурс природы обладает набором таких универсальных смыслов, что может быть легко встроенным в любые другие. «Природа» выступает как обтекаемая форма этнического пространства, которое легитимно в любой другой этнической группе, что, безусловно, нивелирует межэтнические конфликты и противоречия.

Современные люди, в зависимости от различных факторов, по-разному включены в общественную жизнь, следовательно, потребности и интересы, а также способы их удовлетворения тоже разные. Респонденты без сомнения ответили, что свою национальность не забывали никогда, всегда осознавали себя коми-пермяками, но признали тот факт, что часть коми-пермяцкого населения в вопросах этнического самоопределения находится в пограничной ситуации. Это обусловлено выбором будущего места жительства, учебы, работы, вследствие чего этнический статус в общественном запросе, как правило, становится менее актуальным. Респонденты не проявили негатива относительно совместных браков с представителями других национальностей, а также близкого соседства и профессионального сотрудничества с ними. В интервью с респондентами прослеживается мысль, что человека определяет не национальность.

Идентифицируя себя с историческим прошлым и настоящим, респонденты подчеркнули значимость статуса «общечеловечности», а не этнической избранности. Воспринимая себя сопричастными к истории, к историческим образам и деятелям культуры этноса, респонденты определили значение национальной истории как общее прошлое, обусловленное позицией: прежде всего, я – гражданин страны. Это означает, что современный смысловой контекст этнической идентичности, по их мнению, лежит на поверхности текущих общественных запросов, которые, в первую очередь, обусловлены социально-экономическими притязаниями.

Таким образом, формируемая новая парадигма этнической идентичности перестает быть архетипизированной, ориентированной на традиции, в ней более ярко высвечиваются социальные запросы современного субъекта действия. Можно констатировать, что традиционный этнический конструкт трансформируется под влиянием социальных и пространственно-мировоззренческих оснований, которые все чаще субъект выбирает как базовые смыслы.

Специфику этнической идентичности коми-пермяков на сегодняшний день правомерно определить как ориентированность на культурологическую доминанту, выраженную в приобщении к знанию старых и установлению новых традиций. Сквозь культурологическую призму очерчены территориальные, конституционно-правовые, бытовые, социальные, эмоциональные, духовные значения коми-пермяцкого этнического дискурса. Данный выбор находится на стыке социального и индивидуального. Причем индивидуальный выбор, идущий от субъекта социального взаимодействия и складывающийся на фоне исторической, экономической, политической и иной ситуации, в трансформациях этноса играет определяющую роль. Следовательно, этническая идентичность складывается не только под внешним воздействием этнического пространства, но и под влиянием социального взаимодействия субъектов.

Примечания

1. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
3. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004.
4. Коротеяева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: РГГУ, 1999.
5. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. пособие для вузов / Ин-т «Открытое о-во». М.: Аспект-Пресс, 1999.

Notes

1. E. Gellner *Nacii i nacionalizm* [Nations and nationalism] / Transl. from Eng. T.V. Brednikova, M. K. Tunkina; Ed. and comm. I.I. Krupnik. Moscow. Progress. 1991.
2. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined communities]. Moscow. Canon-Press C. Cuchkovo field. 2001.
3. Smit E. *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma* [Nationalism and modernism: Critical survey of modern theories of nations and nationalism]. Moscow: Praxis. 2004.
4. Korotyeyeva V. *Teorii nacionalizma v zarubezhnyh social'nyh naukah* [Theories of nationalism in foreign social sciences]. M: RGGU. 1999.
5. Arutyunyan Y. V., L.M. Drobizheva, Susokolov A. A. *Ehtnosociologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Ethnosociology: textbook for high schools] / Institute "Otkrytoe obshestvo". Moscow. Aspect-Press. 1999.

УДК 316.356.2.

Ю. Р. Хайруллина, Э. Р. Нуруллина

**Статус детей в современном российском обществе и семье:
экономический подход**

В статье рассматривается положение детей, их неравенство в зависимости от состояния института экономики. Дети анализируются как человеческий капитал общества, исследуется влияние семейного потенциала, стартового капитала для развития детей как социально-демографической группы. Показаны возможности социализации детей в современной семье, связанные с новыми социально-экономическими условиями жизни.

In article position of children, their inequality depending on a condition of institute of economy is considered. Children are analyzed as the human capital of society, influence of family potential, the starting capital for development of children as social and demographic group is investigated. Possibilities of socialization of children in a modern family connected with new social and economic living conditions are shown.

Ключевые слова: экономический подход, дети как социально-демографическая группа, внутрисемейный статус детей, статус детей в обществе, семейная социализация, человеческий капитал.

Keywords: economic approach, children as social and demographic group, intra marital status of children, the status of children in society, family socialization, the human capital.

В современных отечественных условиях социально-экономической трансформации общества в результате поляризации доходов происходит сильное расслоение населения как на федеральном, так и на региональном уровне. Поэтому важным теоретико-методологическим подходом к изучению статуса детей в современном российском обществе и семье является экономический подход. В зависимости от социально-экономического положения семьи (образование, профессия родителей, материальное положение семьи, включающее доход семьи и жилищно-бытовые условия проживания семьи) социальные статусы детей будут различаться.

Социальное положение родителей определяет социальный статус ребенка на протяжении первых 20 лет его жизни. По нашему мнению, в материально обеспеченной семье удовлетворены основные потребности её членов – физиологические (в пище, здоровом сне и отдыхе), в безопасности (в удобном жилище, высококачественном образовании, здравоохранении и т. д.), социальные (в различных кругах общения, в модной одежде, разнообразном и полноценном досуге и т. д.), а также экзистенциальные (в самореализации, общении с миром природы и искусства и т. д.). Члены материально обеспеченной семьи в большинстве случаев удовлетворены семейной жизнью, брак чаще всего оказывается стабильным, и, как следствие, дети занимают в семье положение, прежде всего, удобное для их развития, успешной социализации. Они являются для родителей источником радости, их потенциал развивается и воплощается в жизнь, и, в конечном итоге, их статус оказывается выше, чем в малообеспеченных семьях.

На наш взгляд, в малообеспеченных семьях, в которых не удовлетворены потребности прежде всего материального характера, родители вынуждены зарабатывать, ввиду чего им не удаётся уделять нужный объём внимания детям. В процессе семейной социализации наблюдается девиация, дети растут депривированными в общении, уходе, их семейный статус невысок из-за недостаточно сформированных установок на труд внутри семьи и в учебной сфере. Зачастую они становятся если не обузой для своих родителей, то по крайней мере источником хлопот и волнений негативного характера.

Для того чтобы ввести в общество детей, семья должна обладать экономическими, психологическими возможностями, бюджетом времени, необходимым для полноценного воспитания детей. Недостаточные пособия, льготы, материально-финансовая поддержка семьи на уровне государства означает, что оно не создает условия для полноценного функционирования семей с детьми, не предоставляет ей возможности обладать необходимыми ресурсами для поддержания должного уровня удовлетворения потребностей, требующихся для развития личности (материальные, духовные), не может обеспечить перспективы будущего. В семьях с разным материальным состоянием наблюдается неравенство в доступе к таким благам, как образование, в том числе возможность поступления в детский сад, рациональный досуг, отдых, развлечения, здоровье, питание, игрушки, одежда и т. д. От материального состояния различных типов семей (полные – неполные, малодетные – многодетные, бедные – богатые, образованные – необразованные, городские – сельские, семьи рабочих, интеллигентов, предпринимателей и т. д.) зависит, например, какое образование получит ребенок из этой семьи, отношение к нему учителя в школе, его успеваемость и т. д. При этом государство должно создавать условия для возможности получения качественного образования детям в каждой семье.

С точки зрения экономического подхода (Г. Беккер, П. Бурдые) дети рассматриваются как человеческий капитал общества. Насколько семья обеспечит детей необходимым стартовым капиталом, тем больше вероятность, что они будут благополучными, успешными работниками, специалистами, инноваторами, нужными обществу. Это необходимо для того, чтобы в будущем ребенок сам смог обеспечить свою жизнь. Развитие его профессиональных способностей должно соответствовать его дарованиям, физическим силам, возможностям его самореализации, но при этом нельзя забывать и потребности общества [1]. Сегодня семья не получает от государства, общества достаточно ресурсов, в том числе материальных, для того чтобы обеспечить перспективы будущего гражданина, профессионала. Тем самым государство передает полномочия семье [2]. Экономический подход ставит вопрос – справляется ли семья с заказом общества, государства на воспроизводство достойного члена общества? Естественно, без материальной поддержки государства семье не обойтись.

В социологии существует также иной подход к пониманию детей в экономической жизни общества. Например, А. А. Быстров отметил, что с развитием индустриальной цивилизации дети потеряли свою полезность для семьи. Эмансипация детей от родителей является той «настоящей, глубинной» причиной социально-экономической незаинтересованности нынешних потенциальных родителей в рождении даже одного ребенка. Дети вырастают и не только навсегда вылетают, как птицы из родного гнезда, но уже совершенно ничего не должны своим родителям. Поэтому инвестировать в деторождение стало неприбыльно: в детей приходится значительно больше вкладывать, нежели получать. Инвестиции в детей основаны исключительно на альтруизме и благотворительности [3].

Родители выделяют деньги из семейного бюджета на детей, причем расходы на них составляют значительную его часть, они ограничивают себя в ущерб своим интересам, преодолевают трудности ради детей. Дети – социально не защищенная группа населения, они не могут являться самостоятельными субъектами экономических отношений, до подросткового возраста не могут участвовать в экономической деятельности семьи, в зарабатывании денег. Дети выступают в семье как дополнительная экономическая нагрузка, являются иждивенцами.

Несмотря на это обстоятельство, у семьи есть потенциал, так как дети желанные, значимые в жизни родителей (большинство детей, принятые родителями). Семье очень сложно выполнять свои основные функции воспроизводства и социализации поколений в случае, когда существует значительный недостаток ресурсов, множество социальных проблем. Происходит мобилизация всего окружения.

Возможности социализации детей сегодня в первую очередь связаны с новыми социально-экономическими условиями жизни. Так, в результате экономических реформ семья оказалась в ситуации, не имеющей исторических аналогов. Родители детей-школьников, составляющих возрастную группу от 30 до 49 лет, к указанному возрасту, как правило, достигают определенной стабильности социального и профессионального положения, обретают уверенность в завтрашнем дне. Перестройка же экономических отношений в России отбросила эти семьи за грань прожиточного уровня, разрушила стереотипы их самовосприятия, поселила в них неуверенность, низкую самооценку. По данным Госкомстата, в 2012 г. в таких семьях за гранью прожиточного минимума проживали 15,8% всех российских детей в возрасте до 7 лет и 19,8% от 7 до 16 лет [4]. Неуверенные в себе родители перестают быть авторитетом и образцом для подражания, дети не обращаются к ним за советом и помощью.

Среди малоимущих семей в 2009 г. в РФ 45,4% семей без детей и 54,6% семей с детьми. В РТ ситуация схожа – без детей малоимущих – 43,8%, с детьми – 57,2% [5]. В РФ увеличивается число малоимущих семей с детьми. Среди таких, например, семьи, имеющие одного ребенка, в 2011 г. составили 32,7%, а в 2012 г. – 33,4%, имеющие двух детей, в 2011 г. – 20,6%, в 2012 г. – 21,3%, трех детей, в 2011 г. – 6,5%, а в 2012 г. – 7,5% [6].

Анализ состава и структуры населения с доходами ниже прожиточного минимума в сравнении со структурой населения в целом показывает следующие особенности российской бедности: 1) семьи с детьми и, соответственно, дети в возрасте до 16 лет по сравнению с другими социально-демографическими группами отличаются максимальным риском бедности, который, по последним данным, в 1,4 раза выше среднероссийского уровня. При этом риск бедности увеличивается с ростом числа детей в домохозяйстве, и неполные семьи с детьми чаще попадают в число бедных, чем полные [7].

Социальное расслоение общества отражается и на материальном положении материнских (неполных) семей. В России, по данным переписи 2002 г., каждая четвертая из семей с детьми – неполная [8]. Согласно результатам исследования, по мнению 86% женщин и 91% мужчин, матери, воспитывающие детей без мужа, сталкиваются прежде всего с материальными трудностями [9].

По свидетельству разведенных матерей и судебных исполнителей, многие отцы не только не стремятся общаться с детьми, но всячески избегают уплаты алиментов. Для большинства из них это не влечет за собой никаких последствий [10]. «Адекватные алименты» – автор понимает под ними ежемесячные выплаты, покрывающие половину потребительской корзины на ребенка, по некоторым оценкам, получают только 12% разведенных матерей, причем это, как правило, те «женщины, которые особенно в них не нуждаются, имея нового состоятельного мужа или сами хорошо зарабатывая». Бедные же разведенные матери часто не получают вообще ничего [11]. Этот факт наряду с отсутствием возможности строить профессиональную карьеру опять же заставляет женщину думать только о будущем ребенка, полностью исключив из этого будущего себя [12].

Приведем статистические данные, касающиеся материальных проблем многодетных семей. В семьях с одним ребенком питаются хуже; чем больше детей, тем скромнее питание. Так, например, наблюдается динамика в уменьшении энергетической ценности потребляемых продуктов питания в домашних хозяйствах, имеющих одного ребенка в возрасте до 16 лет и до четырех и более детей (от 2286 до 2116 ккал в сутки). Данные Росстата свидетельствуют о том, что в семьях с меньшим количеством детей больше предметов длительно-

го пользования [13]. Л. М. Прокофьева отметила, что наблюдается ухудшение здоровья детей в зависимости от их количества в семье [14].

Анализ доходов многодетных семей в Республике Татарстан показывает, что 45,2% детей (24 441 чел.) проживают в многодетных семьях с доходами ниже прожиточного минимума (среднее количество детей из многодетных семей, получающих меры социальной поддержки, составляет 54 066 человек). Из них в сельской местности – 15 736 человек, или 64,3% от общего числа детей в бедных многодетных семьях (на город приходится 35,7%, или 8 705 детей) [15]. Таким образом, в Республике Татарстан в сельской местности каждый второй ребенок из многодетных семей проживает в малообеспеченной семье, в городе – каждый третий [16].

При этом необходимо отметить, что материальное положение способно оказывать заметное влияние на динамику рождаемости, в первую очередь тем, что семейная пара может отложить реализацию своего желания завести ребёнка на более поздний срок «до лучших времён». Материальные издержки деторождения включают как непосредственные (прямые) затраты, связанные с рождением и содержанием детей, так и вменённые – прибыль, недополученная женщиной, семьёй в период ухода за ребёнком и в связи с частичной потерей её квалификации, хотя последнее трудно поддаётся измерению [17].

Надо отметить, что в связи с острыми материальными проблемами российской семьи кардинально изменился в последнее десятилетие взгляд на детский труд. Трудовая занятость детей, одобряемая родителями, становится массовым явлением [18].

Статус матери как гражданки в экономическом процессе низок, нередко работодатели отказывают молодым матерям в получении той или иной должности, охотно принимают на работу одиноких и бездетных замужних женщин. Можно не опасаться, что они будут брать бюллетени из-за болезней детей, отпрашиваться с работы, чтобы успеть забрать детей из детского сада [19].

Родители, и в первую очередь мать, вынуждены много времени заниматься различными хозяйственными делами. Если учесть, что женщины включены в трудовую деятельность наравне с мужчинами, то время, которое они могут уделить своим детям, очень ограничено. В результате дети часто оказываются предоставлены самим себе. Последствия такого положения нередко могут быть даже трагичны для детей. Отсутствие времени на воспитание подрастающих поколений тем более обостряется, что сейчас это основная забота женщины. Мужчины, отцы или исключились из этой работы сами, или были исключены [20]. Из-за высокой занятости, отсутствия возможностей по воспитанию и содержанию детей родители измотаны, чувствуют бессилие, не уверены в своем будущем, не говоря уже о будущем своих детей.

Можно наблюдать рассогласованность между декларируемым положением детей в обществе и тем, что есть на самом деле. Примером тому может являться вопрос увеличения социальных гарантий. Размер основных льгот и пособий, рассчитанных на поддержание семей с детьми, существенно повысился, но далеко не всех. Например, единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинские учреждения на ранних сроках беременности, повысилось с 300 руб. в 2005 г. до 412,1 руб. в 2010 г. За 5 лет оно увеличилось на 112,1 руб. На наш взгляд, в данном случае неуместно говорить о существенной помощи женщинам, решившихся на рождение ребенка, поскольку само по себе пособие в таком размере по сравнению с прожиточным минимумом в стране ничтожно мало, не говоря уже про динамику его увеличения. Остаются неизменными с 2006 по 2009 г. ежемесячные выплаты в РФ на содержание ребенка в семье опекуна – 4000 руб., а также на вознаграждение, причитающееся приемному родителю, – 2500 руб. [21]

Размеры ежемесячных детских пособий крайне низки по сравнению с величиной прожиточного минимума и т. д. Например, пособие по уходу за первым ребенком в возрасте до 1,5 лет составляет на III квартал 2011 г. 36,1% от прожиточного минимума. Лучше обстоит дело с двумя и более детьми – в них пособие по уходу за ребенком составляет 72,2% от прожиточного минимума [22]. На наш взгляд, помощи семье с единственным ребенком явно недостаточно, так как один из членов семьи на это время полностью выпадает из трудового процесса и материального обеспечения семьи соответственно, поэтому необходимо увеличивать размер пособия, учитывая то, что в семье остается единственный кормилец – муж в случае, если семья полная, не говоря уже о неполной семье, которая остается без средств к существованию. Именно поэтому семья может ограничивать себя в рождении второго и по-

следующих детей в связи с тяжелым материальным положением. При этом наблюдается обратный процесс – динамика в уменьшении размера данного пособия по отношению к ПМ. Так, например, пособие на период по уходу за первым ребенком до 1,5 лет в 2007 г. составляло 42,4% от ПМ, а к 2010 г. составило 38,3%. Пособие по уходу за вторым и последующими детьми в 2007 г. составило 84,8% от ПМ, а к 2010 г. – 77,6% [23].

Что касается социальной помощи семье с детьми, то до 16 лет имеют право только на пособие для детей из бедных семей, размер которого дифференцирован по регионам, но в среднем по стране невысок – 6% от ПМ ребенка [24].

Рассмотрим размер ежемесячного пособия на ребенка, установленный в РТ 2009 г.: базовый – 180 руб., на детей одиноких матерей – 480 руб., на детей военнослужащих по призыву – 270 руб., на детей, родители которых уклоняются от алиментов, – 270 руб. В данном случае можно ли говорить о какой-либо поддержке семей с детьми, когда ПМ на ребенка составил в III квартале 2011 г. 6076 руб. [25]

При этом увеличивается численность детей в возрасте до 18 лет из отдельных категорий семей, имеющих право на получение мер социальной поддержки за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации. Так, например в 2011 г. их численность составила 3 074 681 чел., а в 2012 г. – 3 435 633 чел. [26]

По данным авторского социологического исследования, проведенного в 2010 г. (n = 708), среди родителей детей в возрасте от 0 до 18 лет, проживающих в г. Казани, среди лидирующих факторов, которые оказывают самое большее влияние на статус ребенка в обществе и семье, находится образ и условия жизни семьи (78,6%) и социально-экономическое положение семьи (75,5%).

Мы проанализировали влияние фактора доходов семьи на статусы детей в ней. Среди респондентов с низким доходом дети чаще занимают статус подчиняемых членов семьи (12,5%); среди респондентов с доходом ниже среднего дети чаще зависимы (23,1%) и деспотичны (19,2%), автономно-независимы (14,5%); в семьях родителей со средним доходом дети чаще отвержены (80%), подчиняемы (75,0%) и приняты (73,1%); в семьях, чьи доходы выше среднего, дети чаще отвержены (20,0%) и зависимы (19,2%); в семьях с высоким доходом дети чаще всего подчиняемы (12,5%), приняты/отвержены (9,0%) и деспотичны (7,7%).

Таким образом, с помощью экономического подхода могут быть рассмотрены различные ресурсы семьи для обеспечения детей стартовыми возможностями и потенциалом развития способностей, становления их как работников, профессионалов, инноваторов, необходимых для российского общества. Проблемы, которые испытывают современные семьи в связи с материальным положением, резкой дифференциацией населения по уровню материального достатка, высокой поляризацией доходов населения, не могут не сказаться на внутрисемейном статусе ребенка и статусе ребенка в обществе в целом. Сегодня российскому обществу, органам государственного управления необходимо уделить пристальное внимание решению острых социальных проблем, стоящих перед семьей. В первую очередь государству необходимо снять экономическую озабоченность семьи за материальное благополучие детей. В случае, если удовлетворены потребности низшего уровня, родители будут думать о самореализации детей, их психологическом благополучии, качестве образования и т. д. Каким образом дети будут воспитаны в семье, будут готовы к переменам, окажутся способными содействовать им – во многом определит успех развития общества в будущем, его прогрессивный характер.

Примечания

1. Бреева Е. Б. Дети в современном обществе. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 126, 114.
2. Махиянова А. В., Шелуханова Л. В. Семья как ценность и агент социализации // Вестник Челябинского государственного университета. Философия, социология и культурология. Научный журнал. Вып. 25. 2012. № 18 (272). С. 44–48.
3. Быстров А. А. Материнский капитал: стимулирование рождаемости? // Социологические исследования. 2008. № 12. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-12/Bystrov_11.pdf (дата обращения: 26.01.2012).
4. Доля детей в возрасте до 16 (18) лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума // Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 25.02.2014).

5. Материалы сборника «Социальное положение и уровень жизни населения России – 2010 г.» // Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_44/IssWWW.exe/Stg/d01/05-24.htm (дата обращения: 13.12.2011).
6. Доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств // Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 26.02.2014).
7. Овчарова Л. Н. Социально-демографический профиль, факторы и формы проявления бедности российского населения: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011.
8. Синельников А. Социально-экономические последствия трансформации семьи // Демографические исследования. № 6 от 01.02.2010. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=791#_ednref6 (дата обращения: 26.01.2012).
9. Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 104, 89, 119121.
10. Бреева Е. Б. Указ. соч.
11. Гурко Т. А. Указ. соч.
12. Орлова Н. А. Жизненные стратегии неблагополучных семей в регионах России // Актуальные проблемы семей в России / под ред. Т. А. Гурко. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 149–162. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Aktual_prob_l_semye_Gurko/Neblagopoluchnye_semyi_Orlova.pdf (дата обращения: 26.01.2012).
13. Материалы сборника «Социальное положение и уровень жизни населения России – 2010 г.»
14. Прокофьева Л. М. Анализ социально-экономического положения многодетных семей. М., 2007. 117 с. [Электронный версия бюллетеня «Население и общество» № 333–334 19 мая – 1 июня 2008 г.]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/biblio02.php> (дата обращения: 27.10.2011).
15. Информационно-аналитический материал «Семья как объект социальной политики в Республике Татарстан» // Сайт Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. URL: <http://mtsz.tatarstan.ru/rus/inform.htm> (дата обращения: 12.11.2011).
16. Информационно-аналитический материал по теме «Многодетные семьи в контексте государственной семейной политики» (14.10.2008 г.) // Сайт министерства труда, занятости и социальной защиты. URL: <http://mtsz.tatarstan.ru/rus/inform.htm> (дата обращения: 25.11.2011).
17. Андрющенко Я. Влияние материальных условий жизни на рождаемость и проблемы демографической политики // Демографические исследования. № 6 от 01.02.2010. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=788#n6 (дата обращения: 27.01.2012).
18. Дементьева И. Ф. Социальное самочувствие семьи // Социс. 2008. № 9. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-09/Dementeva.pdf> (дата обращения: 26.01.2012).
19. Синельников А. Указ. соч.
20. Бреева Е. Б. Указ. соч.
21. Материалы сборника «Социальное положение и уровень жизни населения России – 2010 г.»
22. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в III квартале 2011 года // Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/2.htm (дата обращения: 27.01.2012).
23. Материалы сборника «Социальное положение и уровень жизни населения России – 2010 г.»
24. Овчарова Л. Н. Указ. соч.
25. Материалы сборника «Социальное положение и уровень жизни населения России – 2010 г.»
26. Численность детей в возрасте до 18 лет из отдельных категорий семей, имеющих право на получение мер социальной поддержки за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 25.02.2014).

Notes

1. Breeva E. B. *Deti v sovremennom obshchestve* [Children in modern society]. Moscow. Editorial URSS. 1999. Pp. 126, 114.
2. Mahijanov A. V., Shelukhanova L. V. *Sem'ya kak cennost' i agent socializacii* [Family as a value and the agent of socialization] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya. Nauchnyj zhurnal* - Herald of Chelyabinsk State University. Philosophy, sociology and cultural studies. Scientific journal. Is. 25, 2012, № 18 (272), pp. 44-48.
3. Bystrov A. A. *Materinskij kapital: stimulirovanie rozhdemosti?* [Maternal capital: promotion of fertility?] // Sociological research. 2008, No. 12. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-12/Bystrov_11.pdf (date of access: 26.01.2012). (in Russ.)
4. The proportion of children under the age of 16 (18) years of age living in households with per capita incomes below the subsistence minimum // Website of the Federal service of state statistics of the Russian

- Federation. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (date of access: 25.02.2014). (in Russ.)
5. Materials of compilation "Social situation and living standards of the population of Russia - 2010" // Website of the Federal service of state statistics of the Russian Federation. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_44/IssWWW.exe/Stg/d01/05-24.htm (date of access: 13.12.2011). (in Russ.)
6. The share of poor households with children aged up to 16 (18) years of age in the total number of poor households // Website of the Federal service of state statistics of the Russian Federation. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (date of access: 26.02.2014). (in Russ.)
7. Ovcharova L. N. *Social'no demograficheskij profil', faktory i formy proyavleniya bednosti rossijskogo naseleniya: avtoref. dis. ... d ra ehkon. nauk* [Socio-demographic profile, factors and manifestations of poverty of the Russian population: author. dis. ... Dr. of Econ. Sciences]. Moscow. 2011.
8. Sinelnikov A. *Social'no ehkonomicheskie posledstviya transformacii sem'i* [Socio-economic impact of transformation of family] // Demographic research. No. 6 dated 01.02.2010. Available at: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=791#_ednref6 (accessed 26.01.2012). (in Russ.)
9. Gurko T. A. *Roditel'stvo: sociologicheskie aspekty* [Fatherhood: a sociological aspects]. Moscow. Center of human values. 2003. Pp. 104, 89, 119,121.
10. Breeva E. B. Op. cit.
11. Gurko T. A. Op. cit.
12. Orlova N. A. *ZHiznennye strategii neblagopoluchnyh semej v regionah Rossii* [Life strategies disadvantaged families in the regions of Russia] // *Aktual'nye problemy semej v Rossii - Actual problems of families in Russia* / Ed. by T. A. Gurko. Moscow. Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences. 2006. Pp. 149-162. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Aktual_prob_l_semey_Gurko/Neblagopoluchnye_semyi_Orlova.pdf (date of access: 26.01.2012). (in Russ.)
13. Materials of compilation "Social situation and living standards of the population of Russia - 2010"
14. Prokofieva L. M. *Analiz social'no ehkonomicheskogo polozheniya mnogodetnyh semej* [The analysis of the socio-economic position of large families]. Moscow. 2007. 117 p. [E-Bulletin "Population and society" No.333-334 of 19 may - 1 June 2008]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/biblio02.php> (date of access: 27.10.2011). (in Russ.)
15. Information and analytical material "Family as an object of social policy in the Republic of Tatarstan" // Website of the Ministry of labour, employment and social protection of the Republic of Tatarstan. Available at: <http://mtsz.tatarstan.ru/rus/inform.htm> (accessed 12.11.2011). (in Russ.)
16. Information and analytical material on the topic of "Families with children in the context of the state family policy" (14.10.2008.) // Website of the Ministry of labour, employment and social protection. Available at: <http://mtsz.tatarstan.ru/rus/inform.htm> (date of access: 25.11.2011). (in Russ.)
17. Andryushchenko Ya. *Vliyanie material'nyh uslovij zhizni na rozhdzaamost' i problemy demograficheskoy politiki* [Influence of the material conditions of life on fertility and issues of demographic policy] // *Demograficheskie issledovaniya - Demographic research*. No. 6 dated 01.02.2010. Available at: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=788#n6 (date of access: 27.01.2012). (in Russ.)
18. Dementieva I. F. *Social'noe samochuvstvie sem'i* [Social wellbeing of the family] // *Socis - Socis*. 2008, No. 9. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008_09/Dementeva.pdf (date of access: 26.01.2012). (in Russ.)
19. Sinelnikov A. Op. cit.
20. Breeva E. B. Op. cit.
21. Materials of compilation "Social situation and living standards of the population of Russia - 2010"
22. The ratio of incomes of the population living wage and the number of poor population in the Russian Federation in III quarter 2011 // Site of the Federal service of state statistics of the Russian Federation. Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d03/2.htm (date of access: 27.01.2012). (in Russ.)
23. Materials of compilation "Social situation and living standards of the population of Russia - 2010"
24. Ovcharova L. N. Op. cit.
25. Materials of compilation "Social situation and living standards of the population of Russia - 2010"
26. The number of children under the age of 18 years from certain categories of families eligible for social support at the expense of the budget of the constituent entity of the Russian Federation. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (date of access: 25.02.2014). (in Russ.)

Реклама как отражение этнокультурной, национальной и государственной идентичности (теоретико-методологическое обоснование проблемы)

В статье выделяются основные направления научных исследований в контексте пространства общетеоретических представлений, связанных с особенностями культурно-национального типа сознания. Выделенные направления позволяют подготовить теоретико-методологические подходы к исследованию рекламы как отражения этнокультурной, национальной и государственной идентичности.

The article highlights the main research directions, in the context of space general theoretical ideas associated with the peculiarities of cultural and national consciousness type. Selected directions allow to prepare the theoretical and methodological approaches to the study of advertising as a reflection of ethnocultural, national and state identity.

Ключевые слова: реклама, глобализация, культурно-национальная идентификация, ментальность, стереотип, массовая культура, рекламный текст, символ.

Keywords: advertising, globalization, cultural and national identity, mentality, stereotype, mass culture, advertising text, symbol.

Реклама занимает особое место в коммуникативном пространстве современной массовой культуры, обслуживая самые разнообразные сферы социума – социальную, коммерческую, образовательную, информационную.

На фоне глобализации экономических и культурных процессов она выполняет и медиативную функцию, участвуя в диалоге культур. Не ограничиваясь информацией о товаре или услуге, реклама является и своеобразной «визитной карточкой» общества, народа и типа культуры, которую она представляет.

Восприятие символов, используемых рекламой, понимание и оценка действительности и мира в целом зависят от этнокультурной, национальной и государственной идентификации индивида. В этом своем качестве реклама способна стать источником информации о стране, нации и государстве, с которым она себя идентифицирует. И как результат – парадокс рекламы: являясь мощным фактором глобализации и производства нивелированных ценностей массовой культуры, она одновременно способна сохранять и транслировать национально-этнические и государственные ценности, подчиняя их собственным целям.

Именно поэтому реклама может быть вписана в контекст национально-культурной идентичности, которая, в свою очередь, формируется спецификой ментальности, национально-этнических стереотипов, трансформирующихся на фоне современных глобализационных процессов. Процесс «трансмутации» массового сознания соответствующим образом воздействует и на технологии создания современных рекламных текстов.

В последнее время эти процессы все чаще становятся предметом внимания не только практиков рекламной сферы, но и исследователей-культурологов. Проблема обозначена достаточно остро, потому что аспекты культурно-национальной идентичности сохраняют свою актуальность в различных стратегиях гуманитарного знания и на фоне обострившихся национально-этнических конфликтов в мире.

Справедливо в связи с этим суждение В. А. Гайдаренко, который подчеркивает, что «реклама передает информацию не только о товарах, изделиях, услугах, рынках, но и об общественных, политических и других типах отношений в обществе. Непосредственные предложения о товарах и услугах обычно представляются в рекламе в контексте других образов, рассказывающих об устройстве общества, его культурных конструкциях и о взаимоотношениях в нем» [1].

Вместе с тем обозначенная проблема пока не получила серьезной научной разработки в культурологическом аспекте, хотя она может быть рассмотрена в русле общетеоретических представлений, связанных с особенностями культурно-национального типа сознания.

В пространстве этих представлений можно обозначить следующие направления:

1. Исследования, занимающиеся проблемами культурно-национальной идентичности как сферой культурологии

В контексте данного подхода содержание рекламного текста органично вписывается в теорию фаз национальной идентичности, предложенной современной этнологией и расширяющейся на многие культурные процессы [2].

В соответствии с данной классификацией выделяются:

– фаза этнодифференциации, в период которой общность начинает осознавать свои особенности, появляется самоназвание, мифологизируется прошлое, формируется «почва» общности (территория, язык, культура, религия);

– фаза выработки авто- и гетеростереотипов, на основе которой складывается представление о национальном характере, психическом складе, темпераменте модальной личности, этноиндивидуальности;

– фаза формулирования национального идеала, на которой вырабатывается представление о социально-исторических задачах, о предназначении этноса, а также о господствующих ценностных ориентациях, специфических для данной общности.

В концентрированном виде рекламный текст вбирает эти составляющие, положенные в основу рекламной идеи, направленной на позиционирование национально-этнической стороны рекламного продукта.

В ряду работ этого направления следует отметить исследования М. В. Шуклиновой, С. В. Поповой и др. В частности, в исследованиях М. В. Шуклиновой нашли отражение вопросы градации уровней национально-культурной идентичности [3]. Уровни проявления национально-культурной идентичности, отмеченные автором, включают: *поверхностный*, на котором еще отсутствует ощущение неразрывной связи индивида с этносом, отождествление с этнической группой идет по формальным признакам (государство, место проживания, гражданство и т. д.). В осознании этнической принадлежности отсутствует эмоционально-чувственный элемент; *средний*, на котором уже появляется эмоционально-чувственный элемент и осознаётся неразрывная связь индивида с этносом, а индивид считает себя представителем конкретной нации; *глубинный*, на котором происходит слияние индивида с национальными и культурными ценностями и появляется сложный комплекс волевых, чувственных, эмоциональных переживаний, связанных с этнической принадлежностью.

В работе С. В. Поповой [4], посвященной различным подходам в анализе этнической идентичности в социальной антропологии, этнологии и психологии, намечаются некоторые методологические подходы к изучению феномена этнической идентичности, среди которых называются *примордиализм, инструментализм, конструктивизм*.

При этом этническая идентичность в контексте, например, примордиального подхода включает глубинную личностную привязанность людей в этнической общности, существование особенностей мировосприятия, культуры, языка, психологии, являющихся основами формирования этнической идентичности.

Приходя к выводу о необходимости целостного, системного и интегративного рассмотрения феномена этнической идентичности, автор открывает возможности и для широких прикладных исследований.

2. Исследования, связанные с национально-культурной идентичностью в рамках массовой культуры и процессов глобализации [5], которые являются порождающими факторами рекламного продукта

В частности С. В. Картунов рассматривает связь процессов глобализации с кризисом идентичности (демократизация, экономизация, информатизация, культурная стандартизация, ценностная универсализация).

Анализ этих процессов очень важен при исследовании рекламы как отражения этнокультурной, национальной и государственной идентичности, так как реклама выступает важной составляющей процессов глобализации, за исключением, возможно, неяркой выраженности в процессе демократизации.

Кроме того, как полагает автор: «...национальная идентичность попадает в жесткие тиски экономизации, неуклонно ведущей к формированию единого мирового экономическо-

го пространства <...> такая интеграция в ряде случаев ведет к размыванию национальной идентичности, ее растворению в процессе экономизации» [6].

Под влиянием глобализационных и миграционных процессов для современного мира характерно несовпадение этнической и национальной идентификации. Примером, подтверждающим разделенное этническое и национальное самосознание, могут служить различные диаспоры: например, русские в США, армяне или татары в России и т. д.

Так, формирование единого экономического пространства приводит к появлению трансконтинентальных корпораций, использующих наднациональные бренды, которые, в свою очередь, с целью более эффективного и широкого своего распространения через рекламу нивелируют этническое начало.

Эти процессы находят отражение в ряде работ А. В. Костиной, которая анализирует потенциально конфликтные ситуации, обусловленные сложностью выделения индивидами, группами, общностями собственного культурного пространства и необходимостью индивидам, представителям групп и общностей приспособляться к диалогу с представителями разных культурных миров и формированию необходимой процедуры понимания.

Ситуация, по мнению автора, усугубляется еще в связи с тем, что многие социальные и культурные системы распадаются и уступают функциональным социально экономическим отношениям, что, следовательно, приводит к кризису, затрагивающему все формы идентичности. Способность сравнить образ своего мира с общепринятым образом в рамках этноса, нации, государства или класса у индивида утрачивается. В то же время на фоне утраты этой способности активизируется и противоположный процесс, предполагающий иные формы репрезентации национально-культурной идентичности. Место и роль рекламы в этой модели несомненны.

В данных работах общекультурный кризис рассматривается через кризис идентичности. Делается акцент на усиленной ограниченности и деформации традиционных форм идентичности. Большое внимание уделяется спонтанным конструкторам идентичности субкультурного образца, занимающим место традиционных форм идентичности в условиях преобладания массовой культуры эксплицирующей понятия и термины, обеспечивающие новые варианты идентичности.

Но также стоит отметить, что исследователи выделяют ряд позитивных свойств массовой культуры, влияющих на национально-культурную идентичность: «Массовая культура... выступила в качестве той знаковой системы, которая была равно доступна всем членам... она смогла осуществлять ту циркуляцию смыслов и значений, которая составляет основу общественного единства и стабильности <...> массовая культура становится не только механизмом социализации... но – что гораздо более важно – механизмом формирования способов действия и коммуницирования» [7].

Все названные функции демонстрирует рекламное пространство современной культуры.

3. Конкретные исследования, направленные на анализ ряда аспектов рекламного текста, отражающего особенности и функции национально-этнических символов и образов

Так, в работах В. А. Гайдаренко делаются попытки классификации национальных, этнических и государственных символов, наиболее часто используемых в рекламе коммерческих образовательных услуг в России: земной шар, магистерская шапочка, раскрытая книга, перо, ученая сова, двуглавый орел [8]. Недостатком приведенной автором классификации является то, что далеко не все типы символов, обозначенных автором, можно отнести к ряду национально-этнических.

В связи с этим заслуживают внимания разработки группы ученых из Томского государственного педагогического университета, которые в 2007–2008 гг. реализовали проект «Формирование национальной идентичности: конкурирующие образы-проекты России в зеркале отечественной коммерческой и социальной телевизионной рекламы».

В этом исследовании рассматривалось влияние коммерческой телевизионной рекламы на процесс формирования национальной идентичности у молодежи. За основу были взяты две альтернативные друг другу и традиционные для России модели: модернистская (западническая) и традиционалистская (почвенническая).

Новизна данного исследования заключается в разработанном исследователями концепте формирования национальной идентичности как поля борьбы между различными коммуникаторами с использованием социальных символических ресурсов и приемов коммуникации [9]. В ходе проекта проведен анализ форм обращения российских рекламодате-

лей к национальной идентичности как набору риторических приемов, способствующих прагматической цели – увеличению продаж.

Были определены три основные стратегии, используемые в отечественной рекламе на основе трех массивов рекламных роликов:

- стратегия, направленная на апелляцию к патриотическим чувствам, традиционным образам (царская Россия, СССР). В данной стратегии делается акцент на исторической преемственности, продолжении традиции, надежности, непрерывности;
- стратегия, апеллирующая к новому образу жизни, и к ценностям глобализации;
- стратегия, применяемая в основном производителями продуктов питания и апеллирующая к частной сфере, семейным ценностям, доброте, щедрости и гостеприимству.

Совершенно справедлив вывод автора о том, что «дальнейшее исследование преломления пакетов национальной идентичности в других медийных средах и жанрах, таких, как радио и информационно-аналитические передачи, Интернет и исторические блокбастеры, качественная пресса и ситкомы, позволило бы определить характер программирования массового национального самосознания более широким спектром медиа» [10].

Как следует из приведенного обзора, реклама как одна из важнейших сфер современной культуры вписывается в предметное поле культурологии и определяет характеристику важных процессов современной культуры.

Реклама как отражение этнокультурной, национальной и государственной идентичности и как часть массовой культуры оказывает на идентификацию индивида как отрицательное, так и положительное влияние. С одной стороны, в современной массовой культуре нивелируется этническое начало, массовая культура в процессе глобализации утрачивает национально-этническую идентичность, одновременно стремясь к освоению национально-этнических символов. Массовая культура, и в частности реклама, использует национально-этнические символы как способ для достижения поставленных задач.

С другой стороны, массовая культура осуществляет свободную циркуляцию смыслов и значений, выступает как механизм социализации, как способ взаимодействия индивидов, выполняющий ценностно-ориентированные функции.

Три выделенных направления позволяют подготовить и теоретико-методологические подходы к исследованию рекламы как отражения этнокультурной, национальной и государственной идентичности, а также рассматривать их как способ систематизации и обобщения материала с целью дальнейшего изучения данного вопроса.

Примечания

1. *Гайдаренко В. А.* Символы в печатной рекламе коммерческих образовательных услуг // Вестник РУДН. 2006. № 1(9). С. 51.
2. *Лебедев С. Г.* Этнонационализм в системе политических процессов трансформирующихся обществ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Иваново, 2004.
3. *Шуклинова М. В.* Кризис идентичности как проблема национально-культурного самоопределения индивида // Знание. Понимание. Умение: 2009. № 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Shuklinova/>
4. *Попова С. В.* Философско-культурологические аспекты анализа этнической идентичности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2003.
5. *Кортунов С. В.* Глобализация и национальная идентичность. URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCcQFjAA&url=http%3A%2F%2Fpravoslavie.chestisvet.ru%2Fdownload%2Fs224%2Fs6.doc&ei=VQAXU7vfOMiV4wSNhYC4Cw&usq=AFQjCNFPQJCKjK8If4eTCGabrDxDGZDBQ&bvm=bv.62286460,d.bGE&cad=rjt>; Иванов Р. Н. Формирование идентичности в условиях массовой культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2012.
6. *Кортунов С. В.* Глобализация и национальная идентичность. С. 1. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCcQFjAA&url=http%3A%2F%2Fpravoslavie.chestisvet.ru%2Fdownload%2Fs224%2Fs6.doc&ei=VQAXU7vfOMiV4wSNhYC4Cw&usq=AFQjCNFPQJCKjK8If4eTCGabrDxDGZDBQ&bvm=bv.62286460,d.bGE&cad=rjt>;
7. *Костина А. В.* Массовая культура: аспекты понимания // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1(9). С. 31.
8. *Гайдаренко В. А.* Указ. соч. С. 51–54.
9. *Глухов А. П.* Месседж национальной идентичности в медиуме рекламы // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 32.
10. Там же. С. 35.

Notes

1. Gaidarenko V.A. *Cimvoly v pechatnoj reklame kommercheskih obrazovatel'nyh uslug* [Symbols in print advertising of commercial educational services] // *Vestnik RUDN - Herald of PFUR*. 2006, No. 1(9), p. 51.
2. Lebedev S.G. *Ehtnonacionalizm v sisteme politicheskikh processov transformiruyushchihsya obshchestv: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Ethnic nationalism in the system of political processes transforming societies: autoref. dis. ... cand. Polit. Sciences]. Ivanovo, 2004.
3. Suklinova M.V. *Krizis identichnosti kak problema nacional'no kul'turnogo samoopredeleniya individa* [Identity crisis as a problem of national and cultural self-determination of the individual] // *Znanie. Ponimanie. Umenie - Knowledge. Understanding. Ability*. 2009, No. 4. Available at: http://www.zpujournal.ru/e_zpu/2009/4/Shuklinova/ (in Russ.)
4. Popova S.V. *Filosofsko kul'turologicheskie aspekty analiza ehtnicheskoj identichnosti: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Philosophical cultural aspects of the analysis of ethnic identity: autoref. dis. ... cand. Phil. Sciences]. Stavropol. 2003.
5. Kortunov S. V. *Globalizaciya i nacional'naya identichnost'* [Globalization and national identity]. Available at: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&host=s&source=web&cd=1&ved=0CCcQFjAA&url=http%3A%2F%2Fpravoslavie.chestisvet.EN%2Fdownload%2Fs224%2Fs6.doc&ei=VQAXU7vfOMiV4wSNhYC4Cw&usg=AFQjCNFPQJCKjqK8If4eTCGabrDxDGZDbq&bvm=bv.62286460,d.bGE&cad=rjt> (in Russ.); Ivanov R. N. [Formation of identity in terms of mass culture: author. dis. ... cand. Phil. Sciences]. Omsk. 2012.
6. Kortunov S. V. *Globalizaciya i nacional'naya identichnost'* [Globalization and national identity]. P. 1. Available at: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&host=s&source=web&cd=1&ved=0CCcQFjAA&url=http%3A%2F%2Fpravoslavie.chestisvet.EN%2Fdownload%2Fs224%2Fs6.doc&ei=VQAXU7vfOMiV4wSNhYC4Cw&usg=AFQjCNFPQJCKjqK8If4eTCGabrDxDGZDbq&bvm=bv.62286460,d.bGE&cad=rjt> (in Russ.)
7. Kostina A. V. *Massovaya kul'tura: aspekty ponimaniya* [Mass culture: aspects of understanding] // *Znanie. Ponimanie. Umenie - Knowledge. Understanding. Ability*. 2006, No. 1(9), p. 31.
8. Gaidarenko V.A. Op. cit. Pp. 51-54.
9. Glukhov A. P. *Messedzh nacional'noj identichnosti v mediume reklamy* [Message of national identity in the medium of advertising] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Vestnik of Tomsk state University*. 2010, No. 332, p. 32.
10. Ibid. P. 35.

УДК 008 (091)

Н. Э. Кутеева

Роль Э. Л. Юманса в популяризации идей Герберта Спенсера в культуре США

Статья посвящена исследованию процесса распространения философско-культурологических идей Герберта Спенсера в американской культуре и науке второй половины XIX в. Американские ученые, общественные деятели, писатели, воспринимавшие эволюционную теорию Спенсера как апофеоз прогресса индустриальной эры, стремились применить ее к реалиям страны для поиска путей дальнейшего культурного развития. В работе рассматривается деятельность одного из первых последователей и сподвижников Г. Спенсера в Америке – ученого и издателя Э. Л. Юманса, сыгравшего важную роль в популяризации спенсеровской теории эволюции.

The article studies the process of expansion of Herbert Spenser's philosophical and cultural ideas in the American culture and science of the 2nd half of the XIXth century. American scientists, public figures, writers who regarded Spenser's evolutionary theory as an apotheosis of progress industrial era, tried to apply it to the realia of the country in order to find the ways of further cultural development. It investigates works of E. L. Youmans, scientist and publisher, one of Spenser's first followers, who contributed much to the popularity of Spenser's evolutionary theory.

Ключевые слова: позитивизм, эволюционизм, культурный прогресс, Э. Л. Юманс, популяризация науки.

Keywords: positivism, evolutionism, cultural progress, E. L. Youmans, science promotion.

Философско-культурологические идеи Герберта Спенсера (1820–1903) оказали существенное влияние на развитие мировой науки и культуры и во многом сыграли определяющую роль в формировании культурного облика Соединенных Штатов Америки конца XIX–начала XX в. Пристальное внимание американских ученых и художников второй половины XIX в. к философии позитивизма и эволюционизма можно считать одной из отличительных черт культуры того времени.

Г. Спенсер выработал собственную целостную культурологическую концепцию единого мироздания, которое движется к «далекому божественному результату» совершенствования мира и человека. Английский философ заложил теоретические основы концепции культурных систем, которая рассматривала культуру как развивающуюся, обновляющуюся синтетическую систему, находящуюся в постоянном процессе адаптации к внешним и внутренним условиям. Закон прогресса и сопутствующие ему процессы интеграции, дифференциации, вторичных изменений, превращение «простого в сложное», «низшего в высшее», «однородного в разнородное» совершаются во всей Вселенной: в неорганической и органической материи, в растительном и животном мире, «в сознании, обществе, во всех продуктах социальной деятельности» [1]. Культурный прогресс и развитие человеческого сообщества, как и развитие биологических организмов, в понимании философа зависит от внешних условий и внутренних предпосылок.

Поставленная Спенсером в его «синтетической» философии задача – найти общие закономерности развития всего живого, представить человека как равноправную часть природы – была важнейшим шагом вперед и определила основное направление естественнонаучных, философских, социальных и литературных поисков США на рубеже веков. Если, по мнению ряда ученых, в начале XIX в. «взаимоотношения человека и мироздания не поддавались рационалистическому осмыслению, а приобретали сложный мистифицированный характер» [2], то теперь эмпирическая методология позволяла философу уподобить культуру природе, явленному миру, подлежащему наблюдению и описанию.

Американских ученых заинтересовала попытка английского философа материалистически истолковать человеческое бытие как закономерную эволюцию «гомогенного» в «гетерогенное», а также идеи мирового прогресса и универсальности законов культуры. Показательно, что в Америке многие идеи позитивизма и эволюционизма нашли больше сторонников, нежели в Европе. Историк Джон Фиск писал: «Ни в какой другой англоязычной стране философия Герберта Спенсера не находила такого всеобщего и радушного приема, как в Соединенных Штатах» [3]. Причины «популярности» Спенсера в Новом Свете следует искать в своеобразии исторического и социально-политического развития США. Во второй половине XIX в. Америка переживала стремительный экономический и промышленный рост и становилась страной банков, трестов и монополий, биржевых спекуляций, концентрации капитала и невиданной конкуренции. По этой причине эволюционная теория английского философа как апофеоз прогресса индустриальной эры нашла в США благодатную почву для дальнейшего развития.

В области философии, социологии, культурологии, естественных наук, истории, психологии закономерным итогом распространения эволюционной теории Спенсера стало возникновение таких направлений, как культурная антропология, этнологический эволюционизм, прагматизм, инструментализм, бихевиоризм, функционализм, диффузионизм, этология. Спенсеровская концепция повлияла не только на развитие науки в США, но и на исторические, социально-политические и экономические процессы: идея *survival of the fittest* («выживания сильнейшего») определенным образом была интерпретирована последователями философа в «биологической социологии»; идеи свободной кооперации стали основой развития политэкономической концепции *laissez-faire* (политики «невмешательства»); в области художественного творчества идеи Спенсера способствовали утверждению эстетических принципов реализма и натурализма.

Спенсерианство сыграло важную роль в формировании мировоззрения целого ряда выдающихся американских философов и ученых: Э. Л. Юманса, Д. Фиска, Э. Тейлора, У. Г. Самнера, У. Джеймса, Р. С. Джордана, Г. Джорджа, У. М. Уилера, Б. Ф. Скиннера, Л. Уайта.

Процесс рецепции спенсеровских идей в США проходил в несколько этапов, связанных с изменением культурного облика страны. На начальном этапе сторонники и последователи Спенсера считали своим долгом всячески способствовать распространению идей английско-

го философа: университетские профессора выступали с лекциями об эволюционизме, издатель публиковал его труды.

Первый период рецепции спенсеровских идей (1860–1870-е гг.) был связан с восприятием естественнонаучных и социальных теорий английского философа, объединяющих принципы функционирования биологического и социального сообществ. К этому периоду относится деятельность таких ученых-биологов, эмбриологов, физиологов, геологов, химиков, как Ч. Чайльд, Ч. Уитмен, У. Крег, Дж. Леконт, Р. Джордан и Э. Юманс, в многочисленных опытах и открытиях которых нашли подтверждение идеи Спенсера в области естественных наук. Это было время восторженного приятия оптимистической и телеологической концепции прогресса культуры как бесконечного и необратимого процесса совершенствования.

В ряду первых сторонников теории эволюции Спенсера в США можно назвать публициста и философа Джорджа Рипли (1802–1880), одного из создателей колонии Брук Фарм; религиозного проповедника и издателя религиозных журналов Генри Уорда Бичера (1813–1887), брата Гарриет Бичер-Стоу, аболициониста, реформатора, убежденного в том, что даже религия должна адаптироваться к современным культурным условиям; Эдварда Огастеса Силсби (1826–1900), Джорджа Робертса, Джозефа Леконта (1823–1901), профессора геологии, горячего сторонника и «проповедника» теории эволюции, и, конечно, Эдварда Ливингстона Юманса (1821–1890), ставшего первым популяризатором идей Спенсера в США.

Эдвард Л. Юманс, талантливый физиолог и химик, стал не только издателем работ Спенсера в Соединенных Штатах, но другом и соратником английского философа на долгие годы. Моральная и материальная поддержка Э. Юманса позволила Спенсеру полностью посвятить себя научной работе.

Еще задолго до знакомства со Спенсером Юманс заинтересовался работами Ч. Лайеля по геологии, доктриной корреляции сил и последовательного развития природы, что уже в достаточной степени подготовило американского ученого к восприятию теории всеобщей эволюции. В 1856 г. он прочитал в британском журнале *Medico-Chirurgical Review* заметку об «Основаниях психологии» Спенсера и выписал интересующую его книгу из Лондона. «Основания психологии» произвели на Юманса огромное впечатление, в них он увидел воплощение своих мыслей и оценил книгу английского философа как труд, в котором был сделан важный шаг на пути к теории всеобщей эволюции.

В скором времени Юманс прочитал «Социальную статику» и другие работы Спенсера. Когда же в его руки случайно попал большой проспект работ философа с предложением автора напечатать их по подписке [4], то он с радостью откликнулся.

По свидетельству самого Спенсера, он познакомился с Юмансом в 1860 г., когда основоположник эволюционизма испытывал серьезные финансовые затруднения. Английский философ обратился к американскому издателю с вопросом о возможности опубликования своих работ в Соединенных Штатах. Юманс, будучи редактором *Appleton's Journal*, с большим воодушевлением воспринял эту идею и сумел заинтересовать издателей братьев Эпплтон в распространении сочинений Спенсера. Так завязалась переписка, перешедшая в тесное сотрудничество единомышленников и дружбу, длившиеся без малого тридцать лет.

К этому времени Спенсер уже имел неудачный опыт издания своих произведений в Новом Свете, когда тираж книги об образовании, изданный в Бостоне, остался нераскупленным и издательство *Ticknor & Fields*, убежденное, что научные книги не вызовут интереса публики, отказалось переиздавать ее. Поэтому вмешательство Юманса оказалось спасительным для Спенсера. Юманс сумел заинтересовать Уильяма Генри Эпплтона в предложении Спенсера и договориться с издательским домом *D. Appleton & Company* об издании его трудов. Братья Эпплтон впоследствии называли предложение Юманса об издании трудов английского философа одним из самых благоприятных событий в их летописи. С легкой руки Юманса Эпплтоны издали работы не только Спенсера, но и Ч. Дарвина, Дж. Беркли, Д. Тиндала, Т. Гексли и других ученых, что позволило им занять исключительное место в среде американских коллег.

По мнению историка Джона Фиска, Соединенные Штаты в интеллектуальном плане отставали от Европы на пятьдесят лет, так как новые веяния попадали за океан много позже. Юманс, будучи научным советником братьев Эпплтон, способствовал тому, что Америка, получившая возможность быть в курсе актуальных научных событий, стала передовой не только в технологическом, но и в научном смысле.

В 1861 г. Юманс совершил поездку в Европу, где впервые лично встретился с английским философом. Теперь работы последнего издавались в США повсеместно. Юманс писал к ним предисловия и составлял синопсисы. Американское издание спенсеровских «Опытов», выпущенное с другим порядком расположения статей, нежели на родине философа, на долгое время стало, по словам самого Спенсера, «стереотипным» и эталонным. Наибольшим успехом в США пользовался третий том его «Опытов», который переиздавался неоднократно.

Однако ввиду серьезных финансовых затруднений в 1861 г. Спенсер сообщил своим заокеанским друзьям, что не сможет больше продолжать издание своих трудов. К лету 1865 г. долг философа по издательству достигал тысячи фунтов. И тогда Джон Стюарт Милль (1806–1873), давний коллега и оппонент Спенсера, предложил за собственные деньги продолжить подписное издание. Э. Гексли, Дж. Лаббок и другие ученые присоединились к предложению Милля и увеличили число подписчиков за счет своих друзей и знакомых. Это помогло несколько исправить положение. Кроме того, для продолжения издания не хватало большой суммы (85 тысяч долларов), Юманс собрал необходимую сумму, превратил ее в ценные бумаги и положил на счет Спенсера.

За тридцать лет Юманс посетил Британию множество раз, но самый важный визит к Спенсеру состоялся в 1871 г., когда американский ученый обратился к английскому философу с просьбой составить краткое изложение основных положений его теории. У Юманса был давний замысел – издать популярные научные книги, адресованные массовому читателю, написанные не третьесортными интерпретаторами, как это было обычно, но выдающимися учеными XIX столетия. Он считал, что никто так хорошо не может написать научно-популярную книгу, как сам создатель научной теории.

Юманс, проявляя завидную настойчивость, сумел договориться с целым рядом ученых с мировым именем и стал учредителем *International Scientific Series*. Целью этого издания была публикация на разных языках небольших книг научного характера для популяризации научного знания и ввода массового читателя в широкий научный контекст. В конечном счете, около пятидесяти подобных книг было издано в Англии, Германии, Франции. Именно в рамках этой программы были изданы первые работы Спенсера и в России.

Через год Юмансом был основан журнал *Popular Science Monthly*, первый номер которого вышел в мае 1872 г. Кроме работ Спенсера в нем печатались статьи Ч. Дарвина, Э. Гексли, Л. Пастера, Ч. Пирса, У. Джеймса и многих других ученых. Данный журнал имел высокую образовательную ценность для широкого круга читателей. Синопсис основных положений спенсеровской философии был также впервые издан в США в журнале *Popular Science Monthly*, и только спустя некоторое время в Англии в журнале *Athenaeum* от 22 июля 1882 г. Постепенно имя Спенсера становилось всемирно известным, спрос на его книги рос, к 1875 г. он покрывает свои финансовые убытки и получает первую прибыль.

В речи, произнесенной перед Конгрессом США, Спенсер благодарил Соединенные Штаты за поддержку, оказанную ему в деле распространения своих идей, и персонально выделял профессора Э. Л. Юманса, способствовавшего изданию его сочинений и популяризации теории эволюции.

Во многом благодаря деятельности Э. Л. Юманса Спенсер получил в США огромное признание и приобрел множество друзей «по всей стране», которые хотели «увидеть его, пожать ему руку и выразить ему свое восхищение и благодарность» [5]. Юманс, как и другие последователи эволюционизма в Америке, считали своей задачей раскрыть телеологические и гуманистические основы эволюционизма. Преданность Эдварда Л. Юманса делу распространения эволюционных идей позволила Д. Фиску назвать его проповедником «Евангелия Эволюции» и «заокеанским Альтер эго» Спенсера [6].

Примечания

1. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские: пер. с англ. / под ред. Н. А. Рубакина. Минск: Современный литератор, 1999. С. 630.

2. Морозкина Е. А., Камалов Р. И. Художественная реализации модели «внутреннее – внешнее» в композиции романа Н. Готорна «Дом о семи фронтонах» // Вестник Башкирского университета. 2013. № 1. С. 89.

3. Fiske J. Edward Livingston Youmans. The Man and his Work // Popular Science Monthly. Vol. 37. May, 1890. P. 11.

4. Ibid. P. 13.

5. Youmans E. L. Herbert Spencer on the Americans and the Americans on Herbert Spencer: Being a full report of his interview, and of the proceedings of the farewell banquet of Nov. 11, 1882. N. Y.: D. Appleton and Company, 1884. P. 6.

6. Fiske J. Op. cit. P. 14.

Notes

1. Spencer G. *Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie* [Experiments, scientific, political and philosophical]: transl. from Eng. / Ed. by N. A. Rubakin. Minsk. Sovremenny literator. 1999. P. 630.

2. Morozkina E. A., Kamalov R.I. *Hudozhestvennaya realizacii modeli «vnutrennee vneshnee» v kompozicii romana N. Gotorna «Dom o semi frontonah»* [Artistic realization of model "internal - external" in the composition of the novel N. Hawthorne "House of the seven gables" // *Vestnik Bashkirskogo universiteta - Herald of Bashkir State University*. 2013, No. 1, p. 89.

3. Fiske J. Edward Livingston Youmans. The Man and his Work // *Popular Science Monthly*. Vol. 37. May, 1890. P. 11.

4. Ibid. P. 13.

5. E. L. Youmans Herbert Spencer on the Americans and the Americans on Herbert Spencer: Being a full report of his interview, and of the proceedings of the farewell banquet of Nov. 11, 1882. N. Y.: D. Appleton and Company, 1884. P. 6.

6. Fiske J. Op. cit. P. 14.

Древнерусские изделия в могильниках IX – начала XII в. севера Вятско-Ветлужского междуречья

В данной статье автор ставит цель рассмотреть древнерусские изделия (украшения, оружие, бытовые предметы), найденные в древнемарийских могильниках IX – начала XII в. северной части Вятско-Ветлужского междуречья (могильники Веселовский, Юмский «Черемисское кладбище»). В рамках цели решаются две задачи: выявить предметы, происходящие с территории Древней Руси, а также на основании датировок и аналогий определить характер поступления этих вещей на север Вятско-Ветлужского междуречья. Статья сопровождается иллюстративным материалом – прорисовками рассмотренных вещей. Новизна исследования обусловлена привлечением новых сведений, полученных за последнее десятилетие, а также иной интерпретацией уже имеющихся материалов – разделением привозных вещей по хронологическому признаку. В завершение делаются выводы о поступлении привозных вещей.

In this article the author aims to give an overview of the Russian medieval products such as jewelry, weapons, work items, detected on Mari medieval graveyards IX – early XII centuries on north part of Vyatka-Vetluga river system (Veselovskij, Yumskij, “Cheremisskoe kladbische” graveyards). Under goal solve two problems: identify products, come from medieval Rus’ and ways how they coming, based on items dating and finding analogs. Article is accompanied by illustrations of some of the considered items. The novelty of the research is concluded in using new facts, obtained in last decade and separated imported products by chronological indication. In conclusion author infer about importing in north part of Vyatka-Vetluga river system.

Ключевые слова: торговые контакты, древнерусские вещи, средневековая марийская культура, археологические памятники севера Вятско-Ветлужского междуречья.

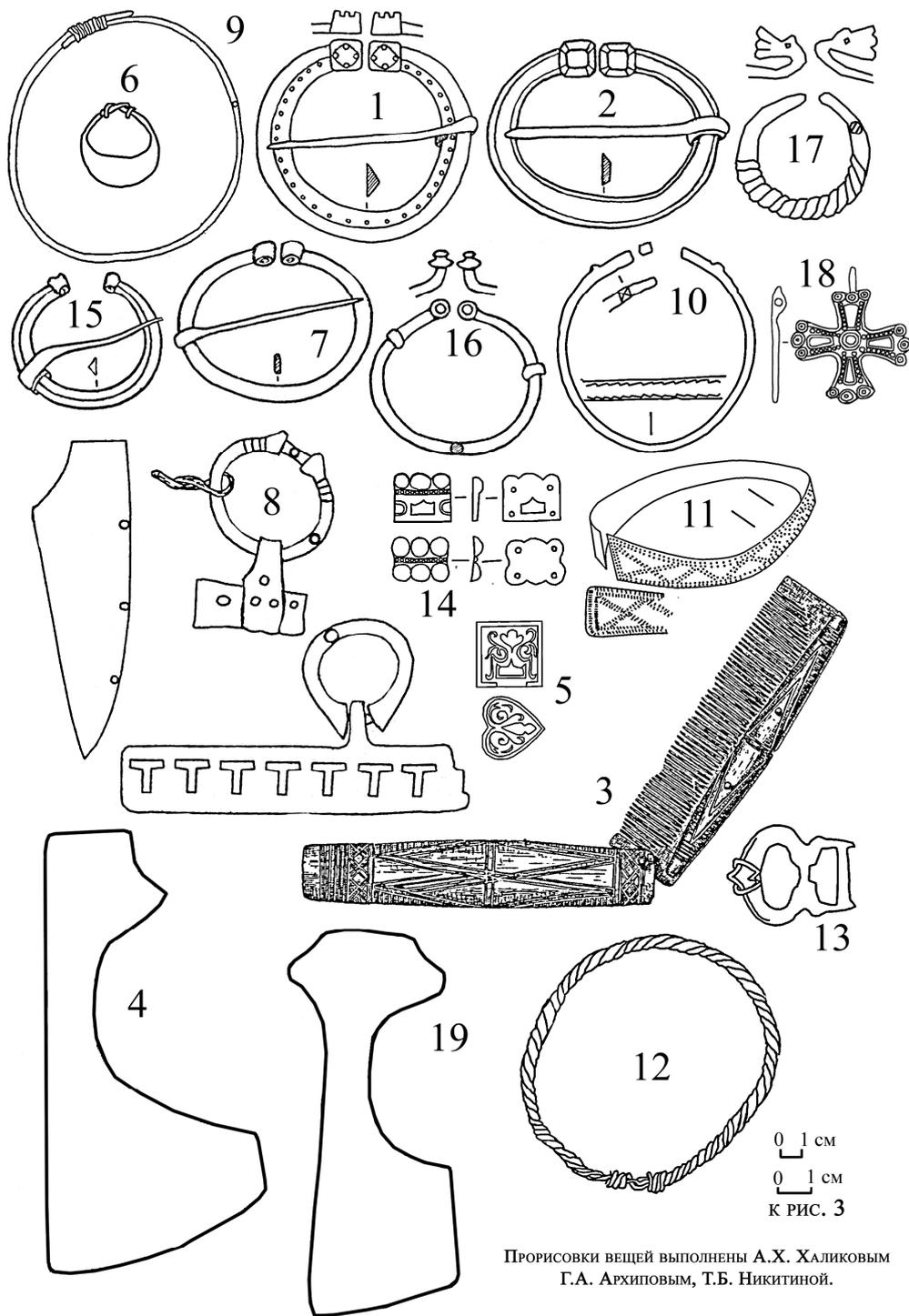
Keywords: trade contacts, Medieval Rus’ products, medieval Mari culture, archaeological sites in north part of Vyatka-Vetluga river system.

Среди памятников раннесредневековой древнемарийской культуры особое место занимает группа могильников, расположенных в северной части Вятско-Ветлужского междуречья. К ним относятся могильники Веселовский, «Черемисское кладбище» и Юмский. Первые два некрополя находятся в верхнем течении Ветлуги, Юмский же расположен немного в стороне, в среднем течении Пижмы, притока Вятки. Они насчитывают 74 погребальных комплекса, отдалены от более южных древнемарийских памятников и представляют собой обособленную группу.

Рассматриваемые могильники находятся на удалении от торгового пути по Волге, однако содержат большое количество привозных вещей. Особое место среди них занимают вещи с территории Руси.

Наиболее ранние привозные вещи связаны преимущественно со странами Балтики. Стоит отметить, что эти предметы получили распространение и на Руси, поэтому утверждать их проникновение напрямую из Скандинавии, Финляндии или Прибалтики нет основания.

К таким вещам относятся две фибулы с многогранными головками, украшенными четырьмя выступами (см. рис. 1) из погребения 5 и материалов раскопок 1929 г. Веселовского могильника. Аналогии известны в Приладожье, на острове Березань в устье р. Буг, в ярославских могильниках, в Швеции, Финляндии, на Готланде, родиной фибул этого типа является Финляндия, где они известны в IX–X вв. Датируется такой тип на территории Руси X – начала XI в. [1]

Прорисовки вещей выполнены А.Х. Халиковым
Г.А. Архиповым, Т.Б. Никитиной.

1 - погр. 5 Веселовского могильника
2 - погр. 13 Веселовского могильника
3 - погр. 13 Веселовского могильника
4 - погр. 13 Веселовского могильника
5 - погр. 15 Веселовского могильника
6 - погр. 16 Веселовского могильника
7 - жертвенный комплекс 20
Веселовского могильника
8 - материалы раскопок 1929 г.
Веселовского могильника
9 - погр. 26 Веселовского могильника
10 - жертвенный комплекс 21
Веселовского могильника

11 - погр. 5 Юмского могильника
12 - погр. 29 Веселовского могильника
13 - погр. 23 Веселовского могильника
14 - погр. 14 "Черемисского кладбища"
15 - погр. 22 Веселовского могильника
16 - погр. 25 Веселовского могильника
17 - материалы раскопок 1929 г.
Веселовского могильника
18 - из сборов на территории
Веселовского могильника
19 - погр. 12 Веселовского могильника

В погребениях 13, 16 и в материалах раскопок 1929 г. Веселовского могильника содержатся фибулы, головки которых выполнены в виде усеченной пирамиды со срезанными углами (см. рис. 2). Аналогии с этими фибулами происходят из Ленинградской, Тверской, Смоленской, Ярославской, Черниговской областей, Новгорода, Латвии, Финляндии, Швеции, Готланда. Датируются они на территории Руси в X – первой половине XI в., в Финляндии – с IX по начало XI в. [2]

В одном погребальном комплексе может содержаться сразу несколько привозных вещей. Так, в погребении 13 Веселовского могильника фибула находилась вместе со складной расческой (см. рис. 3) X – первой половины XI в. [3] и топором с парой треугольных щековиц (см. рис. 4), относящимся к типу V по классификации А. Н. Кирпичникова. Топор имеет овальную втулку, что говорит о его ранней дате, то есть X в. Изделия этого типа распространены в славяно-финских древностях Северной Руси, преимущественно в Южном Приладожье [4]. Здесь же найдены поясные накладки (см. рис. 5), аналогии с которыми есть в материалах Тимеревского могильника [5], в Минино II [6]. А погребение 16 содержало также щитковый перстень с завязанными концами (см. рис. 6). Такие перстни встречаются на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, в Прибалтике [7]. В Финляндии и Швеции они появляются в X в. [8]

В жертвенном комплексе 20 Веселовского могильника обнаружена плоская в сечении спиралевидная фибула (см. рис. 7). Аналогии с ней имеются во владимирских курганах, Тимеревском могильнике, где датированы X в. [9]

В материалах раскопок Веселовского могильника 1929 г. имеются обкладки ножен боевого ножа, или скрамасакса (см. рис. 8). А. Н. Кирпичников приводит в своей работе карту находок скрамасаксов на территории Руси: Киев, Чернигов, Смоленск, Ярославль, Старая Ладога. Исследователь отмечает, что на Руси это оружие является западным или северо-западным заимствованием, встречено в богатых захоронениях и перестало употребляться к XI в. [10]

Подобные вещи имеются и на Юмском могильнике. Погребение 2 содержит поясные накладки, аналогичные с накладками из погребения 13 Веселовского могильника. Здесь же был топор с парой треугольных щековиц, рассмотренный выше.

Все эти погребальные комплексы могут быть датированы X – началом XI в. В этот период привозные вещи носят, по-видимому, статусный характер и не вытесняют местные изделия.

Совсем иная ситуация складывается в середине XI – начале XII в. Здесь мы наблюдаем постепенное вытеснение вещами западного происхождения этнических украшений.

Височные кольца с загнутым концом заменяются браслетообразными височными кольцами с заходящими заостренными концами (см. рис. 9), которые были широко распространены в финно-угорском мире, но их концентрация отмечена на северо-западе Новгородской земли, встречаются они на Мининском археологическом комплексе, где датируются XI – первой половиной XII в. [11] Они обнаружены в погребениях 1, 26, 27 Веселовского могильника и 14 «Черемисского кладбища».

Дротовые браслеты с кружковым орнаментом или без него также исчезают, и их место занимают несколько типов браслетов. В погребениях 2, 22, 25, 28, 29, жертвенном комплексе 21 и в материалах раскопок 1929 г. Веселовского могильника встречены браслеты (см. рис. 10), концы которых украшены стилизованными мордами животных («звериноголовые»). Появились они в X в. в Прибалтике, откуда распространились на финские и славянские территории, где датированы в основном XI – началом XII в. [12] Второй тип – пластинчатые браслеты с расширяющимися концами (см. рис. 11), известные в погребениях 22, 28, 31 Веселовского, 5 Юмского могильников и получившие распространение в XI–XII вв. в Северной Руси, Прибалтике, Финляндии, Владимирских и Костромских курганах [13]. Третий тип – витые браслеты с завязанными концами (см. рис. 12). Встречены такие браслеты в погребениях 29, 31 Веселовского могильника и 15 «Черемисского кладбища». Аналогии широко представлены на древнерусских памятниках X–XII вв. [14]

В XI в. встречены элементы поясной гарнитуры с Руси. В погребениях 23, 24 Веселовского могильника найдены лировидные пряжки (см. рис. 13). Это наиболее распространенный тип пряжек в Новгороде, встречаются они и в новгородских, минских, смоленских, владимирских, подмосковных курганах и датируются в Новгороде XI–XII вв. [15] Прямоугольные накладки со вздутями в виде полушарий (см. рис. 14) из погребения 14 «Черемисского

кладбища» аналогичны изделиям из курганов Южного Приладожья, могильника Монино II, Белозерья, где датированы второй половиной X в. [16] Однако погребальный комплекс датирован на основании височных колец с заходящими заостренными концами XI в.

В это время продолжается поступление на древнемарийскую территорию подковообразных фибул. Погребения 1, 22 Веселовского могильника и 8 «Черемисского кладбища» раскопок 1908 г. содержат спиралеконечные фибулы с треугольным сечением дуги (см. рис. 15), из погребения 25 Веселовского могильника происходит фибула с маковидными головками (см. рис. 16), а в материалах раскопок 1929 г. есть тордированная с зооморфными головками фибула (см. рис. 17). Первые фибулы известны на территории Руси и в странах Балтийского бассейна. Бытовали они с X по конец XII в. Аналогии со вторыми встречаются на севере Руси, в Прибалтике и Финляндии и датируются XI – началом XII в. Аналогии с третьей фибулой известны в Новгороде, Верхнем Понеманье, Брестском Побужье, Прибалтике, датируются они с X до XIV в. [17]

Из сборов на территории Веселовского могильника происходит крест скандинавского типа (см. рис. 18). Бытуют они в XI в. на территории Руси [18], в памятниках корелы [19].

Кроме того, с Русью можно связать и распространение железных кресал (погребения 2, 11, 22, 24, 25, 27, 28, 30, 33 Веселовского могильника, 14 «Черемисского кладбища») и некоторых типов топоров (рис. 19) (погребения 12, 23 Веселовского могильника) – тип VI по классификации А. Н. Кирпичникова. Такие топоры распространены на территории Северной Руси [20].

Вопрос о контактах с Русью сложен и неоднозначен. При характеристике таких связей важно учитывать ее составляющие: торговлю по Волге славян и скандинавов, связи с волжскими финнами и процессы славяно-финского продвижения на восток, колонизации.

Существуют два пути поступления обозначенных вещей на территорию Вятско-Ветлужского междуречья. Первый путь самый логичный – Волга и ее притоки. Вторым путем – Сухоно-Вычегодский. Для X в. нет доказательств стабильного функционирования Сухоно-Вычегодского пути, активно он начинает функционировать с конца XI в. в связи с продвижением новгородцев на северо-восток [21], если речь идет именно о XI в., то предположение его использования делается актуальным.

В целом торговля с Русью в X в. была слабой. Никаких факторов на рассматриваемой территории (в отличие от Волжской Булгарии) древнерусские торговцы не имели. По-видимому, товары, которые могли предложить раннесредневековые марийцы (пушнина, мед, воск), были в изобилии представлены в самой Руси и не интересовали купцов. Вероятно, в Марийском Поволжье устраивались кратковременные стоянки, где торговые караваны пополняли запасы провизии, чинили суда и проводили незначительные торговые операции. Вполне возможно, что такие отношения древних марийцев и купцов перемежались с взаимными ограблениями и вооруженными стычками. Затем эти товары транзитом попадали на север территории расселения древнемарийского населения.

Предметы балтийского и дружинного происхождения встречаются преимущественно в богатых захоронениях, определяли высокий статус их владельцев и были редким исключением в костюме древних марийцев (преимущественно в мужском костюме), не повлияв на него.

Совсем иная ситуация складывается во второй половине XI в. Украшения славяно-финского облика к рубежу XI–XII вв. вытесняют характерные для древних марийцев типы украшений («глазовские» гривны, граненые браслеты, «усатые» перстни), а в XII в. коренным образом изменяют марийский костюм.

Примечания

1. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М.: Сов. Россия, 1967. С. 161–162.
2. Там же. С. 161–162.
3. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 21.
4. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. Вып. E1-36. М.; Л.: Наука, 1966. С. 36.
5. Ярославское Поволжье X–XI вв. / отв. ред. Н. А. Смирнов. М.: Наука, 1963. С. 67.
6. Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.: Наука, 2008. Рис. 81.
7. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 77.
8. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. МИА, № 65. М.: Наука, 1981. С. 129–130.

9. Мальм В. А. Указ. соч. С. 155.
10. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. С. 71.
11. Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. С. 101.
12. Седова М. В. Указ. соч. С. 112.
13. Левашева В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. С. 236–237, 251.
14. Древняя Русь. Быт и культура. С. 74.
15. Седова М. В. Указ. соч. С. 144.
16. Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 109.
17. Древняя Русь. Быт и культура. С. 72–73.
18. Там же. С. 173, табл. 103, 12.
19. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. Табл. XV, 9.
20. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. С. 36.
21. Иванов А. Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. С. 104, 151.

Notes

1. Malm V. A. *Podkovoobraznye i kol'cevidnye zastezhki fibuly* [Horseshoe-shaped and ring-shaped zipper brooches] // *Ocherki po istorii russkoj derevni X–XIII vv* - Essays on the history of the Russian village X–XIII centuries. Proceedings of the SHM. Is. 43. Moscow. Sov. Rossiya. 1967. Pp. 161–162.
2. Ibid. Pp. 161–162.
3. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* - Ancient Rus. Life and culture. Moscow. Nauka. 1997. P. 21.
4. Kirpichnikov A. N. *Drevnerusskoe oruzhie* [Ancient weapons]. Is. 2 // SAI. Is. E1–36. Moscow; Leningrad. Nauka. 1966. P. 36.
5. *Yaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv.* [Yaroslavl Volga in X–XI centuries] / resp. Ed. N. A. Smirnov. Moscow. Nauka. 1963. P. 67.
6. *Arheologiya severnorusskoj derevni X–XIII vv.: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere* - Archaeology of North-Russian village in X–XIII centuries: medieval settlement and burial grounds on the Kubensky lake. Vol. 2. Moscow. Nauka. 2008. Fig. 81.
7. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* - Ancient Rus. Life and culture. Moscow. Nauka. 1997. P. 77.
8. Sedova M.V. *YUvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelry of Ancient Novgorod (X–XV centuries)] // *Trudy Novgorodskoj arheologicheskoy ehkspedicii* - Proceedings of the Novgorod archaeological expedition. Vol. 1. MIA, No. 65. Moscow. Nauka. 1981. Pp. 129–130.
9. Malm V.A. Op. cit. P. 155.
10. Kirpichnikov A. N. *Drevnerusskoe oruzhie* [Ancient weapons]. Is. 1. P. 71.
11. *Arheologiya severnorusskoj derevni X–XIII vv.: srednevekovye poseleniya i mogil'niki na Kubenskom ozere* - Archaeology of North-Russian village in X–XIII centuries: medieval settlement and burial grounds on the Kubensky lake. P. 101.
12. Sedova M.V. Op. cit. P. 112.
13. Levashева V. N. *Braslety* [Bracelets] // *Ocherki po istorii russkoj derevni X–XIII vv* - Essays on the history of the Russian village of X–XIII centuries. Pp. 236–237, 251.
14. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* - Ancient Rus. Life and culture. P. 74.
15. Sedova M.V. Op. cit. P. 144.
16. Murasheva V.V. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniya (X–XIII vv.)* [Ancient belt inlaid decoration (X–XIII centuries)]. Moscow. Editorial URSS. 2000. P. 109.
17. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* - Ancient Rus. Life and culture. P. 72–73.
18. Ibid. P. 173, tbl. 103, 12.
19. *Finno ugry i balty v ehphohu srednevekov'ya* - Finno-Ugrians and Balts in the middle ages. Moscow. Nauka. 1987. Table XV, 9.
20. Kirpichnikov A. N. *Drevnerusskoe oruzhie* [Ancient weapons]. Is. 2. P. 36.
21. Ivanov A. G. *Ehtnokul'turnye i ehkonomicheskie svyazi naseleniya bassejna r. Chepcy v ehphohu srednevekov'ya* [Cultural and economic ties of the population of the Cheptsya river in the middle ages]. Izhevsk. Udmurt Institute of History, Language and Literature. Ural branch of the Russian Academy of Sciences. 1998. Pp. 104, 151.

**Опыт реконструкции родовых (общинных) угодий
аборигенного населения Обдорского края
на данных полевых исследований
второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг.**

Автор приходит к выводу, что до определённой степени возможно восстановить топографию и структуру родовых (общинных) рыболовецких и охотничьих угодий аборигенного населения Обдорского края (Ямало-Ненецкий автономный округ) по состоянию на первую половину 1930-х гг. XX в. Для аборигенов-кочевников восстановимы маршруты кочевок и места зимовок и летовок оленных стад. Восстановима также внутренняя логика системы родовых угодий. В своих выводах автор опирается на широкий круг источников. Прежде всего, речь идет о полевых и отчетных материалах различных землеустроительных экспедиций, обследовавших Обдорский край во второй половине 1920–1930-х гг. XX в. Дальнейшее изучение и картографирование системы родовых угодий послужит в свою очередь своеобразным прогностическим инструментарием в этнологических и археологических исследованиях.

The author comes to the conclusion that, to some extent, it is possible to restore the topography and structure of tribal (communal) fishing and hunting area of aboriginal Obdorsk region (Yamal-Nenets Autonomous Region) of the first half of the 1930s of the XX century. Aborig in alnomadicmig rations routes are retrievable as well as wintering and summering places of deerherds. The internallogic of the system of tribal territories is also recoverable. The author`s conclusions draw a widerange of sources. First of all, they are based on records of task groups` reports of various land and water exploratory expeditions which investigated Obdorsk region in the second half of the 1920s–1930s. Further study and mapping of tribal lands will act as a kind of a prognostic tool in anthropological and archaeological research.

Ключевые слова: Обдорский край, аборигены (ханты, ненцы); родовые угодья (вотчины); вотчинное право; границы родовых угодий; аренда угодий (кортом); захват угодий; спорные угодья; структура угодий; землеустройство колхозов; землеустроительные экспедиции; рыболовный промысел; рыболовные пески; соровые озёра; охотничий промысел; облавная охота («таларава»); охотничьи ловушки (слопец, чиркан, капкан).

Keywords: Obdorsky Territory, the Aborigines (Khanty and Nenets); tribal lands (patrimonies); patrimonial right; boundaries of tribal lands; lease of lands (court); conquer of lands; land disputes; land structure; collective land management; land & water-construction expeditions; fisheries; fishing sands; sor Lake; hunting; round-up hunting (“Talarava”); hunting traps (slopets, strike sharply, trap).

В дореволюционный период все промысловые и пастбищные угодья находились в собственности аборигенов Обдорского края на условиях традиционного вотчинного права, которое, однако, было признаваемо государством, то есть закреплено юридически. Вотчинное право, по свидетельствам, собранным у самих аборигенов, существовало исстари. Известный исследователь Севера В. П. Евладов в конце 1920-х гг. писал, что в основе вотчинного права лежали «экономические причины». В частности, он полагал, что охотничьи угодья ранее других были поделены между родовыми ватагами уже в силу того, что охотничий промысел значительно древнее оленеводства [1]. Заметим в связи с этим, что суждение В. П. Евладова вполне можно перенести и на рыбную ловлю. Но и оленные пастбища были в свое время поделены между аборигенами-кочевниками, и каждый род прекрасно был осведомлен о границах своих пастбищных угодий, стараясь при выпасе этих границ не нарушать без особой на то нужды [2]. Уже в дореволюционный период вотчинное право начинает размываться. Причиной тому была русская колонизация края. Русское и коми-зырянское население (сс. Обдорск, Хэ, Нори), а также приезжие рыбопромышленники широко пользовались угодьями на условиях аренды (кортома). Угодья начинают переходить к рыбопромышленникам и

старожилам в собственность. Подобные сделки носили незаконный характер, но имели место быть. Так, «самоеды Обской губы» ухитрились продать одно рыболовное угодье – салмы Вануйтовские – дважды двум разным купцам [3]. Впрочем, известны были случаи купли-продажи угодий аборигенами другим аборигенным общинам. Так, в свое время ханты с р. Сыни купили у хантов, проживавших на р. Сось, несколько озер, изобиловавших водоплавающей птицей [4].

Своеобразными верховными распорядителями всех инородческих земель Обдорской волости считался род князей Тайшиных. И инородцы-вотчинники вынуждены были выполнять указания князя, даже если князь под воздействием принятой от промышленников мзды принимал заведомо невыгодное для вотчинников решение. Впрочем, власть Тайшиных в тундре имела и позитивное значение, ибо нередко были склоки из-за угодий и между самими кочевниками. Так, представители ненецкого рода Ямал (северная ветвь рода Нокатэга) длительное время пытались оттянуть у рода Вэнга участок тундры вокруг главного святилища ямальских ненцев «Семь Чумов» [5].

Однако и для властей владельческие права «инородцев» на отдельные наиболее прибыльные угодья вовсе не являлись непреодолимым препятствием, если речь шла о пополнении казны. Так, рыбопромышленные пески, принадлежавшие аборигенам низовьев Оби, частенько отдавались казной с торгов в оброчное содержание. Местные власти оправдывались тем, что «отдача угодий является единственной мерой в пополнении недоимок» [6].

В историографии вопрос о землевладении у ненцев решается неоднозначно. В 1950–1960-х гг. казалось неоспоримым, что тундра была поделена между отдельными родами: «рыболовные, охотничьи и в значительной мере пастбищные угодья являлись собственностью рода» [7]; «существовала родовая собственность на рыболовные, охотничьи и частично пастбищные угодья» [8]. Однако тогда же некоторые исследователи, в частности Н. А. Свешников, высказывали другую точку зрения: «Указанные территории принадлежали не родам, а семьям, носившим имя того или иного рода. Например, 106 хозяйств Окоэтто на Ямале кочевали в составе 26 смешанных по родовому составу групп от Байдараты до Надыма» [9]. На базе большого корпуса источников в начале 1970-х гг. Б. О. Долгих пришел к выводу, что вотчинное право в Ямальской тундре не зиждилось на родовом устройстве: «Роды ненцев жили очень смешанно, и можно установить лишь преобладание отдельных родов в определенных участках, а отнюдь не исключительное владение ими территорий» [10]. А. В. Головин и вовсе считает, что вотчины в тундре есть явление позднее, связанное с русским правовым сознанием. Он замечает, что для ненца-кочевника не столько важна «линия границы», сколько «линия миграции». Во все времена оленевод-вотчинник признавал право других оленеводов прогонять свои стада через его владения и даже временно выпасать их. Оленеводы-вотчинники выражали свое владельческое право в формуле: «Ходить-то ходи, а чум не ставь». Сами же границы вотчин якобы и вовсе обязаны своим появлением курьезу. В 1827–1829 гг. штурман И. Иванов по заданию капита-лейтенанта Литке картографировал побережье Ямала и острова Белого. Расставленные по этому поводу в тундре геодезические метки ненцы стали воспринимать как межевые знаки вотчин (родовых территорий). И по сей день ненцы подновляют время от времени эти «межевые знаки» [11]. Однако ещё В. П. Евладов подметил, что «неясность границ и общее пользование ягельниками зимних районов (правый берег Обской губы, р. Ерудей. – С. Т.) вводит в заблуждение некоторых исследователей, давая им основание считать, что здесь (Ямал. – С. Т.) отсутствует вотчинное владение» [12]. Таким образом, заблуждались уже современники В. П. Евладова, советские специалисты, поскольку в первой половине 1930-х гг. в связи с повсеместной национализацией земли древнее родовое право становилось всё менее актуально: «К числу важнейших хозяйственных недостатков землепользования на Севере в первую очередь относится обезличенное землепользование по пастбищным угодьям, имеющее наибольшее распространение в районах с оленеводческим направлением хозяйства. Пастбищные территории не закреплены за отдельными пользователями, а распределение маршрутов производится ежегодно, причем маршруты стад нередко коренным образом ежегодно изменяются» [13]. В соответствии с духом времени в этом видели классовую подоплеку: «В прошлом, а в ряде районов и в настоящем эта «система» являлась базой для эксплуатации бедняцко-средняцких хозяйств крупными кулацкими хозяйствами. Кулак со своим стадом по существу являлся хозяином всей территории. Тысячный оленевод царил в тундре, бедняк жался в угол, жил промыслом».

Исходя из вышесказанного, советские управленцы вообще ставили под сомнение целесообразность самого традиционного способа хозяйствования – периодические перекочевки (каслания) [14].

В наиболее обобщённом виде современный взгляд на традиционное землепользование у тундровых ненцев (европейских и азиатских) сформулировал А. Н. Гулевский. Пастбищные угодья находились в общинном владении. За каждым отдельным хозяйством закреплялись летние и зимние территории для выпаса, а также кочевой маршрут. Чужой маршрут пересекать было запрещено. Однако проходные пути (оленегонные дороги) использовались совместно [15].

В историографии практически никак не решается вопрос о границах вотчин. Например, чрезвычайно трудно определить, где проходила граница между владениями хантов и ненцев (особенно кочевых). Считалось, в частности, что на Оби рыболовные пески ниже с. Аксарки принадлежали ненцам, а выше – хантам. Однако и ненцы и ханты зачастую нарушали эту условную границу. Немало хантов вели промысел на Надымской Оби и по берегам Обской губы. Так, западный край Надымской дельты (Святой Мыс) являлся в начале XX в. вотчиной рода «осамоедившихся остяков» Нядонги [16]. Еще труднее сегодня восстанавливать границы отдельных вотчин. Картографирование вотчин на Ямале в свое время предпринято было Евладовым. Однако до нас дошли только описания, а карты на сегодняшний день не обнаружены: «Всего на Ямале отмечено мною до 20 территорий *в твердых вотчинных границах* (выделено мной. – С. Т.)... № 1. Ямады (ватага Окатэттов), хозяевами вотчины считаются 3 брата – Ныти, Пари и Ирику и дети умершего четвертого... № 2. принадлежит старику Тару Ямалу (105 лет, 2000 оленей) и его сыну. Тар Ямал является старшим в роде Окатэттов (Ямалов). Вотчина Тара особенно велика. ... Далее к югу в вотчины Окатэттов вклиниваются вотчины Яптики Вэйзорю и Сэу. Здесь концентрируются и другие Яптики: Сатто Едайко и много других. Дальше № 5, 6 по берегу Карского моря снова идут вотчины Окатэттов. На 5-й в междуречьи Хоросовой и Тнутей вотчинником является Хаулы Окатэтта. ...Вотчина № 6, включающая устье двух больших рек Се-Яга и [...] весьма густо заселена чумами разных родов. ... Вотчина № 7 Сэротэттов также густо заселена. ...Вотчина № 9 бедняков Езынги... Центральные вотчины 10, 11, 12, 13 меньше населены... Восточный берег Ямала аналогично разрезан на вотчины. Большая вотчина № 16 принадлежит небольшому роду Вэненгов... Вотчины 14, 15, 17, 18, 19, 20 принадлежат на общих родовых основаниях отдельным родам» [17].

Из исследователей, изучавших вопросы вотчинного права и границ вотчин, в лесной зоне Северного Зауралья нужно упомянуть Е. В. Перевалову [18] и М. А. Зенько-Немчинову. Последней удалось выяснить, что порядок распределения угодий между отдельными семьями лесных ненцев как прежде, так и теперь опирался на нормы обычного права. По мнению Зенько-Немчиновой, в старину границы пастбищных родовых угодий хотя и существовали, но не являлись непреодолимым препятствием для соседей: «...обычные правила лесных ненцев допускают возможность выпаса (прохода) оленей на чужих участках или совместного выпаса оленей разными семьями на одном-двух участках». Другое дело рыболовные и охотничьи угодья: «Наиболее строго до сих пор соблюдаются правила, касающиеся пользования участками заповного рыболовства. Ранее же правовые обычаи закрепляли все «лучшие рыболовные места» (часть реки с берегом, ручей, озеро) за определёнными хозяевами или семьями». Охотничьи «территории представляли собой два вида участков: те, что использовались в первый период зимней охоты, находились рядом с жилищем и практически совпадали в границах с пастбищами и рыболовными угодьями и те, что находились на значительном расстоянии от обычных мест кочевий и проживания лесных ненцев и использовались для промысла во второй период зимы. Как и в настоящее время, территории, находящиеся вдали от стойбищ, как правило, не закреплялись, и на них могли охотиться представители разных семей и родов...». Опять же с опорой на вековые правовые традиции используются лесными ненцами до сих пор ягодники и кедровники. Так, сбор ягод и кедровой шишки начинается всеми одновременно в определённый срок, и связано такое положение дел, по мнению исследовательницы, с «представлениями о коллективной собственности на кедровники и ягодники» [19].

Автор данной статьи не ставит целью разрешить все обозначенные выше проблемы историографии темы. Основная задача значительно скромнее – ввести в научный оборот определённый круг источников, которые до сего дня не привлекали внимания исследователей

традиционного землепользования на Севере. Имеются в виду полевые и отчетные материалы различных землеводоустроительных и охотоведческих экспедиций, обследовавших Северное Зауралье во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг.

Данные материалы в основном сосредоточены в фонде № 12 (Ямало-Ненецкое окружное управление сельского хозяйства исполнительного комитета Ямало-Ненецкого Совета депутатов трудящихся) Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа. После Октябрьской революции все права собственности на угодья перешли к государству. Однако каких-либо системных землеводоустроительных работ не проводилось и первые землеводоустроительные мероприятия в 1927–1928 гг., в сущности, закрепляли прежнюю систему владений, основанную на вотчинном праве [20]. Исследователи и наблюдатели еще в начале 1930-х гг. отмечали, что эксплуатация всех видов угодий осуществляется с оглядкой на вотчинное право [21]. Так, в 1933–1934 гг. специалисты-водоустроители, работавшие в Надымском районе, констатировали, что участки отдельным колхозным артелям для лова выделяются часто в соответствии с границами прежних вотчин, потому что здесь та или иная семейная группа ненцев ловила рыбу издавна. Сами же границы прежних вотчин водоустроители чаще всего восстанавливали по «углубленным опросам» местного населения. О прежних вотчинах напоминали также родовые имена ненцев, вошедшие в названия тех или иных угодий, например «Вануйто» [22]. Ненцы продолжали соблюдать границы вотчин, несмотря на их игнорирование государством. Так в 1934 г. специалисты-водоустроители отмечали следующее: «Исторически сложившиеся земельные отношения привели к широкому распространению вотчинно-феодалного права на пользование промысловыми угодьями. Остатки этого пережитка сохранились и до сих пор. Так, например, на одном из песков Тэу-Пугольского нацсовета кулак Моюльков, пользуясь правом феодала-вотчинника, не допускал колхозную рыболовецкую артель к промыслу на этом песке. На песке Ватанги издавна промышляет ненец-средняк Аркадий Анагуричи, допускающий промышлять вместе с собой ежегодно по 2–3 туземных хозяйства, оставляя за собой право вотчинника. Когда наша группа стала спрашивать промышляющих на песке Ватанги, то туземцы в отсутствие вотчинника отказались давать ответ, говоря, что дело вотчинника пустить или не пустить на свое угодье. Этот факт показывает, что в тундровых условиях еще и сейчас вотчинно-феодалное право имеет силу» [23]. Данный вывод справедлив и для Ямальской тундры. Несмотря на административное разграничение пастбищных угодий между колхозами, проведенное в 1930–1950-х гг., оленеводы Ямала сохраняли небольшие частные стада и придерживались, насколько было возможно, древнего вотчинного права в своей хозяйственной деятельности [24]. Если о вотчинном праве забывали аборигены, им напоминали о нем старожилы. Так, в 1928 г. житель с. Мужы П. И. Дьячков обратился в Мужевский сельсовет с заявлением, в котором сообщил, что он издавна («несколько десятков лет») ставит сено «в местности по левой стороне с верхнего устья Тоготской протоки», но вот явились инородцы Тоготских юрт и принялись совершенно бесцеремонно окашивать этот участок, ссылаясь на принадлежность этого угодья их общине. Однако П. И. Дьячков прекрасно помнил, что данный участок в свое время входил в состав угодий ю. Тумгортских и тогодские ханты никаких прав на данный сенокос не имели и до революции, а за сим заявитель предлагал сельсовету обуздать «инородцев, зарвавшихся на чужое» [25].

Если это было выгодно, то коллизии, возникшие еще до революции вокруг вотчинного права, использовались органами советской власти. Так, система арендных отношений, сложившаяся до революции, фактически была унаследована местной советской властью. Только теперь угодья в аренду сдавали сельсоветы, а вот наниматели зачастую остались прежние. Так, в 1928 г. в Мужевский сельсовет обратился житель с. Мужы В. Д. Шахов с просьбой о продлении аренды рыболовных угодий в местности Варна-Пугор: «...ввиду того, что местность Варнапугорская и угодья рыболовные мною арендовались и за прошлые годы в течение с 1896 г., а также все рыболовные снаряды имеются на месте и помещение для рыбного товара» [26]. Но советское государство менее всего думало о соблюдении вотчинного права при проведении землеустроительных мероприятий, и, если того требовали обстоятельства, древние родовые угодья перекраивались без всяких исключений. И часто последствия такого подхода были плачевны. Так, например, землеустройство Кутопьюганского совхоза Ямальского района в 1933 г. было проведено исключительно исходя из хозяйственных потребностей, без учета старых, сложившихся в результате длительного времени традиций землевладения [27]. Правда, землеустроители попытались на статистическом уровне опре-

делить потребности местного населения и учесть их в своих расчетах. Но в расчетах землеустроители ошиблись [28]. Это привело к печальным последствиям. Так, в результате каслания совхозных стад в верховьях р. Надыма была распугана вся обитавшая в этом районе белка и местное население осталось без промысловых угодий, включая жителей других местностей Надымского района, традиционно приходивших сюда на промысел [29]. Государство конфисковывало лучшие угодья, совершенно не считаясь с интересами населения. Так, в 1933 г. «в Кутоп-Югане совхоз выкосил все сенокосы, оставив местное население без сена» [30]. В советский период продолжались захваты угодий представителями старожильческого населения, а также аборигенами – пришлыми из других местностей: «Целый ряд ненцев-охотников жаловались нам на то, что к тому времени, когда они со своими стадами достигают верховьев Надыма, эта территория бывает уже опромышлена хантами из Сургутского района, уральскими зырянами и русскими охотниками, проникающими в эти места из Сургутского района. Вследствие этого добычливость охотничьего промысла сократилась в 2–3 раза и некоторые виды промысловой фауны близки к исчезновению (дикий олень)» [31].

Поскольку, по утверждению ряда исследователей, «линия миграции» для оленеводов-кочевников была едва ли не важнее «линии границы», постольку интересно проследить эту самую «линию миграции». Источники позволяют восстановить маршруты сезонных перекочевок оленеводов, как они сложились к 1930-м гг. На Ямальском полуострове во второй половине XIX – начале XX в. сформировалось несколько хозяйственно-культурных комплексов. В северной части полуострова господствовал «арктический» комплекс. «Прибрежно-тундровый» комплекс занимал побережье Байдарацкой и Обской губы. «Южно-тундровый» – юг полуострова. «Лесотундровый» – низовья Оби. Классический оленеводческий, или «тундровый», комплекс занимал среднюю часть Ямала. Здешние ненцы искони являлись оленеводами, другие занятия и промыслы для них имели только вспомогательное значение [32]. В рамках оленеводческого хозкомплекса просто необходимы постоянные перекочевки (каслания) стад, в том числе сезонные. В настоящее время сезонные перекочевки ямальскими ненцами осуществляются два раза в год, осенью и весной в меридиональном направлении с севера на юг и обратно. Основная часть маршрута – переход через Обскую губу на Ханскую сторону (Надымский район). Кроме того, по достижении мест летних и зимних кочевий оленеводы также не стоят на одном месте и совершают постоянные перекочевки стад в радиусе нескольких километров от очередного стойбища. В прежние времена на Надымской Оби в пределах современного Надымского района кочевали «каменные» и «низовые самоеды». С ноября, «смотря по выходу песка», по февраль оленеводы выпасали здесь оленей, охотились, занимались заготовкой дров и изготовлением необходимого в быту деревянного скарба (нарты, шесты, деревянная посуда) [33]. Ненцы зимой приводили на Надым огромные стада. Стадо в 200–300 оленей считалось небольшим. Самый богатый низовой самоед, кочевавший на территории Надымского района в 1920-х гг., до коллективизации, Еко Анагуричи имел стадо оленей в 10 000 голов [34]. Во время революции и антикоммунистического восстания 1921 г. еще больше ненцев предпочитали кочевать зимой в районе Надыма [35]. С наступлением весны ненцы-кочевники отправлялись восвояси – на Ямал и к Северному Уралу. Впрочем, ненецкие хозяйства зимовали не только на Надыме. Так, «ямальские окраинные самоеды» стояли зимой в верховьях Ягады, Воркуты, Тобыне-Тарка, Кадаты. Зимовали ненцы в низовьях Ерудея, севернее Ерудея и в междуречье Полуя-Ерудея, и по притокам Обской губы, Кутень-Югану и в других местах [36]. В 1926–1927 гг. участники «Приполярной переписи» описали практически все индивидуальные маршруты кочевников Ямала. Вот описания некоторых маршрутов. Низовой самоед *Ачики Сэрпин (Вануйто)* придерживался следующего кочевого маршрута: «Весной важеньки телятся приблизительно средним течением р. Сэр-Яга. Летом кочуем по реке Сэр-Яга и край Сэрто все лето. Осенью идем обратно до большого Хорато и Ерсале. Зимой, в январе месяце, р. Обь переваливаем через Хаманел на реку Ярцанги и поднимаемся выше. Стоим всю зиму между Шугой и Ярцанги». *Тура (Хая) Сэрпин (Вануйто)*: «Весной бываю вершине Сэр-Яга. Летом кочуем вместе с Акмоем Сэрпиво по реке Сэр-Яга, до января месяца, промышляя зверя. Осенью идем обратно к Яде, а потом к Ерсале. Тут останавливаемся край реки Ер. Хадатто. Зимой окрестностях Ерсале». *Пунта Сэртвы (Вануйто)*: «Весной р. Обь перехожу из Кутопьюгана на Хаманел, от Хаманела иду через Япта-Хадатто на вершину р. Яды, от Яды иду через Порцы Яга вершину р. Сальты. От Сальты на вершину Паюта, от Паюты Лимбеда Яга, а потом поднимаюсь на вершину хребто-

вой дороги и иду до Вэнуево Яга, тут останавливаюсь на все лето, кочую между Сэр -Яга и Вэнуевы. Осенью иду обратно по той же дороге. Зимой кочую между Кутопъюганом и Ярцынги». *Нань Сэрпио Вонуйто*: «Весной важеньки телятся у речки Вэмуева Яга, а остальное время между Вэмуевой Яга и Сэр Яга. Летом кочуем большей частью по реке Сэр-Яга. Осенью по Яп-тми Хадатто. Зимой в окрестностях Ерсале до марта месяца, а потом обратно по степи тундры». *Неле Сэрпива*: «Весной важеньки телятся на вершине Сэр-Яга. Летом кочую по Сэр-Яга, промышляю рыбу. Осенью идем обратно по хребтовой дороге. Юробей перехожу через Ходту мимо большого озера Ярро-То, через вершины Яды на Япта-Хадатту. Зимой кочую по Ер-Хадатта до марта месяца (15. III), а потом обратно» [37].

Выше обозначены маршруты перекочевок населения северной части полуострова Ямал, для которой оленеводство являлось основным занятием. Иначе выглядели эти маршруты у ненцев, населявших южное побережье Обской губы («прибрежно-тундровый» хозяйственно-культурный комплекс): «Хозяйства эти в основном рыбацко-охотничьи, оленеводство для которых является лишь подсобным второстепенным по своему значению занятием. Основным занятием проводящих лето в южной части Ямальского района туземцев служит рыболовство. Благодаря экономической привязанности к основным рыболовным угодьям Обской губы, малооленное рыбацко-охотничье население сильно сокращает амплитуду своих кочевий и уже сейчас может быть названо полуседлым... На летний период эти хозяйства группируют своих оленей в крупные объединенные стада (500–700 голов) и отдают их для выпаса наемным пастухам, занимаясь в это время сами рыболовным промыслом. Олени выпасаются на обском побережье в незначительном удалении от мест промысла их владельцев. Следует сказать, что Вануйтинские ненцы выпасают своих оленей в Приуральском районе за р. Обью... Ненцы, промышляющие летом на островах, держат своих оленей частично в вануйтинском, частично в варкутинском стадах. На зиму часть местных полуседлых туземных хозяйств уходит со своими стадами в районы основного охотничьего промысла в верховья реки Надым и на его притоки р. р. Хэтту, Хэй-Ягу и т. д., а часть остается на зимовку в приобской части, выпасая стада по Ер-Яге, Воркуте, Ватанге, Шуге, Ерудею и промышляя заходного песка, горностаю и лисицу в районе зимних пастбищ и на островах Обской дельты» [38]. А. А. Дунин-Горкавич в начале XX в. зафиксировал три направления, к которым в конечном счете сводилось всё многообразие индивидуальных кочевых маршрутов. Одна группа оленеводов переваливала Обь у мыса Хэбидя Сале (Мыс Жертв). Вторая – около Кутопъюгана. Третья – около поселения Хэ [39]. Советизация Севера привнесла в эту устойчивую схему перекочевок некоторые коррективы, о которых не смогли умолчать землеустроители начала 1930-х гг.: «Ярко выражена тенденция сокращения зимних перевалок населения с Ямала на нижнее побережье Обской губы. Благодаря некоторым хозяйственно-политическим моментам, значительная часть оленеводов, особенно крупные хозяйства, остаются зимовать на Северном Ямале и число их с каждым годом увеличивается» [40]. Под «некоторыми хозяйственно-политическими моментами» следует, прежде всего, понимать коллективизацию. Сказалось на маршрутах перекочевок создание сети факторий ГУСМП и «Интеграл кооператива». В результате сложился своеобразный доселе невиданный тип хозяйств, «которые на зиму спускаются к факториям и, имея небольшое оленьё стадо, жестоко эксплуатируют его на заработках – гоньбе (заготовка дров, перевозки)». Таким образом, сложилась ситуация, при которой, в отличие от сегодняшнего дня, господствующим направлением перекочёвок надолго стало не меридиональное, а широтное [41].

Тундровик всегда особенно дорожил охотничьими угодьями. Например, на Ямале еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. XX в. аборигены ревниво следили за принадлежавшими им песчовыми ловлями. Вотчинник отстаивал свое право на монопольный отлов зверя стационарными ловушками-слопцами. Наезжим охотникам позволялось брать зверя только капканами [42]. В лесной зоне петли, слопцы и чирканы в начале 1930-х гг. применялись скорее как исключение [43], надо полагать, здесь вотчинники склонны были ограничивать и капканый промысел пришлых охотников. Впрочем, в силу кочевого характера быта и способов охоты (облавная охота – «таларава») нередко были случаи совместного опромышления угодий различными группами аборигенов. Так, совместно опромышлялся «мора-салинскими» и «уральскими самоедами» бассейн рек Еркуты и Танловой. Последняя река – в верхнем течении. Причем по р. Еркуте уральские самоеды опромышляли преимущественно «с левой стороны, а мара-салинские – с правой; по реке Танловой почти тоже – уральские промышляют с

правой стороны, мара-салинские – с левой. Однако нередки случаи, когда и те и другие объединяются для совместных облавных охот» [44].

Вотчинное право в охотничьем промысле в 1920-х – начале 1930-х гг. соблюдалось все менее охотно. Каждый охотник-абориген вел промысел в той местности, где ему это удобнее было делать, чаще всего там, где паслись его олени [45]. В этих условиях участились захваты угодий представителями старожильского населения (русские, коми-зыряне). В 1925 г. Кушеватский сельсовет обращался к вышестоящим органам советской власти: «Граждане с. Муже без всякого на то права вторгаются в Кожгортский сор и препятствуют населению юрт того же наименования заниматься рыбным промыслом» [46]. Любопытно в связи с этим, что Мужевский сельсовет отрицал наличие подобной ситуации и в свою очередь обвинил кожгортских рыбаков в том, что они постоянно ведут лов в угодьях, находящихся в ведении Мужевского сельсовета [47]. В промысловых угодьях Кушеватского сельсовета вольготно чувствовали себя старожилы с. Куноватского, захватившие лучшие соровые угодья ю. Шижинковских [48]. Впрочем, не чурались захвата чужих угодий и аборигены. Так, на абрисе «Владений юрт Карвож», составленном водоустроителями, обозначена протока Кочегатская, на ней отмечены два запора и имеется надпись: «Захвачены лоровскими» [49]. И случай этот не единичный. Однако часть угодий, видимо, по давней традиции опромышлялась совместно несколькими общинами, и это не вызывало каких-либо конфликтных ситуаций. Так, Мажа – Лор – Сотный сор, «непосредственно соединяющийся с Обью», опромышлялся лорогортскими, ишварскими и матлорскими рыбаками [50]. Некоторые угодья считались спорными. Так, на абрисах, составленных землеустроителями в начале 1930-х гг., иногда можно прочесть: «спорная граница». Только по Кушеватскому сельсовету «спорные угодья» в начале 1930-х гг. исчислялись тремя десятками [51].

Анализ выявленных источников не оставляет сомнений в том, что вотчины складывались, исходя из учета самых разнообразных факторов – особенностей рельефа, наличия звериных троп и нор, наличия выгодных с промысловой точки зрения рыболовных угодий. На базе выявленных источников возможно восстановление не только границ родовых угодий, но и реконструкция внутренней логики их организации (структуры). Так, в лесной полосе края у каждой общины (юрта) имелись охотугодья, располагавшиеся в границах угодий, примыкавших к юртам, а также рыболовецкие угодья, делившиеся на зимние и летние. Зимние рыболовецкие угодья – запоры – располагались на реке, на которой стояли юрты. На абрисах, составленных в начале 1930-х гг., часто можно увидеть обозначения запорных плотин, перегораживающих протоки. Например, в случае ю. Хорпун-Горт запорные плотины располагались по р. Сыне в обе стороны от поселения примерно на два километра – всего 8 запоров. Расстояние между запорными плотинами колебалось от 300 м до 1 км. Запорные плотины ю. Лоро-Горт, там же на р. Сыне, отстояли по обе стороны от населенного пункта на 3 и 3 ½ км соответственно. Расстояние между запорными плотинами составляло от полукилометра до полутора. На абрисах отчетливо видно, что «владения» отдельных юртов обязательно включают озера (сора) и протоки. Рационально и логично выстроена, например, система рыболовных угодий ю. Тильтимских. Напротив юрт на р. Сыне расположен рыболовный песок, а в обе стороны от поселения поставлены на реке запорные плотины. Так устроен достаточно продуктивный и не требующий дальних переходов компактный комплекс рыбодобычи. Летний лов жители ю. Хорпун-Горт, как и жители других аборигенных населенных пунктов, перечисленных выше, осуществляли на значительном удалении от поселений на Оби и в соровых озерах обской поймы. Непосредственно хорпунгортцы опромышляли сора, находившиеся между Большой и Малой Обью в 35 км от Обдорка [52]. Другим непременным элементом полноценного «владения» являлись звероловные угодья. Охотугодья включали в свой состав несколько урочищ с преобладанием того или иного зверя. Так, на абрисе угодий ю. Питлор в одном месте читаем: «Лисица, горностаи» [53]. На абрисе охотугодья Хороер обозначены места, где водились медведи, куropатки, лисы. На абрисе угодий ю. Ишварских в 10 км от населенного пункта указано урочище, изобилующее горностаем, лисицей и песцом [54]. На абрисе, отображающем промысловые угодья ю. Овгортских, указано направление, по которому «кочует» белка [55]. На абрисе «охотугодий ю. Выт – Вар – Горт» обозначены места промысла оленей, белки, куropатки [56].

В рамках родовых угодий всегда существовали индивидуальные (семейные) угодья, или, во всяком случае, урочища, в эксплуатации которых было заинтересовано отдельное

хозяйство. Так, на абрисе угодий ю. Еврей-Горт на р. Сыне обозначены 11 заборных плотин и только возле двух есть примечание: «Забор общего пользования» [57]. Существовали и индивидуальные охотничьи угодья. Здесь у охотников имелись нахоженные промысловые маршруты и насиженные места стоянок. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют выявить границы и реконструировать содержательную часть (структуру) таких участков или маршрутов. Так, хант Андрей Шуганов, житель Пашерских юртов, зимовал на р. Полуе в урочище [Емичанка]. Здесь он охотился на зайцев, горностаев, куропаток. Охотился Шуганов в радиусе 20 км от своего зимовья. На «площади в 15 верст» охотник расставлял петли и капканы и проверял их через 1–2 дня. А еще имелось у А. Шуганова патронное ружье, но старенькое. С этим стареньким ружьишком охотник проходил в день по тайге, проверяя ловушки и окарауливая зверя, до 20 верст. И так до самой весны, отдыхал промысловик только во время бурана [58].

Выявленные источники – абрисы, выполненные землеустроителями, позволяют восстановить границы общинных угодий отдельных юртов лесной зоны Обдорского края (Шурьшкарский район ЯНАО) по состоянию на начало 1930-х гг.: Егом-Молом-Горт, Кар-Вож, Ям-Горт, Лоровские, Посл-Горт, Ов-Горт, Азовы, Ишварские, Матлоровские, Хорьевские, Сынские, Тильтим, Выт-Вож-Горт, Еврей-Горт, Му-Горт, Хорпун-Горт, Оваломские, Ним-Вож-Горт. На абрисах отображены именно общинные угодья, опромышлявшиеся исстари, так как землеустроители специально оговариваются, что на вновь образованные колхозы угодья пока специально не выделялись. Помимо того, что на абрисах (лишенных, правда, масштаба) обозначены границы угодий отдельных юртов (общин), часто здесь имеются пояснительные записки, позволяющие значительно уточнить сведения, отображенные на абрисах. Из пояснений следует, что изображены на абрисах «зимние угодья», поскольку обязательно упоминаются места летнего лова рыбы. Так, о ю. Еврей-Горт сказано следующее: «Оленеводство, рыболовство [...] полукочевое. Летний промысел на Оби: 1) угодья Лянми-Горт, протоки Истмат-Посл и Пугор-Посл – 4 хозяйства; 2) угодье Пугор-Горт совместно с мужевскими рыбаками – 3 хозяйства; 3) угодье Нарты-Горт совместно с мужевскими рыбаками – одно хозяйство; 4) сор Сегедем-Лор (в 35 км выше Обдорска) совместно с Хорпун-Горт – 2 хозяйства» [59].

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют до определённой степени восстановить топографию и структуру родовых (общинных) рыболовецких и охотничьих угодий, а также индивидуальных угодий по состоянию на вторую половину 1920-х – первую половину 1930-х гг. XX века. Для аборигенов-кочевников восстановимы маршруты кочевок и места зимовок и летовок оленных стад. Но самое главное, восстановима внутренняя логика (во всяком случае, экономическая и экологическая её составляющие) системы родовых угодий. Следующим шагом может стать наложение на топографию вотчинного владения сакральной топографии священных мест и местной культово-обрядовой практики. А это в свою очередь позволит реконструировать всю целостность взаимоотношений человека и окружающей его среды в рамках традиционного хозяйственно-культурного комплекса. Следующим уровнем исследований могла бы стать попытка наложения полученных результатов на археологическую карту региона. И как знать, возможно, окажется, что система вотчинного владения значительно древнее не только времени экспедиции штурмана И. Иванова, но и времени русского присутствия вообще. Антропология и полевая археология в свою очередь получают уникальный прогностический инструментарий.

Примечания

1. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГА ЯНАО) Ф. 12. Оп. 1. Д. 8. Л. 104.
2. *Зибарев В. А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990. С. 184.
3. *Головнев А. В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 34–35.
4. *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 245.
5. *Евладов В. П.* По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень, 1992. С. 146–147.
6. *Санкин Е. В.* Обские рыбопромышленные пески Тобольской губернии в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 165.
7. См., например: *Броднев М. М.* От родового строя к социализму // Советская этнография. 1950. № 1. С. 83–98.

8. См.: *Хомич Л. В.* Ненцы. М.; Л., 1966. С. 142, 152.
9. См.: *Свешников Н. А.* Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX – начале XX века // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 222. Л., 1961. С. 73–74.
10. *Долгих Б. О.* Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970. С. 93–94.
11. *Головнев А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 49–51.
12. ГА ЯНАО Ф.12. Оп. 1. Д. 8. Л. 34.
13. Там же. Д. 28. Л. 19.
14. Там же.
15. *Гулевский А. Н.* Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов России (конец XIX–XX век): этнографические очерки. М., 1993. С. 132–134.
16. *Руденко С. И.* Инородцы Нижней Оби. СПб., 1914. С. 4.
17. ГА ЯНАО. Там же. Д. 8. Л. 34–35.
18. См.: *Перевалова Е. В.* Указ. соч.
19. *Зенько-Немчинова М. А.* Сибирские лесные ненцы: историко-этнографические очерки. Екатеринбург, 2006. С. 58–59, 62.
20. ГА ЯНАО. Там же. Д. 28. Л. 29.
21. Там же. Д. 8. Л. 103–104.
22. Там же. Д. 93. Л. 98–99.
23. Там же. Д. 140. Л. 18.
24. *Головнев А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. С. 92.
25. ГА ЯНАО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 35. Л. 75.
26. Там же. Л. 71.
27. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 81.
28. Там же. Л. 19.
29. Там же. Д. 140. Л. 19.
30. Там же.
31. Там же. Л. 21.
32. *Головнев А. В.* Историческая типология хозяйства народов. С. 201.
33. См.: *Дунин-Горкавич А. А.* Географический очерк Тобольского Севера // ИРГО Т. XL. Вып. I–II. СПб., 1904.
34. *Тоболяков В. К.* верховьям исчезнувшей реки. М., 1930. С. 111.
35. *Гриценко В. Н.* История Ямальского Севера в очерках и документах: в 2 т. Т. 2. Омск, 2004. С. 158.
36. ГА ЯНАО. Там же. Д. 8. Л. 20.
37. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске) Ф. 695. Оп. 1. Д. 54. Л. 137, 141, 148, 149, 153.
38. ГА ЯНАО. Там же. Д. 81. Л. 17 – 19.
39. *Дунин-Горкавич А. А.* Географический очерк Тобольского Севера // ИРГО Т. XL. Вып. I–II. СПб., 1904. С. 20.
40. ГА ЯНАО. Там же. Д. 54. Л. 18.
41. См.: *Волжанина Е. А.* Влияние населённых пунктов на традиционные кочевые маршруты ямальских ненцев в первой трети XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4. С. 100–110.
42. ГА ЯНАО. Там же. Д. 8. Л. 104.
43. Там же. Д. 49. Л. 49.
44. Там же. Л. 56.
45. Там же. Д. 83, Л. 38.
46. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.
47. Там же. Л. 28–28 об.
48. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 15. Л. 21.
49. Там же. Л. 32.
50. Там же. Л. 27.
51. Там же. Л. 13–25.
52. Там же. Л. 37–98.
53. Там же. Л. 101.
54. Там же. Л. 70, 92.
55. Там же. Л. 98.
56. Там же. Л. 107.
57. Там же. Л. 113.
58. Там же. Д. 75. Л. 36.
59. Там же. Д. 15.

Notes

1. State archive of the Yamal-Nenets Autonomous area (SA YNAA) F. 12. Sh. 1. File 8. Sh. 104.
2. Zibarev V.A. *YUsticiya u malyh narodov Severa (XVII–XIX vv.)* [Justice of smaller peoples of the North (XVII–XIX centuries)]. Tomsk. 1990. P. 184.
3. Golovnev A. V. *Istoricheskaya tipologiya hozyajstva narodov Cevero Zapadnoj Sibiri* [Historical typology of farming of peoples of the North of Western Siberia]. Novosibirsk. 1993. Pp. 34–35.
4. Perevalova E.V. *Severnye hanty: ehnicheskaya istoriya* [Northern Khanty: ethnic history]. Ekaterinburg. 2004. P. 245.
5. Evladov V.P. *Po tundram YAmala k Belomu ostrovu. EHkspediciya na Krajnij Sever poluostrova YAmal v 1928–1929 gg.* [On the tundra of Yamal to the White island. Expedition to the Far North of the Yamal Peninsula in 1928–1929] Tyumen. 1992. Pp. 146–147.
6. Sankin E. V. *Obskie rybopromyshlennye peski Tobol'skoj gubernii v XIX – nachale XX v.* [Ob fishery sands of the Tobolsk province in the XIX - early XX century] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Herald of Tomsk state University*. 2007, No. 294, p. 165.
7. See, for example: Brodnev M.M. *Ot rodovogo stroya k socializmu* [From ancestral to socialism] // *Sovetskaya ehnoGRAfiya - Soviet Ethnography*. 1950, No. 1, pp. 83–98.
8. See: Khomich L. V. *Nency* [Nenets]. Moscow; Leningrad. 1966. Pp. 142, 152.
9. See: Sveshnikov N. A. *Obshchestvennyj stroj narodov Nizhnego Priob'ya v konce XIX – nachale XX veka* [Social order of the peoples of the Lower Ob basin in the late XIX - early XX century] // *Scient. proc. LGPI of A. I. Herzen*. Vol. 222. Leningrad. 1961. Pp. 73–74.
10. Dolgikh B. O. *Ocherki po ehnicheskoj istorii nencev i ehncev* [Essays on the history of ethnic Nenets and Enets]. Moscow. 1970. Pp. 93–94.
11. Golovnev A. V. *Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor* [Nomads of tundra: the Nenets and their folklore]. Ekaterinburg. 2004. Pp. 49–51.
12. SA YNAA. F. 12. Sh. 1. File 8. Sh. 34.
13. Ibid. File 28. Sh. 19.
14. Ibid.
15. Gulevsky A. N. *Tradicionnye predstavleniya o sobstvennosti tundrovyh olenevodov Rossii (konec XIX–XX vek): ehnoGRAficheskie ocherki* [Traditional notions of property of tundra reindeer herders of Russia (the end of XIX–XX century): ethnographic essays]. Moscow. 1993. Pp. 132–134.
16. Rudenko S. I. *Inorodcy Nizhnej Obi* [Foreigners of the Lower Ob]. SPb. 1914. P. 4.
17. SA YNAA. Ibid. File 8. Sh. 34–35.
18. See: Perevalova E.V. Op. cit.
19. Zenko-Nemchinova M. A. *Sibirskie lesnye nency: istoriko ehnoGRAficheskie ocherki* [Siberian forest Nenets: historical and ethnographic essays]. Ekaterinburg. 2006. Pp. 58–59, 62.
20. SA YNAA. Ibid. File 28. Sh. 29.
21. Ibid. File 8. Sh. 103–104.
22. Ibid. File 93. Sh. 98–99.
23. Ibid. File 140. Sh. 18.
24. Golovnev A. C. *Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor* [Nomads of tundra: the Nenets and their folklore]. P. 92.
25. SA YNAA. F. 28. Sh. 1. File 35. Sh. 75.
26. Ibid. Sh. 71.
27. Ibid. F. 12. Sh. 1. File 81.
28. Ibid. Sh. 19.
29. Ibid. File 140. Sh. 19.
30. Ibid.
31. Ibid. Sh. 21.
32. Golovnev A. C. *Istoricheskaya tipologiya hozyajstva narodov* [Historical typology of farming peoples]. P. 201.
33. See: Dunin-Gorkavich A. A. *Geograficheskij ocherk Tobol'skogo Severa* [Geographical sketch of the Tobolsk North] // *IRGO Vol. XL. Is. I–II*. SPb. 1904.
34. Tobolyakov V. *K verhov'yam ischeznuvshej reki* [To the upper reaches of the river disappeared]. Moscow. 1930. P. 111.
35. Gritsenko V. N. *Istoriya YAmal'skogo Severa v ocherkah i dokumentah* [History of the North Yamal in essays and documents]: in 2 vol. Vol. 2. Omsk. 2004. P. 158.
36. SA YNAA. Ibid. File 8. Sh. 20.
37. State institution of Tyumen region State archives of Tobolsk (SITR SA in Tobolsk) F. 695. Sh. 1. File 54. Sh. 137, 141, 148, 149, 153.
38. SA YNAA. Ibid. File 81. Sh. 17–19.
39. Dunin-Gorkavich A. A. *Geograficheskij ocherk Tobol'skogo Severa* [Geographical sketch of the Tobolsk North] // *IRGO Vol. XL. Is. I–II*. SPb. 1904. P. 20.

40. SA YNAA. Ibid. File 54. Sh. 18.

41. See: Volzhanina E. A. *Vliyanie naselyonnyh punktov na tradicionnye kochevye marshruty yamal'skih nencev v pervoj treti XX v.* [Influence of settlements on traditional nomadic routes of the Yamal Nenets in the first third of XX century] // *Vestnik arheologii, antropologii i ehtnografii* - Herald of archaeology, anthropology and ethnography. 2013, No. 4, pp. 100-110.

42. SA YNAA. Ibid. File 8. Sh. 104.

43. Ibid. File 49. Sh. 49.

44. Ibid. Sh. 56.

45. Ibid. File 83. Sh. 38.

46. Ibid. F. 28. Sh. 1. File 8. Sh. 27.

47. Ibid. Sh. 28-28 turn.

48. Ibid. F. 12. Sh. 1. File 15. Sh. 21.

49. Ibid. Sh. 32.

50. Ibid. Sh. 27.

51. Ibid. Sh. 13-25.

52. Ibid. Sh. 37-98.

53. Ibid. Sh. 101.

54. Ibid. Sh. 70, 92.

55. Ibid. Sh. 98.

56. Ibid. Sh. 107.

57. Ibid. Sh. 113.

58. Ibid. File 75. Sh. 36.

59. Ibid. File 15.

УДК 272.5

В. В. Лобанов

К биографии бывшего обновленческого «архиепископа» Андрея Расторгуева

Статья посвящена личности бывшего обновленческого «архиепископа» Андрея Расторгуева. В научный оборот вводятся новые архивные материалы.

The article is devoted to the personality of the former renovationist "Archbishop" Andrei Rastorguyev. In the scientific circulation introduced new archival materials.

Ключевые слова: Русская православная церковь, «обновленческий» раскол, А. И. Расторгуев, Центральный государственный архив города Москвы.

Keywords: Russian Orthodox Church, the Renovationist schism, A. I. Rastorguev, the Central state archive of Moscow.

Тема «обновленческого» раскола в Русской православной церкви (1922–1946 гг.) в последние годы по-прежнему продолжает привлекать внимание исследователей [1]. Одним из аспектов проблемы являются поиск и публикация биографических сведений о деятелях обновленчества и расширение тем самым источниковой базы по истории обновленческого движения.

О бывшем обновленческом «архиепископе» Андрее Ивановиче Расторгуеве (1894–1970) известно относительно немного. Основную биографическую информацию о нем можно почерпнуть из «Каталога русских архиереев-обновленцев» митрополита Мануила (Лемешевского), третья редакция которого опубликована И. В. Соловьевым (ныне священник) в упомянутом сборнике «"Обновленческий" раскол» с редакционными дополнениями на основе базы данных Православного Свято-Тихоновского богословского института (ПСТБИ), а также кафедры информатики и Отдела новейшей церковной истории ПСТБИ, ныне Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ).

Согласно этому источнику, А. И. Расторгуев родился в 1894 г., в 1914 г. окончил Симбирскую духовную семинарию (по другим данным – Калужскую духовную семинарию) и два курса Московской духовной академии. В 1917 г. был мобилизован в армию и с того же года священствовал в Симбирской епархии. В 1922–1923 гг. уклонился в «обновленческий» раскол. В 1928 г., будучи женат, рукоположен в епископа в Самаре. С 1929 г. – обновленческий «епископ» Сызранский, викарий Самарской (Куйбышевской) епархии, 1 апреля 1931 г. возведен в сан «архиепископа». С апреля 1935 г. – «архиепископ» Александровский, викарий Ивановской митрополии. В сентябре 1935 г. уволен от управления Александровской епархией якобы ввиду выяснившейся неспособности управлять епархиальными делами и назначен настоятелем собора в Орехово-Зуеве Московской обновленческой епархии. С 9 декабря 1936 г. – «архиепископ» Калужский и Боровский. В 1939 г. осужден за неуплату налогов к принудительным работам, а с февраля 1941 г. уволен за штат и исключен из списков обновленческих иерархов. Однако с 7 января 1943 г. вновь назначен «архиепископом» Ульяновским и Мелекесским, с 5 апреля 1943 г. – «архиепископ» Звенигородский, временно управляющий обновленческой Московской епархией.

В том же 1943 г. А. И. Расторгуев принес покаяние, был принят в сане протоиерея и назначен настоятелем Воскресенского храма в Сокольниках. В 1944 г. награжден митрой и зачислен в число преподавателей Богословского института по древнееврейскому языку [2].

По данным ПСТГУ, в 1951–1954 гг. служил в Берлинской епархии, затем вновь настоятель храма Воскресения Христова в Сокольниках, член Учебного комитета Св. Синода. Скончался в Москве 22 февраля 1970 г. [3]

Также, согласно базе данных ПСТГУ, А. И. Расторгуев прервал учебу в МДА все же не в 1917-м, а в 1918 г., будучи призванным на военную службу. Служил в должности полкового священника в Уфимском полку и священником в Покровском соборе г. Сенгилея Симбирской губернии (1918 г.). 18 марта 1918 г. был арестован с обвинением в «отказе содействовать советской власти». До 1922 г. был возведен в сан протоиерея, тогда же уклонился в «обновленческий» раскол [4].

Известно также, что А. И. Расторгуев участвовал 18 апреля 1943 г. в последней обновленческой хиротонии «епископа» Сергия Румянцева [5]. А уже спустя несколько месяцев, согласно докладной записке председателя Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпова И. В. Сталину от 12 октября 1943 г. [6], в которой оцениваются перспективы обновленчества в связи с избранием патриархом владыки Сергия (Страгородского), Расторгуев обращался к настоятелю патриаршей церкви на Пятницком кладбище с просьбой принять его в качестве второго священника. 21 декабря 1943 г. «архиепископ» Андрей Расторгуев со всем причтом храма Воскресения Христова в Сокольниках перешел в юрисдикцию Патриарха Сергия [7].

Вместе с тем в фонде Уполномоченного Совета по делам религий при Совмине СССР (1943–1991 гг.) (Центр хранения документов после 1917 г. Центрального государственного архива города Москвы – ЦГА Москвы (бывший ЦАГМ). Ф. 3004) сохранились сведения, позволяющие уточнить и дополнить биографию бывшего обновленческого иерарха [8].

Так, мы узнаем, что Андрей Иванович Расторгуев действительно родился в 1894 г., в г. Сенгилей Ульяновской области (тогда Симбирской губернии. – *В. Л.*) в семье мещан. В 1908 г. окончил Симбирское духовное училище, а в 1914 г. – Симбирскую духовную семинарию. В Московской духовной академии учился три года, с 1914 г. по 1917 г. 19 июля 1917 г. женился на Екатерине Петровне Петровской, а через месяц, 19 июля 1917 г., рукоположен во священники. С 1917 г. по 1918 г. юнкер, прапорщик и военный священник 106-го Уфимского полка действующей армии. С 1918 г. по 1922 г. – священник Покровского собора г. Сенгилей Ульяновской обл., а с 1922 г. по 1925 г. – священник Димитриевской церкви с. Горюшка Ульяновской обл.

Далее в документе указано: с 1925 г. по 1935 г. – обновленческий архиерей в Покровском соборе г. Сызрани Куйбышевской обл., а с 1935 г. по 1941 г. – в городах Александрове, Орехово-Зуеве и Калуге. Эти данные несколько отличаются от сведений митрополита Мануила (Лемешевского), утверждавшего, что А. И. Расторгуев рукоположен в обновленческого епископа только в 1928 г. Подтверждается его служба в Сызрани до 1935 г. и дальнейшие места служения, однако сообщается, что он был осужден не в 1939 г., а в 1941 г. Отбывал наказание в трудовом лагере с 1941 г. по 1942 г., с 1942 г. по 1943 г. – безработный. Указано также, что после покаяния воссоединен в сане протоиерея, который он имел до отпадения в

раскол. С 1943 г. – протоиерей – настоятель Воскресенского храма в Сокольниках. Награжден медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

В деле также содержатся: характеристика благочинного, протоиерея Д. Преображенского, согласно которой «протоиерей Андрей Расторгуев весьма культурный, ревностный проповедник и строго-уставный настоятель. Весьма внимательный и опытный воспитатель молодого поколения духовенства. Строго выдержанный и корректный, как по отношению к духовенству, так и ко всем прихожанам», и краткая информация священника Гришина от 13 ноября 1961 г., характеризующая, в том числе, личность о. А. Расторгуева. Приведем этот документ полностью.

«12 числа 1961 г. епископ Антоний служил литургию в Сокольниках. После богослужения настоятель собора протоиерей Андрей Расторгуев пригласил нас на чашку чая. За столом присутствовали епископ Антоний, протоиерей Расторгуев. Происходила беседа. Протоиерей Расторгуев похвалил епископа за проповедь, а потом сказал, что у них в храме служит архиепископ Никодим и что он никогда не говорит проповедей. “Я, – продолжал Расторгуев, – получил массу жалоб от прихожан на архиепископа Никодима из-за этого. Когда я был в Берлине, – говорил протоиерей Расторгуев, – то никогда не занимался политикой и поэтому привлек в храм много прихожан. В то время в Берлине был А. Ф. Шишкин, который политику ставил выше всего. Бывало, – продолжал протоиерей Расторгуев, – прочитает Шишкин часы и выйдет из собора, соберет около себя толпу и доказывает этой толпе, что обязательно надо молиться за Советскую власть».

Однажды, – продолжал протоиерей Расторгуев, – он остался ночевать в соборе и вот слышу, что происходит какая-то возня в прихожей. Выхожу и вижу, как Шишкин прижал в угол какого-то человека и доказывает ему, что надо молиться за Советскую власть. Я, – говорил протоиерей Расторгуев, – посмотрел на этого человека, которого почти убедил Шишкин, как это он всегда делает, и узнал его. Это перешедший из лютеран барон Штатольнберг.

Вечером, когда я возвращался в Восточный Берлин электричкой, то со мной ехал этот барон. Он был очень расстроен и сожалел, что перешел в православие, и я его с трудом убедил, чтобы он остался у нас. Так что видите на этом примере, как влияет политика на верующих из новообращенных. Как будто Советская власть нуждается в молитве какого-то барона”, – заключил Расторгуев.

Я лично, когда мы возвращались из Сокольников, сказал епископу Антонию, что Расторгуев – бывший архиепископ обновленческой церкви (о чем епископ Антоний знал раньше), что он покаялся, но в душе остался тем же, и поэтому он не любит архиепископа Никодима и превозносит свои заслуги. Епископ Антоний согласился со мной» [9].

Кроме протоиерея А. Расторгуева здесь упомянут ряд известных персоналий.

Епископ Антоний – это, вероятнее всего, будущий митрополит Сурожский и Патриарший экзарх Западной Европы высокопреосвященный Антоний (Блум) (1914–2003), других епископов с именем Антоний в Русской православной церкви в 1961 г. не было [10]. Далее речь идет о не менее яркой фигуре – митрополите Никодиме (Ротове) (1929–1978), тогда архиепископе Ярославском и Ростовском, с июня 1960 г. – председателе Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата.

Незаурядна и личность (бывшего обновленца!) ответственного сотрудника Московской патриархии А. Ф. Шишкина (1897–1965). Он окончил 4 класса Екатеринбургской духовной семинарии и историко-филологический факультет Пермского университета, служил в Красной армии. В 1920-е гг. уклонился в раскол и в середине 1930-х гг. был секретарем обновленческого «митрополита» Николая Платонова, затем занимал ряд должностей в обновленческих церковных структурах, в частности являлся ктитorem последнего храма обновленцев в Ленинграде – Спасо-Преображенского собора. В 1944 г. возвратился в патриаршую Церковь. Преподавал в Ленинградской духовной академии, в начале 1950-х гг. – редактор журнала «Голос Православия» в Берлине, ответственный редактор «Журнала Московской патриархии» (1960–1961 гг.), в 1961 г. был избран членом ЦК Всемирного Совета Церквей.

Учитывая особенности биографии А. Ф. Шишкина, его активную вовлеченность в церковно-политическую деятельность, описанный эпизод с его участием становится вполне понятным. Труднее сделать выводы, на основании изложенного священником Гришиным, о личных качествах о. Андрея Расторгуева. По сути, это может быть лишь субъективная оценка клирика, которую, тем не менее, следует принять к сведению.

Об А. И. Расторгуеве упоминает и известный церковный историк и обновленческий деятель А. Э. Левитин-Краснов [11]. В своем известном труде по истории обновленческого движения, написанном еще при жизни о. Андрея, он характеризует его так: «Своеобразным и энергичным человеком являлся Андрей Иванович Расторгуев (и ныне здравствующий, популярный московский протоиерей). “Мужик с характером”, сказал про него однажды митрополит Виталий [12]. Действительно, все обнаруживало в архиепископе Андрея властного, деловитого, крепкого хозяина, начиная от синей бархатной рясы, кончая кучерски выбритым затылком. Волжская окающая речь (он был выходцем из весьма известной на Волге старообрядческой торговой семьи), властные окрики на причетников – и наряду с этим елейность, степенность, уставная строгость – от него так и веяло Мельниковым-Печерским. Он любил служить, служил истово, чинно. Его заветной мечтой было построить службу точно по типу кону» [13].

Далее Левитин-Краснов указывает, что вместе с тем А. И. Расторгуев являлся интеллигентным и начитанным человеком, хорошо знал сочинения философа В. С. Соловьева, интересовался искусством, живописью, театром и при этом был человеком солидным и рассудительным, питая непреодолимое отвращение ко всему экстравагантному и эксцентричному [14]. «Я всегда спрашивал себя, – вспоминает Левитин, – что привело к обновленчеству этого устойчивого, консервативного человека. Однажды я задал этот вопрос своему шефу (имеется в виду обновленческий «первоиерарх» А. И. Введенский. – В. Л.). “Ну, что вы, какой он обновленец, – получил я быстрый ответ, – просто семейные обстоятельства, но и большинство обновленцев теперь такие” ... В самом деле – типикон и обновленчество. Каких только парадоксов не рождает жизнь» [15].

Отзыв вполне нейтральный, и даже, как видим, во многом положительный. Однако в одном из своих более поздних сочинений, вышедшем в свет уже в эмиграции и после смерти А. И. Расторгуева, А. Э. Левитин, по сути, обвиняет его в сотрудничестве с КГБ и дает бывшему обновленческому иерарху уже достаточно нелицеприятную характеристику. «Под стать отцу Колчицкому [16] настоятель второго по значению московского храма – “Храма Воскресения Христова в Сокольниках” – протоиерей о. Андрей Расторгуев (человек злобный, крикливый, грубый, из симбирских купцов), он был буквально помешан на церковном уставе. В праздники, стоя на клиросе, сам часами вычитывал канон (канонаршил), бдительно следил за точным соблюдением устава и был очень близок к “сферам”, часто ездил за границу. Одно время был, в частности, настоятелем православного патриаршего собора в Берлине» [17].

Учитывая обновленческое прошлое о. Андрея, вполне возможно, что обвинения Левитина имеют под собой почву. Однако следует иметь в виду и то, что любое духовное лицо в СССР, выезжающее за границу, а тем более в сталинское время, не могло избежать контактов с известным ведомством, автоматически зачисляясь в число агентуры.

В противовес следует привести мнение известного богослова и проповедника протоиерея Александра Меня (1935–1990), в юношеские годы знавшего о. Андрея. В одном из интервью на вопрос о церковных деятелях, оказавших на него личное, непосредственное влияние, о. Александр, в частности, заметил: «Когда мне было лет 15, произошло короткое знакомство с отцом Андреем Расторгуевым, который служил в храме в Сокольниках, оно очень много дало. Он был человек искренней веры, ума, добротных знаний и без ханжества (увы, Левитин пишет о нем иное, но я тогда этого не чувствовал)» [18].

Таким образом, учитывая все имеющиеся на данный момент материалы, перед нами предстает неоднозначная, во многом трагическая личность, отразившая в своем жизненном пути все противоречия советской эпохи. Хочется надеяться, что уточнение биографии А. И. Расторгуева откроет для исследователей новые грани, столь же трагической и неоднозначной истории Русской православной церкви в XX столетии.

Примечания

1. Об истории обновленчества см., напр.: *Стратонов И.* Русская церковная смута (1921–1931). Берлин, 1932 // *Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии.* М., 1995. С. 29–173; *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 62–102; *Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996; *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. М., 1999; «Обновленческий» раскол: (материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост.

И. В. Соловьев. М., 2002; Степанов А. С. Обновленческий раскол как средство антицерковной политики Советской власти в 1922–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Крапивин М. Ю., Далгатов А. Г., Макаров Ю. Н. Внутриконтфессиональные конфликты и проблемы межконтфессионального общения в условиях советской действительности (октябрь 1917 – конец 1930 гг.). СПб., 2005; Шестаков С. П. Расколы в Русской Православной Церкви в 1924–1926 гг. в контексте государственно-церковных отношений : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Лавринов В. В. Историография обновленческого движения в Русской Православной Церкви в 1920–1940-е гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 24. С. 151–158; Катаев А. М. Последние годы обновленчества в контексте государственно-церковных отношений в 1943–1945 гг. // Приход. Православный экономический вестник. 2006. № 4, 5; URL: <http://krotov.info/history/20/1940/kataev.htm> (дата обращения 01.06.2014); Головушкин Д. А. Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб., 2009; Roslof, Edward. *Red Priests: Renovation, Russian Orthodoxy and Revolution, 1905–1946*. Bloomington: Indiana University Press, 2002; и др.

2. «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). С. 664–665.

3. Там же. С. 665.

4. URL: http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/no_dbpath/docum/ans/ans/newmr/?NYZ9EJxGHOxITYZCF2JMTdG6XbuEcC5Wfi0XsuKW660hdC0ZeG06ce0hfe8ctk* (дата обращения 01.06.2014). Другие сведения из базы данных ПСТГУ практически совпадают с приведенными митрополитом Мануилом (Лемешевским).

5. Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 51; Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви / «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). С. 581–582.

6. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–8; Опубл.: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 84–85.

7. Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 57; Кузнецов А. И. Указ. соч. С. 593.

8. ЦГА Москвы. ЦХД после 1917 г. Ф. 3004. Оп. 2. Д 19. Л. 1–9.

9. Там же. Л.9. Выдержка из этого документа приведена в издании: Русская Православная Церковь в Центральной России в 1943–2000 годах: сб. док. / сост. А. А. Федотов. М.; Архангельск, 2008. См.: URL: <http://aalfedotov.narod.ru/Book/sbornik.htm> (дата обращения 01.06.2014).

10. В списках архиереев значатся также архиепископ Ставропольский и Бакинский Антоний (Романовский) и находящийся в 1961 г. на покое митрополит Минский и Белорусский Антоний (Кротевич), однако вряд ли кто-то из них имеет отношение к описанным событиям.

11. Левитин А. Э. (псевд. Краснов) (1915–1991) – церковный писатель, обновленческий деятель, участник диссидентского движения. В 1949–1956 и 1971–1974 гг. находился в заключении. В сентябре 1974 г. выслан из СССР. Автор ряда книг на религиозно-мировоззренческие темы, в том числе по истории обновленческого движения (совместно с В. Шавровым).

12. Имеется в виду обновленческий «митрополит» Виталий (Введенский) (1870–1950). В 1944 г. был принят в общение с Православной церковью в сане епископа.

13. Типикон (Устав) – церковно-богослужебная книга, содержащая в себе систематическое указание порядка и образа совершения православных церковных служб.

14. Левитин-Краснов А. Э., Шавров В. М. Указ. соч. С. 638.

15. Там же.

16. Имеется в виду протопресвитер Н. Ф. Колчицкий (1890–1961), в то время управляющий делами Московской патриархии, по мнению А. Э. Левитина, также агент КГБ.

17. Левитин-Краснов А. Э. В поисках Нового Града: Воспоминания. Ч. III. Тель-Авив, 1980. С. 16–17.

18. URL: <http://www.alexandrmen.ru/books/bychkov/bych13.html#osebe> (дата обращения 01.06.2014).

Notes

1. About the history of Renovationism see, e.g.: Stratonov I. *Russkaya cerkovnaya smuta (1921–1931)* [Russian religious discord (1921–1931)]. Berlin. 1932 // *Iz istorii Hristianskoj Cerkvi na Rodine i za rubezhom v XX stoletii* - From the history of the Christian Church at home and abroad in the twentieth century. Moscow. 1995. Pp. 29–173; Pospelovskiy D. V. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v HKH veke* [Russian Orthodox Church in the twentieth century]. Moscow. 1995. Pp. 62–102; Levitin-Krasnov A. E., Shavrov V.M. *Ocherki po istorii russkoj cerkovnoj smuty* [Essays on the history of the Russian Church discord. Moscow. 1996; Shkarovsky M.V. *Obnovlencheskoe dvizhenie v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi XX veka* [Renovational movement in the Russian Orthodox Church of the twentieth century]. Moscow. 1999; *Obnovlencheskij» raskol: (materialy dlya cerkovno istoricheskoy i kanonicheskoy harakteristiki)* [Renovationist discord: (materials for the Church's historical and canonical characteristics)] / comp. I. V. Soloviev. Moscow. 2002; Stepanov A. S. *Obnovlencheskij raskol kak sredstvo anticerkovnoj politiki Sovetskoj vlasti v 1922–1923 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Renovationist discord as a means of anti-Church policy of the Soviet power in 1922–1923: dis. ... cand. Hist. Sciences]. Moscow. 2005; Krapivin M. Y., Dalgatov A.G., Makarov Y. N. *Vnutrikontfessional'nye konflikty i problemy mezhtkontfessional'nogo obshcheniya v usloviyah sovetskoj dejstvitel'nosti (oktyabr' 1917 – konec 1930 gg.)* [Intra-religious conflicts and

problems of interreligious dialogue in the conditions of Soviet reality (October 1917 - end of 1930)]. SPb. 2005; Shestakov S. P. *Raskoly v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v 1924–1926 gg. v kontekste gosudarstvenno cerkovnyh otnoshenij : dis. ... kand. ist. nauk* [Discord in the Russian Orthodox Church in 1924-1926, in the context of state-Church relations: dis. ... cand. Hist. Sciences]. Moscow. 2006; Lavrinov V.V. *Istoriografiya obnovlencheskogo dvizheniya v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v 1920–1940 e gg.* [Historiography of renovational movement in the Russian Orthodox Church in 1920-1940 s] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* - Herald of the Chelyabinsk State University. 2008, No. 24, pp. 151-158; Kataev A. M. *Poslednie gody obnovlenchestva v kontekste gosudarstvenno cerkovnyh otnoshenij v 1943–1945 gg.* [Recent years of renovationism in the context of state-Church relations in 1943-1945] // *Prihod. Pravoslavnyj ehkonomicheskij vestnik* - Parish. Orthodox economic Herald. 2006, No. 4, 5; Available at: <http://krotov.info/history/20/1940/kataev.htm> (accessed on 01.06.2014) (in Russ.); Golovushkin D. A. *Fenomen obnovlenchestva v russkom pravoslavii pervoj poloviny XX veka* [The phenomenon of renovation in Russian Orthodoxy in the first half of the twentieth century]. SPb. 2009; Roslof, Edward. *Red Priests: Renovation, Russian Orthodoxy, and Revolution, 1905-1946*. Bloomington: Indiana University Press, 2002; and others.

2. "Renovationist" discord. (Materials for the church- historical and canonical characteristics). Pp. 664-665. (in Russ.)

3. Ibid. P. 665.

4. Available at: http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/no_dbpath/docum/ans/ans/newmr/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6XbuEcC5Wfi0XsuKW660hdC0ZeG06ce0hfe8ctk* (date of access 01.06.2014). (in Russ.) Other information from the database research practically coincide with the one provided by Metropolitan Manuel (Lemeshevsky).

5. Shkarovsky M. V. Op. cit. P. 51; Kuznetsov A. I. *Obnovlencheskij raskol v Russkoj Cerkvi* [Renovationist discord in the Russian Church] // «*Obnovlencheskij*» *raskol* - Renovationist schism. (Materials for the church-historical and canonical characteristics). Pp. 581-582.

6. SARF. F. 6991. Sh. 1. File 3. Sh. 7-8; Publ.: Shkarovsky M. V. Op. cit. Pp. 84-85.

7. Shkarovsky M. V. Op. cit. P. 57; Kuznetsov A. I. Op. cit. P. 593.

8. CSA of Moscow. CDW after 1917 F. 3004. Sh. 2. File 19. Sh. 1-9.

9. Ibid. Sh. 9. An excerpt from that document is summarized in the publication: *Russian Orthodox Church in Central Russia in 1943-2000 years: collection doc. / comp. A. A. Fedotov*. Moscow; Arkhangelsk. 2008. See: Available at: <http://aalfedotov.narod.ru/Book/sbornik.htm> (accessed on 01.06.2014). (in Russ.)

10. In the lists of bishops appears also Archbishop of Stavropol and Baku Anthony (Romanovsky) and in 1961, retired Metropolitan of Minsk and Belarusian Anthony (Krolewicz), but hardly anyone of them has to do with the events described.

11. Levitin, A. E. (pseud. Krasnov) (1915-1991) - ecclesiastical writer, revivalist leader, member of the dissident movement. In 1949-1956 and 1971-1974, was in prison. In September 1974 expelled from the USSR. The author of several books on religious and philosophical themes, including the history of the revisionist movement (together with V. Shavrov).

12. Renovationist "Metropolitan Vitaly (Vvedensky) (1870-1950) is meant. In 1944, he was accepted into communion with the Orthodox Church as a Bishop.

13. The Typicon (Charter) is the Church's liturgical book containing systematic order and Commission of Orthodox Church services.

14. Levitin-Krasnov A. E., Shavrov V. M. Op. cit. P. 638.

15. Ibid.

16. Protopresbyter N. F. Colchici (1890-1961) is meant, at that time Chancellor of the Moscow Patriarchate, according to A. E. Levitin, also a KGB agent.

17. Levitin-Krasnov A. E. [In search of a New Grad: Memories]. Pt. III. Tel Aviv. 1980. Pp. 16-17.

18. Available at: <http://www.alexandrmen.ru/books/bychkov/bych13.html#osebe> (accessed on 01.06.2014). (in Russ.)

Действия отдельной Башкирской кавалерийской бригады на Польском фронте

Статья посвящена вопросам советско-польского противостояния и участию Отдельной Башкирской кавалерийской бригады Красной Армии под командованием Мусы Лутовича Муртазина в этой войне. В ноябре 1920 г. Башкирская бригада в составе 12-й армии была привлечена к участию в Советско-польской войне. Здесь подробно описаны наиболее интересные военные операции, которые проводились на этом фронте.

The article deals with the Soviet – Polish opposition. And the participation of some of the Bashkir cavalry brigade of the Red Army under the command of Musa Lutovicha Murtazina in this war. In November 1920, the Bashkir team of 12 – Eighth Army was involved in the participation of the Soviet – Polish war. Described herein in detail the most interesting military operations that were conducted on this front.

Ключевые слова: история Гражданской войны, Отдельная Башкирская кавалерийская бригада, М. Л. Муртазин, история Башкирских войск, Польский фронт, кавалерия.

Keywords: history of the Civil War, Private Bashkir cavalry brigade, ML Murtazin, the history of the Bashkir troops, the Polish front, the cavalry.

Как известно, к 1920 г. Гражданская война подходила к своему завершению. В результате удачной политики и боевых действий Красной армии большевики фактически одержали победу в Гражданской войне. Но на последнем этапе характер гражданской войны обострилась Советско-польская война и борьба против армии Врангеля. Глава польского государства маршал Ю. Пилсудский хотел осуществить план создания «Великой Польши в границах 1772 г.» от Балтийского моря до Черного. Этот план предусматривал включение литовских, белорусских и украинских земель. Замысел Пилсудского поддерживали страны Антанты, которые планировали создать буферную зону из восточно-европейских стран между большевистской Россией и странами Запада. 17 апреля Пилсудский подписал договор с атаманом Петлюрой, так как Польша признавала возглавляемую Петлюрой Директорию верховной властью Украины и начал наступление на Киев. 7 мая Киев был взят. Победа досталась необычайно легко, ибо советские войска отошли без серьезного сопротивления [1].

Красная Армия готовилась к наступлению Польской армии и ближе к фронту подтягивала свои наиболее боеспособные части. Для усиления своей армии еще 26 апреля 1920 г. ЦК РКП(б) решил перебросить на Юго-Западный фронт дополнительные силы. Для этого они направили из Уральска 25-ю Чапаевскую дивизию (командир И. С. Кутяков), с Урала – Башкирскую кавалерийскую бригаду под командованием М. Л. Муртазина [2], а из Северного Кавказа – 1-ю Конную армию (командующий С. М. Буденный, члены РВС армии К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко) [3].

Необходимо более подробно показать боевые действия Башкирской кавалерийской бригады на Польском фронте. После изнурительных операций на Туркестанском фронте Башкирской кавалерийской бригаде под командованием М. Л. Муртазина был дан длительный отдых в Каргалах. В Каргалах бригада находилась до апреля 1920 г. Здесь она пополнилась за счет поправившихся раненых бойцов и дополнительной мобилизации, а в конце апреля, по приказу Главкома, Башкирская кавалерийская бригада направилась на Польский фронт.

29 апреля 1920 г. Башбригада прибыла на Польский фронт. В своем составе имела 27-й, 28-й полк и пеший дивизион, общей численностью более 1000 человек [4].

Поляки в это время наступали на Киев. 12-я армия не могла противостоять против такой силы поляков. Оставив Киев, перешла на левый берег Днепра. Муса Муртазин вспоминал, что в директиве Главкомандующего Юго-Западным фронтом от 8 мая 1920 г. (№ 2637/391с) ука-

зывалось, что после отхода 12-й армии на левый берег Днепра обстановка изменилась для красных частей в плохую сторону. Противник собрал большой резерв возле Киева. Этими частями мог ударить по конной армии, и поэтому нужно было привести в порядок части 12-й армии и принимать меры по обратному овладению Киевом. Для действия на правом берегу Днепра могла быть использована Кавалерийская бригада Мусы Муртазина [5]. Но командир 7-й дивизии Голиков решил направить в местечко Бровары кавалерийскую бригаду Муртазина, чтобы сдержать наступление противника со стороны этого населенного пункта. В день своей высадки Башкирская кавалерийская бригада получает задание: совершить налет на местечко Бровары.

Для этого командир бригады Муса Муртазин со своей бригадой останавливается в лесу в трех километрах северо-западнее Броваров. Он пишет: «После проведения разведки выясняется следующая обстановка: противник сосредоточил в Броварах значительные силы пехоты, с сильной артиллерией и броневиками, выставив на 500 метров вокруг сторожевое охранение. Местность, окружавшая местечко Бровары, радиусом полтора километра, представляла собой открытое поле, на котором бродили стада коров, овец и лошадей, за укрытием которых полки Башкирской кавалерийской бригады могли подойти к противнику незамеченными» [6].

Командир башкирской кавалерийской бригады М. Л. Муртазин решает начать атаку утром. Для этого первый эскадрон 28-го полка располагается на юго-восточной опушке леса, в двух километрах северо-западнее Броваров и прикрывает левый фланг бригады, остальные три эскадрона под командой Н. Муртазина атакуют местечко Бровары с фронта. Пеший дивизион должен захватить артиллерию противника и базу бронедивизиона поляков. 27-й кавалерийский полк четырьмя эскадронами атакует противника с тыла.

Утром в 6 часов 30 минут бригада начинает атаку. 27-й полк в конном строю, маскируясь пасущимся скотом, повел атаку на Бровары с запада; 28-й полк (двумя эскадронами) в конном строю начал атаковать с севера, из леса; пеший дивизион повел наступление на тяжелую батарею противника; один дивизион обеспечивал путь отступления. Атака шла одновременно. В 8 часов часть Броваров была уже занята бригадой и захвачена тяжелая батарея (прислуга порублена).

В ходе боев были уничтожены 2 батареи, разгромлена часть польской дивизии, захвачены 150 пленных, 4 пулемета [7]. Через несколько дней в «Киевской мысли» появилась заметка, что на Бровары сделала налет азиатская часть и порубила 60 офицеров [8].

На Польском фронте первые бои показали, что необходимо менять тактику ведения боевых действий. Кавалерийские атаки на сильно укрепленные позиции, с большим количеством пулеметов, приводили к большим потерям личного состава и еще больше – в лошадях, так как польские солдаты предпочитали позиционную войну с ночными атаками. Еще у польских солдат не было боязни перед кавалерией, так как их к борьбе против этого вида войск учили с первых дней службы. Ставка делалась на то, что при большой силе огня кавалерия для пехоты не страшна.

Надо было отказаться от тактики лобовых атак. Атаковать в кавалерии разрешалось только тогда, когда пехота захвачена врасплох и отступает.

После боев возле населенных пунктов Зазимье (был разгромлен пехотный полк, захвачено 300 винтовок и 100 человек пленных) [9], Озеряны (против шайки Ромашко) Башкирской кавалерийской бригаде было приказано форсировать Днепр, для того чтобы совместно с 7-й дивизией в дальнейшем развивать наступление. Соединившись с 7-й дивизией, Башкирская кавалерийская бригада, развивая наступление, переправилась в районе деревни Тарасевичи. Надо отметить, что водная преграда на пути войск – это всегда большое испытание. Это неудобная позиция для нападающих и выгодная позиция для обороняющихся войск. Бригада для форсирования Днепра нашла 200 лодок и 26 мая начала форсирование реки Днепр.

Утром части бригады подплыли к противоположенному берегу. Здесь находился польский эскадрон, который заметил переправу, когда лодки уже приблизились к нему, и открыл по ним беспорядочную стрельбу. Но все же правый берег был захвачен без потерь, и к вечеру переправились все три полка; лошадей пускали вплавь. Поляки отошли. Но дальше оказались новые, не нанесенные на карту рукава, поэтому продвигаться вперед не было возможности. Поляки, стянув сюда силы, начали из 4 орудий обстреливать переправившиеся части с

расстояния около двух километров. Оставаться в таком положении было нельзя, так как противник мог уничтожить всю бригаду. Комбриг по этой причине переправил полки обратно на левый берег, что было произведено без потерь [10].

Затем было решено переправляться возле деревни Сухолучье, но из-за сильного ружейно-пулеметного огня попытка переправы также была обречена на провал. Несмотря на неудачи, во время форсирования Днепра под деревнями Тарасевичи и Сухолучье был уничтожен эскадрон кавалерии поляков, захвачено 2 пулемета, более 100 лошадей [11]. Потом в районе деревень Ошитки и Окуниково 2 и 4 июня Башкирская кавалерийская бригада с 73-й пехотной бригадой удачно переправились через Днепр и начали новое наступление.

Башкирская кавалерийская бригада под командованием М. Муртазина провела ряд удачных операций в районе населенных пунктов Ротичи, Пилявы, местечек Горностайполь, Зорино, Богданы, возле станции Тетерев, Зарудье, Пенязевичи, Игнатполь, Липина, Большая и Малая Глумча, Яринетка. Там было уничтожено или захвачено в плен много солдат противника.

Вот как вспоминает эти дни очевидец событий – генерал-майор А. И. Лизюков, который видел конные атаки Башкирской кавалерийской бригады: «...Ночью поляки внимательно следили за нами. Ракеты рвутся непрерывно, по всему фронту. После нескольких белых ракет в воздухе мигают красные и зеленые огоньки – это проверочные ракеты, которыми поляки сигнализируют своим главным силам. Потом воздух оглашается беспорядочной стрельбой пулеметов и артиллерии и дикими, уже знакомыми нам боевыми криками конников башкирской бригады... Муртазин со своей конницей! Он забрался в тыл польского bivouaka, снял охраняющие части и атакует главные силы поляков...» [12]

Возле Ротичи был разбит эскадрон поляков, во время боя у Пилявы уничтожены 2 батальона 6-го пехотного Познанского полка, захвачен 1 пулемет, 3 орудия, около 600 пленных, в местечке Горностайполь, деревне Зорино, Багданы уничтожен батальон 6-го пехотного полка, захвачены 5 станковых, 3 легких пулемета, взорван мост у р. Тетерева, захвачены 100 пленных, 3 бойца под деревней Зарудье, уничтожен 60-й Краковский пехотный полк, захвачены 19 пулеметов, более 100 лошадей, 5 повозок ручных бомб, под Пенязевичи уничтожена конная казачья бригада полковника Яковлева, захвачены около 400 лошадей, 12 станковых пулеметов, 450 человек пленных, 2 командира полка, начальник снабжения и оркестр [13]. Надо отметить, что потом Башкирская кавалерийская бригада из трофейных инструментов оркестра создала свой сводный оркестр и во время маршей двигалась с музыкой.

13 июля командованием 12-й армии была создана конная группа, в которую вошли: Башкирская кавалерийская бригада, 25-я кавалерийская бригада, Доно-Кубанский, Суворовский, 7-й сводный и 58-й кавалерийские полки. Командиром конной группы был назначен М. Л. Муртазин. По воспоминаниям Муртазина: «3 августа конная группа с боем занимает город Ковель. Это был крупный населенный пункт, имевший стратегическое значение. 12 августа конная группа у деревни Лотов разбила 9-й пехотный полк и “Татарскую язду”. В этот же день командиром Башкирской кавалерийской бригады назначается Я. Кальметов, из-за отъезда М. Л. Муртазина в отпуск [14]. После 20 августа в связи с болезнью Кальметова, на должность командира Отдельной Башкирской кавалерийской бригады назначается командир 2-го Доно-Кубанского полка А. В. Горбатов. 30 августа Башкирская бригада передается в распоряжение 24-й Железной дивизии» [15].

В октябре воюющие стороны заключили перемирие, а в 18 марта 1921 г. – Рижский мирный договор. По его условиям объявлялось прекращение состояния войны между Польшей и советскими республиками и установление советско-польской государственной границы. Договор представлял собой важный рубеж в истории советско-польских отношений [16].

Башкирская кавалерийская бригада оставалась на украинской земле до 1921 г., ведя борьбу против контрреволюционных сил.

Сколько башкирских солдат и офицеров погибло в Советско-польской войне 1920 г., не известно. Башкирская кавалерийская бригада в этой войне показала свои высокие боевые качества, храбрость воинов-башкир, которые выделялись смелостью, решительностью, бесстрашием, выносливостью, сравнительно высоким моральным духом и дисциплинированностью, что имело большое значение в боевой обстановке. Башкирские воины с честью выполнили возложенную на них задачу.

Примечания

1. Ольшанский П. Н. Рижский мирный договор и развитие советско-польских отношений. М., 1974. С. 25.
2. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1987. С. 73.
3. Там же. С. 41.
4. Муртазин М. Л. Башкирия и Башкирские войска в Гражданскую войну. Уфа, 2012. С. 131.
5. Там же. С. 133.
6. Там же. С. 142.
7. Центральный Архив Общественных Объединений Республики Башкортостан (далее – ЦАОО РБ) Ф. 10276. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
8. Муртазин М. Л. Указ. соч. С. 135.
9. ЦАОО РБ. Ф. 10276. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
10. Муртазин М. Л. Указ. соч. С. 139.
11. ЦАОО РБ. Ф. 10276. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
12. ЦАОО РБ. Ф. 10276. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.
13. ЦАОО РБ. Ф. 10276. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.
14. Муртазин М. Л. Указ. соч. С. 166.
15. Там же. С. 166.
16. Ольшанский П. Н. Указ. соч. С. 5.

Notes

1. Olshansky P. N. *Rizhskij mirnyj dogovor i razvitie sovetsko pol'skih otnoshenij* [Riga peace treaty and the development of the Soviet-Polish relations]. Moscow. 1974. P. 25.
2. Civil war and military intervention in the USSR: an encyclopedia. Moscow. 1987. P. 73. (in Russ.)
3. Ibid. P. 41.
4. Murtazin M. L. *Bashkiriya i Bashkirskie vojska v Grazhdanskuyu vojnu* [Bashkiria and Bashkir troops in the Civil war]. Ufa. 2012. P. 131.
5. Ibid. P. 133.
6. Ibid. P. 142.
7. The Central Archives of Public organizations of the Republic of Bashkortostan (hereinafter referred to as CAPO RB) F. 10276. Sh. 1. File 1. Sh. 26.
8. Murtazin M. L. Op. cit. P. 135.
9. CAPO RB. F. 10276. Sh. 1. File 1. Sh. 26.
10. Murtazin M. L. Op. cit. P. 139.
11. ZOO RB. F. 10276. Sh. 1. File 1. Sh. 26.
12. ZOO RB. F. 10276. Sh. 1. File 8. Sh. 11.
13. ZOO RB. F. 10276. Sh. 1. File 1. Sh. 27.
14. Murtazin M. L. Op. cit. P. 166.
15. Ibid. P. 166.
16. Olshansky P. N. Op. cit. P. 5.

К 100-летию начала Первой мировой войны

УДК 1 (091)

А. Д. Куманьков

**Мировая задача России:
члены Московского религиозно-философского общества
памяти Вл. Соловьёва о Великой войне**

Статья посвящена исследованию состояния общественной мысли России в период Первой мировой войны, столетие начала которой отмечается в этом году. Автор пытается определить взгляды мыслителей, входивших в Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва, на Первую мировую войну. Члены общества были весьма влиятельными в интеллектуальной среде России. Среди них можно выделить Е. Н. Трубецкого, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Сл. Франка, В. Ф. Эрн и др. И для полноценного понимания общественного мнения того времени необходимо обратиться к интерпретациям войны, предложенным этими авторами. Несмотря на различия в подходах к понятию природы войны, её смысла и целей, указанные философы разделяли одно общее убеждение – Великая война представляет собой событие особого порядка, которое требует от России проявления всей её духовной мощи. Именно поэтому Первая мировая война понималась не только как политическая распря, но и как столкновение мировоззрений и идеологий.

This article is dedicated to the First World War 100th anniversary and analyze Russian society ideological basis. Author is trying to find out the understanding of the World War I in works of Moscow Vladimir Soloviev's religious-philosophical society. Society members were rather influential in Russian intellectual world. Among them E. N. Trubetskoy, S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev, S. L. Frank, V. F. Ern and others could be named. It is essential to treat these authors' war interpretations if we are speaking about public opinion of that period. They were carrying different points on nature of war, its aims and sense. However, mentioned philosophers shared one common belief – Great War is unique occurrence when Russia must reveal its special spirit. That is why the First World War was understood not only as political fighting but also as collision of ideologies.

Ключевые слова: Первая мировая война, дух, миссия, ценности.

Keywords: First World War, spirit, mission, values.

В заглавие данной статьи вынесено название речи русского философа Евгения Николаевича Трубецкого «Война и мировая задача России» [1], произнесённой 6 октября 1914 г. на заседании Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва. Подобное представление о мессианском предназначении России в мировой войне было типичным в 1914 г. как для различных кругов интеллектуалов, так и для значительной части населения. Во всяком случае, оно отражало тот духовный подъём, который охватил общество в 1914 г. Однако осмысление Великой войны было куда более сложным и многоплановым и не сводилось лишь к ура-патриотическим выступлениям. К тому же на различных этапах затянувшейся и ставшей во всех смыслах сложной войны менялось и общественное мнение. Можно выделить несколько подходов, обобщающих наиболее типичные интерпретации войны в отечественной мысли. И в год столетия начала Первой мировой войны полезным было бы обратиться к исследованию того, как решался вопрос о войне в русской философии. К тому же теме этой уделяется незаслуженно мало внимания.

Среди исследований, посвящённых данному вопросу, можно выделить монографию А. А. Скворцова «Русская религиозная этика войны XX века» [2], которая подкреплена также рядом статей [3], работы А. В. Михайловского [4], Б. Н. Кашникова [5], Е. С. Соколова и др. Указанные авторы своими трудами формируют пока ещё слабо развитый корпус исследований по истории осмысления войны русскими мыслителями. Настоящее же исследование сфокусиро-

вано на работах военного периода членов Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва. Ограничение обращением исключительно к философской мысли 1914–1918 гг. не случайно. К проблеме войны русские мыслители, безусловно, обращались как до Великой войны [6], так и после неё. Ещё в XIX столетии была создана особая традиция восприятия вооружённого конфликта. А в работах 20–40-х гг. прошлого века прослеживается тенденция к восприятию Первой мировой войны в качестве своего рода предпосылки более значимой и страшной Гражданской войны. Нас же интересует именно живой опыт переживания войны членами Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва.

Принято считать, что религиозно-философское общество возникло в Москве в начале 1905 г. и в 1906 г. началась активная работа его участников. Однако подробности процесса формирования этого общества, несмотря на всю очевидную значимость этого вопроса для истории русской философии, нам не до конца известны [7]. Наибольшую активность в работе общества, заседания которого стали местом полемики московских интеллектуалов, стоящих на различных позициях, принимали князь Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, П. А. Флоренский, С. Н. Дурылин. В качестве основной задачи философского объединения было заявлено духовное просветительство граждан России, а в круг основных проблемных тем попали вопросы христианства, истории русской философии, политики и эстетики.

Начавшаяся Первая мировая война, всколыхнувшая всю мыслящую общественность, стала основной темой заседаний осенней сессии 1914 г. Члены общества, не призванные в армию, но мобилизованные на внутреннем фронте интеллектуальной борьбы, в своих публичных выступлениях и эссе поставили вопрос о смысле войны, её задачах, способах ведения, а также об определении победы, к которой, как им казалось, Россия должна привести своих союзников. Благодаря усилиям деятелей Московского общества, а также их коллег из Петербургского философского общества и других организаций, создавалось то духовное поле, из которого рождалось общественное мнение, определявшее в том числе и представления военных специалистов о текущем моменте.

Органы официальной пропаганды сразу же окрестили войну 1914 г. как Вторую Отечественную, проводя параллель с борьбой, которую вела Россия с наполеоновской Францией, а фактически и с большей частью подчинённых ей европейских народов. На Россию возлагалась задача спасти Европу от нового мирового злодея и преступника, коим были Германская империя и её союзники. В объявлении войны «Отечественной» состоял важный идеологический механизм. Из столкновения двух государств и двух армий, как это было в классических войнах европейских народов, конфликт перерастал в решающую битву двух мировоззрений, одновременное сосуществование которых было невозможным. Война делалась личным делом каждого гражданина. Линия фронта значительно расширялась, занимая всю территорию враждующих государств. Борьба велась не только огнестрельным или холодным оружием, но и каждодневным трудом, молитвой, размышлением. Как отмечает С. Н. Булгаков, «не все призываются к борьбе с врагом внешним, но к борьбе с духовным врагом, расслабленностью и маловерием, призваны все» [8].

Во всём своём виделось благо, особая сила и чистота, в то время как чужое, германское становится символом преступного и греховного, вызывающего онтологическое отторжение. На эту тотальную озлобленность по отношению к врагу, готовность искоренить всё, пусть даже косвенно указывающее на прежние связи с ним, что выразилось, в частности, и в переименовании столицы в Петроград, обращает внимание русский философ А. Ф. Степун, участник боевых действий в чине прапорщика, активно посещавший в мирное время заседания Московского общества. Но обратной стороной этого процесса стало преодоление извечных пороков, изменение отношения к соотечественникам. В письме от сентября 1914 г. Степун замечает, что «вражда к врагу рождает громадную любовь к своему народу, к своей родине. Сейчас у нас, наверно, и в Германии тоже, действительно наблюдается такое преодоление косности, своекорыстия и эгоизма, о котором в мирное время даже и подумать было невозможно» [9].

Философы Московского общества в целом воспринимают это общественное настроение всеобщей мобилизации. Несмотря на всё многообразие отстаиваемых ими позиций и идейные разногласия, оценка войны даётся членами Московского общества в основном схожим образом. Здесь нет места истерии по отношению к противнику, но есть понимание ко-

ренного различия между ценностями, отстаиваемыми центральными державами и их противниками. Мыслители увидели в войне нечто большее, нежели просто вооружённое столкновение, необходимое для решения определённой политической цели. Начавшаяся война, по их мнению, по своему смыслу совершенно превзошла известное определение К. Клаузевица, сводившее войну к инструменту межгосударственных отношений. В борьбе с Германией и её союзниками философы общества памяти Вл. Соловьёва увидели не просто очередную вооружённую распря, не только возможность приобретения ряда территорий в Восточной Европе или в Закавказье. Великая война по сути своей обладала мировым значением. Она была больше, чем просто исторический момент, а потому это событие сверхисторическое. В ней видели великое обновление, поскольку война должна была разрушить складывавшуюся на протяжении многих веков антитезу Восток – Запад, доказать миру причастность России к общеевропейским ценностям или же указать на особый, но не менее значимый, путь, которым она движется, на её уникальную духовность. И естественно, такая война связывалась с большими усилиями, с высшей степенью напряжённости и ожесточения.

Религиозный характер философии общества памяти Вл. Соловьёва усиливал сложность нравственных противоречий, связанных с войной. Мощная традиция пацифизма, заложенная Л. Н. Толстым, по большому счёту не сказала на взглядах членов кружка. Толстой [10] развивал вопрос о непротравлении злу силой, обличая тиранические правительства, которые по сути своей аморальны и занимаются решением проблем меньшей богатой части общества, в результате чего массы простого народа оказываются угнетёнными посредством таких инструментов, как воинская повинность, тюремное заключение, сбор налогов. Силовой же метод построения отношений не приемлем для истинного христианина, который должен стремиться к миру и сотрудничеству с другими людьми [11]. Философы Московского кружка отвергают подобный радикальный пацифизм. Во-первых, война послужила катализатором процесса мистического единения народа, установления согласия между народом и царём [12]. В этом проявляет себя священность войны, которая заставляет русского человека поверить в Россию. Грех маловерия постиг русского человека, но он избавляется от него в ходе войны. Россия же получила возможность очиститься от этого греха, духовно переродиться. И в этой борьбе с внешним и внутренним врагом ориентироваться нужно на православных рыцарей духа Пересвета и Ослябя. Во-вторых, оправдание войны, состоящее в раскрытии её сущности, достигается путём указания на особую миссию, которая возложена на Отечество. Отказаться от борьбы в такой момент – означает предать Родину. Уникальность задачи, стоящей перед Россией, требует продолжения войны, и потому так высока значимость победы.

Но, соглашаясь в оценке общей характеристики войны, философы расходятся во взглядах на содержание её смысла. И как представляется, различия в трактовках смысла и целей войны имели куда более глубокие основания, нежели традиционное, но не всегда точное для отечественной мысли разделение на славянофилов и западников. Можно выделить несколько подходов к интерпретации смысла войны членами Московского общества. Так, С. Н. Булгаков и В. Ф. Эрн видят в происходящем битву двух миров, двух цивилизаций, борьбу одухотворённой России с «цивилизованным варварством». Для этих мыслителей война представляется ценностным конфликтом между Западом и богоизбранной Россией, которой предстоит открыть своё высокое призвание. Булгаков и Эрн видят объяснение смысла войны в религиозной, духовной сфере. Е. Н. Трубецкой и Н. А. Бердяев объединяются в своём убеждении о том, что текущий конфликт означает наступление переломного момента, после которого Россия сможет реализовать ту миссию, которая была возложена на неё самой историей. Здесь также есть вера в божественное предначертание особого предназначения России. Но, как представляется Бердяеву и Трубецкому, победа ознаменует единение России и западного мира. Духовные и культурные различия сотрут, если будет разгадана главная национальная загадка России. И разгадка эта состоит в осознании русским народом своей освободительной миссии, в необходимости решить судьбу европейских наций. Оправдание войны переходит, таким образом, для этих мыслителей в область политическую. И наконец, С. Л. Франк и Ф. А. Степун обнаруживают смысл войны в моральной сфере. Вопрос об обосновании права на применение силы требует ответа на вопрос о том, какие ценности поднимаются на знамёна. По словам Франка, «отыскание смысла войны, в чём бы оно ни заключалось, должно быть подчинено общему требованию, чтобы та правда, во имя которой ведётся война, была действительно общечеловеческой, равно необходимой не только нам, но и на-

шему противнику» [13]. Борьба, как бы парадоксально это ни звучало, должна окончиться не только военной победой одной из сторон, но и нравственной викторией каждого из участников конфликта. Победа означает обретение гармонии мира, реализацию принципа общей справедливости, исходящего из единства базисных ценностей.

Но остановимся чуть подробнее на этих концепциях войны. Рассуждая о причинах войны, С. Н. Булгаков говорит о кризисе новоевропейской цивилизации, с её рационализмом, эгоцентризмом, а самое главное – капитализмом. Осознание смысла войны состоит в ответе на вопрос в том, кто виноват в ней и по какой причине западная цивилизация гибнет. И ответ очевиден: война – это следствие «национально-экономического соперничества, порождение борьбы за мощь и богатство, за мировую гегемонию, имеющую целью политическое и экономическое порабощение orbis terrarum» [14]. Капитализм в рамках системы национальных государств обостряет соперничество в Европе, особенно между ведущими экономиками Великобритании и Германии. В этом духовном кризисе западной цивилизации Россия должна защитить «Европу от Европы», указав на истинный путь к спасению, на дорогу к Граду Небесному. Вторит Булгакову и В. Ф. Эрн: «Гордая, материальная, внешняя идея германская сталкивается с смиренной, духовною и внутреннею идеею русскою» [15]. Отвечая на вопрос, обращённый Вл. Соловьёвым к Руси: «Каким же хочешь быть Востоком? Востоком Ксеркса или Христа?» [16], Эрн попросту отказывается видеть в России черты деспотии, невежества и косности, обвиняя императора Вильгельма в подражании Ксерксу. Христианская Россия вынуждена решать проблемы западного мира, что требует от всего народа предельного напряжения и осознания высшей степени ответственности. Только в этом случае Россия превратится в полноправного мирового лидера, за которым пойдёт Европа.

Но так ли далека была Россия от востока Ксеркса в действительности? Опасность пренебрежения внутренней духовной работой чётко осознавалась С. Л. Франком: «...то, что мы ведём борьбу с новым язычеством, ещё само по себе не делает нас ратью Христовой» [17]. Византия не спаслась от нашествия с востока, также и Россия постоянно подвержена опасности исчезновения. Учение Христа ведёт Россию по её великому пути, но общеизвестны слабости и пороки русского человека: лень, злоба и безответственность. Всё это говорит о нерешённости вопроса в выборе между Христом и Ксерксом.

Однако Россия пробудилась, чтобы вывести Европу из платоновской пещеры неведения и иллюзорности. Возможным это будет, по мнению Франка, только до той поры, пока Россия не оставит истинного служения всему благу и честному, что одухотворяет мировую борьбу. Отступление от благой цели будет знаменовать гибель Отечества.

Несколько иначе решает вопрос о значении войны Е. Н. Трубецкой, который в своих статьях 1914–1915 гг. проводит противопоставление не войны и мира, а войны и жизни [18]. Для Трубецкого Первая мировая война – не конфликт, в ходе которого Россия может обогатиться или прирастить территории, а борьба мировоззренческих систем, в ходе которой должны быть освобождены народы, порабощённые Германией. В то время как немецкие авторы пишут о борьбе Германии с дикой Россией [19], которая своим существованием ставит под сомнение все европейские ценности, Трубецкой говорит о Германском рейхе как о силе, олицетворяющей Восток и угрожающей Западу. За Германией стоит угнетение и поглощение не только славянских, но и других европейских народов: не только Сербии и Польши, но и Бельгии и Дании, неприкосновенность нейтралитета которых не была гарантирована. Перед Россией стоит, таким образом, поставленная самой историей задача «всеобщего политического возрождения всех порабощённых национальностей» [20]. Это уже не только решение славянского вопроса, остро вставшего в XIX столетии и связанного с борьбой против османского владычества на Балканах. Именно в освобождении всех европейских народов и преодолении славянофильской риторики Трубецкой видит основу национального чувства русского человека нового века, указывая при этом на необходимость избавиться от опасностей национализма и захватнических настроений.

Армия и народ едины в своей воле к победе, но эту победу получит только сторона, не утратившая своей изначальной духовности. Духовная сила и крепость воли – вот что должно определить мощь оружия и обеспечить победу.

Борьба с Германией подразумевает необходимость победы над ней, но не тотальное её уничтожение. Всеобщий мир невозможен, и достижение его не связано с истреблением народа, пусть и излишне агрессивного. Обозначенная высокая цель борьбы не должна теряться

ни на одном из этапов войны. А в стремлении отступить от освободительной миссии России видится Трубецкому предзнаменование неизбежного краха государства, как духовного, так и материального.

Со временем тон и содержание дискуссии, развернувшейся в философской и литературной Москве, изменится, затяжной характер конфликта исчерпает силы не только бойцов, сидящих в окопах от Прибалтики до Румынии, но и воинов-интеллектуалов. Неудачи на фронтах поставили под сомнение изначальную святость миссии России, попрали веру в её духовную чистоту и особую мощь. С. Л. Франк следующим образом формулирует вопрос, с которым столкнулась мыслящая Россия: не было ли допущено ошибки в нравственной оценке противника? И отвечает на него пугающим образом – Германия, если и не преодолела духовный упадок, смогла за счёт своего нравственно-волевого начала найти основания для ведения продолжительной и временами успешной борьбы [21]. Россия же не смогла в ходе войны сохранить чистоту своей высокой цели, обратилась к неприемлемым средствам борьбы, а потому идёт ложной дорогой, всё чаще попустительствуя безнравственному и постыдному.

В свою очередь, в статье 1918 г. «Мысли о природе войны» Н. А. Бердяев, рассуждая о войне как таковой, уже не находит в ней какого бы то ни было очищающего её смысла [22]. Война кажется ему греховной, но тем не менее необходимой. Она представляет собой то глубинное средство излечения духовных болезней человечества, без которого невозможно было бы говорить о здоровье. Вывод, к которому приходит философ, пытаясь определить смысл войны – вооружённая война всегда антиномична, в ней побеждается тьма мировой жизни, но ужасы и страдания, связанные с ней, не позволяют смотреть на неё оптимистически.

Многие из участников Московского общества оставляют тему войны, к примеру Е. Н. Трубецкой обратится к исследованиям русской иконографии. Так будет продолжаться до Февральской революции и Октябрьского переворота, когда политическая тема вновь окажется для членов Московского общества главенствующей.

Философы, входившие в Московское религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва, отстаивали порой противоположные подходы в интерпретациях определяющих философских понятий. Не стала исключением и дискуссия о войне, смысл которой виделся одним в решении нравственной задачи, стоящей перед Отечеством, другим – в возможности России явить миру новую идею и увлечь за собой все христианские народы, третьи верили в единство западного мира и России, которое должно будет утвердиться после победы. Общим же местом следует признать призыв к необходимости духовного труда каждого гражданина России и всего народа в его целостности. Настоящую же статью хотелось бы закончить словами С. Л. Франка, которые за столетие с момента их произнесения не потеряли своей силы и значимости: «Веруя в себя, мы должны верить во всемогущество нашей свободной, сознающей себя нравственной воли. Нужно только твердо помнить, что всякое внешнее напряжение действительной воли предполагает внутреннее её напряжение в деле самоочищения и самоукрепления и что осуществление победоносных начал добра и правды... лежит на личной ответственности каждого из нас, как дело нашей личной совести» [23].

Примечания

1. Трубецкой Е. Н. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12.
2. Скворцов А. А. Русская религиозная этика войны XX века. М.: МАКС Пресс, 2002. 223 с.
3. Скворцов А. А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. 2001. № 2. С. 216–230; Скворцов А. А. Нравственные проблемы войны // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2001. № 1. С. 74–83; Скворцов А. А. Можно ли победить войну? // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2.
4. Михайловский А. В. Великая война и интеллектуалы // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2. С. 178–182; Михайловский А. В. Пещера Фафнира и чудо Пятидесятницы. Идея русского миссионизма в политической публицистике Е. Н. Трубецкого // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 45–55.
5. Кашников Б. Н. Идея справедливости в теории и практике русского терроризма конца 19-го – начала 20-го веков // Российский научный журнал. 2008. № 4. С. 47–57; Кашников Б. Н. Пацифизм, необходимая война и террор. Три доктрины русской философско-правовой мысли // Военно-юридический журнал. 2012. № 12. С. 23–29.
6. См.: Скворцов А. А. Русская религиозная философия войны XX века.
7. Соболев А. В. К истории религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва // Историко-философский ежегодник' 92. М.: Наука, 1994. С. 102–114; Морозова Я. Московское религиоз-

но-философское общество памяти Вл. Соловьёва: вопросы возникновения // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9. № 2. С. 181–191.

8. Булгаков С. Н. Русские думы // Русские философы о войне. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 315.
9. Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Изд-во «Водолей», 2000. С. 5–6.
10. Толстой Л. Н. Царство Божие внутри вас или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание // Толстой Л. Н. Полное собр. соч.: в 90 т. Т. 28. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955.
11. Толстой Л. Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л. Н. Полное собр. соч.: в 90 т. Т. 37. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956.
12. Булгаков С. Н. Русские думы // Русские философы о войне. С. 314.
13. Франк С. Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне. С. 410–411.
14. Булгаков С. Н. Русские думы // Русские философы о войне. С. 305.
15. Эрн В. Ф. Меч и крест // Русские философы о войне. С. 441.
16. Соловьёв В. С. *Ex oriente lux* // Соловьёв В. С. Собр. соч. Т. XII. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1970. С. 28.
17. Франк С. Л. О духовной сущности Германии // Русские философы о войне. С. 439.
18. См. соответствующие сборники статей. Трубецкой Е. Н. Смысл войны. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1914; Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Берлин: Слово, 1922.
19. Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота // Зомбарт В. Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005. См. также: Зомбарт В. Война и капитализм // Зомбарт В. Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. СПб.: Владимир Даль, 2008.
20. Трубецкой Е. Н. Война и мировая задача России. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. С. 11.
21. Франк С. Л. О поисках смысла войны // Русские философы о войне. С. 437.
22. Бердяев Н. А. Мысли о природе войны // Русские философы о войне. С. 286–295.
23. Франк С. Л. О духовной сущности Германии // Русские философы о войне. С. 440.

Notes

1. Trubetskoy E. N. *Vojna i mirovaya zadacha Rossii* [War and world task of Russia] // *Russkaya mysl'*- Russian thought. 1914, No. 12.
2. Skvortsov A. A. *Russkaya religioznaya ehtika vojny XX veka* [Russian religious ethics of war of the twentieth century]. Moscow. MAKS Press. 2002. 223 p.
3. Skvortsov A. A. *Ehticheskie problemy vojny v russkoj religioznoj filosofii XX v.* [Ethical problems of war in the Russian religious philosophy of the twentieth century] // *Ehticheskaya mysl'*- Ethical thought. 2001, No. 2, pp. 216-230; Skvortsov A. A. *Nravstvennye problemy vojny* [The moral problem of war] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* - Herald of Moscow University. Ser. 7. Philosophy. 2001, No. 1, pp. 74-83; Skvortsov A. A. *Mozhno li pobedit' voynu?* [Is it Possible to win the war?] // *Sokrat. Zhurnal sovremennoj filosofii* - Socrates. Journal of modern philosophy. 2010, No. 2.
4. Mikhailovsky A.V. *Velikaya vojna i intellektualy* [Great war and the intellectuals] // *Sokrat. Zhurnal sovremennoj filosofii* - Socrates. Journal of modern philosophy. 2010, No. 2, pp. 178-182; Mikhailovsky A. V. *Peshchera Fafnira i chudo Pyatidesyatnicy. Ideya russkogo missionizma v politicheskoy publicistike E. N. Trubeckogo* [Fafnir's cave and the miracle of Pentecost. The idea of the Russian missionarism in political journalism of E. N. Trubetskoy] // *Voprosy filosofii* - Questions of philosophy. 2007, No. 11, pp. 45-55.
5. Kashnikov B. N. *Ideya spravedlivosti v teorii i praktike russkogo terrorizma konca 19 go – nachala 20 go vekov* [The idea of justice in the theory and practice of Russian terrorism of the late 19 th - early 20 th centuries] // *Rossijskij nauchnyj zhurnal* - Russian scientific journal. 2008, No. 4, pp. 47-57; Kashnikov B. N. *Pacifizm, neobhodimaya vojna i terror. Tri doktriny russkoj filosofsko pravovoj mysli* [Pacifism, the necessary war and terror. Three Russian philosophical doctrine of legal thought] // *Voенно yuridicheskij zhurnal*- Military law journal. 2012, No. 12, pp. 23-29.
6. See: Skvortsov A. A. *Russkaya religioznaya filosofiya vojny XX veka* [Russian religious philosophy of the wars of the twentieth century].
7. Sobolev A. V. *Istorii religiozno filosofskogo obshchestva pamyati Vladimira Solov'eva* [To the history of the religious philosophical society in memory of Vladimir Solovyov] // *Istoriko filosofskij ezhegodnik' 92*- Historical-philosophical yearbook' 92. Moscow. Nauka. 1994. Pp. 102-114; Morozova Y. *Moskovskoe religiozno filosofskoe obshchestvo pamyati Vl. Solov'yova: voprosy vozniknoveniya* [Moscow religious-philosophical society in memory of Vl. Soloviev: the questions of the origin] // *Vestnik russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii* - Herald of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2008, vol. 9, No. 2, pp. 181-191.
8. Bulgakov S. N. *Russkie dumy* [Russian thoughts] // *Russkie filosofiy o vojne* - Russian philosophers about the war. Moscow; Zhukovsky: CKuchkovo pole. 2005. P. 315.
9. Stepun F. A. *Iz pisem praporshchika artillerista* [From letters of warrant officer – artilleryman]. Tomsk: "Vodoley" Publ. 2000. Pp. 5-6.
10. Tolstoy L. N. *Carstvo Bozhie vnutri vas ili hristianstvo ne kak misticheskoe uchenie, a kak novoe zhizneponimanie* [The Kingdom of God is within you or Christianity is not as a mystical teaching but as a new conception of life] // Tolstoy L. N. Full col. op. n 90 vol. Vol. 28. Moscow. State Publ. of fiction. 1955.

11. Tolstoy L. N. *Zakon nasiliya i zakon lyubvi* [The law of violence and the law of love] // Tolstoy L. N. Full col. op. n 90 vol. Vol. 37. Moscow. State Publ. of fiction. 1956.
12. Bulgakov S. N. *Russkie dumy* [Russian thoughts] // *Russkie filosofy o vojne* - Russian philosophers about the war. P. 314.
13. Frank S. L. *O poiskah smysla vojny* [On the search of the meaning of war] // *Russkie filosofy o vojne* - Russian philosophers about the war. Pp. 410-411.
14. Bulgakov S. N. *Russkie dumy* [Russian thoughts] // *Russkie filosofy o vojne* - Russian philosophers about the war. P. 305.
15. Ern V. F. *Mech i krest* [Sword and the cross] // *Russkie filosofy o vojne* - Russian philosophers about the war. P. 441.
16. Soloviev V. S. *Ex oriente lux* // Soloviev V. S. Col. op. Vol. XII. Brussels. "Life with God". 1970. P. 28.
17. Frank S. L. *O duhovnoj sushchnosti Germanii* [About spiritual essence of Germany] // *Russkie filosofy o vojne* - Russian philosophers about the war. P. 439.
18. See relevant articles. Trubetskoy E. N. [The meaning of war]. Moscow: A. I. Mamontov's typogr. 1914; Trubetskoy, E. N. [The meaning of life]. Berlin. Slovo. 1922.
19. Sombart V. *Torgashi i geroi. Razdum'ya patriota* [Hucksters and heroes. Thoughts of a patriot] // Sombart V. Col. op. in 3 vol. Vol. 2. SPb. Vladimir Dahl. 2005. See also: Sombart V. *Vojna i kapitalizm* [War and capitalism] // Sombart V. Col. op. in 3 vol. 3 Vol. SPb. Vladimir Dahl. 2008.
20. Trubetskoy E. N. *Vojna i mirovaya zadacha Rossii* [War and world task of Russia]. Moscow. Typ. of I. D. Sytin. 1915. P. 11.
21. Frank S. L. *O poiskah smysla vojny* [On the search for the meaning of war] // *Russkie filosofy o vojne* - Russian philosophers about the war. P. 437.
22. Berdyaev N. A. *Mysli o prirode vojny* [Thoughts about the nature of war] // *Russkie filosofy o vojne* - Russian philosophers about the war. P. 286-295.
23. Frank S. L. *O duhovnoj sushchnosti Germanii* [About spiritual essence of Germany] // *Russkie filosofy o vojne* - Russian philosophers about the war. P. 440.

УДК 94 (470.41) «1914/1917»

Е. В. Миронова

Первая мировая война и Казанская губерния в воспоминаниях дворянок

В статье с целью исследования тыловой деятельности дворянок Казанской губернии в период Первой мировой войны были проанализированы воспоминания представительниц дворянского сословия.

For research activities of noblewomen of Kazan province during the First world war, the author has analyzed the memories of the nobility.

Ключевые слова: Первая мировая война, Казанская губерния, дворянство, дворянки, благотворительность, воспоминания.

Keywords: The First world war, Kazan province, nobility, noblewomen, charity, memories.

Проблеме участия женщин в Первой мировой войне посвящен целый ряд общероссийских [1] и региональных исследований [2], в которых широко отражена их благотворительная деятельность, оказание помощи больным и раненым в качестве сестер милосердия, а также формирование женских батальонов. Тем не менее, несмотря на значительный интерес к данной проблематике, малоисследованными остаются такие аспекты, как судьбы женщин в 1914–1918 гг., «женский взгляд».

Между тем воспоминания, дневниковые записки, оставленные представительницами прекрасного пола, позволяют осветить повседневную жизнь дворянства Казанской губернии в условиях Первой мировой войны. В отличие от скупых официальных сведений и материа-

лов периодической печати о состоянии фронта, автобиографические записи имеют большую эмоциональную окраску и позволяют понять впечатления, мысли и ощущения людей. Авторы мемуарных текстов выступают, с одной стороны, как представители определенного класса, а с другой – как участники и современники событий политической жизни эпохи.

Одним из основных источников при написании данной статьи явились мемуары Ксении Николаевны Алексеевой [3]. Ксения Николаевна принадлежала к известному дворянскому роду Боратынских, составляющему цвет казанского дворянского общества. Ее дедом по отцовской линии был известный русский поэт «пушкинской эпохи» Е. А. Боратынский, а по материнской линии – востоковед, член-корреспондент Академии наук, профессор Казанского Императорского университета А. К. Казем-Бек.

Важным источником выступил автобиографический роман О. А. Ильиной «Канун Восьмого дня» [4]. Автором произведения являлась дочь Александра Николаевича Боратынского – предводителя дворянства Казанского и Царевококшайского уездов, земского деятеля Казанской губернии, депутата Государственной думы. Хронологически произведение Ольги Ильиной охватывает конец XIX – начало XX столетия – время эпохальных событий в истории Российской империи. Помимо богатого событийного ряда, роман также содержит ценные сведения о жизни самой дворянки и ее родственников, отражающие ее отношение к событиям прошлого и, в частности, к Первой мировой войне. Повествование идет от первого лица – сначала маленькой девочки, а затем молодой девушки, что наложило отпечаток наивности в восприятии происходящего на непосредственное окружение Ильиной и всю страну.

Для написания статьи также были привлечены материалы из жизни поэта, переводчика и автора философских статей Бориса Бера. Автобиография, извлечения из писем, дневников, черновики тетрадей [5] были собраны его сестрой Елизаветой Владимировной Молостовой, бывшей замужем за помещиком Тетюшского уезда Казанской губернии В. Г. Молостовым.

Хронологические рамки статьи будут ограничены периодом с начала войны в июле 1914 г. и до октября 1917 г., потому что события Октябрьской революции во многом «заслонили» и отодвинули на второй план Первую мировую войну.

Известие о начале войны в Казанской губернии, как и во всей Российской империи, было встречено с патриотической восторженностью и готовностью населения оказать всемерную помощь государству с целью обеспечить его победу. В то же время с Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Европе не было крупного военного конфликта, поэтому Первая мировая война, хотя и витала в воздухе, стала шоком для дворян. Не случайно первые тревоги были связаны не с судьбой страны, а с беспокойством за жизни близких, которым предстояло уйти на фронт. «Как, он должен сегодня же уезжать? – спрашивала Ольга Боратынская, когда ее жених Кирилл Ильин телеграммой был вызван обратно в полк. – Что это? Война! Значит, Австрия...» [6] «...Как это может? – задавалась вопросом сестра Кирилла Ильина. – Вчера спектакль и такое веселье, а сейчас... ведь... Павлоградский полк стоит в Сувалках, на самой границе... это значит самые первые бои!» [7] Война воспринималась через призму личных переживаний, а ее значимость оценивалась с точки зрения последствий для жизни и здоровья родных.

Повседневная жизнь некоторых дворян стала меняться с прибытием первых раненых и беженцев особенно летом 1915 г., когда австро-германские войска предприняли наступление на Восточном фронте и вынудили российскую армию отступить. О. А. Ильина писала: «В связи с войной и грозившими России внутренними неурядицами каждый член семьи [Боратынских]... нес огромную нагрузку напряженной работы» [8]. Родная сестра Александра Николаевича Боратынского Екатерина заведовала госпиталем, открывшимся в Дворянском собрании. Не имея собственных детей и занимаясь воспитанием лишь сыновей и дочери старшего брата, Екатерина могла полностью посвятить себя этой работе.

Участие в социально-гуманитарной работе принимала другая родственница Боратынских, двоюродная сестра О. А. Ильиной Прасковья Казем-Бек. Прасковья Александровна уже имела опыт работы в госпиталях, куда она поступила в качестве сестры милосердия в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., а с началом Первой мировой она была командирована в Германию для обследования положения русских военнопленных [9]. Отчасти деятельность П. А. Казем-Бек и ее готовность уехать на фронт, оставив дом, родных, объяснялась тем, что однажды, прекратив общение с любимым молодым человеком под влиянием запрета мате-

ри, она навсегда отстранилась от своей семьи и больше уже ничего не удерживало ее от социальной активности.

Сама Ольга Ильина, в это время еще незамужняя, записалась на полевые курсы сестер милосердия. Она отмечала, что кроме посещения лекций, длившихся по 3–4 часа, приходилось по 6 часов дежурить в госпиталях, в том числе в ночное время [10]. Для нее поступление раненых стало определенным прозрением, когда она поняла, что война – это и кровь, и стоны раненых, и постоянный уход за ними: «Уже многие передо мной стонали и умирали, такие же юные, как и я, – писала Ильина, – все они шаг за шагом подталкивали меня к краю того оврага, в который они срывались» [11]. И только тепло и любовь близких помогли ей справиться с душевным напряжением [12].

В серьезную тыловую работу включились многие дворянки: часть из них поступала на курсы сестер милосердия, а другие брали на себя содержание загородных лазаретов. Одна из таких лечебниц с 10 койками разместилась в доме Боратынских, расположенном в селе Шущарах Казанского уезда. В поместье Е. С. Молоствовой при с. Три Озера Спасского уезда и в Змиевской экономии в Чистопольском уезде княгини Ливен были устроены госпитали с числом коек от 10 до 20 [13]. С июля 1914 г. действовал Казанский дворянский комитет по снабжению воинов и раненых, который возглавила Любовь Алексеевна Толстая-Милославская, жена губернского предводителя дворянства Сергея Сергеевича Толстого-Милославского. Под ее руководством был организован пошив белья на средства, собранные от пожертвований губернского дворянства и частных лиц [14]. Часть продукции отправлялась на позиции через Общедворянскую организацию, а остальное выдавалось военнослужащим, выписанным из госпиталей [15]. За первый год войны ими было собрано и передано большое количество рубашек, наволочек, полотенец, фуфаяк, несколько пудов табака, бумаги и папирос. Ученицы Ксенинской и Мариинской гимназий отправляли на фронт подарки и письма. В фондах Национального музея РТ сохранились благодарственные письма казанским гимназисткам от фронтовиков.

Несмотря на возросшую социальную активность некоторых дворян, жизнь большинства из них во многом сохраняла привычный ритм, и мало что отвлекало их от повседневных забот. Касалось это даже тех дворян, чьи самые близкие родственники ушли на фронт. А объяснялось тем, что тыловой работой часто были заняты дворяне, находившиеся на общественной или государственной службе, а также холостые, не обремененные собственными семьями и бытовыми заботами. Например, К. Н. Боратынская писала, что в Русско-японскую войну она посещала курсы милосердия, так как «после ухода с педагогических курсов, жаждала хоть какого-нибудь дела, которое заполнило бы... тяжелое праздное время», при этом ни малейшего намерения ехать на войну у нее не было, и медицину она «терпеть не могла» [16]. Когда началась Первая мировая война, Ксения Николаевна состояла в браке, растила детей, а потому и посвятить себя работе в госпитале она не могла. К тому же в тогдашнем патриархальном обществе неприличным было замужним женщинам оставлять семью, детей, пусть даже и для ухода за больными и ранеными. Впоследствии, при написании воспоминаний, мемуаристка отмечала показной патриотизм военных лет, когда «наряду с воплями и слезами расставанья праздное общество нагло форсировало модным настроением» [17], когда «казанские барышни... поторопились сделать себе апостольники и в них снимались в фотографии» [18].

Немногие в стране осознавали приближение катастрофы. Но постепенно волна стихийного патриотического подъема начала спадать, и люди стали ощущать настроения масс из повседневных разговоров, писем. К примеру, Елизавета Владимировна Молостова, жившая в Долгополянском имении в Тетюшском уезде, узнавала о ходе Февральской революции в Москве из писем родного брата Бориса Бера [19], потому что он был свидетелем этих событий и в газетах редко писали о них. Тем не менее дворянки предчувствовали мощные сдвиги: «В политике все плохо...», «Кругом бушует океан», «На фронте сильное дезертирство... Что-то будет!» [20].

В личных письмах с фронта, адресованных женам, невестам, мужчины старались скрыть «темные», неприглядные стороны войны, чтобы не ранить впечатлительных женщин: «...я совершенно не хотела, чтобы кто-нибудь увидел письма Игоря (Кирилла Ильина. – М. Е.) ко мне, – писала Ольга Ильина. – Широко расставленные строки, чтобы поскорей покрыть страницу: «Как Ваше здоровье? Простите, что я так долго не писал...» [21] Юная Ольга

чувствовала, что он что-то не договаривает, но для нее было важно, что он отправил письмо, а значит, жив.

Дворяне почувствовали ухудшение жизни, но, будучи более материально обеспеченными, они вполне были готовы выносить тяготы. Одновременно дворянство продолжало ощущать себя оплотом государства и опорой власти, о чем свидетельствует фраза Ксении Боратынской: «...лишь бы расцвела Россия» [22]. Но проблема оказалась в том, что большая часть населения страны потерпеть готова не была. По мере нарастания этого противоречия и приближения октябрьских событий 1917 г. и настроения дворян начинают меняться. Одни, видя, как «яд разливается по всему телу», критиковали царя за неспособность «ударить кулаком по столу» [23] и твердили: «Все, что угодно, только не то, что у нас сейчас» [24], другие ждали перемен: «Что бы ни было – все лучше старого строя» [25].

Таким образом, проанализированные дневниковые записи и воспоминания являются важным источником по истории содействия дворянок Казанской губернии фронту в годы Первой мировой войны. Они представляли собой типичные автобиографические тексты, которые было принято вести в дворянских семьях. В романе О. А. Ильиной война показана глазами совсем юной девушки, а в мемуарах К. Н. Боратынской, напротив, война представлена с позиции взрослой женщины. И хотя в личных записях война была лишь фоном, авторам удалось рельефно и точно передать все впечатления военных лет, отразить основные переживания и мысли.

Примечания

1. Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М.: Центрполиграф, 2001. 443 с.; Гилимханова А. Р. Подвиги женщин в Первой мировой войне // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / отв. ред. В. А. Веремченко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. С. 453–457; Сенин А. С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 178–181.

2. Репинецкий А. И. Женщины и дети в годы Первой мировой войны (на материалах Поволжья) // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны). С. 457–462; Хайрутдинова Д. Р. Благотворительность и милосердие татарских женщин в годы Первой мировой войны // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.): проблемы изучения: [сб. ст. и сообщений науч. конф., посв. памяти профессора С. М. Михайловой] / отв. ред. Г. П. Мягков и др. Казань, 2008. С. 418–423.

3. Боратынская К. Н. Мои воспоминания. М.: Зебра Е: Альта-Принт, 2007. 538 с.

4. Ильина О. А. Канун Восьмого дня. Казань: Заман, 2003. 400 с.

5. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 43. Оп. 1. Д. 122. 803 л.

6. Ильина О. А. Указ. соч. С. 178.

7. Там же.

8. Там же. С. 213.

9. Боратынская К. Н. Указ. соч. С. 65, 278.

10. Ильина О. А. Указ. соч. С. 207.

11. Там же. С. 209.

12. Там же. С. 208.

13. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 350. Оп. 2. Д. 356. Л. 233–233 об.

14. НА РТ. Ф. 350. Оп. 2. Д. 650. Л. 14

15. Боратынская К. Н. Указ. соч. С. 277.

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же.

19. РГАЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 122. Л. 779–780, 787.

20. Боратынская К. Н. Указ. соч. С. 390, 398.

21. Ильина О. А. Указ. соч. С. 190.

22. Боратынская К. Н. Указ. соч. С. 398.

23. Ильина О. А. Указ. соч. С. 220.

24. Там же. С. 222.

25. Боратынская К. Н. Указ. соч. С. 398.

Notes

1. Vlasov P. V. *Blagotvoritel'nost' i miloserdie v Rossii* [Philanthropy and charity in Russia]. Moscow. Centropoligraf. 2001. 443 p.; Gilimhanova A. R. *Podvigi zhenshchin v Pervoj mirovoj vojne* [Exploits of women in the First world war] // *Vojna i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoj mirovoj vojny)* - War and everyday life of the population of Russia in XVII-XX centuries (to the centenary of the First world war): proceedings of the Intern. scient. Conf., March 14-16, 2014 / resp. editor C. A., Veremenko. SPb. LSU of A. S. Pushkin. 2014. Pp. 453-457; Senin A. S. *ZHenskie batal'ony i voennye komandy v 1917 godu* [Women's battalions and military commands in 1917] // *Voprosy istorii* - Questions of history. 1987, No. 10, pp. 178-181.

2. Repinetsky A. I. *ZHenshchiny i deti v gody Pervoj mirovoj vojny (na materialah Povolzh'ya)* [Women and children in the First world war (on the Volga proc.)] // *Vojna i povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii XVII–XX vv. (k stoletiyu nachala Pervoj mirovoj vojny)* - War and everyday life of the population of Russia in XVII-XX centuries (to the centenary of the First world war). Pp. 457-462; Khairutdinova D. R. *Blagotvoritel'nost' i miloserdie tatarskih zhenshchin v gody Pervoj mirovoj vojny* [Charity and mercy of Tatar women in the First world war] // *Obshchestvenno politicheskaya mysl' i duhovnaya kul'tura narodov Povolzh'ya i Priural'ya (HIX–HKH vv.): problemy izucheniya* - Public and political thought and spiritual culture of the peoples of the Volga and Ural (XIX–XX centuries): problems of study: [Proc. of art and messages of conf. dedicated to the memory of Professor S. M. Mikhailova] / resp. editor G.P. Myagkov and others. Kazan. 2008. Pp. 418-423.

3. Baratynskaya K. N. *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow. Zebra E: Alta-Print. 2007. 538 p.

4. Ilina O. A. *Kanun Vos'mogo dnya* [Eve of the Eighth day]. Kazan. Zaman. 2003. 400 p.

5. Russian state archive of literature and art (RSALA). F. 43. Sh. 1. File 122. 803 sh.

6. Ilina, O. A. Op. cit. P. 178.

7. Ibid.

8. Ibid. P. 213.

9. Baratynskaya K. N. Op. cit. Pp. 65, 278.

10. Ilina O. A. Op. cit. P. 207.

11. Ibid. P. 209.

12. Ibid. P. 208.

13. The national archives of the Republic of Tatarstan (SA RT). F. 350. Sh. 2. File 356. Sh. 233-233 turn.

14. SA RT. F. 350. Sh. 2. File 650. Sh. 14

15. Baratynskaya K. N. Op. cit. P. 277.

16. Ibid.

17. Ibid.

18. Ibid.

19. RSALA. F. 43. Sh. 1. File 122. Sh. 779-780, 787.

20. Baratynskaya K. N. Op. cit. Pp. 390, 398.

21. Ilina O. A. Op. cit. P. 190.

22. Baratynskaya K. N. Op. cit. P. 398.

23. Ilina O. A. Op. cit. P. 220.

24. Ibid. P. 222.

25. Baratynskaya K. N. Op. cit. P. 398.

Либерализация уголовно-исполнительной политики России (вчера и сегодня)

В статье автором рассматривается проблема внедрения и реализации либеральных идей в пенитенциарную систему Временного правительства России (март – октябрь 1917 г.). Выявляется как их положительное, так и отрицательное воздействие на дальнейшее функционирование уголовно-исполнительной системы в условиях государственного кризиса. Автор предлагает решение проблем, которые возникают при реализации гуманистических начал в уголовно-исполнительной системе на современном этапе развития России, через призму предшествующего исторического периода. На современном этапе развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации необходимо использовать опыт предшествующих исторических этапов для эффективной реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. В статье автор акцентирует свое внимание на мнении ведущих ученых в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, истории России. Исследование обладает высокой степенью научности и логичности.

The author considers the problem of the introduction and implementation of liberal ideas in the penitentiary system of the Provisional Government of Russia (March – October 1917). Revealed their positive and negative impacts on the continued operation of the correctional system in a state of crisis. The author proposes a solution to the problems that arise in the implementation of humanistic principles in the penal system at the present stage of development of Russia through the prism of the previous historical period. At the present stage of development of the penitentiary system of the Russian Federation to use the experience of previous historical stages for the effective implementation of the Concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation until 2020. In the article, the author focuses on the opinions of leading scientists in the field of criminal law, criminal law enforcement, criminology, history of Russia. The study has a high degree of scientific and logical.

Ключевые слова: либерализация, Временное правительство, гуманизация, межреволюционный период, Главное управление местами заключения.

Keywords: Liberalization, the Provisional Government, humanization, interrevolutionary period, the Department places of detention.

С момента создания Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., которая провозглашает высшей ценностью жизнь человека, политика государства изменила свой курс. Демократизация страны повлияла и на реформировании системы законодательства в либеральном направлении. Отдельное внимание заслуживает курс уголовно-исполнительной политики. Как и уголовная политика страны, уголовно-исполнительная политика являясь ее частью, взяла курс на гуманизацию. Как считает В. А. Уткин, более корректно ее следует именовать как либерализация уголовно-исполнительной политики. Либерализация уголовной политики, прежде всего, связана с ростом удельного веса альтернативных санкций [1], а также актов амнистии.

Либерализация уголовно-исполнительной политики Российской Федерации на современном этапе развития прежде все связана с реализации общих положений, целей и задач Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 г., которые направлены на внедрение принципа гуманизации условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц,

отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов [2].

На сегодняшний день уголовно-исполнительная система России переживает период реформирования в либеральном направлении. Поэтому во избежание проблем, которые могут возникнуть при этом, необходимо изучение как негативного, так и положительного опыта внедрения в пенитенциарную систему прогрессивных либеральных идей на исторических этапах развития России. Большой интерес для пенитенциарной науки представляет изучение периода правления Временного правительства (март – октябрь 1917 г.). Именно в данный период можно выявить корреляционную зависимость с современным этапом развития России, касающегося внедрения курса либеральной уголовно-исполнительной политики.

Как считает А. А. Герцензон, «карательная политика в период от февраля к октябрю приобретала различные формы, различные оттенки: первый этап – март – июнь 1917 г., второй этап – июль – октябрь 1917 г.» [3] Это относится и к уголовно-исполнительной политике Временного правительства, в которой также можно выделить периоды: первый (март – июнь) – связан с политикой Временного правительства по либерализации системы исполнения наказания, второй (июль – октябрь) – с ужесточением уголовно-исполнительной политики. Причины изменения, двусмысленности уголовно-исполнительной политики Временного правительства обсуждаются и являются актуальными на сегодняшний день. На современном этапе развития России изучением данного вопроса занимаются А. П. Печников С. В. Архипов, И. И. Бомбергер, Н. И. Петренко и ряд других ученых.

Во время произошедших в конце февраля и начале марта 1917 г. событий было разгромлено множество тюрем. В Главное управление местами заключения поступило сообщение об имущественных потерях в ходе погромов в местах лишения свободы по губерниям. Убытков было причинено на общую сумму 245 548 руб. 29 коп. [4] В связи с этим Временному правительству необходимо было находить пути и способы выхода из существующего кризиса. Со 2 марта, с момента вступления на новую должность министра юстиции, А. Ф. Керенский выступил с предложением перед депутатами Петроградского Совета об освобождении всех политических заключенных и издании закона об амнистии. Поэтому в тот же день была принята и опубликована декларация, где провозглашалась «полная и немедленная амнистия по всем политическим и религиозным делам, в том числе по террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным беспорядкам» [5]. 3 марта 1917 г. в «Вестнике Временного правительства» была помещена циркулярная телеграмма министра юстиции об освобождении всех заключенных по политическим и религиозным делам [6]. На основании данной телеграммы государство доделывало то, что начали революционные народные массы. 6 марта Временным правительством был принят указ о политической амнистии, который опубликовали 8 марта [7]. 13 марта 1917 г. Акт общей политической амнистии от 6 марта был дополнен постановлениями о воинской амнистии по политическим и религиозным делам [8]. Кроме того, постановление от 17 марта 1917 г. сокращало срок для приговоренным к каторжным работам, а смертная казнь заменялась 15 годами каторги.

Преобразования в пенитенциарной системе Временного правительства с марта по июнь 1917 г. были связаны с провозглашением курса на гуманизацию уголовно-исполнительной политики. Главным идеологом данного курса стал новый начальник Главного тюремного управления ординарный профессор Петроградского университета, доктор уголовного права А. А. Жижиленко, пришедший на смену П. Грану, назначенный на данную должность 11 апреля 1917 г. [9] Его взгляды, изложенные в книге «Преступность и ее факторы», основывались на своеобразном понимании причин преступности, которая питается «теневыми факторами цивилизации и культуры» и исчезает по мере подавления этих темных сторон «светлыми факторами цивилизации» [10]. К последним он относил основные аспекты новой пенитенциарной доктрины. Не приемля классовую природу преступности и не рассматривая капитализм как питательную среду для преступных проявлений, он много внимания уделял гуманизации системы исполнения наказаний, воздействия на морально-нравственную составляющую личности преступника трудом, образованием, мероприятиями по повышению общей культуры осужденных, созданием условий для ресоциализации и т. д. [11] На основании своих теоретических мировоззрений А. А. Жижиленко начал преобразование уголовно-исполнительной системы в духе гуманизации. О решительности и основательности преобразований свидетельствует смета расходов, согласно которой на содержание

уголовно-исполнительной системы в 1917 г. выделялось 19 082 782 руб., с учетом медицинского и материально-бытового обеспечения заключенных: содержание арестантов – 6 868 058 руб.; наем и содержание тюремных помещений – 2 770 347 руб.; содержание и ремонт зданий – 1 615 070 руб. [12]

Постановлением Временного правительства от 26 апреля 1917 г. Главное тюремное управление было переименовано в Главное управление местами заключения (далее по тексту – ГУМЗ), Совет по тюремным делам – в Совет по делам мест заключения. Сохранилось и Общество попечительное о тюрьмах [13].

Курс на гуманизацию системы исполнения наказания проявился, главным образом, в мартовских амнистиях, а также выразился в издании и подписании ряда приказов в марте 1917 г. начальником ГУМЗ А. А. Жижиленко. 8 марта 1917 г. был издан приказ по ГТУ № 1, в котором указывалось, что основная задача уголовного наказания заключается в том, чтобы перевоспитать человека, «имевшего неосторожность впасть в преступление», а этого невозможно достигнуть, если не проявлять по отношению к нему гуманность, что предусматривает прежде всего уважение в заключенном, его человеческого достоинства [14]. Из употребления исключается слово «арестант» и заменяется словом «заключенный». Также к заключенным следовало обращаться на «вы». Несмотря на это, на практике все же термин «арестант» применялся, о чем свидетельствуют официальные отчеты и донесения начальников мест заключения [15]. Этим же приказом было предложено не прибегать к телесному наказанию, а также устранить применение оков в качестве меры, предупреждающей побеги. Признана необходимость устранить из одежды заключенных все отличия, унижающие заключенных как в их собственных глазах, так и в глазах общества. Также в приказе было предусмотрено предупреждение: «Тюремная администрация, виновная в нарушении служебного долга, будет немедленно предаваться суду» [16].

Тюремная система России вплоть до издания Общей тюремной инструкции 1915 г. не имела единого нормативного акта, четко регулирующего режим исполнения наказания в местах заключения. Отчасти эту задачу решали «Устав о содержащихся под стражею» 1890 г. и «Устав о ссыльных» 1822 г. в различных редакциях. Отдельные статьи данных нормативно-правовых актов продолжали действовать в межреволюционный период 1917 г. Постановлением Временного правительства от 17 марта 1917 г. «Об отмене для ссыльно-поселенцев и арестантов наказания розгами, наложения оков и надевания смирительной рубашки» были отменены соответствующие статьи Устава «содержания под стражей», Устава «о ссыльных» [17]. Этим же постановлением сокращался срок одиночного заключения для женщин по некоторым видам преступлений [18]. 26 апреля 1917 г. было принято постановление «Об отмене ссылки», которое внесло соответствующие изменения в «Уголовное уложение» и в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Смысл постановления заключался в замене ссылки на поселение заключением в крепость на срок не ниже трех лет; ссылки, соединенной с лишением прав состояния, – исправительными арестантскими отделениями на срок от четырех до шести лет, с лишением всех особенных прав и преимуществ; ссылки на поселение с лишением всех прав состояния – заключением в крепость на срок от шести лет восьми месяцев до десяти лет [19]. 27 апреля 1917 г. начальник Главного управления мест заключения своим приказом давал право управляющим местами заключения делать отступления от «Общей тюремной инструкции». Эти отступления допускали: оставление камер открытыми, свидания не через решетку, кратковременный выход в город, введение института старост из самих заключенных [20]. Данные отступления, по мнению ГУМЗ, могут быть использованы как ценное побудительное средство пенитенциарного воздействия на заключенных.

Далее курс на гуманизацию системы исполнения наказаний был продолжен. Приказами начальника Главного тюремного управления от 8 марта 1917 г. и Главного инспектора по пересылке арестантов от 8 мая 1917 г. № 2 устранялось наложение на заключенных всех видов оков, кандалов и наручников [21]. Во время пересылки арестованным разрешалось иметь при себе необходимые вещи, а именно: предметы туалета, некоторые продукты питания, книги, печатные издания, «не имеющие разрешительной подписи тюремного начальства» [22]. 12 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление «Об отмене смертной казни» [23]. Согласно постановлению преступления, которые по действующему законодательству предусматривали наказание в виде смертной казни, заменялись каторгой

на срок и без срока. Отмена смертной казни и пыток дала свои положительные результаты. Благодарность выражали множество уголовных заключенных.

Что касается отношения государства к труду заключенных, то он стал рассматриваться не только как элемент уголовной репрессии, усиливающий или ослабляющий ее, но и как необходимый спутник лишения свободы. Циркуляр ГУМЗ № 62 от 18 июля 1917 г. подчеркивал данное суждение. В нем отмечалось, что работа должна давать заключенным «знания, с которыми они по выходу на свободу, могут найти себе подходящие занятия» [24]. Они же доставляют некоторым заключенным значительное облегчение во время содержания под стражей [25]. Поэтому ГУМЗ просит начальников учреждений уголовно-исполнительной системы принять решительные меры к тому, чтобы праздность в местах заключения была бы искоренена и чтобы заключенные были заняты соответствующими работами преимущественно для нужд государства, главным образом по обороне. В зависимости от того, как они трудятся, зависит, применять ли к ним УДО и сокращение сроков наказания [26]. Перевоспитание осужденных, являющееся одной из главных целей наказания периода правления Временного правительства, как отмечает А. С. Смыкалин, впоследствии будет активно использоваться в формировании и реализации советской исправительно-трудовой политики [27].

В соответствии с прогрессивными началами организации тюремного дела ГУМЗ признает целью заключения социальное перевоспитание человека, считает необходимым распространить на заключенных право на чтение книг, газет и журналов любого содержания. Далее в циркулярном письме сообщается, что чтение человеку, впавшему в преступление случайно, дает возможность духовного отдыха, а в привычном преступнике может пробудить добрые задатки и дать толчок к исправлению [28].

При этом кадровый состав ведомства должен соответствовать либеральным устремлениям Временного правительства, поддерживать демократические завоевания Февральской буржуазно-демократической революции. Постановлением Временного правительства от 7 апреля 1917 г. при ГУМЗ с 1 мая 1917 г. под непосредственным руководством А. А. Жижиленко учреждены пенитенциарные курсы для специальной подготовки лиц, желающих посвятить себя службе по тюремной администрации, являющиеся одним «из первых шагов совместной работы практиков и теоретиков» [29].

Большим плюсом в реформировании пенитенциарной системы Временного правительства было учреждение особого врачебно-санитарного совета при ГУМЗ из 5 членов, избираемых на 3 года соответствующими медицинскими организациями. Цель создания подобного совета заключалась в установлении такого порядка содержания заключенных, который обеспечивал бы необходимое благоустройство мест заключения в санитарном отношении [30].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что первые мероприятия Временного правительства, выражающиеся в проведении амнистии, восстановлении порядка в управлении учреждениями уголовно-исполнительной системы, не увенчались успехом, несмотря на введение ряда положительных либеральных мер и усиленную заинтересованность в разрешении кризиса. На наш взгляд, трудность в решении и преодолении кризисной ситуации в уголовно-исполнительной системе, прежде всего, заключалась в сложившейся обстановке в стране, из которой Временное правительство искало выход. Условия двоевластия, воздействие революционных масс не давали возможность проведения продуманной уголовно-исполнительной политики в интересах общества, государства и личности. Но и политика соглашательства Временного правительства не дала должных результатов. Политическая амнистия привела к новым бунтам в местах лишения свободы, уголовная амнистия вызвала рост криминогенного элемента в общества, количество совершаемых преступлений, подрыв авторитета легальной власти. В данной ситуации уместно высказывание Е. Т. Гайдара: «Когда страна находится в таком положении, гуманизм к преступникам за счет их жертв по крайней мере неуместен» [31].

Также отрицательным моментом в уголовно-исполнительной политике Временного правительства было и привлечение уголовных заключенных на фронт, что привело к побегам и мародерству. Но следует отметить, что, несмотря на это, легальная власть делала попытки изменить ситуации, хотя во многом и неудачные, не бездействовала. Положительным моментом было внедрение гуманистического принципа функционирования уголовно-исполнительной политики. К сожалению, принцип не был должным образом адаптирован к тогдашним условиям, но включал в себя наиболее прогрессивные методы обращения с заклю-

ченными, которые находят свое отражение на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы. Именно это является заслугой ученых-правоведов периода правления Временного правительства в пенитенциарной науке. Но внедрение прогрессивных идей в пенитенциарную систему, таких, например, как вовлечение заключенных в трудовую деятельность, впоследствии не имело никаких результатов, так как заключенные на тот момент не понимали степени важности и полезности труда. Менталитет заключенных складывался на основе применения к ним мер репрессивного характера, поэтому меры либерального характера, широко внедряемые Временным правительством, не адаптировались, не были приняты тюремным контингентом, их психологией.

Примечания

1. Уткин В. А. Уголовно-исполнительная система Российской Федерации в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития: сб. участников междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 ноября 2013 г.): в 4 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. Т. 1. Доклады пленарного заседания. С. 11.
2. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
3. Герцензон А. А. Карательная политика и уголовное законодательство Временного правительства // Советское государство и право. 1941. № 2. С. 61.
4. ГАРФ. Ф. 7420 Оп. 1. Д. 46. Л. 2.
5. Вестник Временного правительства. 1917. № 1. С. 1.
6. Вестник Временного правительства. 1917. № 2. С. 1.
7. Собрание узаконений и распоряжений правительства (Временного). Петроград, 1917. № 55, отд. I. Ст. 346.
8. Вестник Временного правительства. 1917. 8 марта.
9. Вестник пенитенциарных знаний. 1917. Февраль – июнь. С. 56.
10. Рогов В. А. Год 1917-ый: преступники и тюрьмы России // Записки криминалистов. Вып. 2. М., 1993. С. 253.
11. Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11. Рязань, 2002. С. 396.
12. Уголовно-исполнительная система, 125 лет / под общ. ред. Ю. Я. Чайки. М., 2004. С. 55.
13. Собрание узаконений и распоряжений правительства (Временного). № 100. Ст. 555.
14. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 61.
15. ЦГИА. Ф. 131. Оп. 90. Д. 80. Л. 6, 8, 9, 13.
16. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 61.
17. Собрание узаконений и распоряжений правительства (Временного). 1917. № 66. Ст. 377.
18. ЦГИА. Ф. 628. Оп. 12. Д. 75. Л. 2.
19. Наумов А. В. Уголовное законодательство Временного правительства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2007. № 1(1). С. 20.
20. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 48.
21. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 41.
22. ЦГИА. Ф. 628. Оп. 12. Д. 75. Л. 3.
23. Собрание узаконений и распоряжений правительства (Временного). 1917. № 66. Ст. 375.
24. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 25.
25. ЦГИАМ. Ф. 474. Оп. 11. Д. 8. Л. 27.
26. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 25.
27. Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: УрГЮА, 1997. С. 19.
28. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 43.
29. Вестник пенитенциарных знаний. 1917 (февраль – июль). С. 103.
30. ГАРФ. Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122. Л. 44.
31. Цит. по: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 478–479.

Notes

1. Utkin V.A. *Ugolovno ispolnitel'naya sistema Rossijskoj Federacii v usloviyah modernizacii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Criminal-executive system of the Russian Federation in the conditions of modernization: modern state and prospects: proceedings of international science and practical conf. (Ryazan, November 22-23, 2013)]; in 4 vol. Ryazan: Academy of the Federal penitentiary service of Russia. 2013. Vol. 1. The reports of the plenary session. P. 11.

2. The decree of the RF Government dated 14.10.2010 No. 1772 p "On the Concept of development of criminal Executive system of the Russian Federation until 2020" // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. No. 43. Article 5544. (in Russ.)
3. Gertzenzon A. A. *Karatel'naya politika i ugovnoe zakonodatel'stvo Vremennogo pravitel'stva* [Punitive policies and criminal laws of the Provisional government] // Soviet state and law. 1941, No. 2, p. 61.
4. SARF. F. 7420. Sh. 1. File 46. Sh. 2.
5. Herald of the Provisional government. 1917, No. 1, p. 1. (in Russ.)
6. Herald of the Provisional government. 1917, No. 2, p. 1. (in Russ.)
7. The collection of statutes and orders of the government (Temporary). Petrograd, 1917, No. 55, dep. I, article. 346. (in Russ.)
8. Herald of the Provisional government. 1917, March 8. (in Russ.)
9. Herald of the penitentiary knowledge. 1917, February – June, p. 56. (in Russ.)
10. Rogov V.A. *God 1917 yj: prestupniki i tyur'my Rossii* [Year 1917th: criminals and prisons of Russia] // *Zapiski kriminalistov - Proceedings of the criminalists*. Is. 2. Moscow. 1993. P. 253.
11. Petrenko N. I. *Stanovlenie i razvitie upravleniya ugovno is-pol-ni-tel'noj sistemoy Rossii: dis. ... d ra jurid. nauk: 12.00.11* [Formation and development of the criminal Executive system of Russia: dis. ... dr. Jur. Sciences: 12.00.11]. Ryazan. 2002. P. 396.
12. Criminal Executive system, 125 years / under the general editorship of J. J. Chaika. Moscow. 2004. P. 55.
13. Collection of statutes and orders of the government (Temporary). No. 100, article 555. (in Russ.)
14. SARF. F. 7420. Sh. 1. File 122. Sh. 61.
15. CSIA. F. 131. Sh. 90. File 80. Sh. 6, 8, 9, 13.
16. SARF. F. 7420. Sh. 1. File 122. Sh. 61.
17. Collection of statutes and orders of the government (Temporary). 1917, No. 66, article 377. (in Russ.)
18. CSIA. F. 628. Sh. 12. File 75. Sh. 2.
19. Naumov A. C. [Criminal law of the Provisional government] // Herald of the Academy of the General Prosecution of the Russian Federation. 2007, No. 1(1), p. 20.
20. SARF. F. 7420. Sh. 1. File 122. Sh. 48.
21. SARF. F. 7420. Sh. 1. File 122. Sh. 41.
22. CSIA. F. 628. Sh. 12. File 75. Sh. 3.
23. The collection of statutes and orders of the government (Temporary). 1917, No. 66, article 375.
24. SARF. F. 7420. Sh. 1. File 122. Sh. 25.
25. CSIAM. F. 474. Sh. 11. File 8. Sh. 27.
26. SARF. F. 7420. Sh. 1. File 122. Sh. 25.
27. Smykalin A. C. *Kolonii i tyur'my v Sovetskoj Rossii* [Colonies and prisons in Soviet Russia]. Ekaterinburg: Ural State Academy Of Law. 1997. P. 19.
28. SARF. F. 7420. Sh. 1. File 122. Sh. 43.
29. Herald of the penitentiary knowledge. 1917 (February - July), p. 103.
30. SARF. F. 7420. Sh. 1. File 122. Sh. 44.
31. Cit. by: Naumov A. C. *Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lekcij* [Russian criminal law. The General part. The course of lectures]. Moscow. 1996. Pp. 478-479.

Арбитражный управляющий как лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации

В статье рассматриваются особенности привлечения к уголовной ответственности арбитражных управляющих, утвержденных арбитражным судом при проведении процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве).

В работе подчеркивается двойственный характер правового положения арбитражных управляющих, действующих как от имени юридического лица – должника, так и от своего имени, выделены виды арбитражных управляющих в зависимости от процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве).

Автором проанализированы изменения гражданского законодательства, позволяющие относить внешних и конкурсных управляющих к лицам, выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в коммерческих организациях, а следовательно, и к субъектам преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена главой 23 УК РФ.

В завершение статьи автором сделаны предложения о дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства, устанавливающего уголовную ответственность арбитражных управляющих.

The article provides an overview of criminal prosecution of receivers appointed by an arbitration court to carry out proceedings in insolvency (bankruptcy) cases against commercial organizations.

The article highlights the dual nature of the legal status of court-appointed receivers who act both on behalf of the debtor entity and on behalf of themselves; court-appointed receivers are further classified into specific types depending on the procedures employed in insolvency (bankruptcy) proceedings.

The author provides an analysis of civil law revisions that make it possible to regard external and administrative receivers as persons performing organizational, administrative and managerial functions in commercial organizations and, therefore, prosecute them, where relevant, as perpetrators of the offences covered in Section 23 of the Russian Federation Criminal Code.

As a conclusion, the author expresses some ideas on further improvements of the criminal law provisions related to the prosecution of court-appointed receivers.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, управленческие функции, коммерческая организация, банкротство, интересы службы, злоупотребление полномочиями, субъект преступления.

Keywords: court-appointed receiver, managerial functions, commercial organization, insolvency (bankruptcy), work-related interests, abuse of power, perpetrator.

В юридической литературе не прекращаются споры о правовом статусе арбитражных управляющих: являются ли они органами или представителями юридических лиц либо самостоятельными субъектами права. От разрешения данного вопроса во многом зависит, могут ли арбитражные управляющие рассматриваться как субъекты преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях, уголовная ответственность за совершение которых предусмотрена гл. 23 УК РФ.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 201 УК РФ выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, в статьях гл. 23 УК РФ, а также в ст. 199.2 и 304 УК РФ признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

Складывающаяся судебная практика свидетельствует о наличии явных проблем в квалификации действий арбитражных управляющих.

В теории уголовного права высказано авторитетное мнение, что арбитражные управляющие не являются лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации [1].

Противоположной точки зрения придерживается В. Моисеев, считая, что конкурсный управляющий на основе предоставленных ему в связи с выполнением управленческих функций хотя бы минимально достаточных правовых и фактических возможностей может злоупотреблять своими полномочиями вопреки правам и законным интересам организации, граждан, общества или государства. Таким образом, из смысла ст. 201 УК РФ следует, что арбитражный управляющий, в полномочия которого входит управление делами организации-должника, может быть субъектом анализируемого преступления [2].

На наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения В. Моисеева, обосновав ее положениями действующего законодательства Российской Федерации, а также складывающейся судебной практикой.

Как разъяснил Пленум Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», субъектами преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, являются лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли, а также в некоммерческой организации, которая не является государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, государственной корпорацией [3].

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» руководителем должника является единоличный исполнительный орган юридического лица или руководитель коллегиального исполнительного органа, а также иное лицо, осуществляющее в соответствии с федеральным законом деятельность от имени юридического лица без доверенности.

Согласно п. 21 ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражным управляющим признается гражданин Российской Федерации, являющийся членом саморегулируемой организации арбитражных управляющих. Арбитражный управляющий является субъектом профессиональной деятельности и осуществляет регулируемую Федеральным законом профессиональную деятельность, занимаясь частной практикой.

В зависимости от процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве), выделяются следующие виды арбитражных управляющих: 1) временные управляющие – при проведении наблюдения; 2) административные управляющие – при проведении финансового оздоровления; 3) внешние управляющие – при проведении внешнего управления; 4) конкурсные управляющие – при проведении конкурсного производства [4].

Согласно ч. 1 ст. 20.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в случае, если на арбитражного управляющего возлагаются полномочия руководителя должника, на него распространяются все требования, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для руководителя такого должника, и по отношению к нему применяются все меры ответственности, установленные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации для руководителя такого должника.

Особо следует обратить внимание, что до 1 января 2011 г. арбитражные управляющие признавались индивидуальными предпринимателями. Указанное обстоятельство служило подтверждением точки зрения, что арбитражные управляющие не являются лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, и создавало дополнительные проблемы квалификации их действий как служебные преступления.

В настоящее время арбитражные управляющие рассматриваются как занимающиеся частной практикой субъекты профессиональной деятельности, не являющиеся предпринимателями [5]. Соответственно с 1 января 2011 г., на основании п. 9 ст. 4 Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», прекратила действовать обязанность арбитражных управляющих по регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей [6]. Указанные обстоятельства существенным образом повлияли на правовой статус ар-

битражных управляющих не только в делах о несостоятельности (банкротстве), но и в сфере действия уголовного закона.

Согласно ч. 1 ст. 129 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» конкурсный управляющий осуществляет полномочия руководителя должника и иных органов управления должника, а также собственника имущества должника – унитарного предприятия. В связи с этим нельзя не согласиться с точкой зрения П. Е. Власова, полагающего, что «конкурсный управляющий в качестве субъекта рассматриваемых преступлений в УК РФ прямо не указан. Однако в соответствии со ст. 126, 129 ФЗоНБ он выполняет организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции» [7].

Указанным законом определен и временной промежуток осуществления конкурсным управляющим полномочий руководителя должника – с даты утверждения до даты прекращения производства по делу о банкротстве, или заключения мирового соглашения, или отстранения конкурсного управляющего [8].

Правовой статус конкурсного управляющего, закрепленный в ч. 2 ст. 129 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», безусловно, позволяет сделать вывод, что в процессе осуществления своей деятельности он наделен организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями в организации-должнике.

Конкурсный управляющий обязан:

- принять в ведение имущество должника, провести инвентаризацию такого имущества;
- включить в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве сведения о результатах инвентаризации имущества должника в течение трех рабочих дней с даты ее окончания;
- привлечь оценщика для оценки имущества должника;
- принимать меры, направленные на поиск, выявление и возврат имущества должника, находящегося у третьих лиц;
- принимать меры по обеспечению сохранности имущества должника;
- уведомлять работников должника о предстоящем увольнении не позднее чем в течение месяца с даты введения конкурсного производства;
- заключать сделки, в совершении которых имеется заинтересованность, только с согласия собрания кредиторов или комитета кредиторов.

Конкурсный управляющий вправе:

- распоряжаться имуществом должника в порядке и на условиях, которые установлены федеральным законом;
- увольнять работников должника, в том числе руководителя должника, в порядке и на условиях, которые установлены федеральным законом [9].

Аналогичную позицию занял Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа по делу № А67-3617/2010. После открытия конкурсного производства конкурсный управляющий как руководитель организации-должника действует от его имени без доверенности. По указанным основаниям суд пришел к выводу о наличии у конкурсного управляющего полномочий на подписание извещения о созыве собрания и на участие в собрании от имени общества – участника ЗАО, указав, что в данном случае конкурсный управляющий не совершал сделки, направленной на создание, изменение и прекращение прав общества, а осуществлял полномочия руководителя в порядке ст. 40 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», в связи с чем оснований для признания недействительным решения общего собрания акционеров ЗАО об избрании генерального директора не имеется [10].

Нельзя не обратить внимания и на постановление Конституционного суда Российской Федерации от 19 декабря 2005 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого п. 1 ст. 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева». В соответствии с абзацем 7 п. 3.3 данного постановления арбитражный управляющий утверждается в должности арбитражным судом [11].

Следует подчеркнуть, что в указанном постановлении Конституционного суда Российской Федерации речь идет именно о должности арбитражного управляющего, в которой утверждается гражданин Российской Федерации на основании решения, принятого в установленном порядке арбитражным судом. Таким образом, необходимо отметить, что управленческие функции арбитражным управляющим осуществляются по специальному полномочию, которым он наделен в установленном законом порядке и на определенный срок.

При проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества. Данная обязанность предусмотрена п. 4 ст. 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в указанном выше постановлении, «процедуры банкротства носят публично-правовой характер, они предполагают принуждение меньшинства кредиторов большинством, а потому, вследствие невозможности выработки единого мнения иным образом, воля сторон формируется по другим, отличным от искового производства, принципам. В силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства. Достижение этой публично-правовой цели призван обеспечивать арбитражный управляющий» [12].

Аналогичные положения закреплены в ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и ст. 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», устанавливающих ответственность членов совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнительного органа общества (директора, генерального директора) и (или) членов коллегиального исполнительного органа общества (правления, дирекции), управляющей организации или управляющего в акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью. Указанные лица при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей должны действовать в интересах общества, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении общества добросовестно и разумно.

С позиции уголовного закона недобросовестное и неразумное осуществление своих прав и исполнение обязанностей вопреки законным интересам общества, при наступлении указанных в уголовном законе общественно опасных последствий, должно влечь для арбитражного управляющего уголовную ответственность, предусмотренную ст. 201 УК РФ, а в случаях получения незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе – по ст. 204 УК РФ.

Не вызывает никакого сомнения, что должностные лица, перечисленные в ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и ст. 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», являются субъектами преступлений, предусмотренных ст. 201 и 204 УК РФ.

Стоит обратить внимание, что обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, возникла с 31 декабря 2008 г., с момента официального опубликования в «Российской газете» Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)».

По мнению Д. В. Ломакина, арбитражный управляющий (временный управляющий, административный управляющий, внешний управляющий, конкурсный управляющий) не является органом управления юридическим лицом, поскольку они осуществляют управленческие функции не в целях организации деятельности юридического лица, а для решения особой задачи, поставленной перед ними в соответствии с законом [13].

По мнению М. А. Говоруха, существуют лица, которые только на основании закона могут выступать от имени юридического лица, представлять его интересы. К этой третьей, особой категории лиц, только на основании закона выступающих от имени юридического лица, относятся арбитражные управляющие в процедурах внешнего управления и конкурсного производства. Они действуют от имени юридического лица в силу прямого указания закона: внешний управляющий приобретает полномочия органов управления по ведению дел должника в силу п. 1 ст. 94 Закона о банкротстве, конкурсный управляющий осуществляет полномочия руководителя должника и иных органов управления должника согласно п. 1 ст. 129 Закона о банкротстве. Арбитражного управляющего нельзя отнести ни к органам юридического лица, ни к его добровольным представителям [14].

Существует точка зрения, согласно которой лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, может быть признан арбитражный управляющий (временный управляющий, административный управляющий, внешний управляющий, конкурсный управляющий), утвержденный арбитражным судом для проведения процедур банк-

ротства и осуществления полномочий, установленных Федеральным законом от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [15].

На наш взгляд, с указанными точками зрения можно согласиться лишь отчасти. Безусловно, временные и административные управляющие не являются органом управления юридическим лицом и не могут быть субъектами преступлений, предусмотренных ст. 201 и 204 УК РФ. Данная позиция прямо вытекает из содержания ст. 64 и 81 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которым введение указанных процедур банкротства не является основанием для отстранения руководителя должника и иных органов управления должника, которые продолжают осуществлять свои полномочия с ограничениями [16].

В отношении внешних и конкурсных управляющих с такой позицией согласиться не представляется возможным. Следует отметить, что, помимо деятельности в публичных интересах, арбитражные управляющие действуют и в интересах самого юридического лица – должника, так как обязаны сохранять его имущество, и в интересах его трудового коллектива, учредителей (участников). В процедурах внешнего управления и конкурсного производства они полностью заменяют руководителя юридического лица.

Приведенный выше анализ положений действующего законодательства дает основания согласиться с точкой зрения А. Я. Курбатова и Е. С. Пироговой, считающих, что правовое положение арбитражных управляющих в делах о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц носит двойственный характер: они могут выполнять функции органа управления юридического лица – должника либо осуществлять организационные и контрольные функции в интересах лиц, участвующих в деле и в арбитражном процессе по делу о несостоятельности (банкротстве), которые, в свою очередь, представляют частные или публичные интересы [17].

Двойственный характер правового положения арбитражных управляющих выражается в том, что они действуют как от имени юридического лица – должника, так и от своего имени.

В соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» от имени юридического лица – должника арбитражные управляющие действуют в следующих случаях:

1) при оспаривании сделок должника внешним или конкурсным управляющим в порядке ст. 61.9 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»;

2) при реализации внешним управляющим своих прав в порядке п. 1 ст. 99 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»:

– по распоряжению имуществом должника в соответствии с планом внешнего управления;

– при заключении мирового соглашения;

– при отказе от исполнения договоров должника;

– при подаче в арбитражный суд исков и заявлений;

3) при реализации конкурсным управляющим своих прав в порядке п. 3 ст. 129 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»:

– по распоряжению имуществом должника;

– при увольнении работников должника, в том числе руководителя должника;

– при отказе от исполнения договоров и иных сделок должника;

– при подаче в арбитражный суд исков и заявлений о признании недействительными сделок и решений, о применении последствий недействительности ничтожных сделок, о взыскании убытков, причиненных действиями (бездействием) руководителя должника, лиц, входящих в совет директоров (наблюдательный совет), коллегиальный исполнительный орган или иной орган управления должника, собственника имущества должника, лицами, действовавшими от имени должника в соответствии с доверенностью, иными лицами, действовавшими в соответствии с учредительными документами должника, об истребовании имущества должника у третьих лиц, о расторжении договоров, совершать другие действия, предусмотренные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и направленные на возврат имущества должника;

– при заключении мирового соглашения в соответствии с п. 2 ст. 154 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Таким образом, от имени юридического лица – должника арбитражные управляющие действуют в периоды внешнего управления и конкурсного производства, когда ограничивается правоспособность юридического лица (ч. 2 ст. 49 ГК РФ).

В периоды наблюдения и финансового оздоровления, когда правоспособность органов управления юридического лица – должника ограничивается частично, арбитражные управляющие обращаются в суды от своего имени, что предусмотрено п. 1 ст. 66 и п. 4 ст. 83 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

При проведении внешнего управления или конкурсного производства в отношении организации-должника арбитражные управляющие действуют в качестве органа юридического лица в силу прямого указания закона:

1) возложение на арбитражных управляющих функций по управлению делами должника является следствием прекращения полномочий руководителя организации-должника, что предусмотрено п. 1 ст. 94 и п. 2 ст. 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»;

2) на арбитражных управляющих распространяются все требования и меры ответственности, установленные для руководителя юридического лица, что предусмотрено п. 1 ст. 20.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»;

3) при заключении мирового соглашения арбитражные управляющие обязаны согласовывать его с иными органами управления должника, если это предусмотрено федеральными законами или учредительными документами должника, т. е. в этом вопросе они подчинены вышестоящим по отношению к руководителю юридического лица органам управления. Данные обязанности арбитражных управляющих предусмотрены п. 2 ст. 153, п. 2 ст. 154 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Приведенный выше анализ дает достаточные основания для вывода о необходимости внесения изменений в п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ: после слов «коллегиального исполнительного органа» дополнить словами «арбитражный управляющий – в случаях возложения полномочий руководителя должника и иных органов управления должника, а также собственника имущества должника».

Внесение указанных изменений позволит исключить возможность произвольного толкования норм уголовного закона, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, совершенных арбитражными управляющими.

Примечания

1. *Лопашенко Н.* Неправомерные действия при банкротстве // Законность. 1999. № 4. С. 16.

2. *Моисеев В.* Квалификация преступлений по ст. 195, 201 УК РФ // Законность. 2003. № 2. С. 25.

3. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

4. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Там же.

6. Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *Власов П. Е.* Преступность в сфере банкротств: криминологические аспекты. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

9. Там же.

10. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 23.12.2010 по делу № А67-3617/2010. В иске о признании недействительным решения общего собрания акционеров ЗАО об избрании генерального директора отказано правомерно, поскольку конкурсный управляющий акционера ЗАО имел полномочия на подписание извещения о созыве собрания акционеров и на участие в собрании от имени должника, а оспариваемое решение принято собранием ЗАО в пределах его компетенции при наличии кворума. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 19 декабря 2005 года № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева» // Вестник Конституционного суда РФ. 2006. № 1.

12. Там же.

13. *Ломакин Д. В.* Общие положения об органах акционерного общества // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2003. № 4. С. 41–45.

14. Говоруха М. А. О правовом статусе арбитражного управляющего в процедурах внешнего управления и конкурсного производства // Юрист. 2007. № 8. С. 19.

15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. А. Ашин, А. П. Войтович, Б. В. Волженкин и др.; под ред. А. И. Чучаева. 3-е изд., испр., доп. и перераб. М.: КОНТРАКТ, 2011. 1086 с.

16. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

17. Курбатов А. Я., Пирогова Е. С. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Notes

1. Lopatenko N. *Nepravomernye dejstviya pri bankrotstve* [Misconduct in bankruptcy] // *Zakonnost' - Legality*. 1999, No. 4, p. 16.

2. Moiseev V. *Kvalifikaciya prestuplenij po st. 195, 201 UK RF* [Qualification of crimes according to art. 195, 201 of the criminal code of the Russian Federation] // *Zakonnost' - Legality*. 2003, No. 2, p. 25.

3. The resolution of the Plenum of the Supreme court of the Russian Federation dated October 16, 2009 No. 19 "On judicial practice in cases of abuse of office and exceeding official powers" // *Herald of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2009, No. 12. (in Russ.)

4. Federal law dated 26 October 2002 No. 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)". Access from Ref. legal system "consultant plus". (in Russ.)

5. Ibid.

6. The Federal law from December 30, 2008 № 296-FZ "On amending the Federal law "On insolvency (bankruptcy)". Access from Ref. legal system "consultant plus". (in Russ.)

7. Vlasov P. E. *Prestupnost' v sfere bankrotstv: kriminologicheskie aspekty* [Crime in the sphere of bankruptcy: criminological aspects]. Access from Ref. legal system "consultant plus".

8. Federal law dated 26 October 2002 No. 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)". (in Russ.)

9. Ibid.

10. The regulation of FAS of Western Siberian district dated 23.12.2010 on case No. A67 3617/2010. The claim for invalidation of the decision of the General meeting of shareholders on the election of the General Director was denied legitimately, because the bankruptcy Trustee of shareholder had the authority to sign notices convening shareholders' meetings and to participate in the meeting on behalf of the debtor, and contested the decision of the meeting of the company within its competence in the presence of a quorum. Access from Ref. legal system "consultant plus". (in Russ.)

11. The decision of the constitutional court of the Russian Federation dated December 19, 2005 № 12-П "On the case about the verification of constitutionality of the eighth paragraph of clause 1 of article 20 of the Federal law "On insolvency (bankruptcy)" in connection with the complaint of the citizen A.G. Mezhensteva" // *Vestnik Konstitucionnogo suda RF - Herald of the constitutional court of the Russian Federation*. 2006, No. 1. (in Russ.)

12. Ibid.

13. Lomakin D. C. *Obshchie polozheniya ob organah akcionernogo obshchestva* [General provisions on the bodies of the company] // *Vestnik MGU - Herald of MGU*. Ser. 11. Right. 2003, No. 4, pp. 41-45.

14. Govorukha M. A. *O pravovom statuse arbitrazhnogo upravlyayushchego v procedurah vneshnego upravleniya i konkursnogo proizvodstva* [On the legal status of the liquidator in proceedings of band management and receivership] // *YUrist - Lawyer*. 2007, No. 8, p. 19.

15. *Kommentarij k Uголовному кодексу Rossijskoj Federacii (postatejnyj)* - Commentary on the Criminal code of the Russian Federation (article by article) / A. A. Ashin, A. P. Voitovich, B. V. Volzhenkin and others; Ed. by A. I. Chuchaeva. 3rd ed., corr., amend. and rev. Moscow. CONTRACT. 2011. 1086 p.

16. Federal law dated 26 October 2002 No. 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)". (in Russ.)

17. Kurbatov A. J., Pirogova E. S. *Ogranichenie pravospobnosti i deesposobnosti yuridicheskikh lic – dolzhnikov v ramkah del o nesostoyatel'nosti (bankrotstve)* [Limitation of legal capacity of legal persons indebted under the insolvency (bankruptcy)]. Access from Ref. legal system "consultant plus".

Система органов власти и государственного управления РФ по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

В статье рассмотрена система органов власти, участвующих в реализации мер по противодействию отмыванию денежных средств. Отражены изменения законодательства Российской Федерации за последние годы. Проведен анализ противоречий федеральных законов. Рассмотрена судебно-арбитражная практика. Отдельное внимание в статье уделено разграничению компетенции между органами, которые надзирают за организациями, осуществляющими операции с денежными средствами и иным имуществом, а также порядку взаимодействия между ними в сфере финансового мониторинга. Рассмотрен опыт зарубежных стран в сфере финансового мониторинга. В статье приведены предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

The article considers the system of authorities involved in the implementation of measures to counter money laundering. Showing changes of the legislation of the Russian Federation in recent years. The analysis of the contradictions of Federal laws. Considered judicial-arbitration practice. Special attention in the article is paid to the delimitation of competence between bodies that are watching organizations carrying out operations with monetary funds and other property, and also the procedure for interaction between them in the sphere of financial monitoring. Reviewed the experience of foreign countries in the sphere of financial monitoring. The article contains proposals on improvement of legislation in this field.

Ключевые слова: система органов власти, участвующих в реализации мер по противодействию отмыванию денежных средств, судебно-арбитражная практика, разграничение компетенции между органами.

Keywords: the system of authorities involved in the implementation of measures to counter money-laundering, judicial and arbitration practice, the delineation of competence between the organs.

Система органов, участвующих в реализации мер по противодействию отмыванию денег, включает в себя многие организации, к которым относятся: Федеральная служба по финансовому мониторингу; контролирующие (надзорные) органы исполнительной власти; правоохранительные органы; финансовые институты, выполняющие поручения клиентов об осуществлении операций с денежными средствами и иным имуществом; иные органы государственной власти, имеющие информационные и регистрационные ресурсы.

С момента введения ст. 15.27 КоАП РФ и до 24 января 2011 г. административные дела за нарушение названного законодательства рассматривались Федеральной службой по финансовому мониторингу, судами. Федеральным законом от 23 июля 2010 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», вступившим в силу с 24 января 2011 г., были внесены изменения в ст. 15.27 КоАП. Законодатель расширил круг контрольно-надзорных органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных названной нормой. Кроме Росфинмониторинга соответствующими полномочиями в отношении ограниченного круга поднадзорных организаций были наделены Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Федеральная служба по финансовым рынкам, Российская государственная пробирная палата при Министерстве финансов РФ, Банк России [1].

В связи с вступлением в силу Закона № 176-ФЗ КоАП РФ дополнен новой ст. 23.74, в соответствии с которой Банк России получил права органа банковского надзора в целях рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1–4 ст. 15.27 КоАП РФ.

Статьей 2 Закона № 176-ФЗ были внесены изменения в ст. 23.62 и 23.47 КоАП РФ, предусматривающие наделение Федеральной службы по финансовому мониторингу и Федеральной службы по финансовым рынкам полномочиями по контролю за исполнением кредитными организациями законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных частями 1–4 ст. 15.27 КоАП РФ.

Таким образом, с момента вступления в силу Федерального закона от 23.07.2010 г. № 176-ФЗ, внесшего серьезные изменения в КоАП РФ, сложилась уникальная ситуация, когда кредитные организации и их должностные лица могли быть привлечены к административной ответственности за одно нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма одновременно двумя (Центральный Банк РФ и Федеральная служба по финансовому мониторингу), а кредитные организации, которые являются профессиональными участниками рынка ценных бумаг, – тремя (Центральный Банк РФ, Федеральная служба по финансовому мониторингу и Федеральная служба по финансовым рынкам) регуляторами. Такая ситуация противоречила общим принципам назначения административного наказания (ст. 4.1 КоАП РФ), в соответствии с которыми никто не может нести административную ответственность дважды за одно и то же правонарушение. Иными словами, не была устранена юридическая коллизия, связанная с неопределенностью компетенции органов, которые принимали решение о применении мер принуждения, и, как следствие, не была исключена ситуация, когда к одной и той же кредитной организации за одно и то же нарушение законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма меры административного наказания (штраф) одновременно применяют Банк России и Росфинмониторинг.

Федеральным законом от 23.07.2013 г. № 249-ФЗ КоАП РФ вновь подвергся изменению, и в настоящее время не только Банк России, Росфинмониторинг и суды вправе рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 15.27 КоАП РФ, а также налоговые органы (ст. 23.5 КоАП РФ), органы, осуществляющие функции по контролю и надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ст. 23.44), органы, осуществляющие федеральный пробирный надзор и государственный контроль за производством, извлечением, переработкой, использованием, обращением, учетом и хранением драгоценных металлов и драгоценных камней (ст. 23.54). Кроме этого Росфинмониторинг утратил универсальные полномочия при возбуждении дела об административном правонарушении или при вынесения наказания по ст. 15.27 КоАП РФ, и в настоящее время он действует так же, как и иные организации, «в пределах своей компетенции».

Что касается разграничения компетенции между органами, которые надзирают за организациями, осуществляющими операции с денежными средствами и иным имуществом, то Закон о противодействии исходит из очень понятной концепции, выраженной в п. 9 ст. 7: контроль за исполнением физическими и юридическими лицами Закона о противодействии в части фиксирования, хранения и представления информации об операциях, подлежащих обязательному контролю, а также за организацией и осуществлением внутреннего контроля осуществляется соответствующими надзорными органами в соответствии с их компетенцией, а также уполномоченным органом в случае отсутствия надзорных органов в сфере деятельности отдельных организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом.

Вышеуказанные органы, за исключением судов, вправе рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1–3 ст. 15.27 КоАП РФ.

Согласно ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 4 ст. 15.27 КоАП РФ, могут рассматриваться судьями в случаях, если орган или должностное лицо, к которым поступило дело о таком административном правонарушении, передает его на рассмотрение судье. Дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 4 ст. 15.27 КоАП РФ, возбуждаются прокурором (ст. 28.4 КоАП РФ) и рассматриваются судьями (ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ).

Центральным звеном как системы противодействия отмыванию денег в целом, так и системы финансового мониторинга, связующим остальные их элементы (финансовые учреждения как источники информации, надзорные и иные органы государственной власти как

регулирующие элементы и правоохранительные органы как конечные получатели информации, расследующие факты, связанные с отмытием преступных доходов) и координирующим их деятельность в этой области, остается Федеральная служба по финансовому мониторингу.

По мнению М. М. Прошунина, в настоящее время Росфинмониторинг и Банк России как надзорный орган финансовых институтов, выполняющих поручения клиентов об осуществлении операций с денежными средствами и иным имуществом, составляют организационную основу системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в Российской Федерации, что обуславливает необходимость рассмотреть порядок взаимодействия между ними в сфере финансового мониторинга [2].

Ряд авторов рассматривают функции Росфинмониторинга и Банка России как «дублирующие» [3]. По мнению М. М. Прошунина [4], кооперацию уполномоченных органов в сфере финансового мониторинга можно охарактеризовать скорее как взаимодополняющую, чем дублирующую, по следующим причинам.

Росфинмониторинг в силу нормативно закрепленных за ним функций и полномочий осуществляет функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию и координации деятельности в этой сфере иных федеральных органов исполнительной власти [5]. В свою очередь, проводником указанных функций Росфинмониторинга в банковской системе являются Банк России и его территориальные подразделения как органы специальной компетенции, в том числе в сфере финансового мониторинга.

Во-первых, Банк России осуществляет надзор за соблюдением кредитными организациями законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Отметим, что Росфинмониторинг имеет подобные функции только в отношении организаций, у которых отсутствуют надзорные органы (например, страховые организации и лизинговые компании). Иными словами, Росфинмониторинг не вправе проверять кредитные организации на предмет соблюдения ими законодательства по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Как отметил первый руководитель Росфинмониторинга В. А. Зубков, выступая на IX Всероссийской банковской конференции «Банки и их роль в противодействии легализации доходов, полученных преступным путем» (организатор конференции – Ассоциация региональных банков России), «Федеральная служба по финансовому мониторингу не претендует на надзорные функции Банка России... Банк России самостоятельно может осуществлять свои надзорные функции. Он это делал, делает и будет делать еще очень долго» [6].

Негативным следствием этого является то, что Росфинмониторинг не проводит проверок, а следовательно, не имеет полной информации о допущенных финансовыми институтами нарушениях. Официально данное разделение было оформлено согласованным с Росфинмониторингом письмом Банка России от 11 августа 2003 г. № 117-Т «О применении к кредитным организациям мер принуждения за нарушения законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [7].

Во-вторых, Банк России устанавливает порядок осуществления кредитными организациями функций по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма путем издания нормативных актов и методических рекомендаций. Подчеркнем, что в настоящее время издаваемые нормативные акты Банка России в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма подлежат предварительному согласованию с Росфинмониторингом. В свою очередь, нормативные акты Росфинмониторинга доводятся до сведения кредитных организаций Банком России.

В-третьих, Банк России вправе применять меры воздействия к кредитным организациям при нарушениях последними законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. В отношении кредитных организаций Росфинмониторинг, наделенный правом привлечения к

административной ответственности за нарушение законодательства в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, такую функцию практически не выполняет, так как представляется, что существует негласное соглашение между Банком России и Росфинмониторингом о разделении полномочий в данной сфере.

Вместе с тем Росфинмониторинг вправе передавать материалы в отношении кредитных организаций в правоохранительные органы при наличии достаточных оснований рассматривать сделки и операции, проведенные кредитными организациями, как сделки и операции по отмыванию преступных доходов или финансированию терроризма.

В области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма территориальное учреждение Банка России, как правило, применяет следующие меры воздействия:

- 1) требование об устранении выявленного нарушения;
- 2) штраф в размерах, определенных Законом о Банке России;
- 3) ограничение проведения кредитной организацией отдельных операций на срок до шести месяцев;
- 4) требование о замене руководителей кредитной организации;
- 5) запрет на осуществление кредитной организацией отдельных банковских операций, предусмотренных выданной ей лицензией на осуществление банковских операций, на срок до одного года;
- 6) запрет на открытие кредитной организацией филиалов на срок до одного года.

И наконец, наиболее строгой мерой воздействия по отношению к кредитным организациям является отзыв у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций. Так, в случае неоднократного нарушения кредитной организацией в течение одного года требований в части идентификации клиентов и обязательного финансового мониторинга Банк России вправе отозвать лицензию у кредитной организации [8].

Выбор Банком России меры воздействия осуществляется, исходя из характера допущенных кредитной организацией нарушений в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, причин, обусловивших возникновение выявленных нарушений в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, общего финансового состояния кредитной организации и ее положения на федеральном и региональном рынке банковских услуг, а также возможности его ухудшения вследствие принимаемых к кредитной организации мер воздействия, эффективности разработанных кредитной организацией в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма правил внутреннего контроля и программ его осуществления, степени соответствия правил внутреннего контроля, разработанных кредитной организацией в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, рекомендациям Банка России по организации кредитными организациями внутреннего контроля, в том числе внутреннего контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Нередки случаи, когда кредитные организации допускают несколько нарушений в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в этом случае территориальным учреждениям рекомендуется применять меры воздействия за каждое из нарушений.

Приводя в сравнение зарубежный опыт применения мер воздействия к финансовым институтам в области надзора за соблюдением законодательства о финансовом мониторинге, отметим, что иностранные кредитные организации несут достаточно существенные финансовые потери в связи с имущественными мерами воздействия, такими, как штрафы. Так, в 2004 г. Riggs Bank лишился в качестве штрафов 25 млн долл. США, а уже в 2005 г. Abn Amro был оштрафован на сумму 80 млн долл. США за бездействие по поводу подозрительной финансовой деятельности и нарушения правил контроля. В Abn Amro было заявлено, что в целом было потрачено около 500 млн долл. США на покрытие финансового и материального ущерба от расследования. В 2007 г. American Express International Bank был оштрафован на сумму в 65 млн долл. США за отсутствие эффективной программы по противодействию лега-

лизации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в частности, компания не смогла внедрить адекватные процессы по контролю пользователей, а именно пользователей, представляющих особый риск.

По нашему мнению, принимая во внимание некоторую неоднозначность толкования нормативных положений в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, разумно предположить, что большинство кредитных организаций формально подпадают под установленные законодательно критерии для отзыва лицензии на совершение банковских операций, так как практически в любой кредитной организации существуют недочеты, недостатки и нарушения в сфере соблюдения нормативных положений о финансовом мониторинге.

Безусловно, достаточно сложно оценить степень «формализма» и «субъективизма» Банка России, так как каждый случай отзыва лицензий – это своя специфика деятельности кредитной организации, ее системы внутреннего контроля и, наконец, специфика проведения проверки, однако, исходя из перечня кредитных организаций, а также принимая во внимание наличие у большинства банков нарушений в данной сфере, данное утверждение о негативной роли Банка России представляется достаточно спорным.

Подтверждают данный вывод и слова одного из руководителей Банка России В. Мельникова, утверждающего, что только за один год лицензий за «отмывание» лишились 104 банка. При этом до отзыва лицензий к этим банкам было применено 3270 мер надзорного реагирования [9]. Иными словами, в среднем не менее 32 мер надзорного реагирования к каждой кредитной организации. Основываясь на том, что кредитная организация вправе обжаловать любую из примененных мер воздействия, аргумент представителей надзорного органа звучит достаточно убедительно.

Вместе с тем, принимая во внимание, что координатором системы финансового мониторинга в России является Росфинмониторинг, а основным субъектом финансового мониторинга в России – кредитные организации, участие ФСФМ в процессе отзыва лицензии на осуществление банковских операций, а также лицензий профессионального участника рынка ценных бумаг представляется также обоснованным.

В-четвертых, Банк России, как и Росфинмониторинг, проводит значительную методологическую работу по определению и выявлению признаков, свидетельствующих, что те или иные виды операций могут быть связаны с отмыванием преступных доходов или финансированием терроризма. К методологической составляющей также отнесем обобщение практики применения российского законодательства по вопросам противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также консолидацию международного опыта в сфере финансового мониторинга.

Таким образом, Росфинмониторинг осуществляет организацию системы финансового мониторинга в банковской системе только через Банк России. По мнению М. М. Прошунина, Банк России является своего рода «проводником Росфинмониторинга» в банковской системе России, что ни в коем случае нельзя рассматривать как отношения «сильного и слабого», а, скорее, как «симбиоз органов, наделенных государственно-властными полномочиями в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [10]. Ключевая роль центральных банков в области финансового мониторинга также подтверждается тем, что в ряде таких стран, как Китай, Катар, Испания, Италия, подразделениями финансовой разведки являются структурные подразделения национальных банков.

Кроме того, особенностью взаимодействия Банка России и Росфинмониторинга в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма является то, что Банк России не обязан направлять информацию о необычных операциях в Росфинмониторинг, т. е. национальный банк не является субъектом финансового мониторинга. Вместе с тем в Аргентине центральное банковское учреждение – Банк Аргентины – не только регулирует деятельность всех финансовых институтов, но и обязано направлять информацию о необычных операциях в национальное подразделение финансовой разведки.

В рамках предложений по совершенствованию организационной работы Банка России в сфере финансового мониторинга отметим опыт Аргентины. Так, в составе Центрального банка Аргентины (the Argentine Central Bank – BCRA) создана комиссия по вопросам противодействия

легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, куда входят члены совета директоров Национального банка Аргентины, основной задачей которого являются разработка критериев для оценки систем финансового мониторинга и разработка проектов нормативных актов в сфере финансового мониторинга [11].

Следует отметить, что до настоящего времени не решена коллизия банковского и административного законодательства в части привлечения кредитных организаций к административной ответственности лиц за нарушение законодательства в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма: в результате принятия новой редакции ст. 15.27 КоАП РФ возникла коллизия между нормами КоАП РФ и ст. 74 Федерального закона от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в соответствии с которой Банк России может применять штрафы и другие меры принуждения к кредитным организациям, что приводит к возможности многократного применения к одной организации различных санкций различными органами (Банком России и Росфинмониторингом) за одно и то же нарушение.

Также данная проблема несет в себе широкие возможности для развития коррупции в сфере применения санкций к кредитным организациям. Отсутствие конкретизации при определении того, какую из санкций применить (в соответствии со ст. 15.27 КоАП РФ или ст. 74 Закона № 86-ФЗ), может привести к злоупотреблению полномочиями должностными лицами, наделенными правом применения соответствующих санкций.

Более того, для кредитных организаций существует опасность применения очевидно не свойственной для деятельности кредитных организаций санкции – административного приостановления деятельности, предусмотренного в ст. 15.27 КоАП РФ.

По мнению А. Я. Курбатова, так как ст. 15.27 КоАП носит общий характер и применяется к более широкому кругу субъектов, как контролирующих, так и подконтрольных, а не только к отношениям Банка России и кредитных организаций, поэтому в части, касающейся правонарушений законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, приоритет имеет Закон о Банке России, но уже как специальный по субъектному критерию [12].

Судебно-арбитражная практика идет в данном вопросе по другому пути. В качестве примера можно привести Определение Высшего арбитражного суда РФ от 13.04.2011 г. № ВАС-4457/11 по делу № А60-16452/2010-С9 [13]. Данным решением ВАС РФ отказался удовлетворить заявление Банка России о пересмотре судебных актов в порядке надзора и передаче дела на рассмотрение Президиума ВАС РФ. Данными судебными актами было признано недействительным решение Банка России о наложении на один из банков штрафа по Закону о Банке России. В качестве мотивировки ВАС РФ указал следующее: «Поскольку ст. 15.27 КоАП РФ установлена ответственность кредитных организаций за нарушение установленных Центральным Банком РФ нормативов и иных обязательных требований, то привлечение к ответственности за правонарушение, предусмотренное статьей 74 Федерального закона от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)", незаконно».

В данном случае ВАС РФ не только не проанализировал вопросы разрешения противоречий (коллизий) в праве, но даже не указал, в какой части возникло противоречие, и тем самым поставил под сомнение возможность применения в целом имеющей ключевое значение для осуществления банковского надзора ст. 74 Закона о Банке России.

Возникновение подобных противоречий между федеральными законами, конечно, нельзя признать нормальным.

Основной принцип, на котором можно было выстроить этот подход, в административных (финансовых) отношениях, заключается в следующем. Все штрафные санкции должны быть закреплены в КоАП, а порядок применения праввосстановительных (пресекательных и регулятивных) санкций необходимо предусматривать в специальных законах [14].

Для этого не требуется серьезного изменения законодательного регулирования. В рассматриваемой ситуации достаточно перенести штрафы из Закона о банке в КоАП. Соответственно, контролирующие органы смогут применять как праввосстановительные санкции по специальным законам для пресечения и устранения последствий нарушений, так и штрафные санкции по КоАП для наказания правонарушителей.

Таким образом, общая правовая характеристика взаимодействия Росфинмониторинга и Банка России показала, что большинство функций, осуществляемых указанными уполномо-

моченными структурами в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, носят взаимодополняющий, а не дублирующий характер. При этом взаимоотношения Банка России и Росфинмониторинга в сфере финансового мониторинга следует рассматривать как симбиоз деятельности органов, наделенных государственно-властными полномочиями в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Примечания

1. *Ивкова А. В.* Противодействие легализации преступных доходов в процессе привлечения лиц к административной ответственности по статье 15.27 КоАП // *Законность*. 2013. № 1. С. 41–44.
2. *Прошунин М. М.* Организационно-правовые вопросы взаимодействия Росфинмониторинга и Банка России // *Финансовое право*. 2009. № 8. С. 18–22.
3. *Филимонов М. И.* Роль Банка России в системе финансового мониторинга в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 115.
4. *Прошунин М. М.* Указ. соч.
5. Постановление Правительства РФ от 23 июня 2004 г. № 307 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по финансовому мониторингу» // *Собрание законодательства РФ*. 2004. № 26. Ст. 2676.
6. Материалы IX Всероссийской банковской конференции «Банки и их роль в противодействии легализации доходов, полученных преступным путем», проходившей 13 марта 2007 г. Организатор конференции – Ассоциация региональных банков России.
7. ВБР. 2003. № 47.
8. *Карпович О. Г.* Иные меры по борьбе с легализацией (отмыванием) преступных доходов в России. Теоретические аспекты // *Банковское право*. 2008. № 5. С. 42–45.
9. *Дементьева С., Граник И.* К Центробанку приставят напарника // *Коммерсантъ*. 2008. № 18. С. 2.
10. *Прошунин М. М.* Указ. соч.
11. *Орлов Б. В., Ручкин О. Ю., Трунцевский Ю. В.* Гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты противодействия легализации преступных доходов в банковской системе Российской Федерации: научно-практическое пособие. М.: Юрист, 2011. 94 с.
12. *Курбатов А. Я.* Порядок разрешения коллизий в российском праве // СПС «Консультант-Плюс», раздел «Комментарии Законодательства».
13. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.04.2011 № ВАС-4457/11 по делу № А60-16452/2010-С9 // СПС «КонсультантПлюс».
14. *Курбатов А. Я.* Административная ответственность кредитных организаций: разрешение противоречий между Законом о Банке России и КоАП // *Банковское право*. 2012. № 4. С. 18–26.

Notes

1. *Ivkova A. S.* *Protivodejstvie legalizacii prestupnyh dohodov v processe privlecheniya lic k administrativnoj otvetstvennosti po stat'e 15.27 KoAP* [Combating money laundering in the process of attracting persons to administrative responsibility under article 15.27 of the code of administrative offences] // *Zakonnost'* - Legality. 2013, No. 1, pp. 41-44.
2. *Proshunin M.M.* *Organizacionno pravovye voprosy vzaimodejstviya Rosfinmonitoringa i Banka Rossii* [Organizational and legal issues of interaction between Rosfinmonitoring and the Bank of Russia] // *Finansovoe pravo* - Financial law. 2009, No. 8, pp. 18-22.
3. *Filimonov M. I.* *Rol' Banka Rossii v sisteme finansovogo monitoringa v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Role of the Bank of Russia in the system of financial monitoring in the Russian Federation: author. dis. ... cand. Jur. Sciences]. Moscow. 2007. P. 115.
4. *Proshunin M.M.* Op. cit.
5. RF Government decree of 23 June 2004 No. 307 "On approval of the Regulations on the Federal service for financial monitoring" // *Collected legislation of the Russian Federation*. 2004, No. 26, article 2676.
6. The materials of the IX all-Russian banking conference "Banks and their role in combating money laundering", held on 13 March 2007. The conference was organized by the Association of regional banks of Russia. (in Russ.)
7. *IBD*. 2003, No. 47.
8. *Karpovich O.G.* *Inye mery po bor'be s legalizaciej (otmyvaniem) prestupnyh dohodov v Rossii. Teoreticheskie aspekty* [Other measures on combating legalization (laundering) of criminal incomes in Russia. Theoretical aspects] // *Bankovskoe pravo* - Banking law. 2008, No. 5, pp. 42-45.
9. *Dementieva S., Granik I.* *K Centrobanku pristavyat naparnika* [To the Central Bank they will put mate] // *Kommersant* - Kommersant. 2008, No. 18, p. 2.
10. *Proshunin M.M.* Op. cit.

11. Orlov B. V., Ruchkin O. Yu, Truntsevsky Y. V. *Grazhdansko pravovye i ugovno pravovye aspekty protivodejstviya legalizacii prestupnyh dohodov v bankovskoj sisteme Rossijskoj Federacii: nauchno prakticheskoe posobie* [Civil and criminal law aspects of countering money laundering in the banking system of the Russian Federation: theoretical and practical guide]. Moscow. Yurist. 2011. 94 p.

12. Kurbatov, A. J. *Poryadok razresheniya kollizij v rossijskom prave* [The procedure for the resolution of conflicts in the Russian law] // RSS "Consultant plus", section "CommentaryLegislation".

13. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 13.04.2011 No. VAS-4457/11 in case No. A60-16452/2010 C9 // RSS "Consultant plus".

14. Kurbatov, A. J. *Administrativnaya otvetstvennost' kreditnyh organizacij: razreshenie protivorechij mezhdu Zakonom o Banke Rossii i KoAP* [Administrative responsibility of credit institutions: the resolution of contradictions between the Law on the Bank of Russia and the administrative code of administrative offences] // *Bankovskoe pravo* - Bank right. 2012, No. 4, pp. 18-26.

Художественная репрезентация образа России в романе Х. Хоссейни «Тысяча сияющих солнц»

В статье рассматривается имагологическая проблематика романа современного афганского писателя Х. Хоссейни «Тысяча сияющих солнц», в котором большое место отводится рецепции и репрезентации образа России/Советского Союза, анализируются приемы и методы его конструирования.

The article is concerned with imagological aspects of "A Thousand Splendid Suns" by the contemporary Afghan writer K. Hosseini. The novel is analysed from the point of view of reception and representation of the image of Russia/Soviet Union and the ways of its constructing.

Ключевые слова: образ России, Х. Хоссейни, национальная идентичность, гетерообраз, художественная репрезентация Другого.

Keywords: the image of Russia, national identity, heteroimage, artistic representation of the Other.

Если репрезентация образа Востока в западном культурном дискурсе имеет давнюю традицию, то художественное осмысление Другого в представлении литератур ближневосточных стран только в последние десятилетия получает должный масштаб и резонанс. Это обусловлено как процессом глобализации, так и геополитическими проблемами, многие из которых сосредоточены на азиатском континенте. Одной из «горячих точек» Земли на протяжении долгих лет остается Афганистан. Образ жизни этой страны, ее непростую современную историю, связанную с противостоянием различных политических систем, представляет в своих произведениях Халед Хоссейни, афганский писатель, получивший мировую известность. Он родился в Кабуле в 1965 г. в семье дипломата, вынужденной из-за советско-афганского конфликта переехать на жительство в США. Получив медицинское образование в Калифорнийском университете, Х. Хоссейни стал как представитель ООН активно заниматься гуманитарной деятельностью. Первый же написанный им роман «Бегущий за ветром» был назван мировым бестселлером. На сегодняшний день писатель выпустил три романа, и все они посвящены его исторической родине. И хотя сам Х. Хоссейни утверждает, что в его произведениях Афганистан – это не тема, а всего лишь место действия, тем не менее в них предстает не только фактография афганских конфликтов конца XX в., но и самобытная культура этой ближневосточной страны.

Тема поиска национальной идентичности в непростых условиях смены политических режимов стала ведущей в романе «Тысяча сияющих солнц» [1]. Автору удалось в небольшом по объему произведении совместить историю жизни двух главных героинь, Мариам и Лейлы, с судьбой страны, за короткий срок прошедшей через масштабные политические и социальные потрясения, начиная с Апрельской революции 1979 г., когда пришедшая к власти Народно-демократическая партия Афганистана попросила помощи у СССР, что привело к советско-афганскому конфликту, до 1990-х гг., когда распад «советской империи» и вывод советских войск позволили силам исламского ополчения «Талибан» захватить Кабул и тем самым активизировать гражданскую войну. И только вмешательство международного военного контингента спасло страну от гибели.

Пережив эти катаклизмы и выдержав немало испытаний, герои романа приходят к мысли о том, что их судьбы неотделимы от родной земли, от национальных традиций и корней, что они должны проявить себя создателями новой афганской истории. Несомненной

заслужой Х. Хоссейни стало плюралистичное, объемное видение сложных исторических процессов. Писатель, следуя лучшим традициям мировой литературы, раскрывает проблему влияния общественных потрясений на судьбы простых людей в предельно объективной манере. Это проявляется также в воссоздании социополитического контекста изображаемых событий и в репрезентации образа России/Советского Союза. Конструируя его, афганский писатель использует прежде всего стереотипные, можно сказать «сувенирные» образы, выступающие в качестве социокультурных и природных маркеров, передающих национальный колорит России: матрешки («сверкающие яркими красками куклы одинаковой формы и расцветки, но разного размера – одна меньше другой», которые отец главной героини Мариам привез из Москвы); шапка-ушанка («огромная русская меховая шапка с опущенными ушами», доставшаяся юному афганцу как трофей); Сибирь как олицетворение вечного холода.

Большую роль в создании образа России играют вещественно-бытовые реалии, выступающие как знаки определенной эпохи и среды. Так, советское присутствие в Афганистане зафиксировано в таких деталях, как висящие в классе кабульской школы карта Советского Союза и фотографии советских солдат: «Улыбающиеся молодые парни пожимали руки крестьянам, сажали яблони, возводили дома» (с. 138). Юные герои романа смотрят в кинотеатре «какой-то советский фильм», который увлекает их своим оптимистическим пафосом. Муж показывает Мариам автомобили на улицах Кабула и называет их марки, предлагая выбрать понравившуюся: «Это – “Волга”, выпускается в Советском Союзе. “Шевроле” производится в США. “Опель” – немецкая машина... Помедлив, Мариам указала на “Волгу”» (с. 94). Важно заметить, что все эти детали способствуют валоризации гетерообраза России, формируют положительный имидж страны.

Вместе с тем своеобразие эпохи передает и военная атрибутика, актуализирующая негативный аспект образа России/СССР в контексте геополитической ситуации: советские патрули, военная техника, «уазики», «калашниковы», блокпосты. Особым трагизмом проникнуто описание вывода из Афганистана советского военного контингента: «Народ высыпал на улицы посмотреть на уходящие советские войска. Нескончаемой колонной тянутся танки, бронетранспортеры, грузовики... Слышны ехидные выкрики, кто-то свистит... У многих в руках портреты погибших – мужей, сыновей, братьев» (с. 182).

Существенной характеристикой образа России/СССР в романе является его многомерность: он раскрывается не только на уровне художественной образности, но и в многочисленных авторских комментариях политических процессов, определявших ход истории в последней четверти XX в. Это прежде всего противостояние Запада и Советов, с особой остротой проявившееся в Афганистане политической нестабильностью и вооруженными конфликтами. Если в 1979–1989 гг. Народно-демократическая партия Афганистана при поддержке СССР проводила демократические преобразования и обустроивала страну, то позднее ситуация резко изменилась, так как «Советский Союз разваливался с поразительной быстротой. Одна республика за другой объявляли о своей независимости: Литва, Эстония, Украина. Советский флаг больше не развевался над Кремлем. Российская Федерация стала самостоятельным государством» (с. 187). Присутствие советских войск в Афганистане, по мнению Х. Хоссейни, не было и не могло быть основной причиной кризисной ситуации в стране. Писатель стремится реалистично отразить происходившие в этот период процессы, прибегая порой к литературным аналогиям: «Когда не стало общего врага, вооруженные до зубов моджахеды увидели врагов в бывших союзниках... Горы обстреливали Кабул, в ответ столица палила по горам, а жители беспомощно взирали на происходящее – как старик Сантьяго беспомощно смотрел на акул, рвущих на части пойманную им рыбу» (с. 202–205). Советы войну проиграли, констатирует автор романа, при этом оценивая вторжение советских войск не как абсолютное зло, исходящее со стороны России, а как драматическую, но значимую страницу истории родной страны, за которой последовало резкое ухудшение жизни – разруха, обстрелы, преступления, насилие, грабежи, строгие запреты для женщин, а затем голод. В противовес этому вмешательство Запада во внутренние дела Афганистана характеризуется в большей степени как конъюнктурное: сначала президент Рейган поставлял моджахедам ракеты «Стингер», поддерживая их в борьбе с советскими войсками, а позднее уже другой американский президент, Джордж Буш, объявил войну Афганистану после того, как талибы не выдали Бен Ладена, взявшего на себя ответственность за теракты 11 сентября. Точно так же преследовали лишь свои политические цели и англичане, которые поначалу создали образцовый лагерь для беженцев. «Но Советы ушли, интерес к нам пропал, Маргарет Тэтчер больше не приезжала, финансирование сократилось. По-

том советская империя рухнула и мы стали Западу не нужны», – так комментирует создавшееся положение один из героев романа (с. 390).

Восприятие России и русских простыми афганцами становится для Х. Хоссейни наиболее значимым и показательным для того, чтобы раскрыть сложность взаимодействия принципиально разных национальных культур на социально-бытовом и ментальном уровнях, усиленную военно-политической ситуацией. С одной стороны, многие представители афганского народа испытывали искренние симпатии к СССР, исходя из идейных убеждений. В романе это учительница Шанзаи, дочь бедного крестьянина, выступавшая за равноправие мужчин и женщин: «По ее словам, Советский Союз – самая лучшая страна на свете (ну, Афганистан еще). Советский Союз – государство рабочих и крестьян, где все равны и счастливы, человек человеку – друг и брат. Не то что Америка, где уровень преступности такой, что люди боятся нос на улицу высунуть. И в Афганистан придут радость и счастье, как только враги прогресса, эти отсталые головорезы, будут побеждены» (с. 137). «Советские товарищи» воспринимаются героиней как сила, способная помочь афганцам выйти на более высокий уровень цивилизационного развития.

По контрасту представлено мнение повстанцев, развернувших мощную идеологическую борьбу, сообщавших в листовках и брошюрах о том, что «Советы намеренно ведут мнимую войну против афганских детей, специально маскируя мины под игрушки... А один моджахед в интервью газете утверждал, что Советы отравили всю их деревню газом» (с. 149).

Осознавая пропагандистский характер подобных заявлений, писатель в большей степени доверяет свидетельствам простых людей, ставших заложниками сложной политической ситуации. В одном из эпизодов романа звучит рассказ таксиста о том, при каких обстоятельствах погибли его сестры: «После того как в Герате убили несколько советских специалистов, в ответ последовал трехдневный обстрел. Танки и вертолеты разносили в прах дома, разрушили один минарет» (с. 311).

Авторская позиция близка к мнению образованных афганцев, которые, в большинстве своем не принимая коммунистической идеологии, поддерживали просоветскую власть за политику в области образования, особенно женского: «Здесь, в Кабуле, женщины учились в университетах, ходили в школу, занимали посты в правительстве» (с. 162). С приходом исламистов «жертвы среди мирного населения исчисляются сотнями и тысячами», а для женщин устанавливаются строгие запреты: им нельзя выходить из дома без сопровождения мужчин, пользоваться косметикой, носить драгоценности и модные наряды, смеяться на людях, петь, танцевать, смотреть телевизор. Главные героини в этот период переживают самые тяжелые испытания, олицетворяя участь всех афганских женщин.

Таким образом, самой сюжетно-образной логикой романа Х. Хоссейни осуждает воинствующее, агрессивное варварство как худшую черту восточной цивилизации, когда закрывают университеты, сжигают все книги, кроме Корана, уничтожают культурные ценности, и по контрасту подчеркивает цивилизационную миссию России, которая осуществляла не только собственные геополитические, но и созидательные, просветительские цели и задачи в интересах афганского народа. Такая писательская позиция в эпоху массового сознания, когда, по замечанию В. Б. Земскова, господствуют политехнологические имиджи и усиливается тенденция к огрублению, ужесточению стереотипов, что приводит к непониманию и конфликтам [2], заслуживает глубокого уважения и способствует коррекции межнационального диалога.

Примечания

1. Хоссейни Х. Тысяча сияющих солнц, М., 2010. Ссылки на текст романа приводятся в статье в круглых скобках с указанием номера страницы.

2. Земсков В. Б. Россия «на переломе» // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.). М., 2011. С. 22.

Notes

1. Hosseini H. *Tusyacha siyayushchih solnc* [Thousand shining suns]. Moscow. 2010. Links to the text of the novel are given in the article in parentheses indicating the number of pages.

2. Zemskov V.B. *Rossiya «na perelome»* [Russia “on the edge”] // *Na perelome: obraz Rossii proshloj i sovremennoj v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konec XX – nachalo XXI v.)*. On the edge: the image of past and modern Russia in culture, literature of Europe and America (the end of XX - beginning of XXI century). Moscow. 2011. P. 22.

Стилистические особенности языка для специальных целей (LSP)

В статье рассматриваются стилистические особенности языка для специальных целей (LSP), обсуждаются отличия стиля на LSP и стиля «литературного текста», анализируются тексты на LSP с точки зрения коммуникативных и стилистических норм.

This paper deals with stylistic features of LSP. The qualities of LSP texts and “literary texts” are discussed. Communicative and stylistic norms of LSP texts are analyzed.

Ключевые слова: язык для специальных целей, стиль, стилистические особенности, сфера коммуникации, технический текст, фигуры речи, риторические техники.

Keywords: language for specific purposes (LSP), style, stylistic features, spheres of communication, technical text, figures of speech, rhetorical techniques.

В XX в. для эффективного обеспечения профессионально ориентированной коммуникации начал широко использоваться «язык для специальных целей» (Language for specific purposes – LSP). Большое внимание уделялось изучению стилистических особенностей текстов на LSP. Следует отметить, что специфика стиля данных текстов заключается не только в факультативном использовании фигур речи, а главным образом в презентации специального знания различными лингвистическими способами. Продолжим дискуссию об особенностях стиля текстов на LSP, опираясь на следующие тезисы.

Стиль как обязательный компонент письменного или устного текста. Лингвистическое описание коммуникативного акта или события выражается в тексте. Стиль интерпретируется как особый способ, при помощи которого говорящий или пишущий отбирает лингвистические средства согласно своему языковому общению, личности, целям и конкретной коммуникативной ситуации.

Связь стиля со сферами коммуникации и общественной деятельности. Как сопутствующая черта текста стиль имеет отношение ко всем сферам коммуникации и общественной деятельности от повседневного дискурса до профессионально ориентированной коммуникации. Соответственно, стиль присутствует во всех типах текстов: в языке для общих целей (LGP) и в LSP. Текст на LSP трактуется как логически последовательное и законченное высказывание, которое связано с общественной сферой деятельности. В тексте на LSP аккумулируется профессионально ориентированное знание при помощи общих и специфических лингвистических средств, а также вспомогательных элементов визуальных кодов, передающих дополнительную информацию. Это могут быть символы, формулы, карты, графики, таблицы и другие виды иллюстраций. Например, на следующих рисунках наглядно представлены траектория и визуализация движения летательного аппарата, которые помогают отразить профессионально ориентированную коммуникацию [1].

Отличие стиля текста на LSP от стиля «литературного текста». Стиль текста на LSP отличается от поэтического текста или прозы, так как он функционирует в другой сфере согласно цели передаваемой смысловой нагрузки. Если тексты художественной прозы подходят для художественной коммуникации и отражают отношение к действительности с субъективной точки зрения писателя, то типичные для научной коммуникации технические тексты будут отображать реальность объективным, основанным на фактах способом. Основная цель такого текста не завлечь читателя оригинальной манерой написания, а передавать фактическую информацию людям, занятым в специфической сфере общественной деятельности.

На художественные тексты и LSP-тексты могут оказывать влияние различные функции языка. Так, в текстах на LSP преобладает референциальная (функция значения), апеллятивная (директивная) и фатическая (коммуникативно-устанавливающая) функции. На беллетристические тексты влияют референциальная и эмотивная (эмоционально-экспрессивная) функции.

Особое отражение внешнего мира и воспроизведение действительности адекватными лингвистическими средствами отличают автора технического текста от автора литературного произведения. Общие черты данных авторов проявляются в потребности адекватно выразить свои мысли, которая предполагает по возможности креативное использование языка.

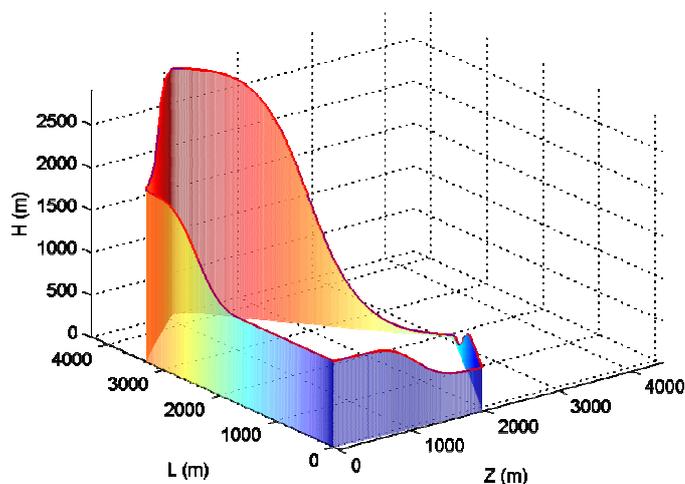

Рис. 1. Траектория движения летательного аппарата

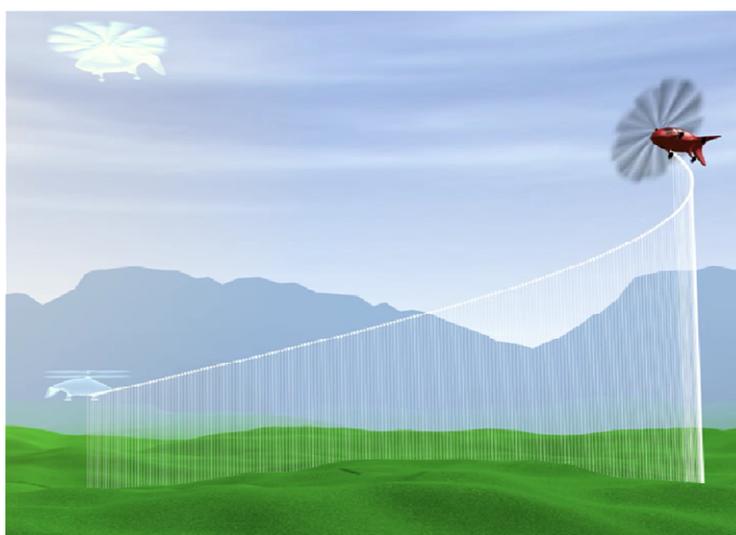

Рис. 2. Визуализация движения летательного аппарата

Для оригинальности литературный писатель будет щедро применять тропы, он может даже нарушить нормы стандартного языка, чтобы произвести впечатление на читателя. Автор же научного текста столкнется с проблемой создания новых слов и выражений для вновь появляющихся в мире науки явлений. Для их обозначения он обратится к выражениям из повседневной жизни и будет использовать их в переносном смысле или же введет новое понятие описательным способом. Для данной цели из повседневного опыта заимствуются аналогии. Необходимо отметить, что техническая (LSP) терминология изобилует живописными выражениями, оригинальная образность которых со временем исчезает в процессе использования.

Попытки в стилистических исследованиях по сближению литературного стиля и технического. В соответствии с концепцией Гальперина о функциональном стиле беллетристика рассматривается в том же самом ряду других функционально-речевых стилей, что и стиль LSP (публицистическом, научном, официально-парадном, канцелярско-деловом и т. п.) [2]. Стиль в дискурсе на LSP образует также основной компонент в концепции регистра, представленной британскими лингвистами, которые продолжили традиции функциональной лингвистики Д. Р. Фёрса [3]. Термин «дискурсивное поле» применяется для профессионально ориентированной сферы деятельности.

Отдельные лингвисты указали на общие черты художественных и нехудожественных произведений при описании естественных явлений. Стилист Н. М. Разинкина и британский прикладной лингвист Г. Виддоусон посвятили специальное исследование данной проблеме и убедительно доказали, что тексты на LSP не лишены тропов [4].

Концепция новой риторики и риторических техник как важный вклад в развитие стиля в текстах на LSP. Группа американских лингвистов (Вашингтонская школа) во главе с Л. Тримблом развила концепцию риторических техник, которые рассматриваются как неотделимые от текста характерные особенности [5]. В соответствии с данной концепцией риторические техники обязательны для адекватной презентации технической ситуации и для достижения оптимального коммуникативного эффекта среди специалистов. Данные стилистические характеристики являются первостепенными для развития коммуникативной компетенции у носителей языка и у изучающих иностранный язык в понимании и написании текстов на LSP.

Анализ текстов на LSP с точки зрения коммуникативных и стилистических норм. Наибольший интерес с точки зрения лексического запаса, синтаксических структур и стилистических приемов представляют такие текстовые формы, как заявки на патент. Учитывая границы дискурсивного поля, заявка на патент как жанр занимает позицию между технологическим и юридическим регистрами английского языка. С научно-техническим текстом их роднит детальное описание специальной терминологии при помощи специальной лексики и примеров. С юридическим текстом их объединяет использование клише и архаичных фраз в тексте со строго фиксированной структурой. Порядок элементов обязателен и модификации не подлежит. Внесение эмоциональных элементов и фигур речи, отклонение от описательного характера каких-либо частей текста нарушило бы стилистические нормы заявки на патент. В британской заявке на патент по сравнению с американской, широко используются архаичные наречия, которые при других обстоятельствах весьма редко употребляются в повседневной речи, за исключением юридического языка, например: «*superconductive device hereinafter means..., hereinbefore described..., it has heretofore been the usual practice..., gate members may have apertures therethrough..., whereupon the mixture was poured at once on ice-water, etc*» [6].

Заявка на патент является одновременно и юридическим документом, который защищает права изобретателя. Подобные архаичные формы лучше подходят для сжатого изложения информации, чем стилистические парафразы *in which..., in this..., up to the present time*. Д. Кристал и Д. Дави указали на тот факт, что в целях исключения двусмысленности юридические тексты избегают использования местоимений и анафорических форм наречий [7]. В целом такие текстовые формы, как заявки на патент, имеют объективный обезличенный стиль, детерминированный особым содержанием, который предусматривает ясность описания, дефиницию, объяснение и пояснение примерами – риторическими техниками, которые имеют широкое, если не универсальное, распространение в текстах на LSP. Стилистические приемы, встречающиеся в заявках на патенты, выполняют не декоративную функцию, а способствуют логической презентации информации в тексте. Таким образом, такие фигуры речи, как анафора, парантез и параллелизм, являясь риторическими техниками, способствуют ясности текста.

Другим примером текста на LSP является форма текста, известная как «cooking formula» химических лабораторий и больших заводов [8]. Она имеет фиксированный композиционный план, схожий с техническими статьями в научных журналах, и отличается особыми риторическими техниками. Части текста, которые описывают химические процессы синтеза субстанции, сочетают в себе текстовые формы статьи и инструкции с юридическими выводами. Композиционный план (макроструктура) включает краткий обзор, описание материалов и методов, обсуждение результатов. Особый признак представлен в параграфе, содержащем инструкции или ограничения. Он вводится словом «CAUTION» и содержат различные индикаторы модальности (в основном модальные глаголы). Например:

Achene Simple, dry, one-seeded fruit formed from a single carpel, without any special method of opening to liberate seed; seed coat is not adherent to the pericarp; may be smooth-walled (e.g. buttercup), feathery (traveller's joy), spiny (e.g. corn buttercup), or winged (when termed a samara) as in sycamore and maple [9].

«Cooking formula» как форма текста не позволяет использовать эмоциональные элементы или занимательные девиации от строго фактической презентации информации. Специализированный лексический запас подобного жанра содержит химические термины и но-

менклатуру, химические структурные формулы и интернациональные химические символы. Макроструктура такой текстовой формы также следует международной конвенции.

Словарные статьи в монолингвальных толковых словарях по отраслям науки представляют следующий пример текста на LSP. Толковые словари объясняют значение слова в наиболее краткой форме и наиболее точными терминами. Многословие и неопределенность выражений, использование эмоциональных элементов противоречило бы принципам языковой экономии. Е. Бенес (E. Beneš) описывает стилистические особенности энциклопедии или толкового словаря как «lexicon style» [10]. Фигуры речи, встречающиеся в такой текстовой форме, сохраняют лаконичную презентацию информации: эллиптические предложения способствуют экономичному использованию лингвистических средств, парантез обычно содержит объяснение или комментарии. Например:

Absorption Uptake of water (by osmosis) and/or solutes (e.g. by simple DIFFUSION, FACILITATED DIFFUSION, ACTIVE TRANSPORT OR ENDOCYTOSIS) by cells, often those forming part of a specialized epithelium. Not to be confused with ADSORPTION. Compare ASSIMILATION [11].

Таким образом, при чтении и написании текстов на LSP необходимо учитывать их стилистические особенности: объективность в презентации фактов, однозначность в использовании словаря, применение правильных риторических техник, предполагающих особый лингвистический материал (описание прибора, аргументация в дискуссии при написании статьи в научный журнал). Краткие обзоры с высоким уровнем языковой экономии, архаичные элементы и клише в заявках на патенты, императивные структуры в «cooking formula» будут в данном случае весьма полезными примерами.

Примечания

1. Golubev A. E., Krishchenko A. P., Tkachev S. B. Postgraduate Education in Nonlinear Dynamical Systems and Automatic Control in Aerospace // Proceedings of the 9th IFAC Symposium Advances in Control Education, Nizhny Novgorod, Russia. 2012. P. 330–335.

2. Гальперин И. Р. Стилистика. М.: Высш. шк., 1977.

3. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. Longman, L., 1969.

4. Разинкина Н. М. Развитие языка английской научной литературы. Лингвистическое исследование. М., 1978; Widdowson H. Explorations in Applied Linguistics. Oxford University Press, 1979.

5. Trimble L. English for Science and Technology. A Discourse Approach. Cambridge, 1985.

6. Gläser R. Linguistic features and genre profiles of scientific English. Frankfurt a/M: P. Lang. 1995. S. 152–163.

7. Crystal D., Davy D. Op. cit.

8. Gläser R. Op. cit.

9. Thain M. The Penguin dictionary of biology. Penguin books, Ltd, 2004. P. 3–5.

10. Beneš E. Zur Typologie der Stilgattungen der wissenschaftlichen Prosa // Deutsch als Fremdsprache. 1969. № 3. S. 225–233.

11. Thain M. Op. cit.

Notes

1. Golubev A. E., A. P. Krishchenko, Tkachev S. B. Postgraduate Education in Nonlinear Dynamical Systems and Automatic Control in Aerospace, / / Proceedings of the 9th IFAC Symposium Advances in Control Education, Nizhny Novgorod, Russia. 2012. Pp. 330-335.

2. Halperin I. R. *Stylistika* [Stylistics]. Moscow. The High school. 1977.

3. Crystal D., Davy D. Investigating English Style. Longman, L., 1969.

4. Razinkina N. M. *Razvitie yazyka anglijskoj nauchnoj literatury. Lingvisticheskoe issledovanie* [Development of the language of English scientific literature. Linguistic research]. Moscow. 1978; Widdowson H. Explorations in Applied Linguistics. Oxford University Press, 1979.

5. Trimble L. English for Science and Technology. A Discourse Approach. Cambridge, 1985.

6. Gläser R. Linguistic features and genre profiles of scientific English. Frankfurt a/M: P. Lang. 1995. Pp. 152-163.

7. Crystal D., Davy D. Op. cit.

8. Gläser R. Op. cit.

9. Thain M. The Penguin dictionary of biology. Penguin books, Ltd, 2004. P. 3-5.

10. E. Beneš Zur Typologie der Stilgattungen der wissenschaftlichen Prosa // Deutsch als Fremdsprache. 1969, No. 3, pp. 225-233.

11. Thain, M. Op. cit.

Стандартный английский язык в эпоху глобализации: преимущества и проблемы

В статье отражены проблемы, возникшие с расширением ареала английского языка в эпоху глобализации. Предпринята попытка классификации вариантов английского языка, основанной на принципе степени доминирования английского языка в той или иной культуре: в первый круг входят «старые» англоговорящие страны, в которых английский язык является первым, второй круг включает в себя страны, где английский язык играет важную роль в области образования, культуры, управления, к третьему относятся страны, в которых английский язык служит для чтения научной и технической литературы, карьерного роста. Рассматривается проблема определения понятия 'native speaker'. Подчеркивается роль концепта 'языкового сообщества' как важнейшего фактора в преподавании английского языка. Обращается внимание на важное место стандартного английского языка в коммуникации между носителями английского языка.

The article provides an overview of the topics and relationships of sociolinguistics, world Englishes and language teaching. The author touches upon some problems arising from the global spread of English, gives characteristics of world Englishes and outlines difficulties awaiting teachers of English and students both in monocultural and multicultural communities. The important role of Standard English as a switching language in communication and teaching English as the second language is highlighted. An attempt is undertaken to give classification of Englishes into three varieties according to a functional principle and the degree of dominance of the English language in different countries.

Ключевые слова: стандартный английский, глобализация, носитель языка, социолингвистика, языковое сообщество.

Keywords: Standard English, globalization, native speaker, sociolinguistics, language community.

Широко известная и комментируемая ситуация глобального распространения английского языка была предсказана задолго до появления явления и термина «глобализация». В конце XVIII в. Джон Адамс предсказал, что английский язык станет самым уважаемым языком в мире, самым широко употребляемым в устной и письменной речи в следующем веке, если не раньше. Автор предсказания, однако, не мог предвидеть, с какими проблемами придется столкнуться лингвистам в XX–XXI вв., т. е. в эпоху, когда неисчисляемое существительное English назло всем словарям обрело форму множественного числа – Englishes. При этом прежнее деление на литературный язык и диалекты представляет весьма упрощенную схему. Для относительно полной характеристики варианта языка современная лингвистика рассматривает возрастную, гендерную, профессиональную и другие аспекты данного языка, не говоря уже о локальных его вариациях.

Как правило, наиболее заметными являются проявления особенностей вариантов языка в фонетике и лексике (т. е. акцент и диалектные единицы).

Необходимо признать, что в действительности только в Standard English отсутствует проявление акцента и диалектной лексики, хотя каждый носитель английского языка использует тот или иной диалект, тот или иной акцент. Стандартный английский – это просто отдельный диалект среди многих сотен диалектов.

Общепринятые варианты английского языка включают в наши дни британский, американский, австралийский, канадский и новозеландский варианты английского языка. Однако количество стран, где английский язык или является официальным или достаточно широко распространен на бытовом уровне, не исчерпывается этим перечнем. Схематично модель глобального распространения английского языка можно представить в виде трех концентрических окружностей – кругов.

В *первый, внутренний круг* входят «старые» англоговорящие страны, в которых английский язык был первым, доминирующим языком, – Британия, Соединенные Штаты, Кана-

да, Австралия и Новая Зеландия. В этих странах, несмотря на присутствие других языков, в публичном дискурсе широко употребляемым был и остается только английский язык. Интересно отметить, что в Конституции Соединенных Штатов ввиду отсутствия необходимости не упоминается, какой язык является официальным.

Такой вопрос, однако, является весьма актуальным для стран, входящих во *второй круг, средний*. В этих странах, куда мы относим Индию, Нигерию, Пакистан, Сингапур, Южную Африку, Филиппины и Замбию и многие другие (всего этот список включает в себя сорок стран), английский язык имеет долгую предысторию и играет важную роль в области образования, культуры, управления и литературы. Страны второго круга принадлежат к плотно-населенным территориям, таким образом значительно увеличивая число англоговорящих в мире. (Студент из Нигерии, обучающийся в АГУ, на вопрос о доминирующем языке своей страны дал противоречивый ответ – первым назвал английский, однако на вопрос, какой язык является вторым, затруднился ответить. После наводящих вопросов выяснилось, что большая часть населения говорит на юрumbu, что в его представлении является не языком, а диалектом, хотя имеются печатные издания и литература на этом языке. Очевидно, что местные языки уступают в престижности английскому, по крайней мере на текущий момент. Однако с наступлением глобализации и повышением уровня национальной самоидентификации ситуация может меняться, как, например, в Уэльсе.) При этом следует отметить, что язык, как и все в нашей жизни, живет в соответствии с определенными циклами: в мультикультурном сообществе его статус не обязательно будет стабильным.

Страны, принадлежащие к *третьему, внешнему кругу*, включают в себя Китай, Индонезию, Иран, Японию, Корею и Непал и др. В этих странах английский язык имеет множество предназначений, широко изучается, но для иных, более узких целей, чем в странах второго, среднего круга: чтение научной и технической литературы, для карьерного роста и пр.

Вероятно, что процесс глобализации позволит причислить к третьему кругу практически все страны Западной и Восточной Европы (в некоторых из них серьезно озабочены сохранением чистоты языка, что, на наш взгляд, несколько утопично). Достаточно упомянуть скандинавские страны, где английский язык вполне можно причислить ко второму языку страны. Даже осторожные цифры говорят о том, что на каждого носителя языка, принадлежащего первому кругу, приходится по крайней мере три человека, принадлежащих ко второму и третьему кругам. По другим источникам, одна треть мира владеет и пользуется английским языком. «Я счастлив заявить, что в мире насчитывается миллиард людей, владеющих английским языком» [1].

Лингвисты, таким образом, затрудняются дать определение, кто есть реальный «носитель языка» в данном контексте. Противопоставление *native speaker vs nonnative speaker* проходит зачастую не по линии качества владения английским языком, а по линии разделения культурных ценностей – нередки примеры, когда «носители языка» значительно уступали в степени владения английским языком выходцам из стран не первого круга.

Исследователи этой проблемы склоняются к мысли, что бытующая донныне точка зрения на то, что *native speaker* – это человек, который выучил язык как первый или единственный в естественных условиях в детстве, существенно меняется в эпоху глобализации [2]. На самом деле результативность обучения очень отличается в зависимости от местных традиций обучения, используемых методик, мотивации и пр., достаточно упомянуть великолепную лингвистическую школу, существовавшую в СССР в условиях «железного занавеса».

Нельзя отрицать того факта, что важнейшим социолингвистическим концептом в преподавании английского языка является концепт «языкового сообщества», т. е. сообщества людей, говорящих на одном языке, придерживающихся одинаковых правил и норм социального поведения и стандартов общества. В ситуации глобализации, когда употребление английского языка носит столь обширный характер, говорить о единых правилах и нормах социального поведения в Канаде и Сьерра-Леоне, например, кажется неуместным.

В связи с вышеупомянутыми фактами давний спор о том, является ли *American English* вариантом британского или отдельным языком, получил интересное развитие. Известный защитник теории «американского языка» Менкен еще в 1936 г. утверждал, что американский английский все более удаляется от своего «родителя» и что различия между двумя языками будут неуклонно возрастать. Однако в последнее время уже англичане так активно заимствуют у американцев лексику, идиомы, орфографию и даже манеру произношения, что

возникает ощущение – наступит день, когда британский английский будет расцениваться как своего рода диалект американского английского, как это было в прошлом [3].

Невозможно объяснить неспособность понять друг друга людям из разных регионов лишь «мелкими, незначительными» различиями и «особенностями лексики» – проблема лежит значительно глубже.

Поскольку английский язык столь широко распространился по миру и перешагнул границы, возникла озабоченность относительно большого разнообразия его форм и, следовательно, появилась необходимость найти способ нивелировать эти различия, чтобы сохранить иллюзию, что все люди, говорящие по-английски во всем мире, действительно говорят на одном языке. Знаменитая фраза Бернарда Шоу о том, что американцы и англичане – это два народа, разделенные общим языком, может быть применима и к другим англоговорящим народам.

В связи с этим нельзя недооценивать экстралингвистическую составляющую в процессе распространения английского языка. Англичане создали культуру, оказавшую огромное влияние на весь мир в области бизнеса, образования, экономики. Правовая система Великобритании лежит в основе правовых систем многих стран мира и по степени влияния может сравниться лишь с римским правом. Поскольку передача информации осуществляется посредством языка, он приобретает огромную власть в любом лингвокультурном сообществе. Функциональный диапазон английского языка огромен. В отличие от более ранних языков-посредников, узус которых был ограничен, главным образом, областью религии (арабский, санскрит), английский язык применяется практически во всех человеческой деятельности за пределами стран первого круга.

Знание экстралингвистических особенностей объясняет парадоксальный факт, что носители языка, обладающие хорошими знаниями языка, эффективнее доносят до аудитории материал, чем носители языка, не знакомые с национально обусловленными явлениями. Нигерийцы преподают английский язык в Нигерии, индусы – в Индии, американцы – в Соединенных Штатах, и никто не может утверждать, что один вариант уступает другому. В связи с этим Дэвид Кристал отмечает, что язык, как ничто другое, демонстрирует нашу «принадлежность», национальную идентичность [4].

Каков же, в конечном счете, критерий качества языка при всех различиях лингвистического и экстралингвистического характера в произношении и лексики? Не секрет, что многие преподаватели английского языка в Великобритании высказывают серьезную озабоченность тем фактом, что английский язык в условиях усиливающейся глобализации, выйдя за пределы монокультуры, утрачивает четкие стандарты, становится все менее и менее «английским» как в области фонетической, так и в области графической нормы. Р. Кверк утверждает, что все англоговорящие страны должны стремиться к той форме английского языка, которая будет пользоваться уважением и будет понятна в любом уголке мира, где только существуют варианты английского языка [5].

Хотя явно профессор Кверк не назвал эту форму языка, однако вполне понятно, что он имел в виду Standard English, пока что единственную форму английского языка, претендующую на роль лингва франка современного мира. Standard English обладает несомненным достоинством – способностью быть понимаемым большинством носителей и неносителей английского языка в его лингвистической составляющей, что, впрочем, не снимает трудностей изучения и преподавания английского языка в его лингвокультурном аспекте.

Начало процесса стандартизации языка относится к тому периоду истории Англии, когда после буржуазной революции середины XVII в. в Англии произошла промышленная революция, давшая толчок мощному развитию производительных сил страны, причем в Англии промышленный переворот принял более яркие, классические формы, чем в других странах Европы.

«The standardization of English began in the late 18th century when Standard English was codified in grammars, pronouncing dictionaries, spelling books, and dictionaries to ensure “minimal variation in form” [6] (*Стандартизация английского языка началась в конце XVIII века, когда стандартный английский был кодифицирован в учебниках грамматики, в произносительных словарях, орфографических справочниках и словарях для минимизации отклонений по форме*). (Пер. наш. – Т. О.)

По мнению Н. Фэрклоу, «стандартизация» английского языка началась с письменной формы, а затем постепенно перешла на другие аспекты речи, включая грамматику, вокабу-

ляр, произношение, прежде чем коснулась базовых социальных институтов [7]. Именно эти институты – образование, право, религия, средства массовой информации и семья совместно обеспечивают доминирование правящего класса [8]. Таким образом, стандартный английский стал диалектом политической и культурной власти – начиная с 1940-х гг. он признан «правильным» английским языком. После этого язык верхушки стал доступен для всех и стал основной целью обучения, т. е. «rail-splitters, weavers, rag-pickers, and former slaves everywhere... [began] to speak and write with eloquence. By unlocking its mysteries, even the self-taught believed they might 'converse with a thousand worlds' [9]. (...Лесорубы, ткачи, мусорщики и бывшие рабы повсюду стали красноречиво говорить и писать. Открыв тайны языка, даже самоучки поверили, что могут 'общаться с тысячами миров'). (Пер. наш. – Т. О.)

Марксистская идея о том, что, изменив свой социальный диалект, человек может изменить свой социальный статус, является актуальной и в XXI в.: знание стандартного английского – это локомотив, на котором можно добраться до влиятельных позиций в обществе и власти.

Примечания

1. Crystal D. How many millions? The statistics of English today // English Today, 1,7-9.1985.
2. Paikeday T. M. The native speaker is dead! Toronto: Paikeday Publications, 1985.
3. Kachru B. B. The alchemy of English: The spread, functions and models of non-native Englishes. Oxford: Pergamon Press, 1986.
4. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
5. Quirk R. The English language in a global context. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
6. Fairclough Norman. Language and Power. New York: Longman Group UK Limited, 1989. P. 57.
7. Ibid. P. 56.
8. Ibid. P. 33.
9. Schweiger Beth Barton. A Social History of English Grammar in the Early United States. Journal of the Early Republic 30.4 (Winter 2010). P. 535-536. EbscoHost. Web. 6 Feb 2013.

Notes

1. Crystal D. How many millions? The statistics of English today // English Today, 1,7-9.1985.
2. Paikeday T. M. The native speaker is dead! Toronto: Paikeday Publications, 1985.
3. Kachru B. B. The alchemy of English: The spread, functions and models of non-native Englishes. Oxford: Pergamon Press, 1986.
4. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
5. Quirk R. The English language and in global context. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
6. Norman Fairclough. Language and Power. New York: Longman Group UK Limited, 1989. P. 57.
7. Ibid. P. 56.
8. Ibid. P. 33.
9. Schweiger, Beth Barton. A Social History of English Grammar in the Early United States. Journal of the Early Republic 30.4 (Winter 2010). P. 535-536. EbscoHost. Web. 6 Feb 2013.

УДК 81.161.1'373.2+81'27

Н. В. Бубнова

«Смоленский» ономастический компонент национального корпуса русского языка

Статья посвящена описанию «смоленских» имён собственных в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Данные имена называют объекты, расположенные как на Смоленщине, так и вне её территории. Представленность онимов в НКРЯ в контексте позволяет эксплицировать разноплановую историко-культурную информацию в содержании имени. Изучение имени собственного как культурного знака имеет особую актуальность в условиях современных общеглобалистских процессов, характеризующихся тенденцией к унификации национальных культур. В основе понимания национальной культуры лежит знание историко-культурных особенностей региона, в который непосредственно «включена» языковая личность, чем объясняется особая значимость изучения регио-

нальных онимов. В статье проанализировано 1558 «смоленских» контекстов, выявленных в составе НКРЯ. Данные контексты могут быть объединены в три группы на основании особенностей сочетаемости компонента «смоленский»: 1) лексема «смоленский» вне сочетаний (20 контекстов); 2) в сочетании с именами нарицательными (185 употреблений); 3) в составе имён собственных (1361 употребление). Особое внимание уделяется анализу третьей группы: произведена классификация онимов по тематическому принципу и по особенностям информации в содержании имени. Полученные результаты сопоставлены с результатами исследования имён собственных в составе фоновых знаний современных смолян. Результаты работы важны как для определения структуры и содержания ономастических фоновых знаний смолян, что способствует полноценному функционированию языковой личности в региональном социуме, так и для описания и структурирования общенациональных фоновых знаний, представленных в НКРЯ.

The article describes the «Smolensk» proper names as part of the Russian National Corpus (RNC). These names are called objects located in the Smolensk region as well as outside its territory. Representation onims in RNC in the context allows to explicating diversified historical and cultural information in the content name. Study of a proper name as a cultural sign is of particular relevance in today global processes characterized by the tendency to unification of national cultures. The conception of national culture on knowledge of historical and cultural features of the region, which itself is «on» linguistic identity, which explains the special importance of studying regional onims. The article analyzes the 1558 «Smolensk» contexts identified as part of RNC. These contexts can be grouped into three groups based on the compatibility of component features «Smolensk»: 1) token «Smolensk» outside combinations (20 contexts); 2) in conjunction with a household name (185 uses); 3) composed of proper names (1361 use). Particular attention is paid to the analysis of the third group: a classification onims thematically and features information in the content name. The results are compared with the results of the study of proper names as part of the background knowledge of modern natives of Smolensk. Results of work are important for determining the structure and content of onomastic background knowledge of Smolensk, which contributes to the full functioning of linguistic identity in the regional society, and for describing and structuring national background knowledge represented in the RNC.

Ключевые слова: имя собственное, корпусная лингвистика, фоновые знания, ассоциативный эксперимент, языковая личность.

Keywords: proper name, corpus linguistic, background knowledge, associative experiment, linguistic identity.

Корпусная лингвистика – одно из приоритетных и наиболее перспективных направлений современной науки о языке. По мнению В. А. Плунгяна, если вопросы по поводу будущего русского языка задавать именно лингвистам, то «с большой вероятностью в их ответах сразу прозвучит слово “корпус”» [1]. Корпусная лингвистика продуктивно развивается во многих странах (Англии, Германии, Франции, Голландии, Японии, Румынии, Индии, Чехии и др.), где разрабатываются и постоянно совершенствуются Национальные корпуса текстов.

Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) был открыт 29 апреля 2004 г. в сети Интернет по адресу <http://ruscorpora.ru>. В настоящей работе для анализа использованы материалы основного подкорпуса НКРЯ, представленного прозаическими письменными текстами XVIII – начала XXI в. Под корпусом текстов, вслед за В. П. Захаровым, мы понимаем «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных» [2]. Назначение корпуса, по мысли его разработчиков, состоит в том, чтобы «показать функционирование лингвистических единиц на большом «живом» языковом материале и в их естественном окружении – в контексте» [3], что предоставляет много возможностей для анализа материала. По замечанию О. А. Рыжкиной, за счёт наличия в поисковой системе корпуса функции перехода от минимального контекста к расширенному (целому абзацу) повышается точность представления структуры значения той или иной единицы [4].

На наш взгляд, представленность анализируемой лексемы в НКРЯ в контексте, помимо решения множества других исследовательских задач, позволяет выявить сопутствующие данной лексеме фоновые знания [5], необходимые для успешного функционирования языковой личности в социуме.

Существенная часть общеобязательных фоновых знаний закреплена за именем собственным, трактуемым сегодня исследователями (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, В. Д. Бондалетов, В. А. Никонов, Г. Д. Томахин и др.) как своего рода культурный знак. По замечанию

Н. А. Максимчук, «имя собственное, воспринимаемое длительное время как периферийная единица языковой системы, в последние десятилетия вошло в первый ряд объектов актуальных лингвистических исследований. Причины таких изменений можно усмотреть в следующем. Во-первых, оборотной стороной современных общеглобалистских процессов является стремление к индивидуализации, усиление чувства этнической, национальной, культурной самобытности, к отражению которой имя собственное приспособлено самой своей природой уникального именованного единичного предмета. Во-вторых, так называемая когнитивная революция предложила новую методологию исследования ономастической картины мира в её взаимодействии с языковой личностью. В-третьих, объём и характер накопленного теоретического и эмпирического материала обеспечили возможность перехода ономастических исследований на качественно новый уровень» [6], в частности, такую возможность предоставляет доступ к обширным и филологически размеченным материалам Корпуса и их анализ, в том числе в сопоставлении с экспериментальными данными.

Настоящая работа посвящена описанию «смоленского» ономастического компонента общенациональных фоновых знаний, отражённых в НКРЯ [7], в сопоставлении с региональными фоновыми знаниями современных смолян, которые были выявлены нами методом масштабного ассоциативного эксперимента с 1650 респондентами. Собственно эксперимент состоял в том, чтобы испытуемые в течение одной минуты записали имена собственные, с которыми у них ассоциируется стимул *Смоленщина*; в итоге было получено 1212 реакций (13 471 употребление), обработанных посредством электронной Базы данных. Результаты этого исследования подробно описаны в нашей монографии [8]; в данной статье будем использовать выводы работы в сопоставлении с данными НКРЯ.

При выявлении контекстов на запрос *смоленский* в НКРЯ мы использовали лексико-грамматический поиск, поскольку посредством него можно получить полную падежную парадигму названной лексемы. На запрос нами было получено 1852 контекста, однако разметка корпуса не предусматривает дифференцирование оттопонимного прилагательного *смоленский* и антропонима *Смоленский* во всех формах, а также формы П. п. прилагательного *смоленский* и формы Т. п. топонима *Смоленск*. В результате механической сортировки материала для анализа нами было получено 1558 контекстов с лексемой *смоленский* в различных формах. Анализируемая лексема имеет три варианта употребления: 1) не образует словосочетаний, т. е. употребляется как самостоятельная единица (20 контекстов); 2) образует сочетания с нарицательным именем (109 сочетаний, 185 употреблений); 3) входит в состав имён собственных (176 онимов, 1361 употребление).

В случаях, когда словоформы оттопонимного прилагательного *смоленский* употреблены вне словосочетаний, они выражают принадлежность к региональному социуму, которая в некоторых контекстах сопровождается эмоциональной оценкой, например: «Услыхав *«смоленская»*, Е. П. встrepенулась: своих *смоленских* она никогда не даст в обиду. [М. М. Пришвин. Дневники (1928)]. Но, не скрою, мне особенно приятно, что вы не калужский или не тульский, а наш – *смоленский!* [Константин Ваншенкин. Писательский клуб (1998)]. Применительно к данным контекстам, на наш взгляд, можно говорить о субстантивации разных форм прилагательного *смоленский*: *смоленский* = *смолянин*, *смоленская* = *смолянка*, *смоленские* = *смоляне*.

Семантика апеллятивов, с которыми лексема *смоленский* образует словосочетания, разнообразна: географические объекты (леса, поля, болота и др.), язык и письменность (говоры, книжность, грамоты и др.), фольклор (народные сарафаны, частушки и др.). В некоторых случаях для понимания семантики словосочетания необходимо обращение к контексту. Например, сочетание *смоленская кровь* используется для характеристики смолянки: *...демоническая женщина Анастасия, смоленских кровей, кавалерист-девица, жаркая, льющая, готовая утолить любую жажду...* [Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980)]. Подробный анализ сочетаемостных свойств прилагательного *смоленский* с апеллятивами в составе НКРЯ может стать объектом самостоятельного исследования, способного внести вклад не только в изучение вопроса сочетаемости лексических единиц в составе контекстов разного объёма, но и в описание историко-культурных особенностей Смоленского края.

В настоящей работе обратимся к подробному анализу ономастического материала с компонентом *смоленский*. В ходе анализа мы обнаружили, что по характеру лингвокультурологической информации «смоленские» имена НКРЯ можно разделить на две группы:

1) бытовые онимы и 2) историко-культурные онимы. Под онимами первой группы мы, вслед за А. В. Суперанской, понимаем имена, которые непосредственно окружают человека и специально не культивируются в образовательном процессе [9]. При этом, на наш взгляд, границы между обозначенными группами онимов весьма условны и диффузны, поскольку оним, который не культивируется в образовательном процессе сегодня, пройдя «проверку временем» своей лингвокультурологической ценности, вполне может войти в учебные издания для будущих поколений обучающихся (например, названия предприятий, общественных заведений и под.).

Тем не менее нами были выделены пять групп «смоленских» бытовых онимов в НКРЯ (здесь и далее в скобках для каждой группы указано количество составляющих её онимов/употреблений; для онимов внутри группы – количество употреблений; группы расположены по убыванию общего количества употреблений составляющих их единиц):

1.1. «Смоленские производственные предприятия» (14/39): «Кристалл» (14); «Искра» (2), Смоленский авиационный завод (1) и др.

1.2. «Учебные заведения Смоленска» (11/30): Смоленская духовная семинария (8), Смоленский государственный университет (6), Военная академия ВПВО ВС РФ (5) и др.

1.3. «Общественные организации Смоленщины» (20/32): Смоленская епархия (7), Смоленский обком партии (4), общество «Мемориал» (1) и др. Отметим, что большинство названий отражает соответствующее направление деятельности организаций, при этом некоторые наименования становятся понятными только при обращении к контексту, например: «Нижегородские тигры» разгромили «Смоленских чудовищ» и теперь возглавляют таблицу национальной лиги лапты... [Александр Кабаков. Последний герой (1994–1995)].

1.4. «Общественные учреждения Смоленщины» (10/17): Смоленская тюрьма (6), «Смоленский банк» (2), кинотеатр «Современник» (1) и др.

1.5. «Смоленские» ж/д объекты и организации» (7/9): Московско-Смоленское отделение Московской железной дороги (3); Московская Смоленская транспортная прокуратура, Вагонно-пассажирское депо Москва-Смоленская (по 1) и др.

Первые четыре группы онимов называют объекты, расположенные на Смоленщине и являющиеся непосредственными ориентирами для языковой личности, «включённой» в эту региональную среду; этим и определяется основная ценность их выявления и описания. Пятая группа «смоленских» бытовых онимов в составе НКРЯ называет объекты, расположенные вне территории Смоленской области, однако имеющие «смоленские связи», определяемые данным направлением следования железнодорожных объектов.

В отдельную (промежуточную) тематическую группу нами были выделены «Названия “смоленских” объектов других городов», поскольку, с одной стороны, они также называют городские ориентиры, но лингвокультурологическая ценность большинства из них «выдержала испытание временем», вписав эти имена в историю и культуру народа. Объекты, названные данными онимами, расположены в Москве и в Санкт-Петербурге (в соответствии с чем имена разделены на две подгруппы). К данной группе относятся следующие ономастические единицы (16/470): **1)** Смоленская площадь (106), Смоленский рынок (95), Смоленский бульвар (57), Смоленская улица (37), станция метро «Смоленская» (27), «Смоленский пассаж» (19), Смоленская набережная (11), гастроном «Смоленский» (7), Смоленский переулок (3), 2-й Смоленский переулок, Смоленский вокзал, Смоленская-Сенная площадь, аптека «Смоленская» (по 1); **2)** Смоленское кладбище (100); Смоленский проспект (3); гостиница «Смоленская» (1). В целом пространённость данной тематической группы является показателем роли Смоленщины в истории России, поскольку составляющие её онимы называют объекты двух столиц, в которых увековечена память о Смоленской земле.

Дадим краткую характеристику онимов данной группы, расположив их в хронологическом порядке возникновения. **Смоленская улица** расположена между Смоленской площадью и Бородинским мостом, на западе центра Москвы, возникла в XVI в. как часть дороги на Смоленск, отчего и получила своё название [10]. **Смоленский рынок** В. А. Гиляровский в книге «Москва и москвичи» назвал «дитём чумы (1771)», на самом же деле рынок существовал уже с XVII в., когда занимал часть Садового кольца, название произошло от торговой дороги на Смоленск; в сер. 1920-х гг. XX в. рынок ликвидирован [11]. **Смоленская площадь** (расположена между Смоленской-Сенной площадью и улицей Чайковского) и **Смоленская-Сенная площадь** (находится между Смоленским бульваром и Смоленской площадью) – части Садо-

вого кольца на западе центра Москвы. Площади возникли в 20-х гг. XIX в. в районе бывшего Земляного вала, существовавшего с конца XVI в. до 1820-х гг. и имевшего напротив Арбата Арбатские (или Смоленские) ворота, от которых шла большая торговая Смоленская дорога; площади наименованы по названию располагавшихся на них рынков – Смоленского и Сенного соответственно [12]. **Смоленский бульвар** возник в 1820-е гг., после сноса Земляного вала, между Зубовской и Смоленской-Сенной площадью, на западе центра Москвы. Назван по дороге на Смоленск, проходившей в этом районе [13]. **Смоленская набережная** образовалась в XIX в., расположена на левом берегу Москвы-реки в районе Арбата между Смоленской улицей и площадью Свободной России; названа по прилегающей Смоленской улице [14]. **Смоленский переулок, 2-й Смоленский переулок** «сложились в результате исторического развития радиально-кольцевой планировки Москвы» в XIX в., названия произошли от названия соседней Смоленской улицы и площади [15]. **Смоленский вокзал** ныне не существует: так назывался современный Белорусский вокзал Москвы в 1870–1871 гг., название Смоленский он получил по наименованию первой своей железнодорожной ветки [16]. **«Смоленская»** – 1) станция метро Филёвской линии, открытая в 1935 г.; название произошло от того, что наземный вестибюль встроен в жилой дом на Смоленской площади; 2) станция Арбатско-Покровской линии, открытая в 1953 г.; название получила от того, что вестибюль расположен вблизи Смоленской площади [17]; в НКРЯ данный оним употреблён в обоих значениях. Следующие три онима называют «смоленские» объекты Москвы, открытые в XX – начале XXI в. и получившие название от места расположения на Смоленской площади или вблизи станции метро «Смоленская»: **гастроном «Смоленский»** открыт в 1936 г. в Москве на ул. Арбат, д. 54; **аптека «Смоленская»** открыта в 1992 г. в Москве на ул. Арбат, д. 55/32; **«Смоленский пассаж»** – современный торгово-офисный комплекс, открытый в 2008 г. на Смоленской площади, д. 3. С Петербургом связаны три онима данной тематической группы. **Смоленское кладбище** возникло в Санкт-Петербурге в 1756 г.; его название объясняется тем, что, по преданию, в первые годы строительства города на этом месте хоронили плотников и землекопов – выходцев из Смоленской губернии [18]. **Большой Смоленский проспект** проходит в Петербурге от проспекта Обуховской Обороны за улицу Седова: в нач. XVIII в. на Шлиссельбургском почтовом тракте возникла ямская слобода, куда по указу Петра I были переведены ямщики из Смоленской губернии, поэтому поселения ямщиков стали называть Смоленской ямской слободой; позже слобода превратилась в большое село, которое также именовали Смоленским, от него и ведётся название проспекта [19]. **Гостиница «Смоленская»** находилась в Ленинграде на Суворовском проспекте, 2; в ономастиконе современного Санкт-Петербурга такого названия гостиницы нами не выявлено.

В целом выявление и описание онимов тематической группы «Названия “смоленских” объектов других городов» способствует «расширению географии» смоленских имён и определению роли Смоленского края в истории России.

«Смоленские» онимы историко-культурного типа, выявленные нами в НКРЯ, могут быть представлены в виде 10 тематических групп:

2.1. Названия территориально-административных и территориальных единиц Смоленщины (11/416): **1) Смоленская область** (223), **Смоленская губерния** (141), **Смоленская земля** (25), **Смоленское княжество** (6), **Смоленская сторона**, **Смоленский край** (по 1); **2) Смоленский район** (8), **Смоленский уезд** (6); **3) Смоленская волость** (1); **4) Смоленская вотчина**, **Смоленский погост** (по 2).

Онимы данной группы нами разделены на четыре подгруппы: в первой, второй и третьей онимы расположены по убыванию площади называемых ими территорий; в четвёртой подгруппе отдельно выделены наименования *Смоленская вотчина* и *Смоленский погост*. Вотчина – «на Руси до 18 в.: родовое наследственное земельное владение» [20]. По замечанию Л. В. Алексеева, «письменные источники почти не сохранили сведений о возникновении смоленской вотчины, неясно, когда она возникла. <...> До захвата Смоленска Олегом (882 г.) им правили старейшины – выходцы местной родоплеменной знати кривичей. Знать эта, без сомнения, уже владела собственными земельными угодьями» [21]. Погост – «административно-территориальная единица на Руси, сохранявшаяся вплоть до 1775 г.» [22] О существовании погоста на Смоленской земле известно лишь из Устава Ростислава 1136 г., который основывается на источнике середины XI в., и можно полагать, что тогда этот термин здесь существовал. Однако следует особо отметить, что смоленским погостом именовали скорее не

систему поселений, а вид дани, которую исчезнувший древнерусский город Вержавск в 1136 г. платил в Смоленск [23]. Таким образом, в данной тематической группе представлены названия, отражающие фактически все этапы смоленской истории от Смоленского княжества, существовавшего в XII–XIV в., до Смоленской области, образованной в 1937 г.

2.2. Святые и священнослужители Смоленщины (12/119): **1** *Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (103), Авраамий Смоленский (5), Меркурий Смоленский (2), архиепископ Смоленский и Вяземский Феодосий, архимандрит Смоленский Симон, епископ Смоленский и Дорогобужский Нестор (Мелентьев), епископ Смоленский и Дорогобужский Пётр, епископ Смоленский Иоанн Соколов; 2 *епископ смоленский Парфений Сопковский, смоленский архимандрит Грефений, смоленский владыка Мануил, смоленский епископ Герасим (по 1).**

Онимы данной группы разделены нами на подгруппы на основании разной роли компонента **смоленский** в их составе: в первом случае он указывает на титул священнослужителя и пишется с большой буквы, во втором – называет Смоленский край как место служения. Особое место в данной группе занимают имена русских православных святых: *Авраамий Смоленский* (день памяти 21 августа) и *Меркурий Смоленский* (день памяти 24 ноября).

2.3. Названия топонимических объектов (8/75): **1** *Смоленская дорога (39); Смоленское поле (16); станция Смоленская, село Смоленское (по 7); Смоленская речка (2); 2 *смоленское Поднепровье (2); Смоленская возвышенность, смоленское Батищево (по 1).**

В данной группе нами объединены имена собственные с разным статусом прилагательного **смоленский**. В первой подгруппе оно является частью топонима, расположенного вне территории Смоленщины; география данных топонимов весьма широка, а культурный фон богат и разнообразен. *Старая смоленская дорога* – историческая дорога в Смоленской и Московской областях, соединявшая Московский Кремль и Смоленскую крепость, возникла в XIV–XV вв. [24] В составе фоновых знаний русской языковой личности данный топоним связан с песней Б. Окуджавы «По Смоленской дороге»: в материалах Русского ассоциативного словаря на стимул «по дороге» зафиксирована реакция «смоленской» [25]. Два онима подгруппы – *Смоленское поле* и *Смоленская речка (Смолёнка)* – называют объекты, расположенные в Санкт-Петербурге: поле получило название по тем же причинам, что и Смоленское кладбище (описано выше), а речку стали именовать по её близости данным объектам. *Станция Смоленская*, расположенная в Краснодарском крае, была основана в 1864 г. и первоначально называлась Афипской, в 1867 г. переименована в Смоленскую; по одной из версий, своё название станция получила в честь города Смоленска в память о его роли в войне с французами в 1812 г.; по другой версии, она названа так в честь квартировавшего здесь Смоленского полка, участвовавшего в Кавказской войне 1817–1864 гг. [26] *Село Смоленское* в Алтайском крае основано в 1759 г. как поселение отставных казаков и служилых людей; название получило от редута Смоленской Богоматери, в котором находилась контора, занимавшаяся делами военных поселенцев [27].

Во второй подгруппе нами объединены онимы, где компонент **смоленский** является указателем географической принадлежности Смоленской земле. *Смоленское Поднепровье*: Поднепровье – географический и исторический край, определяющийся бассейном реки Днепр, подразделяется на Верхнее, Среднее и Нижнее Поднепровье; Смоленский край относится к территории Верхнего Поднепровья [28]. *Смоленская возвышенность* протягивается от города Орши до верховьев рек Вори и Москвы, главным образом в Смоленской области [29]. *Смоленское Батищево* – деревня в Сафоновском районе Смоленской области, впервые упоминаемая в документах в 1627 г., во 2-й половине XIX в. получила широкую известность благодаря учёному, профессору химии А. Н. Энгельгардту; в годы Великой Отечественной войны деревня полностью сожжена [30].

2.4. «Смоленские» церкви, монастыри и иконы (8/40): **1** *Икона Смоленской Божией Матери (22), «Спас Смоленский и избранные святыни» (1); 2 *Смоленский Успенский кафедральный собор (5); 3* *Церковь Иконы Смоленской Богоматери в селе Выдропужск Тверской области (7); Смоленский собор Новодевичьего монастыря в Москве (2); Смоленская Зосимова пустынь на станции Арсаки Владимирской области, Смоленская церковь в Гордеевке Нижегородской области, Смоленский скит на острове Валаам в Карелии (по 1).**

Данная тематическая группа имеет в своём составе три подгруппы: 1) иконы; 2) церкви, расположенные на территории Смоленщины; 3) «смоленские» храмы вне территории Смоленщины. Для каждого объекта нами дополнительно указано место его расположения,

что вновь является показателем широты географии «смоленских» имён на карте России, смоленскими же данные церкви названы по названию иконы Смоленской Одигитрии.

2.5. Онимы, связанные с военной историей Смоленщины (17/35): **1)** *Смоленский полк, Смоленский путь Наполеона* (по 2), *3-й уланский Смоленский Императора Александра III полк, Смоленский внутренний гарнизонный батальон, Смоленский гарнизон, Смоленский инцидент, Смоленский отряд ВВ, Смоленский спецназ* (по 1); **2)** *Смоленская война* (2), *Смоленская армия, Смоленская наступательная операция, Смоленская перестрелка, Смоленская трагедия* (по 1); **3)** *Смоленское направление* (10), *Смоленское сражение* (7); **4)** *«Смоленские ворота», смоленские счёты Москвы с Речью Посполитой* (по 1).

Распространённость данной тематической группы закономерна: она отражает вклад города-героя Смоленска, города-ключа, щита, воина, западного рубежа России, в историю государства. Попутно отметим, что в Русском ассоциативном словаре в качестве реакции на стимул «битва» зафиксирован топоним Смоленск [31], что также отражает вклад города в военную историю страны. Подгруппы выделены по грамматическим особенностям апеллятива в составе многокомпонентного онима.

2.6. «Смоленские имена» (18/29): **1)** *смоленская метательница молота О. Кузенкова, смоленские дворяне Олексины, смоленский дворянин Потёмкин, смоленский дворянин Энгельгардт, смоленский купец Томилин, смоленский мещанин Яков Денисов, смоленский «новоявленный барин» Барышников, смоленский помещик Глинка, смоленский отшельник М. Пришвин, смоленский парень Ю. Гагарин* (по 1); **2)** *Голенищев-Кутузов-Смоленский* (9); *смоленский князь Воислав* (3); *Ростиславичи Смоленские, Смоленская ветвь Мономахова племени, смоленские племянники Ростиславичи, смоленский князь Владимир II Мономах, смоленский племянник Рюрик Ростиславович* (по 1); **3)** *А. А. Измайлов (Смоленский)* (2). В данной группе нами объединены три типа имён: 1) имена людей, родившихся и живших/живущих на Смоленщине; 2) имена людей (или семейных кланов), жизнь или деятельность которых связана со Смоленским краем; 3) имя беллетриста с псевдонимом Смоленский.

2.7. Смоленские издания и издательства (9/22): **1)** *«Смоленский Вестник»* (10), *«Житие Авраамия Смоленского», «Смоленские Епархиальные ведомости»* (по 2), *«Смоленские новости», Смоленская десятня, Смоленский сборник Добролюбова, Смоленский этнографический сборник* (по 1); **2)** *смоленский «Рабочий Путь», смоленское издательство «Русич»* (по 2). В первой подгруппе оттопонимное прилагательное **смоленский** входит в название, во второй – указывает на принадлежность к Смоленскому краю.

2.8. Достопримечательности Смоленщины (4/16): **1)** *Смоленский архив* (6), *Смоленский музей* (1); **2)** *Смоленская крепостная стена* (8); **3)** *смоленские «часы»* (1). Подгруппы внутри данной группы выделены по грамматическому принципу. Следует особо выделить оним смоленские «часы»: имеется в виду дом с часами на ул. Большая Советская, № 16/17, являющийся традиционным местом встреч смолян, что доказывает контекст в НКРЯ: *Учительница пересчитала нас, вывела к знаменитым смоленским «часам», под которыми назначалось большинство свиданий и откуда шло измерение на всех направлениях... [Борис Васильев. Оглянись на середине // Октябрь. 2003].*

2.9. «Смоленские» произведения науки и культуры (8/9): антисталинское воззвание *«Смоленский манифест»* (2); брошюра *«М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский»*, картина *«На смоленских холмах»*, стихотворение *«На Смоленском»*, песня *«По Смоленской дороге»*, статья *«По старой Смоленской дороге»*, танец *«Смоленский гусачок»*, термин *«на Смоленском направлении»* (по 1). В состав каждого онима группы нами включён родовой классификатор (картина, песня, танец и др.), что значительно облегчает первичное восприятие имени, однако каждый оним содержит богатейшую историко-культурную информацию, которая при необходимости может быть эксплицирована.

2.10. Смоленские имения (3/3): *Дугино* (имение Паниных-Мещерских) в Сычёвском районе, *имение Глинка* в Ельнинском районе, *имение Олексиных* в Новодугинском районе (по 1).

Таким образом, в составе НКРЯ нами были выявлены «смоленские» имена собственные бытового и историко-культурного типов, которые называют объекты, расположенные как на территории Смоленщины, так и за её пределами. Место расположения объектов, названных 55 онимами, по объективным причинам не может быть определено для антропонимов (18), сосредоточенных в группе «Смоленские имена», религионимов (12) группы «Святые и священнослужители Смоленщины», хремотонимов (8) группы «Смоленские» произведения

науки и культуры» и разноразрядных онимов (17), связанных с военной историей Смоленщины.

«Смоленские» названия мест вне территории Смоленского края (33 онима) представлены в тематических группах «Названия “смоленских” объектов других городов» и «“Смоленские” ж/д объекты и организации», а также частично в группах «Названия топонимических объектов» и «“Смоленские” церкви, монастыри и иконы».

Во всех остальных случаях онимы (88) называют объекты, расположенные на Смоленщине, в связи с чем интересно сопоставить данные имена с именами, которые сами смоляне ассоциируют со Смоленщиной. Смолянами было названо всего 38 из 88 онимов (43%), к ним относятся следующие имена (с целью систематизации материала онимы представлены в составе тематических групп; группы расположены по убыванию количества составляющих их единиц; в скобках для каждого онима указан индекс частотности реакций смолян):

– «смоленские имена» (8): Ю. А. Гагарин (596), М. И. Глинка (492), М. И. Кутузов (121); Г. А. Потёмкин (33), А. Н. Энгельгардт (18), Барышниковы (5), Владимир II Мономах (2), О. Кузенкова (1);

– учебные заведения (7): Смоленский государственный университет (96), Военная академия ВПВО ВС РФ, Смоленская государственная медицинская академия (по 24), Смоленский филиал Московского института МВД РФ (10), Смоленская государственная академия физической культуры спорта и туризма (7), Смоленская гимназия (4), Смоленская духовная семинария (1);

– производственные предприятия (6): «Кристалл» (46), «Бахус» (31), Смоленская АЭС (30), Авиационный завод (5), Полиграфкомбинат, «Смоленское пиво» (1);

– общественные учреждения (3): «Современник» (70), Смоленский вокзал (30), Смоленская психиатрическая больница (1);

– смоленские имения (3): имение Глинка (67), имение Олексиных (12), имение Паниных-Мещерских (7);

– достопримечательности Смоленщины (2): Смоленская Крепостная стена (695); смоленские «часы» (1);

– онимы, связанные с военной историей Смоленщины (2): Смоленский путь Наполеона, Смоленское сражение (1);

– священнослужители и святые Смоленщины (2): Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (47), Меркурий Смоленский (20);

– «смоленские» церкви, монастыри и иконы (2): Смоленский Успенский кафедральный собор (725), Икона Смоленской Божией Матери (6);

– территориально-административные единицы (2): Смоленская область (2), Смоленский район (1);

– названия топонимических объектов (1): Смоленская дорога (39).

Смолянами было названо менее 50% представленных в НКРЯ онимов, которые называют расположенные на Смоленщине объекты или имеют непосредственные «смоленские связи». Наибольшее количество «смоленских» онимов НКРЯ, названных смолянами, сосредоточено в группах «Смоленские имена», «Учебные заведения» и «Производственные предприятия». «Смоленские имена» называют известных людей, относящихся к различным сферам общественной жизни: космонавтика (Ю. А. Гагарин), музыка (М. И. Глинка), военное искусство (М. И. Кутузов, Г. А. Потёмкин) и др. Смолянами же были названы имена, относящиеся к сравнительно близким хронологическим периодам, а имена далёкой истории, например *Ростиславичи Смоленские*, забыты. С одной стороны, это вполне закономерно; с другой же стороны, подобные имена формируют «фоновые знания культурного наследия» (термин Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова), которые необходимо целенаправленно формировать. В целом необходимо отметить, что в НКРЯ представлены только 18 имён выдающихся личностей, имеющих эксплицитно выраженные «смоленские связи» при помощи компонента **смоленский**, хотя на самом деле, по нашим наблюдениям, в Корпусе представлено довольно много имён смолян. Особенности описания великих людей Смоленщины, представленных в НКРЯ в их связи с малой Родиной и без такой связи, может стать объектом самостоятельной работы.

Относительная распространённость тематических групп «Учебные заведения» и «Производственные предприятия» и совпадение составляющих их онимов в ответах смолян и в НКРЯ вполне объяснима, поскольку они сформированы онимами, относящимися к «актуальным фоновым знаниям» (термин Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова).

Таким образом, анализ представленности и особенностей функционирования онима в НКРЯ может быть эффективным методом выявления содержания ассоциативно-культурного фона данного онима и его места в общенациональном ономастическом пространстве. Представленное в настоящей работе исследование места «смоленских» имён собственных в структуре общенациональных (представленных в НКРЯ) и региональных фоновых знаний (выявленных методом ассоциативного эксперимента) необходимо для описания и структурирования состава фоновых знаний не только языковой личности смолянина, но и общерусской языковой личности. Материал данной работы имеет широкую сферу практического применения: от использования его при преподавании школьных региональных курсов и вузовских спецкурсов по ономастике и лингвокультурологии до составления различных справочников, словарей и пособий, призванных обозначить достойное место Смоленска в истории России.

Примечания

1. Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 6.
2. Захаров В. П. Корпусная лингвистика. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 23.
3. Герд А. С., Захаров В. П. Национальный корпус русского языка в свете проблем современной филологии // «Корпусная лингвистика – 2004». СПб.: СПбГУ, 2004. С. 122.
4. Рыжкина О. А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке (в сопоставлении с английским): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 10.
5. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Рус. яз., 1990. С. 41.
6. Максимчук Н. А. Классификационные признаки в комплексной характеристике ономастических единиц // Вестник СмолГУ. Т. 1. Смоленск: Маджента, 2007. С. 190.
7. Бубнова Н. В. Региональные ономастические фоновые знания современных смолян. Смоленск: Смоленская городская тип., 2013. 245 с.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. С. 101.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 15.03.2014).
10. Москва: Энциклопедия / гл. ред. С. О. Шмидт. М.: БРЭ, 1997. С. 623, 745, 746.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Электронная энциклопедия «Википедия». URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 1.07.2014).
15. Москва: Энциклопедия.
16. Электронная энциклопедия «Википедия».
17. Москва: Энциклопедия.
18. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Санкт-Петербурга. СПб.: Норинт, 2002. С. 230, 231, 303.
19. Там же.
20. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 100.
21. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. С. 116, 124.
22. Электронная энциклопедия «Википедия».
23. Алексеев Л. В. Указ. соч.
24. Электронная энциклопедия «Википедия».
25. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Астрель, АСТ, 2002. Т. 1. От стимула к реакции. С. 56–57; 464.
26. Харченко В., Харченко А., Кистеров А. У подножия Собера. История Северского района Краснодарского края. Ростов н/Д: Книга, 2005. С. 101.
27. Электронная энциклопедия «Википедия».
28. Там же.
29. БСЭ: в 30 т. М.: Сов. энцикл., 1976. Т. 23. С. 619.
30. Смоленская область: энциклопедия: в 2 т. Смоленск: СГПУ, 2003. Т. 2. С. 21.
31. Русский ассоциативный словарь.

Notes

1. Plungyan V.A. *Zachem nuzhen Nacional'nyj korpus russkogo yazyka? Neformal'noe vvedenie* [Why do we need a National corpus of the Russian language? Informal introduction] // *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: 2003–2005* - National corpus of the Russian language: 2003-2005. Moscow. Indrik. 2005. P. 6.
2. Zakharov V.P. *Korpusnaya lingvistika* [Corpus linguistics]. SPb. St. Petersburg state University. 2005. P. 23.
3. Gerd A. C., Zakharov V.P. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka v svete problem sovremennoj filologii* [National corpus of the Russian language in light of the problems of modern philology] // «*Korpusnaya lingvistika – 2004*»- "Corpus linguistics - 2004". SPb. St. Petersburg state University. 2004. P. 122.
4. Ryzhkina O. A. *Sistemnoe issledovanie zoomorfizmov v russkom yazyke (v sopostavlenii s anglijskim): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A systematic study of zoomorphism in the Russian language (as opposed to English): autoref. dis. ... cand. PhD]. Moscow. 1980. P. 10.
5. Vereshchagin E. M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow. Russian Language. 1990. P. 41.
6. Maksymchuk N. A. *Klassifikacionnye priznaki v kompleksnoj karakteristike onomasticheskikh edinic* [Classification features in a comprehensive characterization of onomastic units] // *Vestnik SmolGU* - Herald of the Smolensk State University. Vol. 1. Smolensk. Magenta. 2007. P. 190.
7. Bubnova N.V. *Regional'nye onomasticheskie fonovye znaniya sovremennykh smolyan* [Regional onomastic background knowledge of modern Smolensk people]. Smolensk. Smolensk city typ. 2013. 245 p.
8. Superanskaya A. C. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General theory of the proper name]. Moscow. Nauka. 1973. P. 101.
9. National corpus of the Russian language. Available at: http://ruscorpora.ru/search_main.html (date of access: 15.03.2014). (in Russ.)
10. Moscow: Encyclopedia / editor-in-chief S. O. Schmidt. Moscow. BRE. 1997. Pp. 623, 745, 746.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. The online encyclopedia "Wikipedia". Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (date of access: 1.07.2014). (in Russ.)
15. Moscow: Encyclopedia.
16. The online encyclopedia "Wikipedia".
17. Moscow: Encyclopedia.
18. Gorbachevich K. S., Hablo E. P. *Pochemu tak nazvany? O proiskhozhdenii nazvanij ulic, ploshchadej, ostrovov, rek i mostov Sankt Peterburga* [Why are they so called? About the origin of the names of streets, squares, Islands, rivers and bridges of St. Petersburg]. SPb. Norint. 2002. Pp. 230, 231, 303.
19. Ibid.
20. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow. Azbukovnik. 1999. P. 100.
21. Alekseev L. C. *Smolenskaya zemlya v IX–XIII vv. Ocherki istorii Smolenshchiny i Vostochnoj Belorussii* [Smolensk in the IX-XIII centuries. Essays on the history of Smolensk and Eastern Belarus]. Moscow. Nauka. 1980. Pp. 116, 124.
22. The online encyclopedia "Wikipedia".
23. Alekseev L. C. Op. cit.
24. The online encyclopedia "Wikipedia".
25. Russian associative dictionary: in 2 vol. / Ed. by Y. N. Karaulov. Moscow. Astrel, AST, 2002. Vol. 1. From stimulus to response. Pp. 56-57; 464.
26. Kharchenko V., Kharchenko, A., Kisterov A. *U podnozhiya Sobera. Istoriya Severskogo rajona Krasnodarskogo kraja* [At the foot of Sober. The history of the Seversky district of Krasnodar region]. Rostov n/D. Kniga. 2005. P. 101.
27. The online encyclopedia "Wikipedia".
28. Ibid.
29. BSE: in 30 vol. Moscow: Soviet encycl.. 1976. Vol. 23. P. 619.
30. Smolensk region: encyclopedia: in 2 vol. Smolensk: Smolensk State Pedagogical University. 2003. Vol. 2. P. 21.
31. Russian associative dictionary.

Классификация перцептивных типов русского слова

В данной работе автор раскрывает понятие системной частотности как частотности типа. Приводится классификация словоформ частотного словаря Национального корпуса русского языка. Критериями для классификации служат основные существенные лингвистические признаки, разработанные на основании концепции восприятия речи по существенным лингвистическим признакам А. С. Штерн и Л. Р. Зиндера и уточненные Т. Н. Чугаевой. На основании классификации определяются наиболее частотные перцептивные типы, обладающие наибольшей системной частотностью. В статье утверждается, что слова, относящиеся к данным типам, будут обладать когнитивными преимуществами, свойственными прототипам. Полученные данные могут быть использованы как лингвистами при исследовании процессов восприятия речи, так и преподавателями для составления комплексов упражнений при обучении русскому языку как иностранному.

In the present article the notion of systematic frequency is defined as type frequency. It gives classification of word forms from the frequency list based on National Russian Corpus. The criteria for the classification are significant linguistic features developed in the framework of significant linguistic features speech perception model by A.S. Shtern and L.R. Zinder and specified by T.N. Chugayeva. Classification yields the most frequent perceptive types which have the highest systematic frequency. The article claims that the words referring to these types are characterized by certain cognitive priority which is natural for prototypes. The acquired data can be used by linguists investigating the mechanisms of speech perception and by teachers for making exercises units while teaching Russian as a foreign language.

Ключевые слова: частотность, типичность, прототип, восприятие речи.

Keywords: frequency, typicalness, prototype, speech perception,

В настоящее время в исследованиях речевой деятельности категория частотности рассматривается как один из наиболее важных и влиятельных факторов [1]. С этой точки зрения речь представляется как вероятностный процесс, «т. е. процесс, основные закономерности которого описываются его статистическими характеристиками – распределением вероятностей элементов сообщения (фонем, слогов, слов, и т. д.) и их комбинаций» [2].

Частотность не просто находит отражение в структуре ментального лексикона, но является одним из основных параметров, определяющих его организацию [3]. Именно поэтому в подавляющем большинстве современных работ, посвященных восприятию речи, частотность рассматривается как фактор, оказывающий наибольшее влияние на идентификацию единиц [4].

В традиционном понимании частотностью называется «употребительность, распространенность в речи» [5], приписываемая отдельной языковой единице (фонеме, морфеме, слову и т. д.). Такая трактовка принимается большинством ученых и именно в таком понимании частотность фигурирует в большинстве работ. Есть, однако, альтернативные точки зрения на данную категорию.

Например, Дж. Байби предложил термин «typefrequency» [6]. В своих работах он утверждает, что для низкочастотных словоформ существенной будет являться не их собственная частотность, а частотность грамматического класса, в который она [словоформа] входит.

П. Менцерат в своей работе «Architectonik des deutschen Wortschatzes» [7] вводит понятие «системной» частотности. В своей работе он ставил задачу статистического описания фонетических типов немецкого слова [8]. Упорядочивание «словарной массы» он осуществляет по трем критериям – количеству слогов, количеству звуков и их последовательности [9]. Частотность конкретного слова, таким образом, определяется частотностью типа, к которому оно относится. Можно сказать, что под частотностью здесь понимается регулярность, повторяемость, каноничность формы, или ее типичность.

В качестве иллюстрации системной частотности, как ее понимает П. Менцерат, можем привести следующий пример. Известно, что в английском языке односложные слова структуры CVC (Пр.: big) являются более распространенными, чем двусложные слова структуры CVCV (Пр.: lovely) [10]. Из этого следует, что любое слово, относящееся к данному типу, обладает большей системной частотностью, чем любое двусложное слово вне зависимости от их «собственной» частотности.

О важности фактора типичности в организации ментального лексикона говорит А. А. Залевская: «...некоторые узлы более доступны, чем другие, и степень доступности узлов в сети определяются такими факторами, как частотность использования и типичность» [11].

Слово, относящееся к наиболее частотному, каноническому типу, приобретает статус прототипа, который по одной из моделей определяется как «лучший представитель («лучший пример») когнитивной или языковой категории» [12]. Ключевая особенность прототипа заключается в наличии определенных когнитивных преимуществ [13], поскольку, по словам О. В. Вышегородцевой, «прототипы быстрее распознаются, лучше усваиваются и запоминаются, чаще употребляются» [14].

Вышеприведенные цитаты подтверждаются результатами экспериментальных исследований С. Палмера и его коллег [15], в которых предъявляемые канонические виды были идентифицированы быстрее, чем неканонические, при этом скорость реакции увеличивалась по мере увеличения степени сходства предъявляемого образца с прототипом, т. е. чем ближе был предъявляемый образец к прототипу, тем быстрее он распознавался.

Первоначально термин «прототип» фигурировал исключительно в области семантики, однако нет никаких оснований полагать, что данное понятие не может быть использовано и в отношении формы слова.

Таким образом, можно предположить, что в словарном составе языка присутствуют лексические единицы, обладающие наибольшей системной частотностью (по П. Менцерату), т. е. по своим лингвистическим признакам являющиеся более типичными для данного языка. Такие слова приобретают статус прототипа и обладают когнитивными преимуществами.

В данной статье мы ставим задачу описать и сравнить наиболее частотные канонические перцептивные типы слова русского языка на основании статистической обработки данных частотных словарей. В качестве материала для исследования русского слова мы использовали частотный словарь словоформ на основе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), созданный для нашего исследования С. Шаровым [16].

«Корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме. Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п.» [17]. Национальный корпус русского языка характеризуется представительностью, или сбалансированным составом текстов: корпус содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.). Все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода. На сегодняшний день Национальный корпус русского языка содержит 76 882 текстов и 209 198 275 словоупотреблений.

Корпусы различных языков являются объектом изучения множества лингвистических дисциплин и, благодаря значительной выборке, являются достоверным источником сведений о языке. Именно верхние страты частотных словарей, созданных на основе корпусов, можно считать отражением того «инварианта», которым владеют все носители, которым следует руководствоваться при изучении словарного состава носителей языка при определении ключевых для данного языка характеристик.

В психолингвистической литературе принято различать словарь говорящего и словарь слушающего. Основная особенность словаря слушающего заключается в том, что его единицами являются не лексемы, а словоформы [18]. Во многих языках словоформы одной и той же лексемы могут значительно отличаться по форме благодаря изменению количества слогов и места ударения, что в свою очередь влечет за собой изменение качества гласных. Поэтому данные признаки в некоторых языках принято считать характеристиками не лексемы, а словоформы. Данные особенности потребовали бы включения в механизм распознавания специальных процедур перехода от словоформы к лексеме, что привело бы к снижению ско-

рости восприятия. Гораздо более экономичным способом является доступ к словоформе, хранящейся в перцептивной базе языка. Экспериментальные исследования доказывают реалистичность данного положения [19]. Учитывая данный факт, при анализе были использованы нелемматизированный частотный список.

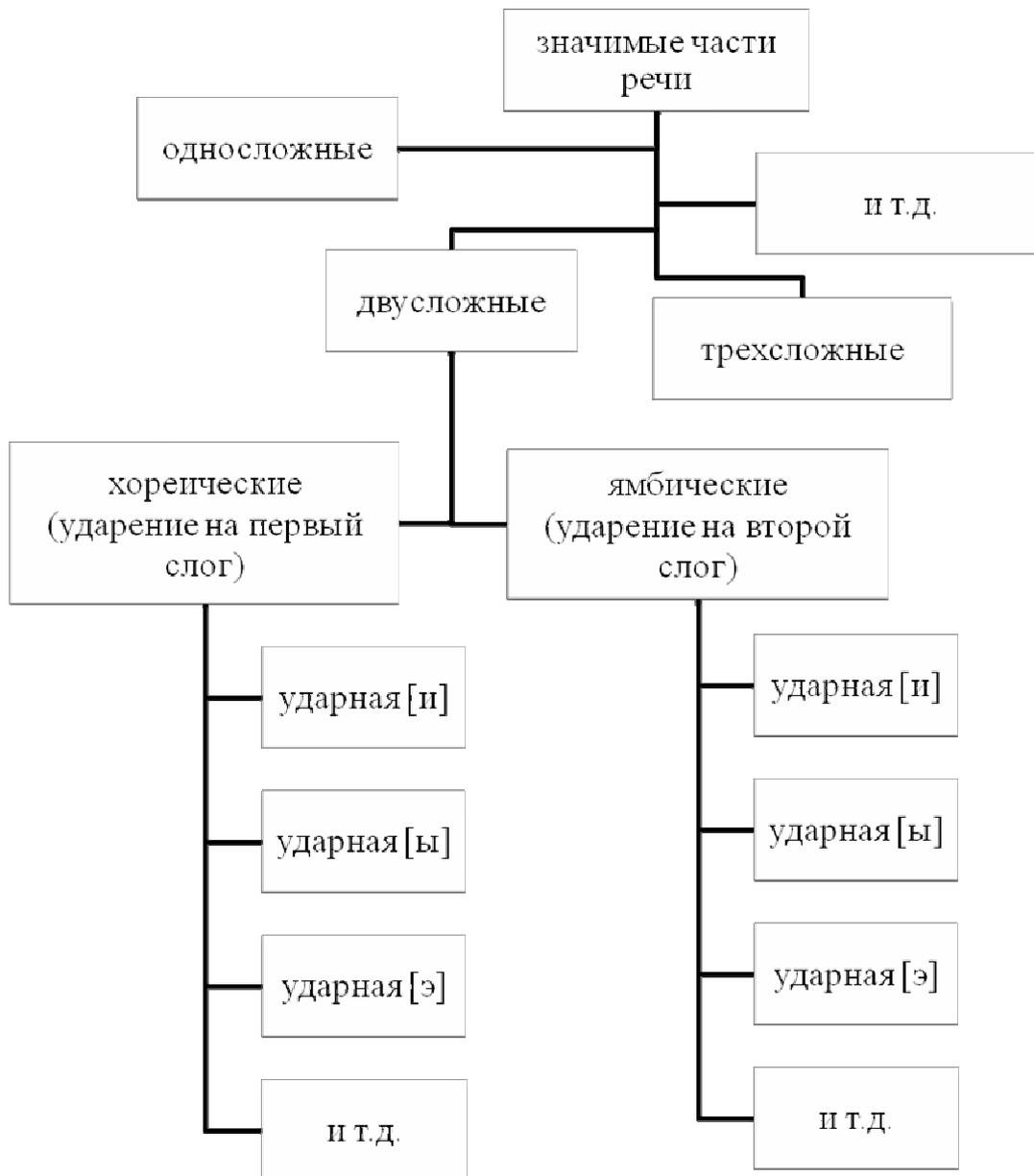

Рис. 1

Для исследования принципиально было определить тот объем слов, который будет считаться минимальным и основным набором. Установление границ частотных страт осуществлялось с учетом принципов частотной стратификации словаря, определенных Л. В. Малаховским [20]. Частотные зоны разграничивались на основе логарифмического масштаба: каждая зона охватывала диапазон, равный одному порядку, т. е. верхняя граница зоны характеризовалась частотой в 10 раз большей, чем нижняя. Таким образом, в список вошли слова с шести-, пяти- и четырехзначным индексом частотности.

Из словарей были отфильтрованы все имена собственные, аббревиатуры и буквы, но были оставлены географические названия. Далее из обоих списков были выбраны слова, представляющие значимые части речи, что и явилось объектом статистического анализа. В итоге в материал исследования вошло 7659 словоформ.

В качестве основания для классификации нами были выбраны существенные для восприятия лингвистические признаки слова как целостной единицы, выделенные в рамках исследований восприятия речи А. С. Штерн и Л. Р. Зиндера [21]. Такими признаками являются длина в слогах, ритмическая структура, ударная гласная и некоторые другие.

Схема классификации, таким образом, имеет следующий вид: сначала весь словарный состав делится по признаку «длина в слогах», затем каждый тип длины (за исключением односложных слов) делится по признаку «ритмическая структура», и последним критерием классификации служит ударная гласная. Схематически классификация представлена на рис. 1.

Первым этапом классификации было разделение по признаку «длина в слогах». Статистический подсчет показал преобладание трехсложных (34,7%) и двусложных (31,6%) слов. Далее следуют четырехсложные (18,6%), пятисложные (7,9%) и односложные слова (4,5%) (рис. 2).

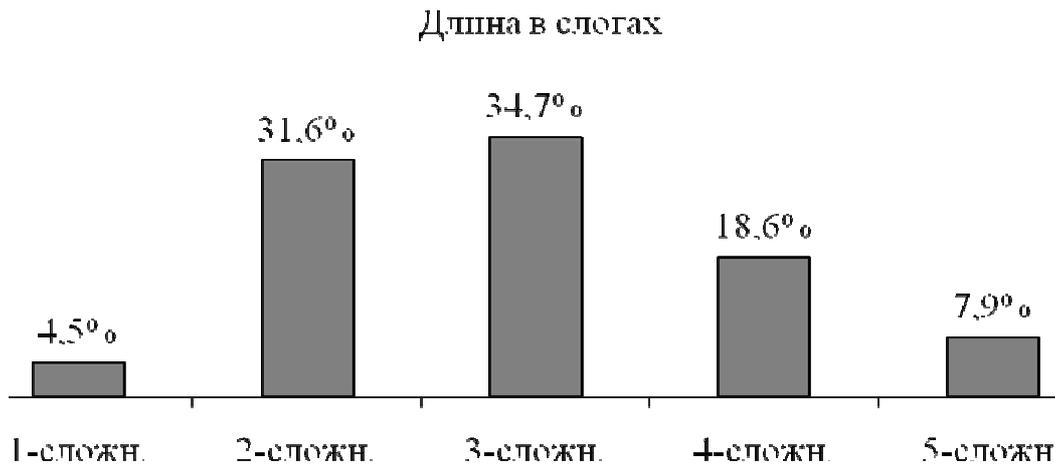

Рис. 2

При анализе двусложных слов словаря по признаку ритмическая структура было отмечено незначительное преобладание хореического типа (58,6%) над ямбическим (41,4%) (рис. 3).

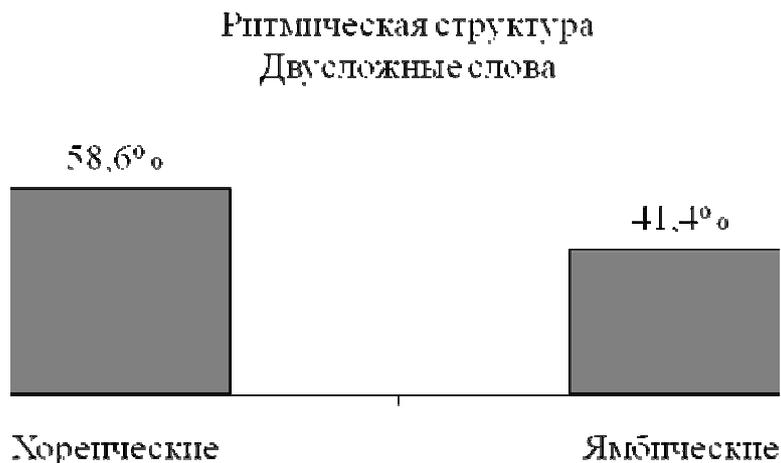

Рис. 3

Среди трехсложных слов большинство оказалось серединноударными (52,9%). Процентное соотношение начальноударных составило 28,5%, а кончноударных – 18,6% (рис. 4).

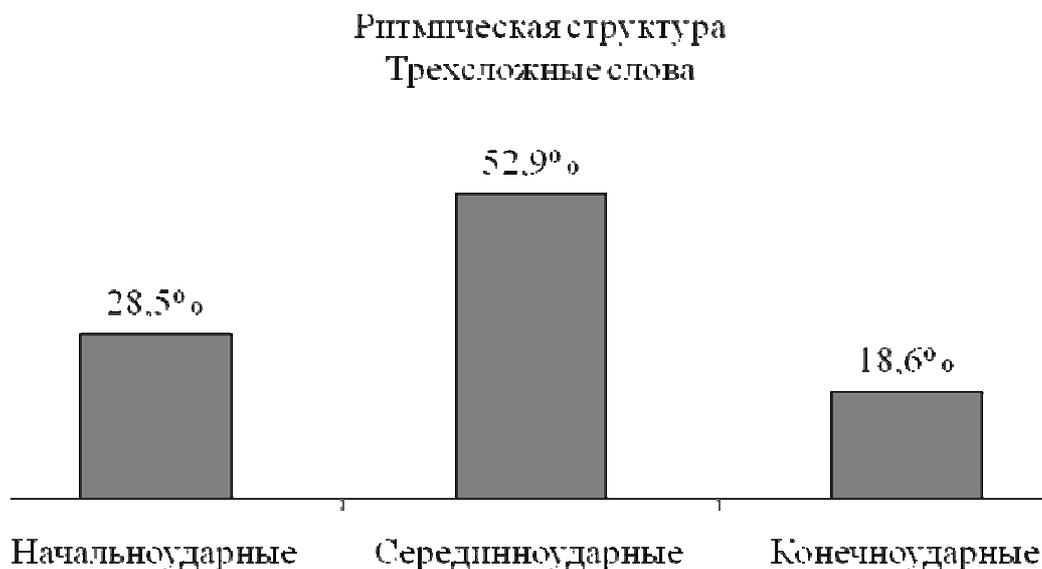

Рис. 4

Четырехсложные слова списка также оказались преимущественно серединноударными: процентное соотношение слов с ударением на второй слог составило 45,6%, на третий – 44,8%, на первый – 5,2%, на четвертый – 4,4% (рис. 5).

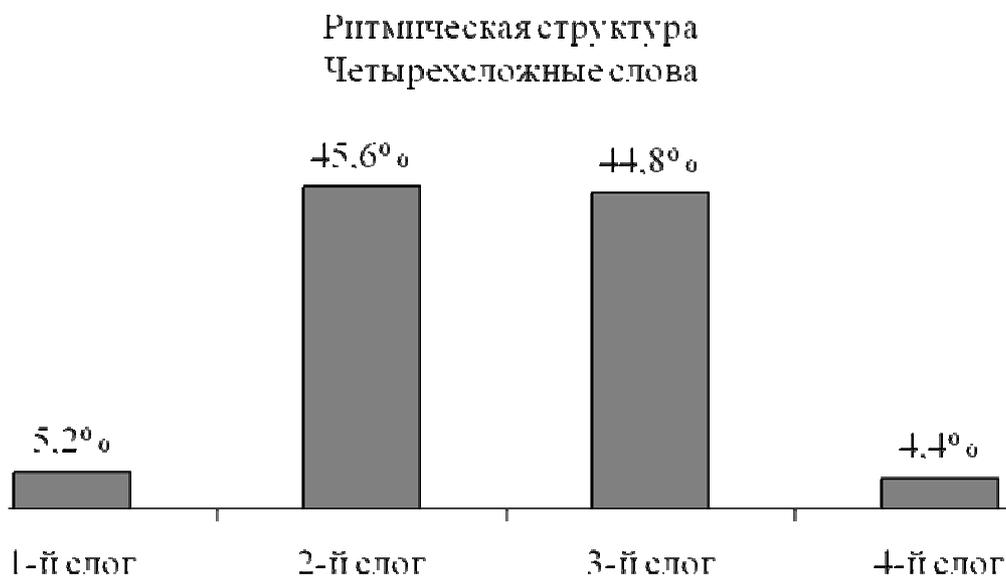

Рис. 5

Анализ пятисложных слов снова показал преобладание слов с ударением на середину слова, в данном случае на третий слог (69,3%). Слова с ударением на первый слог составили 2,3%, на второй – 11,1%, на четвертый – 16,5%, на пятый – 0,8% (см. рис. 6).

Ритмическая структура
Пятисложные слова

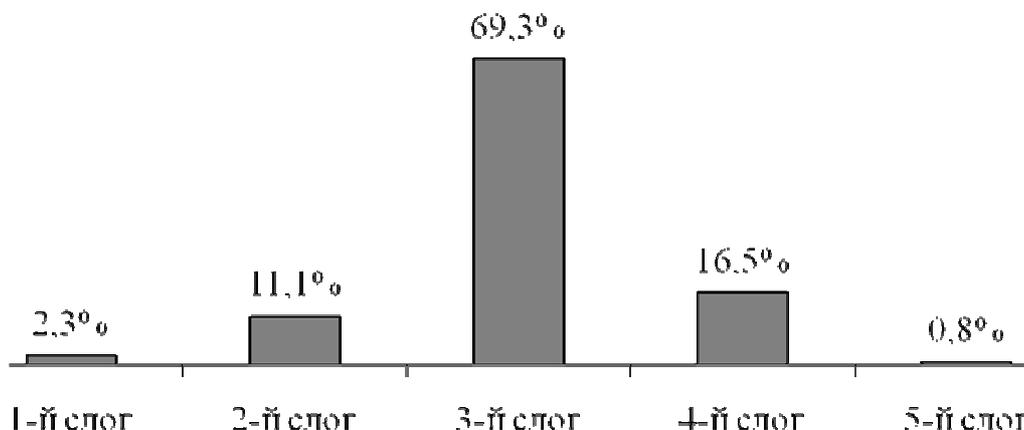

Рис. 6

Среди шестисложных слов в подавляющем большинстве слов (71,9%) ударение падает на четвертый слог. Доля слов с ударением на третий слог составляет 16,2%, на второй – 8,38%, на пятый – 5,73% (рис. 7).

Ритмическая структура
Шестисложные слова

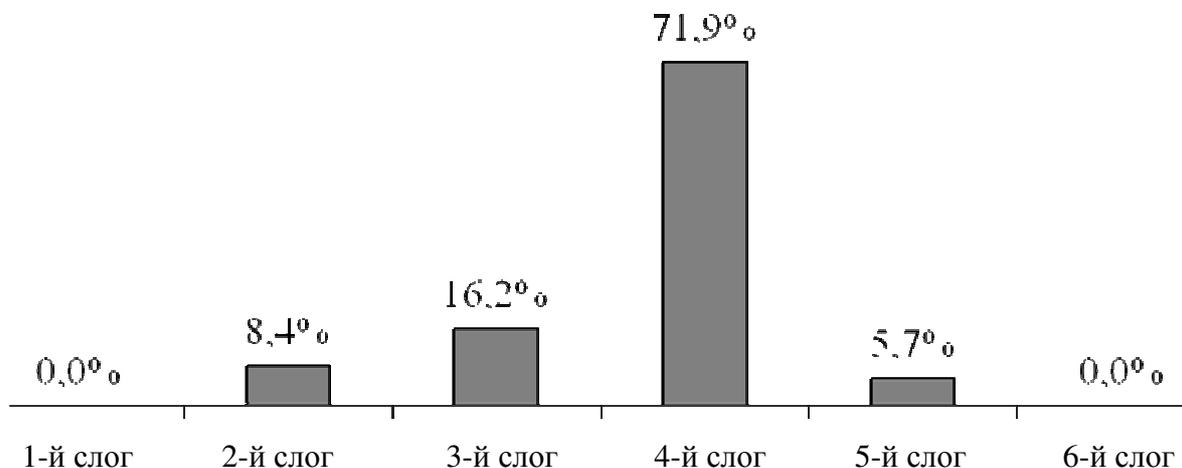

Рис. 7

Количество семи- и восьмисложных слов оказалось незначительным – 17 и 2 соответственно, и по этой причине мы не приводим статистические данные по этим типам.

Статистический анализ частотного списка словоформ по фактору ритмическая структура позволяет сделать следующие комплексные выводы.

Среди двусложных слов в русском языке выявить какую-либо тенденцию не представляется возможным, так как преобладание хореического типа над ямбическим не оказалось существенным. Что же касается слов большей длины, то здесь отмечается явное стремление ударения к середине слова.

Последним пунктом классификации служил признак ударная гласная, которых с точки зрения петербургской фонологической школы в русском языке насчитывается 6.

Ввиду ограничения по объему мы не можем в пределах данной статьи представить полный анализ соотношения ударных гласных фонем во всех типах ритмической структуры. Поэтому обратимся сразу к итогам нашей классификации перцептивных типов.

В результате данной классификации мы получили некоторые формальные схемы слов русского языка, являющиеся для него в большей или меньшей степени типичными. Такие схемы, вслед за Т. Н. Чугаевой [22], мы будем именовать «перцептивными типами». Словам, относящимся к тому или иному перцептивному типу, будет приписываться показатель системной частотности (по П. Менцерату), или типичности, в зависимости от места данного типа в иерархии.

В таблице представлены лишь наиболее распространенные перцептивные типы с процентной долей более 1%. Название типа кодируется следующим образом: длина в слогах – ритмическая структура (место ударения) – ударная гласная. Третий столбик таблицы демонстрирует количество слов данного типа в исследуемом материале. В четвертом столбике указывается процентное соотношение слов данного типа по отношению к общему числу слов в исследуемом материале. В пятом столбике указаны примеры слов, относящихся к данному перцептивному типу.

№	Тип	Количество	%	Примеры
1	2-сложн-1-О	378	4,94	только, может, очень, слово
2	3-сложн-2-А	375	4,9	сказала, руками, сначала
3	2-сложн-1-А	370	4,83	надо, каждый, значит, часто
4	3-сложн-2-О	362	4,73	сегодня, работа, ребенок
5	3-сложн-2-Е	318	4,15	конечно, имеет, процентов
6	2-сложн-1-Е	293	3,83	время, дело, вместе, цели
7	2-сложн-2-А	288	3,76	была, сказал, тогда, нельзя
8	4-сложн-3-А	268	3,5	оказалось, непонятно
9	2-сложн-2-О	237	3,09	потом, другой, еще, идет
10	3-сложн-1-О	198	2,585	более, голову, хочется
11	3-сложн-3-А	186	2,429	никогда, говорят, голова
12	3-сложн-1-А	178	2,324	главное, правило, всякие
13	4-сложн-2-А	178	2,324	является, достаточно
14	5-сложн-3-Е	176	2,298	население, отношение
15	3-сложн-2-И	174	2,272	другие, увидел, период
16	5-сложн-3-А	161	2,102	ситуация, информация
17	4-сложн-2-Е	159	2,076	поэтому, решение, наверное
18	3-сложн-1-Е	158	2,063	женщина, несколько
19	2-сложн-1-У	156	2,037	нужно, думал, люди
20	2-сложн-2-Е	154	2,011	уже, конце, теперь
21	2-сложн-2-И	145	1,893	один, почти, спросил
22	4-сложн-2-О	143	1,867	особенно, возможности
23	2-сложн-1-И	135	1,763	жизни, мира, видел
24	4-сложн-3-И	127	1,658	говорили, очевидно
25	3-сложн-3-И	112	1,462	говорит, получил, впереди
26	4-сложн-2-И	111	1,449	действительно, практически
27	4-сложн-3-О	108	1,410	происходит, осторожно
28	3-сложн-2-У	101	1,319	подумал, культуры
29	1-сложн-1-О	98	1,280	стол, мог, счет, вновь
30	1-сложн-1-А	90	1,175	раз, знал, мать, час, дня
31	2-сложн-2-У	88	1,149	году, могу, минут, хочу
32	4-сложн-3-Е	88	1,149	совершенно, человека
33	3-сложн-3-О	87	1,136	хорошо, головой, удалось
34	3-сложн-1-У	86	1,123	случае, думаю, улице

Исходя из принципов классификации, число возможных перцептивных типов в исследуемом материале составляет 216. Из них фактически было представлено 117. Типы в таблице располагаются достаточно плотно. Четыре наиболее распространенных типа обладают процентными показателями от 4,7 до 4,9%. К ним относятся двух- и трехсложные типы с ударной гласной [а] или [о]. Двусложные типы являются начальнударными, трехсложные типы – срединнударными. К данным типам относятся около 20% всех слов исследуемого материала, что увеличивает их системную значимость.

Первые односложные перцептивные типы оказались лишь на 29-м и 30-м местах иерархии. Это односложные типы с ударными гласными [о] и [а], имеющие процентные показатели 1,28% и 1,175% соответственно. Это свидетельствует об их невысокой системной значимости для перцептивного строя русского языка. Даже четырех- и пятисложные типы характеризуются большей системной частотностью и представленностью в верхней части таблицы.

Среди ударных гласных наибольшей распространенностью характеризуются фонемы [о] и [а], при несколько меньшей роли гласной [э]. Перцептивные типы, характеризующиеся ударной гласной [ы] в верхней части, совершенно отсутствуют. Наиболее распространенными перцептивными типами с ударной гласной [ы] являются двусложные хорейского и ямбического типа ритмической структуры, занимающие в иерархии 36-е и 37-е места и имеющие процентные показатели 0,979% и 0,953% соответственно.

Таким образом, результатом нашего исследования явилась полная классификация перцептивных типов слов русского языка, при помощи которой любому слову может быть приписан соответствующий его типу показатель системной частотности (по П. Менцерату), или типичности. Полученные данные помогают выявить наиболее представленные перцептивные типы русского слова, являющиеся прототипами словарного состава языка в перцептивном аспекте и обладающие когнитивными преимуществами при восприятии.

Полученные данные могут быть использованы лингвистами при исследовании процессов восприятия речи, а также учителями и методистами для составления комплексов упражнений по развитию аудитивных умений при обучении русскому языку как иностранному.

Примечания

1. Агибалов А. К. Вероятностная организация внутреннего лексикона человека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 19 с.; Андреев Н. Д., Зиндер Л. Р. О понятиях речевого акта, речи, речевой деятельности и языка // Вопросы языкознания. 1963. № 3. С. 15–21; Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов: Социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.; Кравец А. С. Природа вероятности. М., 1976; Углонова И. А. Субъективная оценка частоты слова и ее категоризация: онтолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2004. 194 с.; Фрумкина Р. М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М.: Наука, 1971. 168 с.; Чугаева Т. Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка: монография. Екатеринбург; Пермь: ПНЦ УрО РАН Пермь, 2007. 246 с.; Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: (экспериментальное исследование). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1992. 236 с.

2. Фрумкина Р. М. Указ. соч. С. 4.

3. Агибалов А. К. Указ. соч.; Залевская А. А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд. испр. и доп. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 2007. 560 с.; Риехакайнен Е. И. Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 26 с.

4. Риехакайнен Е. И. Указ. соч.; Чугаева Т. Н. Указ. соч.; Штерн А. С. Указ. соч.

5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. С. 513.

6. Bybee J. Regular Morphology and the Lexicon // Morphology. Critical Concepts, in Linguistics / ed.: F. Katamba. USA, Canada: Routledge, 2004 (1995). P. 41–70.

7. Menzerath P. Architektonik des deutschen Wortschatzes. Bonn, 1954. 131 S.

8. Ibid. С. 1.

9. Ibid. С. 7.

10. Чугаева Т. Н. Указ. соч.

11. Залевская А. А. Указ. соч. С. 246.

12. Вышегородцева О. В. Прототип // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон"1"» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 767.

13. Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind // Noun classes and categorization: Proceedings of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983 / ed. by Craig C. Amsterdam; Philadelphia, 1986. P. 32; Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике

языка // Структуры представления знаний в языке / отв. ред. Е. С. Кубрякова. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 41.

14. *Вышегородцева О. В.* Указ. соч. С. 768.

15. *Palmer S. E., Rosch E., Chase P.* Canonical perspective and the perception of objects // *Attention and performance IX*. N. J.: Hillsdale, 1981. P. 135–151.

16. *Шаров С.* Частотный список. URL: <http://smlc09.leeds.ac.uk/frqc/rnc2010-full-forms.num>, свободный.

17. British National Corpus. URL: natcorp@oucs.ox.ac.uk, свободный.

18. *Венцов А. В., Касевич В. Б., Ягунова Е. В.* Корпус русского языка и восприятие речи // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2003. № 6. С. 26.

19. *Венцов А. В., Касевич В. Б., Ягунова Е. В.* Указ. соч. С. 26; *Kassevich V. B., Ventsov A. V., Yaunova E. V.* The Simulatio of Continuous Text Percepual Segmentation: A Model for Automatic Segmentation of Written Text // *Language and Language Behavior*. 2000. Vol. 3(II). P. 48–59.

20. *Малаховский Л. В.* Принципы частотной стратификации словарного состава языка // Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., 1980. С. 99–105.

21. *Штерн А. С.* Указ. соч. 1992. 236 с.

22. *Чугаева Т. Н.* Указ. соч.

Notes

1. Agibalov A. K. *Veroyatnostnaya organizaciya vnutrennego leksikona cheloveka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Probabilistic internal human vocabulary: autoref. dis. ... cand. PhD.] SPb. 1995. 19 p.; Andreev N. D., Zinder L. R. *O ponyatiyah rechevogo akta, rechi, rechevoj deyatel'nosti i yazyka* [On the concepts of the speech act, speech, normal speech and language] / *Voprosy yazykoznaniya - Linguistic Questions*. 1963, No. 3, pp. 15–21; Erofeeva E. V. *Veroyatnostnye struktury idiomov: Sociolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of idioms: Sociolinguistic aspect]. Perm. Publishing house of Perm University. 2005. 320 p.; Kravets A. S. *Priroda veroyatnosti* [Nature of probability]. Moscow. 1976; Uglanova I. A. . *Sub"ektivnaya ocenka chastoty slova i ee kategorizaciya: ontolingvisticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Subjective assessment of the frequency of the word and its categorization: ecolinguistics aspect: dis. ... cand. PhD.] Perm. 2004. 194 p.; Frumkina R. M. *Veroyatnost' ehlementov teksta i rechevoe povedenie* [Probability of the elements of the text and speech behavior]. Moscow. Nauka. 1971. 168 p.; Chugaeva T.N. *Perceptivnyj aspekt zvukovogo stroya anglijskogo yazyka: monografiya* [Perceptual aspect of the sound system of English: monograph]. Ekaterinburg; Perm. Perm scientific center, Ural branch of RAS. Perm, 2007. 246 p.; Shtern A. S. *Perceptivnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti: (ehksperimental'noe issledovanie)* [Perceptual aspects of speech activity: (experimental study)]. SPb. St. Petersburg University Publ. 1992. 236 p.

2. Frumkin R. M. Op. cit. P. 4.

3. Agibalov A. K. Op. cit.; Zalewska A. A. *Vvedenie v psiholingvistiku: uchebnik* [Introduction to psycholinguistics: a textbook]. 2nd ed. Corr. and amend. Moscow. Russian State University of Humanities. 2007. 560 p.; Riehakainen I. E. *Vzaimodejstvie kontekstnoj predskazuemosti i chastotnosti v processe vospriyatiya spontannoj rechi (na materiale russkogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Interaction of contextual predictability and frequency of the recognition of spontaneous speech (in Russian language): author. dis. ... cand. PhD.] SPb. 2010. 26 p.

4. Riehakainen I. E. Op. cit.; Chugaeva T.N. Op. cit.; Shtern A.S. Op. cit.

5. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow. Sov. encycl. 1969. P. 513.

6. Bybee J. Regular Morphology and the Lexicon // *Morphology. Critical Concepts in Linguistics* / ed.: F. Katamba. USA, Canada: Routledge, 2004 (1995). Pp. 41–70.

7. Menzerath P. *Architektonik des deutschen Wortschatzes*. Bonn. 1954. 131 p.

8. Ibid. P. 1.

9. Ibid. P. 7.

10. Chugaeva T.N. Op. cit.

11. Zalewska A. A. Op. cit. P. 246.

12. Vyshegorodtseva O. V. *Prototip* [Prototype] // *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow. "Canon"1"" ROOI "Rehabilitation". 2009. P. 767.

13. Lakoff G. Classifiers as a reflection of mind // Noun classes and categorization: Proceedings of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983 / ed. by Craig C. Amsterdam; Philadelphia, 1986. P. 32; Demyankov V.Z. *Teoriya prototipov v semantike i pragmatike yazyka* [Theory of prototypes in the semantics and pragmatics of language] // *Struktury predstavleniya znaniy v yazyke - Structures of the knowledge representation in language* / resp. editor E. C. Kubrakova. Moscow. INION of RAS. 1994. P. 41.

14. Vyshegorodtseva O. V. Op. cit. P. 768.

15. Palmer, S. E., Rosch, E., Chase P. Canonical perspective and the perception of objects // *Attention and performance IX*. N. J.: Hillsdale. 1981. Pp. 135–151.

16. Sharov S. *Chastotnyj spisok* [Frequency list]. Available at: [http://smlc09.leeds.ac.uk/frqc/rnc2010 full forms.num free](http://smlc09.leeds.ac.uk/frqc/rnc2010_full_forms.num_free). (in Russ.)
17. British National Corpus. Available at: natcorp@oucs.ox.ac.uk free.
18. Ventsov A. V., Kasevich V. B., Yagunova E. B. *Korpus russkogo yazyka i vospriyatie rechi* [Case of the Russian language and speech perception] // *Nauchno tekhnicheskaya informaciya - Scientific and technical information. Ser. 2: Information processes and systems*. 2003, No. 6, p. 26.
19. Ventsov A. V., Kasevich V. B., Yagunova E. B. Op. cit. P. 26; Kassevich V. B., Ventsov A. V., E. V. Yagunova *The Simulatio of Continuous Text Percepual Segmentation: A Model for Automatic Segmentation of Written Text* // *Language and Language Behavior*. 2000, Vol. 3(II), pp. 48-59.
20. Malakhovsky L. V. *Principy chastotnoj stratifikacii slovarnogo sostava yazyka* [Principles of frequency stratification of vocabulary] // *Statistika rechi i avtomaticheskij analiz teksta - Statistics of speech and automatic text analysis*. Leningrad. 1980. Pp. 99-105.
21. Shtern A. S. Op. cit. 1992. 236 p.
22. Chugaeva T.N. Op. cit.

УДК 821.161.1-312.2

В. В. Двоеглазов

Идея «праведничества» в творческом сознании Н. М. Карамзина

В статье обсуждаются вопросы, связанные с определением и способами эстетического выражения этико-философской позиции писателя, который признается первым классиком XIX в. Центральной проблемой жизни и творчества Н. М. Карамзина является осозанный поиск универсального закона бытия, жизненной правды, реального воплощения идеала. Правда понимается художником как деятельное добро, подкрепляемое искренней любовью, верой в Бога и силой практического разума. Художник идейно создает тип героя-«праведника», который образно реализует авторский взгляд на содержание идеала. В творчестве Н. М. Карамзина обнаруживаются две основные формы «праведничества»: практическая реализация заповеди высшей любви и нравственное прозрение, «обращение» к правде.

The questions connected to definition and ways of aesthetic expression of an ethical and philosophical position of the writer which admits as the first classic of XIX century are discussed in this article. The realized search of the universal law of life, the *pravda* of life, a real embodiment of an ideal is the central problem of N.M.Karamzin's life and works. The *pravda* is understood by the writer as the active kindness supported with sincere love, belief in the God and force of practical reason. The author creates type of the hero of "righteous person" which figuratively realizes an author's view on the contents of an ideal. In N.M.Karamzin's works two basic forms of "righteousness" are found out: practical realization of a precept of the supreme love and a moral enlightenment, «reference» to the *pravda*.

Ключевые слова: правда бытия, тип героя-«праведника», формы «праведничества», идеал автора.

Keywords: the *pravda* of life, type of "righteous person", forms of "righteousness", the author's ideal.

Н. М. Карамзин признается одним из основателей русской классической литературы. Специалисты уверены, что «с именем и творчеством Карамзина связана окончательная переориентация русского эстетического сознания на новые принципы литературного творчества. <...> Именно Карамзин заложил основы русской литературы нового времени как искусства художественного слова» [1]. Литературное наследие художника-сентименталиста совместно с творческим гением А. С. Пушкина «стоит у истоков "новой" литературы» [2]. В рамках нашей темы имя Карамзина имеет особое значение: интересны художественно-философские взгляды автора, который, по словам Ю. М. Лотмана, «создавал русской культуре образцы Писателя и Человека, которые входили в сознание поколения, формируя личности и биографии других писателей» [3].

Характеристика мировоззренческой позиции Карамзина, его антропологических представлений вырастает на почве исследования общей эволюции этико-философских идей пи-

сателя [4]. Известно, что «Карамзин в конце 1780-х – начале 1790-х гг. не отрицает существование внешнего мира и даже не берет под сомнение его познаваемости, однако достоинство человека для него определяется не местом в этом мире (тем более не богатством или общественным положением), а душевными качествами»: человечностью, простотой, добротой [5]. Особо подчеркивается, что в творчестве Карамзина «оценка личности имеет ярко выраженный этический характер» [6].

Проявляя внимание к частной человеческой личности, понимая сложность ее организации, писатель стремится выяснить всеобщее: каковы истоки истинного характера человека, «как образуется благотворительность в сердце»? [7] Так обозначается главное качество Карамзина-художника, генетически связанное с изменениями в художественном познании XV–XVII вв. и одновременно открывающее типологическую перспективу развития русской классики: исследование глубин человеческой природы, поиск сущностной первоосновы бытия.

В. И. Федоров, обобщая многие исследовательские мнения, пишет: «Эстетические и мировоззренческие взгляды Карамзина формировались под воздействием двух полярных «систем» – масонства и просветительства. Это оставило заметный след в творчестве писателя» [8]. «Просветители, – считает Г. П. Макогоненко, – разбудили у Карамзина интерес к человеку как духовно богатой личности, чье нравственное достоинство не зависит от имущественного положения и сословной принадлежности» [9]. Следствие масонского влияния – авторский интерес к «духовной жизни человеческой личности», «ее нравственному преобразованию», осмысление «пути улучшения человеческого общежития» [10], вопрос о Боге [11]. Однако характер отношения к практике реальной жизни у писателя-сентименталиста и масонства оказался в определенный момент разным, разошлись пути восприятия действительности. Причина несовпадения четко определена Карамзиным: в масонстве «всё слова, а дела мало» [12].

Современные литературоведы, трактуя характер формального разрыва отношений Карамзина с масонством, вспоминают слова Ю. М. Лотмана: «Он отверг мистицизм и поиски таинственной истины ради истины явной и ясной <...> ради света, который ищут и который рождается из сомнений» [13]. Верно, с нашей точки зрения, исследовательское указание на то, что писатель всё-таки избирает особый путь в выборе жизненной философии, основанной на знании сущности онтологической правды: «Карамзин принимает практическую программу «личной благотворительности как общественной добродетели», продемонстрированную «масонской организацией» и, в частности, Н. И. Новиковым [14].

В своей теоретической работе «Разговор о счастье» (1797) Н. М. Карамзин оформляет многие жизненные наблюдения, обозначает собственное понимание истинного благополучия, соединяет человеческое и всемирное: «Натура и сердце – вот где надобно искать истинных приятностей, истинного возможного благополучия, которое должно быть общим добром человечества, не собственностью некоторых избранных людей: иначе мы имели бы право обвинять небо в пристрастии» [15]. Особенности авторского понимания правды жизни как добра, «явной истины» нашли отражение, безусловно, и в художественном творчестве. Образная структура очерка «Фрол Силин, благодетельный человек» (1791) раскрывает те нравственно-философские идеи, взгляды, которые рождались в сознании художника, волновали его и более всего соответствовали внутренним убеждениям писателя.

Наука в отношении данного произведения располагает сведениями текстологического, интерпретационного характера [16]. Наша задача – рассмотреть произведение как художественное единство в системе этико-философских взглядов автора: писательского поиска и выражения идеала человека и человеческих отношений.

В абсолютном начале произведения звучит панегирическая авторская оценка заглавного героя: «Пусть Вергилии прославляют Августов! Пусть красноречивые льстецы хвалят великодушные знатных! Я хочу хвалить Фрола Силина, простого поселянина, и хвала моя будет состоять в описании дел его, мне известных» [17].

Подобное введение требует разъяснения причин, подтолкнувших художника к поэтическому воспеванию доброты «простого поселянина».

Безусловно, появление текста обусловлено авторским желанием разговора об особом человеческом характере. Исключительность личности персонажа воссоздается путем постепенной реконструкции этической ситуации, позволившей автору возвеличить, а герою проявить глубинные сущностные силы: «Вместо того, чтобы продавать хлеб свой по дорогой цене и, пользуясь случаем, разбогатеть вдруг, он созвал беднейших из жителей своей дерев-

ни и сказал: “Послушайте, братцы! Вам теперь нужда в хлебе, а у меня его много; пойдем на гумно; пособите мне обмолотить скирда четыре и возьмите себе, сколько вам надобно на весь год”» [18].

Видимое автором трудолюбие крестьянина согласуется с проявляемым «великодушием» героя, которое признается «редким явлением» «и в городах и в селах» [19]. При особой положительной оценке поведения персонажа с целью усиления художественного эффекта автор использует устойчивое стилистическое сочетание, подчеркивающее крайнюю степень человеческого восхищения, – крестьяне «остолбенели от удивления».

Постепенное раскрытие содержания удивительных «добрых дел» Фрола Силина (бескорыстная помощь погорельцам, выкуп крепостных) приводит читателя к обнаружению сознательных убеждений и чувств, организующих деятельность героя. Автор раскрывает первопричину появления таких чувств, мировоззренческую основу убеждений человека: «Бог велит давать просящим» [20]. Религиозность Фрола Силина подчеркивается сдержанно, она естественно растворяется в творимом деле – братском отношении к ближним: «Бедные из других жительствов приходили к нему и просили хлеба. Добрый Фрол назвал их братьями своими и ни одному не отказывал» [21]. Поэтому ощутимая и явная переключка с евангельским текстом («вера без дел мертва есть», «преломи и даждь»), думается, не случайна. Действие по слову Божьему, сознательная вера в бытие абсолютного добра позволяют говорить о литературном герое как авторском христианском «праведнике».

Исследователи не раз говорили об исключительном, почти нереальном характере повествования. Так, ещё Н. И. Греч при перепечатке произведения отметил «романтический» (вымышленный) характер повествования [22]. К примеру, отказ Фрола от возвращения долгового зерна крестьянами действительно художественно окрашен идеализированным пафосом. Однако доказанный учеными и утверждаемый самим писателем факт реального существования «добродетельного крестьянина» [23] связывает факт жизни с областью эстетики, предвосхищает наблюдения мыслителей первой половины XIX в. над конкретными формами бытия идеала: «Идеалы скрываются в действительности; они – не произвольная игра фантазии, не выдумки, не мечты; и в то же время идеалы – не список с действительности, а угаданная умом и воспроизведенная фантазией возможность того или другого явления» [24].

Таким образом, «соединение жизни и поэзии» происходит на личностном уровне. Появление такого синтеза связано с художественной идеализацией сферы реального случая, «стремлением понять человека в перспективе вечности» [25]; выражается авторская вера во всемирное преображение действительности бытием реального «праведника». Такое мнение подтверждается как высоким риторическим введением, последовательным сюжетным изображением, так и содержанием абсолютной концовки произведения. Сопоставляя деяния «мужей великих» Вестминстерского аббатства и поступки заглавного героя, автор не только духовно возвышает образ Фрола, но и отдает ему явное предпочтение, придает всечеловеческий масштаб значению его жизни: «С покрытою головою не пройду я мимо сего места; но без слез сердечных не прошел бы я мимо храма, посвященного добрым гениям человечества, – и в сем храме надлежало бы соорудить памятник Фролу Силину» [26].

Карамзин, вернувшись из заграничной поездки 1789–1790 гг. с «некоторыми новыми опытами, с некоторыми новыми знаниями, с живейшей способностью чувствовать красоты физического и нравственного мира» [27], создает повесть о «благодетельном человеке».

Основой положительного человеческого бытия, благополучия, по замыслу автора, должны стать не только трудолюбие, всецелая отдача «власти земли» [28], но и великодушие, доброе начало, заложенное в человеке и испытываемое им к миру при осознании бытия Абсолюта. Такое начало, по мнению автора, более заметно в «простом человеке», крестьянине, который совмещает в своей личностной структуре «патриархальный характер человека из народа, его кротость, его христианские добродетели, его верноподданнические чувства» [29], способность к деятельности. Добро, преобразуемое в дело, по автору, является высшей правдой жизни. В принципах художественной обрисовки персонажа, образно утверждающего такую истину, социальное соединяется с философско-антропологическим, вечным. «В этом смысле его [Карамзина] можно назвать первым классиком русской литературы XIX века» [30], который самостоятельно осмыслил высокую духовную истину, выразил суть авторского понимания «праведничества» в художественной форме – сознательно соединил христианскую любовь и практику жизни.

По мнению исследователей, талант Карамзина-сентименталиста сильнее всего раскрылся в повестях («Бедная Лиза», «Деревня», «Юлия»). «Фрол Силин, благодетельный человек» своим содержанием претендует на «перерастание» в «литературно обработанную повесть» [31]. Заглавный герой очерка, авторский «праведник», может быть охарактеризован как человек с изначально воспитанным, установленным и практически реализованным сознательным ощущением правды жизни. Содержание правды определяется сферой иррациональной, чувственной и духовной: она включает в себя веру в Бога и любовь к ближнему, проявляющуюся в братском отношении ко всякому нуждающемуся. Однако, по воле автора, состояние «праведничества» как проявление сущностной истины органично связано с требованиями практического разума: реальный труд, опытная смекалка становятся бытовой опорой жизни, соединяющейся с высшим духовным чувством.

Литературоведы отмечают: «Карамзин прежде всего был прозаиком, то есть, точнее сказать, поэтом в прозе» [32]. Позднее подобное лирическое свойство прозы будет отмечено в качестве основной черты стиля И. С. Тургенева. Оба автора в разных конкретно-исторических ситуациях, с особенными типами индивидуального сознания и самостоятельными творческими силами стремятся к сложному соединению поэтического изображения высоких чувств с образами реальности, узнаваемыми жизненными характерами и ситуациями. Так, Карамзин открыто говорит о высоком чувстве любви, естественном для «простых людей». Однако личность дворянина также не лишена, по наблюдениям художника, проявлений высших природных задатков личности. Яркой иллюстрацией такой мысли является художественная обрисовка образа Эраста в повести «Бедная Лиза» (1792), которая, по мнению В. Н. Топорова, «стоит у самых истоков новой русской прозы» [33], является «неким прецедентом, отныне предполагающим – по мере усложнения, углубления и тем самым восхождения к новым высотам – творческое возвращение к нему, обеспечивающее продолжение традиции через открытие новых художественных пространств» [34]. Исследователь также отмечает, что после появления повести «Бедная Лиза» автор возвращался к описанной в этом произведении ситуации и образам-характерам, что, безусловно, выдавало «нечто глубоко интимное и личное» в отношении художника к своим персонажам [35].

Современная критика, вслед за автором, справедливо говорит о неоднозначности интерпретации выделенного характера [36]. Обоснованным кажется мнение, согласно которому молодой человек, соблазнитель, наделяется сложным характером: с одной стороны, герою не чужды чувство красоты, поэтического отношения к жизни. Он потенциально способен испытывать «чистые наслаждения» в моменты общения с природой. Такая возможность открывается для героя под влиянием растущего чувства любви к крестьянке Лизе, человеку, свободно соединяющему в своем внутреннем мире красоту окружающей «натуры» с высокой поэзией искреннего самоотдания душевному порыву: «Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из нее вышла. На лице и во всех ее движениях обнаруживалась сердечная радость. “Он меня любит!” – думала она и восхищалась сею мыслию. “Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли”» [37].

С другой стороны, Эраст не в силах противостоять жизненным испытаниям: в ситуации безвыходного материального положения он повинуется велению «слабого и ветреного сердца» – соглашается на жизненное благополучие, подкрепленное деньгами «пожилой богатой вдовы». Герой не отказывается от естественного чувства любви, испытываемого к Лизе. Но голос сердца заглушается в решающую минуту.

Чувство вины, страдания, испытываемые героем после трагической гибели героини, по воле автора, обнаруживают существование особого высшего нравственного закона, действующего в сознании, в сердце человека. Со смертью Лизы виновник «оценил подлинный смысл своей жизненной встречи с ней»; «бедная Лиза своей смертью помогла ему осознать происшедшее, свою жизнь, свой грех» [38]. Эраст художественно реализует типичный образ кающегося грешника, «обращающегося праведника». Однако характер покаяния молодого человека выходит за пределы церковно-религиозной традиции. В рамках художественной формы раскрываются особенности земного, сентиментально-романтического раскаяния, искренне переживаемого в душе, «нравственного прозрения», реализуемого во внешних проявлениях (в частности, исповедальных формах речи).

Автор обращает внимание читателей на излишнюю сентиментальность Эраста («Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь твоих чувств?»), глубокую погруженность Лизы в чувство, мысленно доходящую до романтического самозабвения («Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!»). Прямым оценочным текстом автор говорит о греховности поведения героев, сожалеет о нравственном падении героини: «Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где твоя невинность?». Тем не менее сохраняется вера в искренность и истинность чувств и переживаний героев; жива надежда на высшую справедливость в отношении судьбы Лизы и Эраста, их оправданность высшим судом: «Когда мы там, в новой жизни, увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза <...> Теперь, может быть, они уже примирились» [39]. «Эта надежда на примирение Лизы и Эраста, живущая в сердце автора-рассказчика, после того, как печальная история бедной Лизы давно завершена, а ее участники в могиле, – считает В. Н. Топоров, – ставит последний, завершающий акцент нарративной структуры повести <...> придает повести Карамзина ее высший смысл» [40].

Пытаясь указать на характер будущей жизни героев, автор повести проникает в сферу идеальную, надмирную, романтическую по эстетической сути: «В своей поэзии он [Карамзин] во многом подготовлял романтическое видение мира и жанровые новообразования» [41]. Поэтому справедливо утверждение Ю. М. Лотмана: «Жуковский, Батюшков, Вяземский, а позже И. Киреевский, славянофилы, в какой-то мере Чаадаев, а в исторической перспективе – Достоевский – вот имена деятелей, которые так или иначе связаны с карамзинской традицией» [42].

В новых конкретно-исторических условиях, на новой мировоззренческой почве творчество Н. М. Карамзина развивало существующие онтологические идеи. Развитие осуществлялось путем осмысления значения иррациональных, религиозно-философских откровений в контексте просветительских антропологических представлений. По мнению автора «Фрола Силина» и «Бедной Лизы», человек, с присущей ему автономией чувств и разума, сознательно или интуитивно включен в сферу иного измерения. Поступки субъекта являются не только результатом выражения его собственной сознательной воли или велений сердца. Поведение человека также детерминировано ощущением присутствия высшего бытийного закона (правды), нарушение которого подразумевает неотвратимость наказания и возможность возрождения. Соблюдение высшего закона, подкрепленное земным деланием, трудом, личной активностью, дарует основу счастья, благополучия. Искренность раскаяния помогает духовному преображению личности, соединению с высшим началом жизни.

Примечания

1. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М., 2008. С. 366.
2. Петрова Л. М. И.С.Тургенев: истоки, традиции, новаторство. Орел, 2008. С. 4.
3. Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 306.
4. Буранок О. М. Русская литература XVIII века. М., 2002. С. 267–290; Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 312–348; Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М., 2005.
5. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 441.
6. Там же.
7. Цит. по: Степанов В. П. Повесть Карамзина «Фрол Силин» // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л., 1969. С. 241.
8. Федоров В. И. История русской литературы XVIII века. М., 1982. С. 291.
9. Макогоненко Г. П. Пути литературы века // Русская литература XVIII века / сост. Г. П. Макогоненко. Л., 1970. С. 41.
10. Степанов В. П. Указ. соч. С. 233.
11. Серман И. З. Указ. соч. С. 249–251.
12. Цит. по: Степанов В. П. Указ. соч. С. 236.
13. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 42.
14. Степанов В. П. Указ. соч. С. 240.
15. Цит. по: Серман И. З. Указ. соч. С. 260–261.
16. Степанов В. П. Указ. соч.; Федоров В. И. Указ. соч. С. 301–302; Никольский С. А., Филимонов В. П. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М., 2008 С. 106.
17. Русская литература XVIII века / сост. Г. П. Макогоненко. Л., 1970. С. 688.
18. Там же.
19. Там же.

20. Там же.
21. Там же.
22. Степанов В. П. Указ. соч. С. 230.
23. Там же. С. 230–231.
24. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 8. С. 89.
25. Курляндская Г. Б. Эстетический мир И. С. Тургенева. Орел, 1994. С. 12.
26. Русская литература XVIII века. Л., 1970. С. 689.
27. Цит. по: Степанов В. П. Указ. соч. С. 239.
28. Никольский С. А., Филимонов В. П. Указ. соч. С. 106.
29. Максимов Д. Е. Тема простого человека в лирике Лермонтова // Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. Л., 1964. С. 117.
30. Лебедева О. Б. Указ. соч. С. 398.
31. Степанов В. П. Указ. соч. С. 230.
32. Буранок О. М. Указ. соч. С. 278.
33. Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М., 1995. С. 8.
34. Там же. С. 6.
35. Там же. С. 156.
36. Петрова Л. М. Указ. соч. С. 5; Топоров В. Н. Указ. соч.
37. Русская литература XVIII века. Л., 1970. С. 692
38. Топоров В. Н. Указ. соч. С. 295.
39. Русская литература XVIII века. С. 695.
40. Топоров В. Н. Указ. соч. С. 203.
41. Федоров В. И. Указ. соч. С. 295.
42. Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 348.

Notes

1. Lebedeva O. B. *Istoriya russkoj literatury XVIII veka* [History of Russian literature of the XVIII century]. Moscow. 2008. P. 366.
2. Petrova L. M. *I.S.Turgenev: istoki, tradicii, novatorstvo* [I. S. Turgenev: origins, tradition and innovation]. Orel. 2008. P. 4.
3. Lotman Y. M. *Karamzin* [Karamzin]. SPb. 1997. P. 306.
4. Buranok O. M. *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian literature of the XVIII century]. Moscow. 2002. Pp. 267-290; Lotman Y. M. Op. cit. Pp. 312-348; Sherman I. Z. *Literaturnoe delo Karamzina* [Literary matter of Karamzin]. Moscow. 2005.
5. Lotman Y. M. Op. cit. P. 441.
6. Ibid.
7. Cit. by: V.P. Stepanov *Povest' Karamzina «Frol Silin»* [Karamzin 's Story "Frol Silin"] // *Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka* - Derzhavin and Karamzin in the literary movement of the XVIII - beginning of XIX century. Leningrad. 1969. P. 241.
8. Fedorov V.I. *Istoriya russkoj literatury XVIII veka* [History of Russian literature of the XVIII century]. Moscow. 1982. P. 291.
9. Makogonenko G.P. *Puti literatury veka* [Paths of literature of the century] // *Russkaya literatura XVIII veka* - Russian literature of the XVIII century / ed. G. P. Makogonenko. Leningrad. 1970. P. 41.
10. Stepanov B. N. Op. cit. P. 233.
11. Sherman I. Z. Op. cit. Pp. 249-251.
12. Cit. by: Stepanov V.P. Op. cit. P. 236.
13. Lotman Y. M. Op. cit. P. 42.
14. Stepanov B. N. Op. cit. P. 240.
15. Cit. by: Sherman I. Z. Op. cit. Pp. 260-261.
16. Stepanov V.P. Op. cit.; Fedorov V.I. Op. cit. Pp. 301-302; Nikolsky S. A., V.P. Filimonov *Smysly i cennosti rossijskoj zhizni v otechestvennoj literature i filosofii XVIII – serediny XIX stoletiya* [The meanings and values of Russian life in the Russian literature and philosophy of the XVIII - XIX centuries]. Moscow. 2008. P. 106.
17. Russian literature of the XVIII century / ed. G. P. Makogonenko. Leningrad. 1970. P. 688. (in Russ.)
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Ibid.
22. Stepanov V.P. Op. cit. P. 230.
23. Ibid. Pp. 230-231.
24. Belinsky V.G. Complete works: in 13 vol. Moscow. 1953-1959. Vol. 8. P. 89.
25. Kurlandskaya G.B. *EHsteticheskij mir I. S. Turgeneva* [Aesthetic world of I. S. Turgenev]. Orel. 1994. P. 12.

26. Russian literature of the XVIII century. Leningrad. 1970. P. 689. (in Russ.)
27. Cit. by: Stepanov V.P. Op. cit. P. 239.
28. Nikolsky S. A., Filimonov V.P. Op. cit. P. 106.
29. Maksimov D. E. *Tema prostogo cheloveka v lirike Lermontova* [Theme of the common man in the lyrics of Lermontov] // Maksimov D. E. *Poehziya Lermontova - Poetry Of Lermontov*. Leningrad. 1964. P. 117.
30. Lebedeva O. B. Op. cit. P. 398.
31. Stepanov B. P. Op. cit. P. 230.
32. Buranok O. M. Op. cit. P. 278.
33. Toporov V.N. «*Bednaya Liza*» Karamzina. *Opyt prochteniya* ["Poor Liza" of Karamzin. The experience of reading]. Moscow. 1995. P. 8.
34. Ibid. P. 6.
35. Ibid. P. 156.
36. Petrova L. M. Op. cit. P. 5; Toporov V.N. Op. cit.
37. Russian literature of the XVIII century. Leningrad. 1970. P. 692. (in Russ.)
38. Toporov V.N. Op. cit. P. 295.
39. Russian literature of the XVIII century. P. 695. (in Russ.)
40. Toporov V.N. Op. cit. P. 203.
41. Fedorov V.I. Op. cit. P. 295.
42. Lotman Y. M. Op. cit. P. 348.

УДК 82.083

А. М. Лобин

История и революция в творчестве Б. Акунина (на материале цикла романов «Приключения Эраста Фандорина»)

Вопрос о причинах Октябрьской революции и ее роли в истории России является одним из самых актуальных и спорных для общественного исторического сознания современной России. Он рассматривается на всех уровнях исторического дискурса, в том числе и в исторической беллетристике. Оценка революции стала одной из ведущих тем в ретродетективах Б. Акунина (Г. Чхартишвили) из цикла «Приключения Эраста Фандорина». Данная статья посвящена исследованию концепции истории Б. Акунина. Анализ сюжета и системы персонажей в этих романах приводит к выводу: авторская оценка революции основана на морально-этических критериях, поэтому Б. Акунин считает недопустимыми насильственные методы как охраны, так и переустройства общества, но признает их законность, обусловленную социальным кризисом предреволюционной России.

The issue of the causes of the Russian revolution and its role in the history of the country is an urgent and at the same time controversial one for the general public in Russia today. It is being discussed at all the levels of historical discourse including historical fiction. It is also central for B.Akunun's (G. Tchkhartishvili's) retro novels of *Erast Fandorin's Adventures* cycle. The current article analyses B'Akunun's concept of history. Investigating the plot and the system of characters the author comes to the conclusion that B. Akunin applies moral criteria in his evaluation of the role of the Russian revolution. As a consequence, he objects to conserving, as well as reforming, the society by force but at the same time admits the inevitability of using force in the situation of deepening crisis in pre-revolutionary Russia.

Ключевые слова: беллетристика Б. Акунина. История и революция.

Keywords: B. Akunun's fiction. History and revolution.

Борис Акунин (Г. Чхартишвили) является одним из наиболее успешных авторов современной исторической беллетристики. Популярность его ретродетективов объясняется не только признанно высоким качеством текста, но и наличием в его творчестве определенной идеологии, соответствующей запросам российского «среднего класса» как наиболее активной части современной читательской аудитории. Характеристику этой социальной группы еще в 2001 г. дала критик И. Роднянская: «Это основательные, обеспеченные, продуктивные

люди, для которых натренированность ума, цивилизованность вкуса, эрудированность в рамках классического минимума так же желанны, как здоровая пища, достойная одежда и занятия в фитнес-центрах... бодрая готовность к безотказному функционированию плохо совместима с разными там метафизическими запинками вроде вопросов жизни и смерти. Хотя отлично совмещается с любопытством к таинственному и чудесному, развеивающему скуку, не навеявая тревоги» [1].

Художественная идеология, создаваемая в рамках такого мироощущения, обладает собственной спецификой: «Это направление ориентировано на конструктивное и по возможности скорое решение актуальных социальных противоречий сегодняшней России. Главный конфликт... есть борьба цивилизации терпимого и разумного улучшения... и цивилизации нетерпимого и бесчеловечного разрушения» [2]. Современный коммерческий автор всегда ориентируется на запросы своей целевой группы, поэтому по произведениям современных беллетристов «уместнее судить о состоянии национального духа, нежели о талантах или бесталанности писателей, эти книги создающих» [3]. Произведения Б. Акунина вполне соответствуют заявленным базовым константам, одной из основных составляющих которой является общее представление о роли и сущности Революции 1917 г. как одного из наиболее трагических событий в истории России. Более того, они эту идеологию не только выражают, но и формируют, оформляя господствующие в общественном сознании мнения в конкретные художественные образы.

Наиболее масштабным литературным проектом Г. Чхартишвили является цикл романов о «Приключениях Эраста Фандорина», действие в котором начинается в 1876 г. («Азазель») (тексты романов «Азазель» (далее – Аз), «Турецкий гамбит» (далее – ТГ), «Статский советник» (далее – СС), «Алмазная колесница» (далее – АК) и «Черный город» (далее – ЧГ) цитируются по изданиям 1998–2012 гг., выпущенным издательством «Захаров») и заканчивается в 1914-м («Черный город»). Таким образом, Б. Акунин отразил здесь всю эпоху пореформенной России, начиная от конца царствования Александра II и заканчивая последним благополучным годом правления Николая II. События Октябрьской революции здесь не нашли своего непосредственного отражения, однако автор последовательно изображает рост революционных настроений в России, поэтому тема революции в этом сериале является одной из наиболее значимых.

Ее репрезентации непосредственно посвящены романы «Статский советник», «Алмазная колесница» и «Черный город», хотя вопрос о революции, конечно, возникает гораздо раньше, уже в романах «Азазель» и «Турецкий гамбит». Но в первых произведениях речь идет о революции вообще, а не именно в России, и здесь нет еще собственно российского исторического материала. В этих романах автор через посредство своих героев высказывает самое общее мнение о пагубности революции как пути общественного развития и ее же закономерности, как результата несправедливого устройства общества: «...*несправедливое устройство общества приведет к иной, кровавой революции, которая отбросит человечество на несколько веков назад*» (Аз, 197); «*спасение не в революции, а в эволюции... Надо помочь силам разума и терпимости взять верх, иначе Землю в скором будущем ждут тяжкие и ненужные потрясения*» (ТГ, 193).

И наиболее вероятным источником таких потрясений автор называет именно Россию: «...*в России революционеры уже начали постреливать. А скоро начнется настоящая тайная война... Идеалистически настроенные юноши и девушки станут взрывать дворцы, поезда и кареты. А там, кроме реакционера-министра или злодея-губернатора, неминуемо окажутся неповинные люди – родственники, помощники, слуги. Но ради идеи ничего, можно. Дайте срок. Будут ваши идеалисты и вкрадываться в доверие, и шпионить, и обманывать, и убивать отступников – и все из-за идеи*» (ТГ, 193). Таким образом, в основе исторической концепции автора лежит противопоставление естественной бескровной эволюции общества и насильственного его переустройства методами революционного или государственного произвола.

В последующих романах автор развивает эти идеи уже на конкретном историческом материале. Так, его роман «Статский советник» посвящен описанию революционной борьбы 1890-х гг., причем здесь Б. Акунин обратился к одной из наиболее популярных тем русской литературы – «революционеры и охранка». В этом романе Боевая Группа народовольцев под руководством революционера по кличке Грин осуществляет ряд террористических актов: казнь генерала Храпова и полковника Сверчинского, а также ограбление перевозящей день-

ги кареты, в ходе которого были убиты чиновник-экспедитор и двое охранников. Кроме того, при покушении на Сверчинского погибли посторонняя женщина и ее сын-гимназист, а в ходе неудачной попытки захвата Боевой Группы – начальник Охранного отделения Москвы Бурляев и трое его агентов. Но и террористическая группа (около десяти человек) была в конечном итоге уничтожена полностью. Счет погибших, таким образом, составляет более двадцати человек, а завершает его полковник Глеб Георгиевич Пожарский, ставший последней жертвой в цепи этих кровавых событий. Успехи Боевой Группы Грина объяснялись тем фактом, что ее деятельностью негласно руководил уже упомянутый вице-директор Департамента полиции Пожарский.

Созданный автором сюжет основан на реальных исторических событиях, в частности на деятельности полковника жандармерии Г. П. Судейкина, который с помощью перевербованного им террориста-народовольца Дегаева пытался контролировать деятельность революционеров. Ему приписывается подготовка убийства ряда влиятельных лиц, в том числе министра внутренних дел графа Толстого, препятствовавшего карьере Судейкина. Но этим планам не суждено было сбыться, так как сам Судейкин был вскоре убит террористами во главе с Дегаевым.

В романе «Статский советник» автор демонстрирует усиление конфронтации русского общества, которой не было в его первых романах, причем причиной этой конфронтации в равной степени является и репрессивная политика властей, и нетерпимость революционеров. Внутренняя политика Александра III, в сравнении с реформаторской деятельностью его отца, действительно отличалась заметной антилиберальной направленностью, но и в изображении революционного подполья автор столь же критичен. Его революционеры безжалостно убивают провокаторов и агентов охраны, не останавливаясь перед случайными жертвами: «...террористы... приносят свою жизнь в жертву и потому вправе требовать жертв от других. Они убивают немногих ради благоденствия миллионов!» (СС, 177). Полковник Пожарский рассуждает практически так же: «Это не та война, в которой применимы правила... Здесь воюют по всей безжалостной азиатской науке... Мы – тонкий заслон, сдерживающий злобную тупую стихию» (СС, 150–151). И эта роль защитника от неминуемой катастрофы также освобождает его от обязанности соблюдать любые законы: «Я – человек, который может спасти Россию. Потому что я умен, смел и лишен сантиментов. Мои враги многочисленны и сильны: с одной стороны, фанатики бунта, с другой – тупые и косные борозы в генеральских мундирах» (СС, 270), – объясняет он Фандорину.

Демонстрация взаимной неправоты и революционеров, и охранителей устоев занимает в романе «Статский советник» центральное место. Эту этическую проблему допустимости насилия для искоренения зла или провокации и беззакония для защиты общества от революционного хаоса автор решает на всех уровнях текста, в том числе и на уровне системы персонажей. Здесь представляется уместным процитировать еще одно высказывание Фандорина: «...вечная беда России. Все в ней перепутано. Добро защищают дураки и мерзавцы, зло служат мученики и герои» (СС, 178). Здесь, конечно же, есть явное преувеличение: и в революционном подполье, и в рядах защитников престола встречаются самые разные люди.

Так, в число «защитников» кроме беспринципного карьериста Пожарского входят и благородный сыщик Фандорин, и ротмистр Смольянинов, искренне полагающий, что «мы [жандармский корпус. – А. Л.] должны искоренять беззаконие и защищать слабых» (СС, 282), и бывший революционер Зубцов, ставший не просто сотрудником Охранного отделения, но и инициатором легальных экономических реформ. И в революционном подполье у Акунина также встречаются самые разные люди: кокотка Жюли (оказавшаяся двойным агентом), провокаторы Ларионов и роковая женщина по кличке Диана, налетчик Козырь, а также случайная личность авантюрного склада, бывший корнет Селезнев, которого «влекло по жизни любопытство... заставляя попробовать и того блюда, и этого – чем острее и прянее, тем лучше» (СС, 51).

Количественный подсчет подлинно идейных боевиков, так же как и честных служащих Охранки, сам по себе еще не отражает авторской концепции, хотя мнение Л. Лурье: «...народовольцы... вызывают у автора романа больше симпатии, чем правительственная свора» [4] – представляется вполне обоснованным. Наиболее полно концепцию личности настоящего революционера Б. Акунин воплотил в образе Григория Гринберга, главы БГ, взявшего кличку Грин в память о цареубийце Гриневецком. Грин заявлен автором как фанатик

террора, обладатель таких качеств, как *«стальная воля, богатырская сила, безупречная чистота»* (СС, 42), причем *«воля досталась ему от рождения, надо было только ее развить»* (СС, 42) – что он и сделал еще в юности, используя хрестоматийные методы Рахметова: работал на мельнице, учился стрелять, закалял себя голодом и холодом. Все это он делал, чтобы сыграть *«роль спички, которая, сгорев, дает начало большому огню»* (СС, 42), который станет средством преобразования общества, нуждающегося *«в периодическом взбалтывании, имя которому революция»* (СС, 42).

Следует отметить, что к этим идеям он пришел вполне самостоятельно, но все же не без влияния внешних причин: в ходе уже упомянутых контрреформ Александра III, его отец, аптекарь Гринберг, как и множество других евреев, был выслан обратно за черту оседлости, а сам Григорий, соответственно, был исключен из гимназии. Но его натура *«была устроена так, чтобы откликаться на злобную тупую несправедливость искренним недоумением, которое... завершалось неодолимой жаждой ответного действия»* (СС, 41). Далее в его биографии были каторга, несколько побегов, эмиграция, создание Боевой Группы и ряд успешных террористических актов, проведенных, однако, с тайной помощью Пожарского.

В изображении Б. Акуниным командира БГ нельзя не отметить некоторой идеализации: Грин не позволил уголовнику Козырю убить убегающего кучера ограбленной кареты, он полагал, что *«лучше поверить предателю, чем оттолкнуть товарища»* (СС, 101) – эти, и многие другие факты показывают, что в основе этого образа лежат врожденное благородство и установка на обязательное самопожертвование как источник пресловутой железной воли. Благородство, жертвенность и воля даны ему, как уже было сказано, от природы, но развивались и закалялись эти качества в конкретно-исторических условиях, таким образом, превращение Григория Гринберга в Грина во многом определялось влиянием среды, когда *«бытие определило сознание»*, и процесс этого превращения описан автором кратко, но исчерпывающе.

Следует признать, что в «Статском советнике» беллетристу Акунину удалось воплотить достаточно сложную и неоднозначную картину революционного движения в России, хотя и не лишенную фактических неточностей: описанный им разгул террора был характерен скорее для начала XX в., а в царствование Александра III произошло резкое уменьшение протестных выступлений, пошла на спад и террористическая активность. После убийства Александра II было лишь одно удавшееся покушение народовольцев в 1882 г. на одесского прокурора Стрельникова и одно неудавшееся в 1884 г. на самого Александра III.

Картина все усиливающейся конфронтации в русском обществе широко представлена и в романе «Алмазная колесница», где главный герой противостоит целой японской шпионской сети, действующей в контакте с революционным подпольем. Главой этой сети является некий штабс-капитан Рыбников [демонстративная отсылка к одноименному произведению А. Куприна. – А. Л.], организовавший ряд диверсий на российских железных дорогах в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также обеспечивший оружием московский пролетариат для грядущего восстания в Москве.

Новым здесь является образ России: *«Россия тяжело болела, ее лихорадило, бросало то в жар, то в холод, из пор сочился кровавый пот, и дело здесь было не только в японской войне. Война лишь выявила то, что и так было ясно всякому думающему человеку: империя превратилась в анахронизм, в зажившегося на свете динозавра с огромным телом и слишком маленькой головой. То есть по размерам-то голова была здоровенная, раздутая множеством министерств и комитетов, но в этой башке прятался крохотный и не отягощенный извилинами мозг. Всякое хоть сколько-то важное решение, любое движение неповоротливой туши было невозможно без воли одного-единственного человека, который, увы, и сам был не семи пядей во лбу. Но даже если бы он был титаном мысли, разве возможно в век электричества, радио, рентгена управлять огромной страной единолично, да еще в перерывах между лаун-теннисом и охотой?.. Вот и шатало бедного российского динозавра, могучие лапы заплетались, тысячеверстный хвост бессмысленно волочился по земле. Сбоку наскакивал, вырывая куски мяса, юркий хищник нового поколения, а в недрах исполинского организма разрасталась смертоносная опухоль. Чем лечить больного великана, Фандорин не знал, но уж во всяком случае не бомбами – от сотрясения маленький мозг ящера и вовсе ошалает, исполинское тело задержается в панических конвульсиях, и Россия умрет»* (АК, 52) – так рассуждает Фандорин в 1905 г.

«Смертоносной опухолью» в данном случае является революционное подполье, которое также заметно деградировало за прошедшие годы. Если либералам 1870-х гг. были свойственны еще патриотические чувства, а народолюбцам 1990-х – разборчивость в средствах и установка на самопожертвование, то эсеровский террорист по кличке Дрозд, революционер нового поколения, о самопожертвовании уже не мечтает. Он давно отбросил этические принципы, казавшиеся необходимыми народолюбцу Грину и его товарищам, и готов сотрудничать с врагами собственной страны: *«Нас с вами объединяет лишь одно, – презрительно сказал эсэр [японскому шпиону Рыбникову. – А. Л.]. – Отсутствие буржуазных сантиментов. Только у нас, революционеров, их уже нет – перешагнули, а у вас, молодых хищников, их еще нет – не доросли. Вы используете нас, мы используем вас, однако вы мне, господин самурай, не ровня. Вы не более чем винтик в машине, а я – архитектор Завтрашнего Дня, ясно?»* (АК, 95).

Изменились и масштабы революционной деятельности – если двадцатью годами ранее для Грина каждый человек был на счету, то в 1905 г. счет идет уже на тысячи: *«В городе [Москве. – А. Л.] двести тысяч голодных, озлобленных нуждой рабочих. Уж десять-то тысяч бесшабашных голов среди них сыщутся, было бы оружие. Одна искра – и рабочие кварталы вмиг оцетинятся баррикадами»* (АК, 84). В «Алмазной колеснице» России и миру угрожают уже не «азазели», стремящиеся установить тайную власть интеллектуальной элиты, а стихия слепого и бессмысленного разрушения: *«Фандорин думал о страшной опасности... нависшей над всем тысячелетним государством. Черные толпы, вооруженные японскими (или какими там) винтовками, стянут переулки удавкой баррикад. С окраин к центру поползет бесформенное кровавое пятно. Начнется затяжная, лютая резня, в которой победителей не будет, лишь мертвецы и проигравшие... Главный враг всей жизни Эраста Петровича, бессмысленный и дикий Хаос паялся на инженера бельмастыми глазами темных окон, скалился гнилой пастью подворотен. Разумная, цивилизованная жизнь сжалась в ломкую проволочку фонарей, беззачитно мерцающих вдоль тротуара»* (АК, 150).

Это ощущение надвигающегося Хаоса и образ «больной» России становится основным содержанием концепции истории Б. Акунина в романе «Алмазная колесница», а в последнем романе «Черный город» его представление о России и Революции находит окончательное воплощение. Катастрофичность описываемого художественного мира ощущается уже на фабульном уровне, и «Черный город» было бы правильнее называть не детективом, а боевиком. Действие начинается с успешного убийства полковника Спиридонова, начальника царской охраны, затем следуют несколько покушений на Фандорина, похищение ребенка, захват заложников, организация всеобщей забастовки, диверсия на Насосной станции и многое другое: погони, драки, перестрелки, переодевания и провокации. Эраст Петрович раз за разом побеждает террористов, освобождает заложников, догоняет преступников, предотвращает взрыв – и тем не менее в конечном итоге проигрывает.

И это не случайность, а закономерный итог, поскольку в этот раз против него и всей Российской империи выступают единым фронтом нефтепромышленники, революционеры, уголовный мир и иностранные разведки. Такое могло произойти только в предреволюционном Баку, где *«вращаются очень большие, притом шальные деньги... Нефтяные бароны грызутся между собой из-за барышей; тюрки и армяне враждуют; очень развит обычай кровной мести; повсюду шныряют иностранные агенты; революционеры всех оттенков занимаются экспроприациями и вымогательством, а кроме того, город кишит обыкновенными уголовниками»* (ЧГ, 36).

В этом «черном городе» происходит окончательная криминализация российских предпринимателей и революционного подполья, действующих во многих случаях рука об руку. Новая система финансирования революционных партий строилась уже не на экспроприациях – *«шума от такого финансирования было много, а проку мало...»* (ЧГ, 84), а на *«добровольных взносах» от крупного капитала. Ведь нефтяной бизнес так уязвим – одна спичка, и от сверхприбыльного предприятия остаются головешки. Это только один из методов, а есть и другие, не менее доходные»* (ЧГ, 85). Не менее доходным методом стало, в частности, похищение детей, так, *«за сына Абылгазиевых эсеры взяли триста тысяч»* (ЧГ, 183).

При этом революционная деятельность на нефтепромыслах неожиданно оказывается выгодной и для дельцов: *«...забастовка грозит перерасти во всеобщую... промыслы останавливаются один за другим... цены на нефть из-за дефицита растут»* (ЧГ, 105). В этой ситуации нефтяные магнаты выступают единым фронтом за продолжение забастовки, поэтому, когда

одна из наиболее успешных нефтепромышленниц идет на уступки бастующим, «коллеги» организуют похищение ее сына, вынуждая прервать переговоры со стачечным комитетом.

К союзу капиталистов, революционеров и уголовников примыкает и полиция: «...с денежными мешками стараемся ладить, на их шалости смотрим сквозь пальцы. А за это Совет Съезда нефтепромышленников... ежегодно жертвует на содержание полиции шестьсот тысяч. У нас самый распоследний городской получает восемь сотен в год, не считая столовых, дровяных и всякого рода бакшишей...» (ЧГ, 106) – откровенничает полковник Шубин, заместитель градоначальника.

Коррупцированные полицейские появляются в последнем романе Б. Акунина далеко не впервые: традиционно брали взятки околоточные на Хитровке, их пристав обкладывал данью проституток и скупщиков краденого, а более высокие чины столь же традиционно злоупотребляли «неподотчетными суммами». Но бакинские правоохранители образца 1914 г. невыгодно отличаются от московской криминальной полиции и Охранного отделения еще и полной некомпетентностью: «Эта полиция только и умеет, что брать бакшиш. Никого они не найдут, сколько им ни посули» (ЧГ, 185). И если мыльниковские филера из «Летучего отряда» сражались с террористами пусть и за хорошее жалованье, но вполне профессионально и даже самоотверженно (в романах «Статский советник» и «Алмазная колесница» описана гибель многих агентов), то в Баку полиция жизнью предпочитает не рисковать.

Очевидно, что в романе «Черный город» главным объектом внимания автора становится общая деградация российского общества, выразившаяся в полной девальвации всех нравственных и духовных ценностей. Все негативные явления, которые он поочередно исследовал в прежних своих романах – разложение государственного аппарата, нравственное вырождение революционного движения и пр., приобретают в «Черном городе» невиданные масштабы и перерождаются в нечто качественно иное.

В условиях одновременного обострения и «болезни России» и международной обстановки наивные мечты Грина о «всеобщем пожаре» приобретают вполне конкретные и реальные очертания: «Нынче ночью произойдет иллюминация на бакинской Насосной станции... Страна останется без нефти, мазута, машинных масел, а затем и без угля... наступит эпоха Великой Тьмы... На темных улицах городов вырастут баррикады... Слон самодержавия, трехсотлетний одряхлевший исполин, не устоит на своих тумбообразных ножищах. Рухнет, издохнет. И тогда... Свет воссияет вновь, озаряя бескрайнюю страну, наконец освободившуюся от рабства» (ЧГ, 323), – мечтает организатор этой акции, большевик по кличке Дятел.

В полном объеме его мечтам осуществиться не позволил предотвративший диверсию Фандорин, но это только отсрочило катастрофу: «...революция все равно грянет. Только сначала придется пройти через мировую войну. Вместо нефти на растопку пойдут миллионы жизней. И будет Тьма, а за нею – Свет» (ЧГ, 343), – пророчествует на прощание Дятел. И как известно из курса российской истории, в конце концов именно он оказался прав. Противостояние Порядка, хоть и плохо, но поддерживаемого государством, и Хаоса (или, по версии Дятла, Тьмы), который неизбежно принесет Революция, в романе «Черный город» приобретает совершенно иной характер. Здесь Россия уже не «больной динозавр» сражающийся с «юркими хищниками», а именно «одряхлевший Слон», обреченный на гибель: «Партийное руководство романтически назвало операцию "От тьмы к свету", Дятел же про себя окрестил ее "Слоновья охота"» (ЧГ, 84).

Проведенный анализ содержания романов из серии «Приключения Эраста Фандорина» позволяет утверждать, что идеалом мироустройства, по Б. Акунину, является общество, основанное на законности и порядке, взаимном соблюдении прав и интересов как отдельных граждан, так и целых социальных групп. В готовом виде такого общества в его романах не представлено, так как ни западные демократии, ни «сильные» монархические государства в его изображении идеальными не выглядят. Б. Акунин – сторонник постепенной эволюции, поэтому он в равной мере не одобряет ни революционного насилия, ни государственного произвола, ни даже тайного «прогрессорства» либеральной просвещенной элиты. Эта точка зрения высказывается автором как через посредство его положительных героев, так и через систему персонажей и сюжетных конфликтов.

В этой не слишком оригинальной идее и заключается основа историко-философской концепции Б. Акунина: мир может стать лучше только благодаря нравственному и духовному развитию личности, которое не может быть осуществлено внешним воздействием ни государством, ни с помощью революционным взрыва.

Примечания

1. Роднянская И. «Гамбургский ежик в тумане». Кое-что о плохой хорошей литературе // Новый мир. 2001. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/3/rodn.html
2. Циплаков Г. Битва за гору Миддл // Знамя. 2006. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/cy11.html>
3. Загидуллина М. «Новое дело» интеллигенции, или Хождение в народ-2 // Знамя. 2003. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/8/zagid.html>
4. Лурье Л. Борис Акунин как учитель истории // Эксперт Северо-Запад. 2000. № 8 (15). URL: http://expert.ru/northwest/2000/08/08no-akunin_53821/

Notes

1. Rodnyanskaya I. «Gamburgskij ezhiк v тумане». Koe chto o plohoj horoshej literature ["Hamburg hedgehog in the fog". Something about bad good literature] // *Novyj mir - New world*. 2001, No. 3, available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/3/rodn.html (in Russ.)
2. Tsyplakov G. *Bitva za goru Middl* [Battle for mountain Middle] // *Znamya - Banner*. 2006, No. 8, available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/8/cy11.html> (in Russ.)
3. Zagudullina M. «*Novoe delo*» intelligencii, ili *Hozhdenie v narod 2* ["New thing" of intellectuals, or Walking in the nation-2] // *Znamya - Banner*. 2003, No. 8, available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/8/zagid.html> (in Russ.)
4. Lurie L. *Boris Akunin kak uchitel' istorii* [Boris Akunin as a history teacher] / *Ekspert Severo Zapad - Expert Server-West*. 2000, No. 8 (15), available at: http://expert.ru/northwest/2000/08/08no-akunin_53821/ (in Russ.)

УДК 821.161.1

С. В. Пепеляева

Рецепция «Святой ночи» А. Корреджо в повести Н. В. Кукольника «Антонио»

В статье анализируется процесс восприятия и интерпретации живописного полотна русским писателем-романтиком Н. В. Кукольников на материале его повести «Антонио».

This article is devoted to analysis of the process of perception and interpretation of the canvas described in the story 'Antonio' written by Russian Romantic writer N. V. Kukolnik.

Ключевые слова: романтизм, диалог, фрагментарность, светотень.

Keywords: romanticism, dialogue, fragmentation, chiaroscuro.

Известные творческие личности прошлого всегда становились объектом неподдельного интереса у последующих поколений. Описание наиболее примечательных эпизодов жизни композиторов, художников, поэтов зачастую лежит в основе новелл, повестей, романов. Поэтому можно говорить о воплощении в художественных текстах так называемых феноменов индивидуальной жизни в их самоценности. Эта тематика является одной из излюбленных и у русских писателей-романтиков, которые эксплицитно раскрывают ее в своих произведениях. Так, В. Ф. Одоевский пишет ряд повестей об И. С. Бахе, Л. ван Бетховене («Последний квартет Бетховена», 1832, «Себастьян Бах», 1834), подробно описывая образ творца как исключительной личности. Д. Ю. Струйский, А. М. Жемчужников, Н. П. Огарев создают в своих произведениях образ Бетховена («Бетховен», 1830, «Септуор Бетховена», 1856, «Героическая симфония Бетховена», 1874). Но особенно богато в этом отношении творчество Н. В. Кукольника (1809–1868), который обращается к личности скульптора Антонио Кановы («Психея», 1841), поэта Торквато Тассо («Торквато Тассо», 1831), художника Доменикино Цампиери («Доменикино», 1838), художника А. Корреджо («Антонио», 1840). Примечательно, что действие всех его произведений об искусстве и художнике происходит в Италии. Она традиционно воспринималась как страна истинного

искусства, поэзии. Потому особенно острым и трагическим выступает изображение судьбы творческой личности. Внутрихудожественной темой своих произведений писатель типологически сходится с немецкими романтиками, которые центральными героями своих текстов делали творцов, которыми являлись и сами.

Романтизм как литературное направление зародился в Германии в конце XVIII в. Поэтому идейное и структурное содержание текстов немецких романтиков создавали диалог с литературой других стран. Рассматривая образы творческих личностей, Кукольник идет вслед за Новалисом («Генрих фон Офтердинген», 1802), Л. Тиком («Странствия Франца Штернбальда», 1792), В.-Г. Вакенродером («Примечательная музыкальная жизнь композитора Йозефа Берглингера», 1797). Мотив Италии также является ключевым для романтизма, прежде всего немецкого. Эти особенности творчества Кукольника позволяют говорить о его типологической связи с немецкими писателями-романтиками. В своих произведениях Кукольник не только касается характера, поступков своих героев-творцов, но и довольно подробно останавливается на их наиболее известных работах. И если в большинстве своих прозаических и драматических произведений Кукольник прямо указывает на скульптуру Кановы или стихи Тассо, то в повести «Антонио» он даже не упоминает о самой значимой картине Корреджо «Святая ночь», а лишь намеками и подтекстом заставляет читателя обнаружить ее в тексте. Автор не дает в произведении прямых описаний своих героев, мотивов их поступков. Лишь дальнейшее повествование, последствия действий персонажей позволяют понять истину. Читатель самостоятельно должен сделать соответствующие выводы, поскольку верное понимание подтекста способно раскрыть подлинный замысел писателя: всестороннее раскрытие природы человеческой души как следствие синтеза искусств – живописи и литературы.

Главный герой повести Н. В. Кукольника «Антонио» – итальянский художник, представитель Высокого Возрождения Антонио Аллегри, более известный как Корреджо. О жизни его почти ничего не известно, о чем говорит и сам писатель в начале повести. Кукольник сам придумывает различные жизненные перипетии художника, которые разворачиваются на фоне известных исторических событий. Так писатель-романтик претендует на некую подлинность своего произведения.

Сюжет повести строится вокруг образа Антонио Корреджо и его семьи. Рассказчиком выступает его сын Лоренцо, который также является у Кукольника художником. Фрагментарность, лежащая в основе повести, заставляет обратиться к наследию Корреджо. Он известен как создатель картин на библейские сюжеты, часто писал образ Мадонны, обращался и к мифологическим сюжетам. В центре всего его творчества стоит человек. Корреджо в основу своего стиля кладет красоту, потому его картины полны оптимизма, жизнеутверждающего начала и гуманистических ценностей. Проблема поиска красоты, прекрасного является общей для великих мыслителей и мастеров эпохи Возрождения, которые с особым вдохновением пытались решить ее. Корреджо удалось найти путь этого решения – гениальное сочетание света и тени в своих произведениях. В этом плане художник явился новатором своего времени. Никто до него так мастерски не использовал светотень. Ф. Шеллинг говорит, что это «магическая часть живописи, причем она доводит видимость до высшей ступени» [1], а самого художника называет властителем магии света и тени.

Кульминацией этой манеры письма у Корреджо выступает его знаменитейшая картина «Святая ночь», находящаяся в Дрезденской картинной галерее. Написанная на библейский сюжет о Рождестве, она построена на контрасте. Этот принцип положен и в основу повести Н. В. Кукольника. Корреджо и Анджелика, с одной стороны, Мария и Вероника – с другой. Подобное деление героев явно прослеживается также и в картине, которая состоит из двух планов: на переднем плане в свете изображены Мадонна с младенцем и ангелы, на заднем, во тьме – святой Иосиф. Героев картины Корреджо Кукольник переносит в свою повесть. Мадонна – жена художника Мария, олицетворение чистоты, непорочности и святости. Девушка, стоящая рядом с Мадонной, – дочь Корреджо и Марии Вероника. Юноша, смотрящий на пастуха, – рассказчик, сын художника Лоренцо. А в глубине картины в образе св. Иосифа выступает сам Антонио Аллегри, находящийся в печальной задумчивости. Герои картины, объятые светом, образуют треугольник – фигуру, обладающую тайным смыслом: «Треугольник с вершиной, направленной вверх, олицетворяет божественное совершенство и гармонию» [2]. Примечательно, что Корреджо изобразил св. Иосифа с ослом. Как известно, осел – символ глупости и низости. В образе осла часто изображали Папу Римского, подчеркивая его чревоугодие, порочность и низость его интересов.

Такое толкование характерно для эпохи Возрождения. Оно и используется в данной работе. Носителем подобных качеств у Кукольника становится Анджелика – любовница Корреджо. Однако следует отметить, что мировые религии по-другому трактуют образ осла. Например, в буддизме он является символом аскезы, в мусульманской традиции он – небесное животное. А согласно библейской символике осел выступает «воплощением трудолюбия, простоты и житейской мудрости» [3]. Кукольник пишет: «Разговор продолжался намеками, но надобно было Эдипа для их разгадки» [4], подчеркивая так лежащую в основе произведения фрагментарность.

Писатель не наделяет героев повести равной степенью погружения в свет или тьму. Если Мария является подлинным олицетворением святой сущности, а Анджелика – дьявольской, то Вероника – только лишь носитель света, божественного, Корреджо Кукольника – уже отошедшая от доброго начала душа, а Лоренцо – герой, в равной степени сочетающий в себе свет и тьму, сам решающий, в какую сторону его душа будет двигаться. Такое изображение персонажей позволяет Кукольнику более полно и объемно передать отражение человеческой сущности, показать грани характера человека. Эта неоднозначность тождественна и «Святой ночи». Иосиф не находится у Корреджо в полной темноте, скорее, в полумраке. И на него падает свет от младенца Иисуса. Девушка и юноша, в отличие от Мадонны, полностью не озарены ярким светом. Тени также присутствуют на их фигурах. Такой стиль изображения провозглашает именно человечность, многогранность характера, реалистичность в написании персонажей.

Ослепительный свет идет от новорожденного младенца и освещает лицо Мадонны, которая склонилась над ребенком и с умилением смотрит на него. Образ Мадонны создает и Кукольник, описывая жену Корреджо Марию. Уже первое упоминание героини созвучно описанию святой: «Кроме улыбки и сладкой слезы во время молитвы, другого выражения никогда не видал я на прекрасном лице матери. <...> Она указала на грудь и проговорила только одно слово: “Болит!”» (с. 316). Такими качествами, присущими Мадонне, как кротость, чистота, святость, тихая скорбь, наделяет Кукольник свою героиню. Предчувствуя скорую трагедию, Мария ощущает в груди нарастающую боль и пронзительным, полным отчаяния голосом делится этим с сыном.

Кукольник не дает больших описаний Марии, а только кратко указывает на отдельные ее черты: «Мария уже более не улыбалась; печаль глубокой грусти сделала ее еще прекраснее, небеснее» (с. 319). Хотя слова эти – лишь набросок к образу, но у читателя складывается вполне точное представление о ней.

Лоренцо испытывает чувство вины перед матерью за отступничество от света. Образ ее всегда с ним, она, как ориентир, не дает ему сбиться с пути, оттого еще горше ему становится: «Молитва и Мария представились моему сердцу с каким-то упреком. Я поцеловал образ матери, перекрестился и готов был идти на край света для ее спокойствия» (с. 330). Оказавшись преданной двумя самыми близкими ей людьми, Мария не теряет веры, добродетели и смирения. Чувствуя приближающийся конец, она наказывает Лоренцо чтить имя отца. Символическим Кукольник делает место смерти Марии. От неучтивости, неуважения со стороны мужа Мария в начале повести падает перед домом без чувств.

Причиной смерти Марии у Кукольника является Анджелика. В порыве ярости в самом конце произведения Лоренцо выкрикивает: «Убийца моей матери!» (с. 333). Лишь отец удерживает его от греха – убийства, на которое Лоренцо идет с осознанием своего предательства веры матери. Анджелика – темная сторона бытия и источник того зла, которое приводит к смерти Марии и жизненной трагедии Лоренцо. Впервые он видит ее на портрете, который пишет отец. Тогда девушка кажется мальчику невинным ангелом, не способным быть причиной раздора между матерью и отцом. Уже с того момента через свое изображение на портрете Анджелика начинает воздействовать на героя. Он готов пасть к ее ногам и просить прощения за все, а увидев с другим, ощущает в душе нарастающее чувство ревности. Он с презрением смотрит на сопровождающего Анджелику мужчину. Встреча с ней позволяет юноше испытывать чувства, не свойственные доброму христианину: блаженство, гордость, удовлетворение от того, что привел ее в замешательство. Н. В. Кукольник обозначает контуры трагического исхода Лоренцо, вводя характерный для литературы эпохи романтизма мотив сделки человека с дьяволом. Юноша обещает Анджелике быть всегда преданным ей и любить ее.

Однако Лоренцо окончательно еще не обратился к тьме, душа его борется, всячески стремится к Богу, к свету. Именно поэтому, оказавшись в Парме, он испытывает облегчение,

когда входит в храм и любуется прекрасными фресками. Святое, намоленное место указывает ему праведный путь. Восхищаясь чудесными росписями, Лоренцо испытывает эстетическое наслаждение, чувствует нарастающее в нем вдохновение, заглушенное душащими его горящим обручем и темной тоской. Однако и тут Анджелика напоминает о себе. В образе Мадонны, возносящейся на небеса, юноша видит ее. Страдания возвращаются и начинают снова мучить его душу. Тяжесть на сердце, «аспид» не покидают его теперь никогда.

Кукольник на страницах своей повести рассуждает о месте богатства в жизни творца. Таким образом, его творчество вступает в диалог с идеями Л. Тика, который одним из первых в литературе эпохи романтизма задумался о проблеме власти золота над людьми. С прискорбием он отмечает, что все чаще над людьми берут верх такие качества, как корысть, жадность, жажда наживы. И только совесть может спасти человека. Кукольник прямо не указывает, должен ли художник стремиться к славе и владению богатством.

В письме к родным Корреджо просит их быть бережливыми и стараться не тратить деньги, так как монахи за роспись собора дадут «самую ничтожную сумму» (с. 323). Художник не задается целью получить как можно больше за свою работу. Ему важен сам процесс творчества, вдохновение и в целом возможность заниматься делом, приносящим ему удовольствие. Так определяют образ истинного творца и немецкие романтики в своих философских трактатах.

Позже Н. В. Кукольник показывает другую сторону этой проблемы. Живя у Анджелики, Корреджо больше не нуждается в деньгах, так как она достаточно обеспеченная. Итальянский мастер решает теперь добиваться славы своим талантом. Но нуждается ли в ней тот, кто находит счастье в процессе создания прекрасного? Может ли художник зваться «божественным», «небесным», храня в душе такие тщеславные помыслы? Родство с демоническим автор делает причиной того, что Корреджо становится носителем качеств, не свойственных истинному творцу. Анджелика пробуждает в нем иную сторону его души. Он поддается пороку, страсти, не отдавая себе отчета в последствиях своего шага. Кукольник намеренно вводит в структуру повествования эту сюжетную линию, ведь роспись Пармского собора станет последним значительным произведением, вышедшим из-под его гениальной кисти. Отступничество от подлинного предназначения художника означает окончание его полноценной жизни как творца.

Корреджо искушает не только Анджелика, но и обстановка, которая царит в Италии – власть Александра Борджиа. Это отмечает и Лоренцо, рассказывая о жизни отца в Парме: «Влияние нравов Александра Борджиа и Медичи отразилось уже и в Верхней Италии, и грех считался молоденчеством» (с. 326). Потому осел, как символ порочности и низости, на картине Корреджо «Святая ночь» олицетворяет Анджелику. С одобрения главы католической церкви она живет, погрязнув в пороке. Однако, выказывая свое неодобрение относительно отказа Корреджо от истинных ценностей искусства, Кукольник и его герой-рассказчик стараются оправдать итальянца, подчеркивая существование двух противоположных начал в душе человека, поскольку не всегда можно противостоять столь сильным чувствам.

Проанализировав отдельные эпизоды и все произведение в целом, поняв расставленные автором акценты, читатель сам будет в состоянии оценить значимость игры света и тени на картинах Корреджо, понять, какой принцип, тайна лежит в основе манеры изображения художника, использующего ее в «Святой ночи». Контраст становится у Кукольника тем приемом, с помощью которого раскрываются характеры героев, подчеркивается их реалистичность. Поэтому наиболее значимым становится факт затемнения фигуры святого Иосифа и расположения рядом с ним осла. Признавая неверность пути, по которому он идет, художник не смеет ставить свою фигуру рядом не только с Мадонной – Марией, но и рядом со своими детьми, преобладание света в душе которых не дало опуститься им в пошлость, распутство. Необходимо отметить также, что, вводя в повествование мотив диалога героя с демоническим, Кукольник находит иное, чем у немецких романтиков, его разрешение. От этого сотрудничества страдает не столько сам Корреджо, сколько ломается судьба его сына Лоренцо. До глубокой старости он ощущает на себе давление темных сил, с которыми безуспешно пытается бороться. Оттого он и находится в пограничном состоянии – между тьмой, постепенно его поглощающей, и светом, – как и изображенный на картине юноша, являющийся олицетворением героя-рассказчика Кукольника.

Примечания

1. Шеллинг Ф. *Философия искусства*. М.: Мысль, 1966. С. 238.
2. *Энциклопедия символов, знаков, эмблем* / сост. К. Королев. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 66.
3. Там же. С. 169.
4. *Кукольник Н. В. Антонио* // *Русская романтическая новелла* / сост., вступ. статья и примеч. А. Немзера. М.: Худож. лит., 1989. С. 331. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

Notes

1. Schelling F. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Moscow. Mysl. 1966. P. 238.
2. *Encyclopedia of symbols, signs, emblems* / comp. K. Korolev. Moscow. Publishing house Eksmo; SPb. Terra Fantastica. 2003. P. 66. (in Russ.)
3. Ibid. P. 169.
4. Kukolnik N.V. *Antonio* [Antonio] // *Russkaya romanticheskaya novella* - Russian romantic novella / comp., the intr. article and comm. A. Nemzer. Moscow. Khudozh. lit. 1989. P. 331. Further references to this edition are given in the text in parentheses with the page.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.454

С. С. Золотарева

Социально-психологические факторы формирования групповой самооценки

В статье актуализирована проблема формирования групповой самооценки и социально-психологических факторов ее формирования. Даны определения понятий «групповая самооценка» и «фактор». Выделены две группы факторов формирования групповой самооценки: внутригрупповые и внешние по отношению к группе. Раскрыто содержание таких внутригрупповых факторов формирования групповой самооценки, как включенность членов группы в совместную деятельность, состояние ожидания предстоящего события, уровень подготовленности группы к оценочной деятельности, индивидуальность группы, уровень развития группы, внутригрупповая конфликтность, групповая мотивация, притязания группы на оценку окружающих или «амбициозность группы». А также описана вторая группа факторов формирования групповой самооценки, внешних по отношению к группе: межгрупповое сравнение, психологический климат, педагогическое руководство группой и его влияние, фактор лидерства.

In article the problem of formation of a group self-assessment and social and psychological factors of its formation is staticized. Definitions of the concepts "group self-assessment" and "factor" are given. Two groups of factors of formation of a group self-assessment are allocated: intra group and external concerning group. The maintenance of such intra group factors of formation of a group self-assessment, as an inclusiveness of members of group in joint activity, a condition of expectation of the forthcoming event, level of readiness of group to estimated activity, identity of group, a group level of development, an intra group conflictness, group motivation, group claims on an assessment of people around or "ambition of group" is opened. And also the second group of factors of formation of a group self-assessment, external concerning group is described: intergroup comparison, psychological climate, pedagogical management of group and its influence, leadership factor.

Ключевые слова: групповая самооценка, социально-психологические факторы формирования групповой самооценки, фактор, внутригрупповые и внешние по отношению к группе факторы формирования групповой самооценки.

Keywords: group self-assessment, social and psychological factors of formation of a group self-assessment, factor, intra group and external in relation to group factors of formation of a group self-assessment.

Рассматривая проблему, можно отметить, что как в индивидуальной психике, так и в психологии групп существуют социально-психологические явления, выражающие разный уровень осмысленности социального окружения и себя в нем. К ним относятся сознание и самосознание группы [1], последнее из которых включает в себя такой компонент, как групповая самооценка.

Групповая самооценка определяется нами как оценка группой себя в целом и отдельных сторон своей деятельности, поведения, исходя из критериев, которые интериоризуются самими членами группы на основе принятой группой системы ценностей и под влиянием людей, имеющих значение для группы.

Групповая самооценка имеет ряд особенностей, отличающих ее от индивидуальной самооценки. Одними из них являются социально-психологические факторы формирования групповой самооценки.

Перед тем как начать их рассматривать, раскроем понимание понятия «фактор». Большой энциклопедический словарь определяет фактор (от лат. factor – делающий – производящий) как причину, движущую силу какого-либо процесса, явления, определяющую его характер или отдельные его черты [2].

Первый, кто четко выделил факторы, влияющие на формирование групповой самооценки, был В. Г. Асафов, отмечая, что самооценка группы – это динамичный элемент группового самосознания, подверженный изменениям под влиянием различных факторов. Им были выделены две группы факторов: внутрigrупповые и внешние по отношению к группе.

К первой группе факторов В. Г. Асафов относил, прежде всего, *включенность членов группы в совместную деятельность*, которая является ядром, основой существования любого коллектива и важнейшим источником динамики всех его свойств и качеств. Чем выше степень включенности, тем полнее по содержанию, дифференцированнее, когнитивно сложнее и осознаннее групповая самооценка, тем большее количество членов группы участвует в групповой дискуссии. Кроме того, коллективная деятельность служит наиболее значимым критерием, что, несомненно, сказывается на качественных особенностях самооценки группы [3].

А. Н. Лутошкин в своих трудах отмечает, что на групповую самооценку оказывают влияние ситуации успеха или неуспеха групповой деятельности и связанные с ними изменения эмоционального настроения группы [4]. Мы можем также предположить, что на групповую самооценку оказывает влияние состояние ожидания предстоящего события. При этом можно сделать предположение, что в состоянии ожидания происходит снижение групповой самооценки. Это может быть связано с тем, что эмоциональное напряжение, возникающее в состоянии ожидания, приводит к более критическому и сомнительному отношению к себе как к группе. Положительный исход события способствует повышению групповой самооценки, отрицательный, наоборот, – к ее снижению. Здесь важно отметить, что слишком длительное нахождение в состоянии ожидания может привести к устойчивому формированию заниженной групповой самооценки.

Как отмечает П. В. Симонов, эмоция есть результат отражения какой-либо потребности человека и оценки вероятности ее удовлетворения в наличных условиях на основе индивидуального и генетического опыта. Выраженность эмоционального состояния зависит от значимости потребности и дефицита информации, необходимой для ее удовлетворения [5]. Отрицательные эмоции возникают у человека при дефиците необходимой для удовлетворения потребности информации, тогда как положительные – при наличии всей необходимой информации [6]. Таким образом, находясь в состоянии ожидания, то есть не владея информацией об исходе события, группа начинает испытывать отрицательные эмоции, что приводит к более критическому и сомнительному отношению к себе как к группе.

Также А. С. Чернышев и В. В. Клименко указывают на значение включенности членов группы в совместную деятельность как решающее условие, определяющее групповую оценку личности. Оцениваемые делятся при этом на три категории: лица, вносящие только положительный вклад в совместную деятельность, лица, влияющие отрицательно, и лица, характеризующиеся так называемой «смешанной» включенностью. Групповая оценка личностей строится, по мнению авторов, с учетом этого влияния. Критериями для групповой оценки личности служит направленность группы, содержательно определяемая через систему групповых норм, ценностей, ориентаций, и организованность как способность группы к самостоятельной, высокоэффективной деятельности [7]. В более современных исследованиях, проводимых Д. Н. Волковым, направленных на изучение самооценки и тренерской оценки способностей успешных и неуспешных спортсменов, позволили выявить, что в условиях непосредственного конкурентного взаимодействия людей (единоборства) самооценка спортивных способностей включает в себя параметры такого фактора, как «спортивный опыт», а также особенности развития интеллекта, повышения стабильности и активности. А в условиях межличностной кооперации и командной конкуренции (спортивные игры) самооценка способностей тесно связана не только с параметрами фактора «спортивный опыт», но также с параметрами фактора «личностные особенности» [8]. Автор, на наш взгляд, обратил внимание на то, что в случае командной работы каждый из участников оценивает свой вклад в групповую работу, а также значение собственных личностных особенностей и их влияние на результат деятельности, особенно в условиях соревнования.

Влияет на самооценку группы и *уровень подготовленности группы к оценочной деятельности*: наличие ее прошлого опыта, знание основ теории коллектива, правил организаторской работы, знакомство с различными формами выработки самооценки группы.

Еще одним фактором, оказывающим влияние на групповую самооценку, В. Г. Асафов считал *индивидуальность группы*, под которой понимал особенности возрастного, полового, социального состава, психодинамическое и социально-психологическое своеобразие коллектива. Подчиняясь общим закономерностям формирования, самооценка группы в то же время испытывает значительное влияние со стороны этого комплекса факторов [9].

Развивая идеи В. Г. Асафова, групповая индивидуальность нами была рассмотрена с позиции полового состава группы и уровня индивидуальной самооценки каждого из членов группы.

На наш взгляд, группы, однородные по половому составу, будут более схожи в оценке себя как группы, чем группы разнополые. Наши размышления нашли свое подтверждение в исследованиях И. Джаниса, который обнаружил специфическое групповое явление – феномен «группомыслия» (groupthink). Автором данный феномен определяется как стиль мышления людей, полностью включенных в группу, где стремление к единомыслию важнее, чем реалистическая оценка возможных вариантов действий. Разработанная И. Джанисом теоретическая модель включает в себя ряд факторов, провоцирующих возникновение данного феномена. К ним относятся: высокий уровень сплоченности группы; изоляция группы (отсутствие внешних экспертных оценок); директивное руководство; несовершенная процедура поиска и оценки альтернатив; провокационный ситуативный контекст, а также гомогенность состава группы [10]. На последний фактор мы бы и хотели обратить внимание.

Группы, схожие по половому составу, предположительно будут более схожи в мыслительных процессах, а главное в выделении критериев оценки себя как группы, что как раз и будет способствовать формированию описанного ранее феномена.

И. Б. Бовина, рассматривая детерминанты ошибочных решений, принимаемых в группе, установила, что симптомы «groupthink» проявляются в иллюзии группы по поводу собственного совершенства и неуязвимости, в коллективной рационализации происходящего, в стереотипизации соперников как врагов, в требовании лояльности от членов группы, в возникновении самоцензуры, приводящей к иллюзии единодушия, в появлении «самозванных хранителей устоев». Уверенность в том, что «мы – хорошая и мудрая группа», в ситуации неопределенности и риска актуализирует стереотип: «в хорошей группе вырабатывается хорошее решение» [11]. Проведенное нами исследование позволило установить, что группы, однородные по половому составу, оценивают себя выше, чем группы разнородные, что подтверждает сказанное ранее.

Также важно отметить, что, по мнению И. Б. Бовиной, главную роль в возникновении «группового духа» играют не ситуативные факторы, а устойчивые характеристики самой группы. В первую очередь такие, как директивное лидерство, изоляция группы, гомогенность группового состава [12].

Также немаловажной составляющей групповой индивидуальности, на наш взгляд, является показатель *индивидуальной самооценки членов группы*. Мы предполагаем, что на групповую самооценку оказывает влияние не только то, как группа оценивает каждого в отдельности, но и то, как каждый сам себя оценивает. При этом чем выше участники группового процесса оценивают себя как личность, тем выше они оценивают группу. Так и наоборот: чем ниже индивидуальная, тем ниже и групповая самооценка. Мы предполагаем, что это может быть связано с переносом собственного восприятия себя на восприятие группы целиком («Какой я» = «Какие мы»).

При этом важно отметить, что повышению групповой самооценки будет способствовать индивидуальная самооценка среднего уровня, то есть предположительно адекватное восприятие себя и незавышение своих способностей и возможностей. Это будет способствовать формированию чувства единства и большему желанию прикладывать свои усилия для группового развития и объединения.

Ряд отечественных социальных психологов отмечают взаимосвязь групповой самооценки и уровня развития группы. Так, например, В. М. Раева и Л. П. Хохлова выделяют сближение групповой и индивидуальных оценок в группах высокого уровня развития и значительное расхождение их в группах низкого уровня развития [13]. А. С. Чернышев отмечает,

что в группах высокого уровня развития групповая самооценка охватывает большее число параметров и имеет большую адекватность, чем в общностях низкого уровня развития [14].

Также Л. П. Хохлова подтверждает большую когнитивную сложность и дифференцированность групповой самооценки в группах высокого уровня развития. Ею было показано, что в корпоративных группах когнитивная сложность и дифференцированность самооценки так же высоки, как и в коллективах, но наблюдается склонность к видению, прежде всего, отрицательных качеств друг у друга [15].

Анализ данных, полученных с помощью комплекса различных методик, позволил В. Г. Асафову сделать вывод о зависимости содержания самооценки группы от уровня развития группы.

На начальном этапе развития группа не отражает или отражает в очень малой мере те качества коллектива, которые связаны с отношениями совместной деятельности. Это объясняется тем, что в данный период формируется лишь поверхностный, «неспецифичный для коллектива, но до известной степени присущий как ему, так и диффузной группе, и связанный с ней по происхождению» слой, образованный межличностными, прежде всего, эмоциональными отношениями, которые не опосредованы содержательной стороной деятельности.

Для этого этапа характерна также несформированность коллективных норм поведения и деятельности, выработка отношения друг к другу не по основополагающим чертам личности, а лишь по внешним проявлениям. Это тоже находит свое отражение в содержании самооценки группы.

Повышение уровня развития коллектива и рост коллективного самосознания, приобретение опыта групповой деятельности и взаимодействия влечет за собой и углубление содержания самооценки группы. Преодолев диффузный уровень, группа начинает отражать практически все стороны своей жизнедеятельности, все свои качества.

После преодоления диффузного уровня происходит снижение адекватности самооценки группы. Группы занижают свою самооценку.

В. Г. Асафов объясняет подобное явление следующим образом. Во-первых, накопленный опыт совместной деятельности, в том числе в деятельности оценочной, более ясное видение перспектив развития, связанное с ростом группового самосознания, межгрупповое сравнение как один из критериев самооценки группы, закрепление в коллективном сознании идеального образца коллектива в связи с накоплением знаний о процессе коллективно-образования ведут к тому, что члены группы гораздо строже и осознаннее подходят к оценке качеств своей группы. Во-вторых, происходит усложнение взаимодействия подструктур самооценки группы. Реальная действительная самооценка существенным образом корректируется реальной желательной и идеальной самооценкой группы. Можно сказать, что, оценивая свою группу, члены ее сравнивают достигнутый уровень не с тем, каким он был, а с тем, каким он должен быть, каким будет.

На высоком уровне развития группы как коллектива самооценка группы становится когнитивно сложнее и дифференцированнее [16], что подтверждает предыдущие точки зрения.

Также, на наш взгляд, на формирование групповой самооценки оказывает влияние *внутригрупповая конфликтность*. Мы предполагаем, что группы, которые не конфликтуют внутри между собой, обладают большей схожестью оценок, представлений о себе как о группе. При конфликтных же взаимоотношениях групповая самооценка будет искажаться, так как на нее будет оказывать влияние эмоциональное личное отношение к ситуации конфликта. Даже кратковременные колебания настроения, связанные с особенностями коллективной деятельности, как отмечает В. Г. Асафов, накладывают свой отпечаток на групповую самооценку [17]. При этом можно отметить, что при нормализации взаимоотношений, то есть при разрешении конфликта, групповой самооценке свойственно возвращаться на тот уровень, который она занимала до конфликта, или даже ей свойственно повышаться.

Если выделить два вида конфликтов – предметно-деловые и личностно-прагматические, то можно отметить, что в группах более высокого уровня развития личностно-прагматические интересы реже выступают причиной межличностных конфликтов. А с ростом эффективности совместной деятельности увеличивается количество внутригрупповых конфликтов по причине предметно-деловых разногласий. Функциональные последствия внутригрупповых конфликтов обусловлены их исходными содержательными причинами. Так, предметно-деловые конфликты в существенно меньшей степени, чем личностные, ведут к негативным последст-

виям и соответственно кардинальным образом с отрицательной точки зрения не влияют на формирование групповой самооценки. Разрешение конфликта приводит к повышению групповой самооценки, так как конфликт чаще ее занижает.

Также можно отметить, что в высокоразвитых и эффективных группах, где доминируют деловые противоречия и благоприятная психологическая атмосфера, конфликт не ведет к разрыву межличностных отношений, не сопровождается эмоциональным негативизмом. Чем выше единство представлений членов группы о нормативах поведения в конфликтной ситуации, а также о коллективе в целом, тем менее деструктивны эмоциональные последствия конфликта, то есть больше вероятности разрешения конфликта и повышения групповой самооценки.

Л. С. Титкова, изучая внутригрупповую конфликтность юношеских студенческих групп, выявила, что студенческая группа становится конфликтной в самом начале ее формирования. Деструктивные внутригрупповые конфликты разрушают ее структуру, нарушают ход учебного процесса, психологический климат, имеют свойство «втягивать» окружающих, расширяя «территорию» конфликтной ситуации. Это может сказаться на учебной деятельности студентов, негативно повлиять на социализацию и развитие личности, ее психическое состояние. Конструктивные конфликты позволяют выявить существующие проблемы, отрегулировать взаимоотношения внутри группы, улучшить психологический климат внутри группы. Они активизируют социальную жизнь общественной группы, служат источником создания более благоприятных условий для социализации личности и ее успешности [18].

К внутригрупповым факторам формирования групповой самооценки мы отнесли также фактор *групповой мотивации*. На наш взгляд, общегрупповая нацеленность будет способствовать формированию адекватной групповой самооценки.

И еще один фактор, который мы отнесли к внутригрупповым, – это фактор *притязаний группы на оценку окружающих, или «амбициозность» группы*. На наш взгляд, группы, имеющие адекватную групповую самооценку, будут иметь притязания на максимально возможную оценку окружающих, исходя из групповых способностей и возможностей.

Вторая группа факторов, влияющих на самооценку группы, по мнению В. Г. Асафова, – это внешние по отношению к группе, но отражающиеся на ее коллективном сознании.

Одним из них является *межгрупповое сравнение*. Группы очень часто находятся в соревновательных ситуациях. Связанный с ними успех или неуспех деятельности, как показывают исследования, в значительной степени определяют уровень адекватности самооценки группы [19]. В. С. Агеев, изучая интергрупповую активность, указывает, что адекватность самооценки коллектива зависит от успешности деятельности в ситуации межгруппового соревнования. Согласно данным, полученным В. С. Агеевым, победители в соревновании наиболее адекватно оценивают как себя, так и соперников [20].

По цели участия в соревновании В. Г. Асафов выделяет два типа групп, которые он условно назвал нацеленными на победу и нацеленными на себя. Первые строят свою деятельность так, чтобы любой ценой добиться успеха, стать победителями. Вторые считают главным сохранение добрых отношений друг с другом, теплого эмоционального микроклимата группы и рассматривают результаты своего участия в соревновании в основном с точки зрения тех изменений, которые в группе произошли. Адекватность самооценки группы в группах первого типа в ситуации неуспеха резко снижается. Поражение же в группах второго типа не оказывает существенного влияния на групповую самооценку.

Внешним по отношению к группе является и *психологический климат* в той, более широкой общности, в которую группа входит как первичный коллектив. Атмосфера доверительности, доброжелательного, уважительного отношения к мнениям, суждениям, оценкам юношей и девушек со стороны педагогов и товарищей в значительной степени способствует быстрому развитию коллективного самосознания, заставляет продуманно, ответственно подходить к оценке достижений и возможностей своей группы.

Оказывает влияние на самооценку группы и *педагогическое руководство группой*, в частности его стиль, а также поведение руководителя при использовании педагогически инструментированных форм выработки самооценки группы [21].

Нами, так же как и В. Г. Асафовым, выделяется фактор *педагогического влияния*, который, на наш взгляд, включает степень согласия группы с руководителем при принятии совместного решения, а также то, как руководитель сам оценивает группу. Данный фактор ока-

зывает наибольшее влияние на начальных этапах формирования группы, и от того, куда в своей оценке направит группу руководитель, будет зависеть дальнейшее развитие группы в целом и групповой самооценки в частности.

Но данное влияние, на наш взгляд, будет сильным только на начальных этапах формирования группы. В дальнейшем на группу, по нашему мнению, начнет оказывать большее влияние установившийся лидер. Соответственно нами выделяется еще один фактор – *фактор лидерства*, включающий в себя степень согласия с лидером при принятии совместного решения, то, как лидер оценивает группу, и уровень его индивидуальной самооценки. Осуществленный анализ влияния факторов на формирование групповой самооценки позволил выявить, что данный фактор является одним из самых сильных факторов, что говорит о большом значении и влиянии лидера в процессе развития группы, а также формирования групповой самооценки.

А вот труды В. Ф. Сафина и М. А. Сомова позволили выявить такое структурное звено групповой самооценки, как оценку группой лидеров [22]. Н. И. Воронцова, изучая оценку группой руководителя, также пришла к выводу о том, что в группах высокого уровня развития выше оцениваются такие качества, как отношение к делу и эмоционально-общительные качества [23].

А. С. Чернышев в своих исследованиях выделил, что в низкоорганизованных группах положительно воспринимаются броские, лежащие на поверхности, несущественные для коллектива черты личности лидера (повышенная словесная и физическая активность, бойкость, напористость и т. д.). В итоге, как отмечает автор, возникает установка на поверхностное восприятие личности, что приводит к дефициту информации о людях, необоснованному выдвижению лидеров, затруднению организационного взаимодействия, что в свою очередь сказывается на успешности совместной деятельности и особенно в напряженных ситуациях [24]. Также А. С. Чернышев выделяет единство мнений об организаторах как один из немаловажных показателей высокоорганизованной группы [25].

Продолжая исследования в том же направлении, Д. В. Беспалов выявил, что в высокоорганизованных группах из всего многообразия черт личности лидера воспринимаются и оцениваются, прежде всего, характеристики, способствующие укреплению коллектива и определяющие успешность совместной деятельности. Это способность лидеров к интеграции индивидуальных и групповых мотивов; расширению включенности индивидов в совместную деятельность на всех этапах ее реализации; созданию в группе положительного психологического настроения, повышающего удовлетворенность совместной деятельностью. Определенный интерес для нашего исследования представляют выводы, сделанные Д. В. Беспаловым о том, что только согласованность и адекватность восприятия каждого участника коллектива создают устойчивую морально-психологическую атмосферу определенности, позволяют надежно ориентироваться в атмосфере ценностно-нормативных ожиданий коллектива от поведения лидера [26].

Таким образом, все вышесказанное позволяет утверждать о существовании немалого количества социально-психологических факторов, оказывающих влияние на формирование групповой самооценки:

1. Внутригрупповые факторы:

- 1) включенность членов группы в совместную деятельность;
- 2) уровень подготовленности группы к оценочной деятельности;
- 3) индивидуальность группы (особенности возрастного, полового, социального состава, психодинамическое, социально-психологическое своеобразие коллектива и уровень индивидуальной самооценки каждого из членов группы);

4) внутригрупповая конфликтность;

5) мотивационное единство членов группы (групповая мотивация);

6) притязания группы на оценку окружающих (амбициозность группы).

2. Факторы внешние по отношению к группе:

1) межгрупповое сравнение;

2) психологический климат;

3) педагогическое влияние;

4) лидерское влияние.

Примечания

1. Социальная психология: учеб. пособие для вузов / под ред. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 342.
2. Большой энциклопедический словарь / под ред. И. Лапиной, Е. Маталиной, Р. Секачева, Е. Троицкой, Л. Хайбуллиной, Н. Яриной. М.: АСТ, Астрель, 2008. С. 1154.
3. Асафов В. Г. Динамика групповой самооценки в процессе коллективообразования // Социально-психологические проблемы первичного коллектива (школьники – члены УПБ, студенты, учащиеся ПТУ): межвуз. сб. науч. трудов. Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1982. С. 13.
4. Лутешкин А. Н. Как вести за собой. М.: Просвещение, 1981. С. 125.
5. Симонов П. В. Мотивированный мозг. М.: Наука, 1987.
6. Репина Н. В., Воронцов Д. В., Юматова И. И. Основы клинической психологии. Ростов н/Д: Феникс, 2003. С. 62.
7. Клименко В. В., Чернышев А. С. Влияние уровня организованности первичного коллектива на оценку личностных и групповых свойств // Психология возрастных коллективов: тез. докл. М., 1978. С. 75–76.
8. Волков Д. Н. Самооценка и тренерская оценка способностей успешных и неуспешных спортсменов: 19.00.01, автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. С. 20.
9. Асафов В. Г. Указ. соч. С. 13.
10. Janis I. L. Groupthink: psychological studies of policy. Boston: Houghton Mifflin Company, 1983. P. 9.
11. Бовина И. Б. Детерминанты ошибочных решений, принимаемых в группе // Психология сегодня. 1996. Т. 2. Вып. 2. С. 10.
12. Там же. С. 11.
13. Раева В. М., Хохлова Л. П. Характер представлений о себе и других в условиях групп разного уровня развития // Социально-психологические аспекты организации и самоорганизации первичного коллектива. Курск, 1980. С. 203.
14. Чернышев А. С. Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материале исследования молодежных групп и коллективов): автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05. М., 1980. С. 34.
15. Хохлова Л. П. К проблеме восприятия личностных особенностей в группах разного уровня развития // Исследования по проблемам социальной и общей психологии и дифференциальной психофизиологии / под ред. А. Н. Соколова, И. В. Равич-Щербо. М., 1978. С. 17.
16. Асафов В. Г. Указ. соч. С. 12.
17. Там же. С. 13.
18. Титкова Л. С. Внутригрупповая конфликтность студентов современных российских вузов и факторы, влияющие на нее (по материалам социологического исследования вузов Приморского края): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Владивосток, 2004. С. 4.
19. Асафов В. Г. Указ. соч. С. 14.
20. Агеев В. С. Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 78.
21. Асафов В. Г. Указ. соч. С. 14.
22. Сафин В. Ф. Самооценка и взаимооценка старшеклассников в зависимости от внушаемости // Вопросы психологии. 1970. № 1. С. 93.
23. Воронцова Н. И. Восприятие и оценка стиля принятия решений и личности руководителя в коллективах разного уровня развития // Личность в системе коллективных отношений: тез. докл. М., 1980. С. 47.
24. Экспериментальное исследование социально-психологической зрелости молодежных групп: Из опыта работы Курской школы социально-педагогической психологии, 1964–2004 гг. / под ред. А. С. Чернышева. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2004. С. 146.
25. Чернышев А. С. Указ. соч. С. 254.
26. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986. С. 105–106.

Notes

1. *Social'naya psihologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* - Social psychology: textbook for higher education schools / Ed. by A. M. Stolyarenko. M: UNITY-DANA, 2001. P. 342.
2. Big encyclopedic dictionary / Ed. by I. Lapina, E. Matalina, R. Sekachev, E. Troitskaya, L. Khaibullina, N. Yarina. Moscow. AST, Astrel. 2008. P. 1154. (in Russ.)
3. Asafov V.G. *Dinamika gruppovoj samoocenki v processe kollektivobrazovaniya* [Dynamics of group self-assessment in the process of community-forming] // *Social'no psihologicheskie problemy pervichnogo kollektiva (shkol'niki – chleny UPB, studenty, uchaschiysya PTU)* - Socio-psychological problems of the primary community (students - members of the UPB, students, vocational school students): inter-high school coll. of scientific articles. Yaroslavl. YSPU Publ. 1982. P. 13.
4. Lutoshkin A. N. *Kak vesti za soboj* [How to lead]. Moscow. Prosvescheniye. 1981. P. 125.
5. Simonov P. V. *Motivirovannyj mozg* [Motivated brain]. Moscow. Nauka. 1987.

6. Repina N.V., Vorontsov, D. V., Yumatova I. I. *Osnovy klinicheskoy psikhologii* [Foundations of clinical psychology]. Rostov n/D. Phenix. 2003. P. 62.
7. Klimenko V.V., Chernyshev, A. S. *Vliyanie urovnya organizovannosti pervichnogo kollektiva na ocenku lichnostnyh i gruppovyh svoystv* [Effect of the level of organization of the primary team on the evaluation of personal and group properties] // *Psikhologiya vozrastnyh kollektivov: tez. dokl.* - Psychology of age-specific groups: thesis of report. Moscow. 1978. Pp. 75-76.
8. Volkov A. N. *Samoocenka i trenerskaya ocenka sposobnostej uspeshnyh i neuspeshnyh sportsmenov: 19.00.01, avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Self-esteem and coaching evaluation of successful and unsuccessful athletes: 19.00.01, autoref. dis. ... cand. psych. sci.] SPb. 2009. P. 20.
9. Asafov V.G. Op. cit. P. 13.
10. Janis I. L. *Groupthink: psychological studies of policy*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1983. P. 9.
11. Bovina I. B. *Determinanty oshibochnyh reshenij, prinimaemyh v gruppe* [Determinants of erroneous decisions in the group] // *Determinanty oshibochnyh reshenij, prinimaemyh v gruppe* - Psychology today. 1996, vol. 2, is. 2. P. 10.
12. Ibid. P. 11.
13. Raeva V. M., L. Khokhlova L.P. *Harakter predstavlenij o sebe i drugih v usloviyah grupp raznogo urovnya razvitiya* [Perception of oneself and others in cases of groups of different levels of development] // *Social'no psikhologicheskie aspekty organizacii i samoorganizacii pervichnogo kollektiva* - Social-psychological aspects of organization and self-organization of the primary team. Kursk. 1980. P. 203.
14. Chernyshev A. S. *Social'no psikhologicheskie osnovy organizovannosti pervichnogo kollektiva (na materiale issledovaniya molodezhnyh grupp i kollektivov): avtoref. dis. ... d ra psihol. nauk: 19.00.05* [Social and psychological bases of organization of the primary team (based on the study of youth groups and teams): autoref. dis. ... doct. of psych. sci. 19.00.05.] Moscow. 1980. P. 34.
15. Khokhlova L. P. *K probleme vospriyatiya lichnostnyh osobennostej v gruppah raznogo urovnya razvitiya* [The issue of perception of personal characteristics in groups of different levels of development] // *Issledovaniya po problemam social'noj i obshchej psikhologii i differencial'noj psihofiziologii* - Research on social and General psychology and differential psychophysiology / Ed. by A. N. Sokolova, I. C. Ravich Scherbo. Moscow. 1978. P. 17.
16. Asafov V.G. Op. cit. P. C. 12.
17. Ibid. P. 13.
18. Titkova L. C. *Vnutrigruppovaya konfliktnost' studentov sovremennyh rossijskih vuzov i fakty, vliyayushchie na nee (po materialam sociologicheskogo issledovaniya vuzov Primorskogo kraja): dis. ... kand. sociol. nauk: 22.00.04* [Intra-group conflicts of modern students of Russian universities and the factors affecting it (on materials of sociological research universities Primorsky Krai): dis. ... cand. of psych. sciences: 22.00.04]. Vladivostok. 2004. P. 4.
19. Asafov V.G. Op. cit. P.14.
20. Ageev V.C. *Psikhologiya mezhhruppovyh otnoshenij* [Psychology of intergroup relations]. Moscow. Publishing house in Moscow. of the University, 1983. P. 78.
21. Asafov V.G. Op. cit. P. 14.
22. Safin V. F. *Samoocenka i vzaimoocenka starsheklassnikov v zavisimosti ot vnushaemosti* [Self-esteem and vaimoana high school students depending on the suggestibility] // *Questions of psychology*. 1970, No. 1. S. 93.
23. Vorontsova N. I. *Vospriyatie i ocenka stilya prinyatiya reshenij i lichnosti rukovoditelya v kollektivah raznogo urovnya razvitiya* [The perception and evaluation of decision-making style and personality of the head in groups of different level of development] // *Lichnost' v sisteme kollektivnyh otnoshenij: tez. dokl.* - Personality in the system of collective relations: proc. report. Moscow. 1980. P. 47.]
24. *EHksperimental'noe issledovanie social'no psikhologicheskoy zrelosti molodezhnyh grupp: Iz opyta raboty Kurskoj shkoly social'no pe-da-go-gi-ches-koj psikhologii, 1964-2004 gg.* - Experimental study of the social and psychological maturity of youth groups: the experience of Kursk school of social pedagogical psychology, 1964-2004 / Ed. by A. S. Chernyshev. Kursk: Kursk State University Publ. 2004. P. 146.
25. Chernyshev A. C. Op. cit. P. 254.
26. Burns R. *Razvitie YA koncepcii i vospitanie* [Development of I concept and education.] Moscow. 1986. Pp. 105-106.

Личностно-ориентированный подход к организации самостоятельной деятельности учащихся в виртуальном классе

В статье в рамках личностно ориентированного подхода рассматривается организация самостоятельной деятельности учащихся в форме виртуального класса. Виртуальный класс является средой, в которой формируется образовательный процесс, использующий Интернет в качестве информационного канала. Описана структура виртуального занятия, содержащая следующие компоненты: мотивация, консультация по теории, тест допуска к тренингу, эвристический тест-тренинг и контроль качества его выполнения. Методической основой виртуального занятия является обеспечение каждого задания тремя видами педагогической поддержки – эвристиками: ознакомление с теоретическим базисом задания; изучение обобщенной схемы выполнения заданий данного типа; разбор образца решения задачи-клона. Использование различных видов эвристик позволяет учащемуся самому спланировать объем необходимой помощи, выстроить индивидуальные траектории усвоения учебного материала и его применения.

In the framework of personality-oriented approach the article deals with organizing of independent learning in the form of a virtual class. Virtual class is the environment in which an educational process is formed using the Internet as an information channel. The structure of the virtual class is described. It contains motivation, advice on the theory, elementary test, heuristic test, control of the quality of its solving. Methodical basis of virtual lessons provides each task with three types of pedagogical support – heuristics: study of the theoretical basis of the problem, study generalized scheme of solving of such type of the task, analysis of the solving of the sample of the problem-clone. Use of different types of heuristics allows to the student to plan the amount of necessary assistance to build individual ways of learning.

Ключевые слова: личностно-ориентированный подход, самостоятельная деятельность учащихся, виртуальный класс, эвристики.

Keywords: personality-oriented approach, independent learning, virtual class, heuristics.

В настоящее время существенно изменились требования, предъявляемые к выпускникам школ и вузов, возросла необходимость развития у обучающихся таких личностных качеств, которые будут способствовать их профессиональной и социальной мобильности. Компетентностно-ориентированное образование обозначило новые требования к качеству подготовки выпускников, определив их в виде уровня сформированности компетенций [1].

Современная ориентация образования на саморазвивающуюся личность предполагает учет индивидуальных особенностей, потребностей, обучающихся; предоставление им возможности выбора образовательных траекторий. Решение названной задачи предполагает дополнение традиционных технологий обучения личностно-ориентированными стратегиями, которые позволяют развивать индивидуальные стили познавательной деятельности каждого учащегося. Реализация индивидуального стиля обучения, основанного на учете всего спектра различий личностей школьников – особенностей психического развития, темперамента, типа нервной деятельности, становится возможной благодаря внедрению в педагогическую практику современных информационных ресурсов. Это актуализирует проблему поиска путей использования информационно-коммуникационных технологий в организации самостоятельной деятельности учащихся.

Так, в рамках личностно-ориентированного подхода одной из возможных и эффективных форм организации самостоятельной подготовки старшеклассников к ЕГЭ по математике является обучение на базе «виртуального» класса [2].

«Виртуальный» класс – это среда, где формируется образовательный процесс, использующий Интернет в качестве информационного канала. Доступ к виртуальному классу уча-

щийся может получить из своего расписания в личном кабинете на сайте школы. Основа «виртуального» занятия – самостоятельное повторение теории и выполнение учащимися тренировочных заданий с системой педагогической поддержки [3].

Подготовка учащихся к ЕГЭ должна, прежде всего, обеспечить успешную итоговую аттестацию выпускников. Для этого необходимо организовать хороший тренинг по решению задач типа В1-В15. Тем ученикам, для которых главное набрать минимальный аттестационный балл, как правило, необходима серьезная работа по устранению пробелов в знаниях, выработке умений решать типовые задачи по теме. Хороший тренинг по решению заданий первой части необходим и для учеников, которые ориентируются на поступление в вуз. Им необходимо добиться уверенного, быстрого выполнения этих заданий, чтобы не потерять на нетрудном задании нужный балл и как можно больше времени оставить на решение задач второй части, проверяющей профильный уровень математической подготовки.

Исходя из этих соображений, была разработана система занятий, каждое из которых ориентировано на самостоятельное выполнение учащимися тренировочных заданий одного из типов В1-В15.

Структура занятий одинакова и содержит следующие компоненты:

- мотивация (характеристика задания данного типа);
- консультация по теории (актуализация необходимых знаний);
- тест допуска к тренингу (диагностическое тестирование по теоретическому материалу);
- эвристический тест-тренинг (выполнение тренировочных заданий данного типа с педагогической поддержкой);
- контроль качества его выполнения (результаты выполнения эвристического теста-тренинга и их оценка).

В мотивационной части занятия на слайдах презентации дается краткая характеристика заданий, указывается, что необходимо знать для успешного выполнения данного типа заданий (рис. 1).

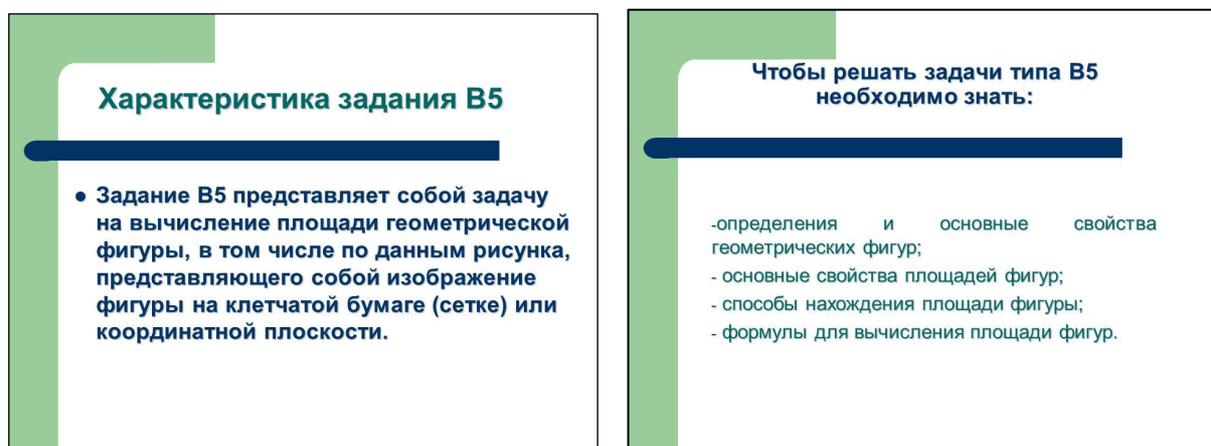

Рис. 1. Характеристика задания В5 и опорные знания для его решения

Консультация по теории предполагает представление теоретического материала по фрагментам. В слайд-лекцию по теме включены основные понятия, определения, формулы. В нее также могут быть включены обобщенные схемы решения типовых задач и примеры, раскрывающие основные шаги решения. В качестве примера приведем фрагмент теоретической консультации занятия «Задания В5» (см. рис. 2).

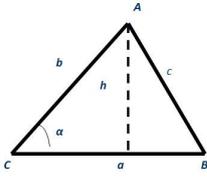
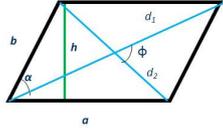
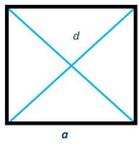
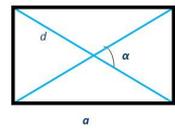
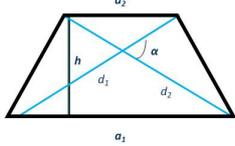
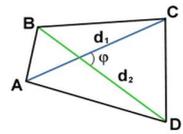
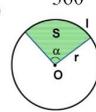
<p>Треугольник</p> <p>Площадь треугольника можно найти, используя формулы:</p> $S = \frac{1}{2}ah$ $S = \frac{1}{2}ab \sin \alpha$ $S = \sqrt{p(p-a)(p-b)(p-c)}$ <p>где $p = (a+b+c)/2$</p> 	<p>Параллелограмм</p> <ul style="list-style-type: none"> Параллелограммом называется четырехугольник, у которого стороны попарно параллельны. Площадь параллелограмма можно найти, используя формулы: $S = ah$ $S = ab \sin \alpha$ $S = \frac{1}{2}d_1d_2 \sin \phi$
<p>Квадрат</p> <ul style="list-style-type: none"> Квадратом называется прямоугольник, у которого все стороны равны или ромб, у которого все углы прямые. Площадь квадрата можно найти, используя формулы: $S = a^2$ $S = \frac{1}{2}d^2$ 	<p>Прямоугольник</p> <ul style="list-style-type: none"> Прямоугольником называется параллелограмм, у которого все углы прямые. У прямоугольника диагонали равны. Площадь прямоугольника можно найти, используя формулы: $S = ab$ $S = \frac{1}{2}d^2 \sin \alpha$
<p>Трапеция</p> <ul style="list-style-type: none"> Трапецией называется четырехугольник, у которого две стороны параллельны, а две другие не параллельны. Площадь трапеции можно найти, используя формулы: $S = \left(\frac{a_1 + a_2}{2}\right) \cdot h$ $S = \frac{1}{2}d_1d_2 \sin \alpha$ 	<p>Выпуклый четырехугольник</p> <ul style="list-style-type: none"> Четырехугольник называется выпуклым, если он лежит по одну сторону от каждой прямой, проходящей через две его соседние вершины. Площадь любого выпуклого четырехугольника можно найти, используя формулу: $S = \frac{1}{2}d_1d_2 \sin \phi$
<p>Круг. Сектор круга.</p> <ul style="list-style-type: none"> Круг – часть плоскости, лежащая внутри окружности. Сектор – часть круга, ограниченная дугой и двумя радиусами, соединяющими концы дуги с центром круга. Площадь круга вычисляется по формуле: $S = \pi r^2$ Площадь сектора круга вычисляется по формуле: $S = \frac{\pi r^2}{360^\circ} \alpha^\circ$ (α° - градусная мера соответствующего центрального угла) 	<p>§3. Способы нахождения площади фигуры</p> <ol style="list-style-type: none"> Использовать формулу для вычисления площади фигур данного вида. Разбить исходную фигуру на фигуры, площадь которых легко вычислить. Найти площадь фигуры как сумму площадей фигур. Достроить фигуру до фигуры, площадь которой легко вычислить. Найти площадь исходной фигуры как разность площадей получившейся и построенных фигур.

Рис. 2. Фрагмент теоретической консультации занятия

Особенности каждого типа заданий определяют востребованность тех или иных знаний школьников, относящихся к определенному разделу теории. При появлении у учащихся реальных затруднений или в случае сомнений по поводу правильности выполняемых действий необходимо предоставить возможность обращения к теории каждому школьнику в индивидуальном порядке. Поэтому выполнение подготовительных к ЕГЭ по математике заданий сопровождается организованной педагогической поддержкой в виде обращения к теории.

В тест допуска к тренингу включены элементарные (одношаговые или двухшаговые) задачи, многие из которых являются подзадачами заданий, которые будут предложены ученикам далее в тренинге.

Тест проверяет владение учеником основными понятиями, формулами, диагностирует готовность ученика к решению более сложных заданий. В случае неудовлетворительного результата ученику предлагается еще раз обратиться к консультации по теории.

Тренировочные задания эвристического теста-тренинга подобраны в соответствии с утвержденными демоверсией и спецификацией ЕГЭ по математике.

Методической основой подготовки виртуального занятия является обеспечение каждого тренировочного задания тремя видами педагогической поддержки.

Особенности каждого типа заданий определяют востребованность тех или иных знаний школьников, относящихся к определенному разделу теории. При появлении у учащихся реальных затруднений или в случае сомнений по поводу правильности выполняемых действий необходимо предоставить возможность обращения к теории каждому школьнику в индивидуальном порядке. Поэтому выполнение подготовительных к ЕГЭ по математике заданий сопровождается организованной педагогической поддержкой в виде обращения к теории.

Если ученик затрудняется определить способ деятельности по выполнению задания после обращения к учебному материалу, включающему теоретический базис этого задания, то возникает необходимость в ознакомлении с обобщенным способом выполнения аналогичной деятельности.

В тех случаях, когда ознакомление с обобщенным способом выполнения подготовительного задания не дает желаемого результата, ученику необходимо разобраться в деталях выполнения той или иной деятельности, понять суть каждого отдельного действия, что может быть достигнуто в процессе проработки образца выполнения деятельности на аналогичном задании (являющейся, по сути, задачей-«клоном») [4].

Задачи-клоны – задачи, одинаковые по сложности, способу решения, теоретическому базису, равноценные или близкие по трудности. Различия условий задач-клонов не касаются характера взаимосвязей, отношений между величинами, объектами, данными в условии. Задачи-клоны отличаются друг от друга числовыми данными, обозначениями, расположением объектов, наименованием нематематических объектов задачи. Изменение числовых данных в задачах-клонах не должно приводить к некоторому частному случаю, при котором у объекта появляются новые свойства, упрощающие решение; к изменению теоретической основы решения (когда рациональнее использовать другой способ решения) и т. д.

Таким образом, при самостоятельном выполнении заданий на виртуальном занятии учащиеся обеспечиваются тремя видами педагогической поддержки, которые можно называть эвристиками: 1) ознакомление с теоретическим базисом контролируемого задания содержания или вида математической деятельности; 2) изучение обобщенной схемы выполнения заданий аналогичного типа; 3) разбор образца решения конкретного задания, аналогичного данному. Эвристика первого вида «Повтори теорию!» ориентирована на раскрытие теоретического базиса выполнения задания в соответствии с заданной тематикой; эвристика второго вида «Вспомни план решения!» – на раскрытие способа решения задачи; эвристика третьего вида «Посмотри пример решения!» обеспечивает иллюстрацию реализации каждого пункта плана обобщенной схемы решения, то есть содержит само решение. В качестве примера приведем варианты эвристик к заданию В-7.

Задача. Найдите корень уравнения $4^{5x-13} = \frac{1}{64}$.

Эвристики:

1. Повтори теорию!

Свойство: возведение степени в степень: $(a^n)^m = a^{n \cdot m}$.

Теорема: Если $a^{f(x)} = a^{g(x)}$, где $a > 0$ и $a \neq 1$, то $f(x) = g(x)$.

2. Вспомни план решения!

1) используя действия со степенями, привести обе части уравнения к степеням с одним основанием;

2) применив теорему о решении показательного уравнения, свести его к линейному;

3) решить полученное линейное уравнение.

3. Посмотри пример!

Пример. Найдите корень уравнения $\left(\frac{1}{6}\right)^{12-7x} = 36$.

Решение. Приведя левую и правую части уравнения к степеням числа 6, получим уравнение $6^{7x-12} = 6^2$, откуда $7x - 12 = 2$ и, значит, $x = 2$.

Ответ: 2.

При разработке эвристик учитывалось также, что математические задачи имеют часто не единственный способ решения. В этих случаях предлагаются эвристики для разных способов решения.

Если ученик продемонстрировал не очень высокий результат при выполнении эвристического теста-тренинга, то ему предлагается вернуться к тем задачам, в решении которых он ошибся, чтобы он еще раз, изучив внимательно образцы решения задач данного типа, попробовал правильно выполнить задания.

Как показала практика, такая организация виртуальных занятий позволяет значительно активизировать учебно-познавательную деятельность учащихся, обеспечивает повторение, диагностику проблемных зон в знаниях старшеклассников и их коррекцию. Три различных вида эвристик обеспечивают реализацию личностно-ориентированного подхода к обучению, позволяя учащемуся самому спланировать объем необходимой помощи, выстроить индивидуальные траектории усвоения учебного материала, самостоятельно добывать и применять знания и эффективно подготовиться к ЕГЭ.

Примечания

1. Атрощенко С. А., Нестерова Л. Ю. Интерференция математических компетенций в системе «школа – педвуз – школа» // Мир науки, культуры, образования. Международный научный журнал. 2012. № 3. С. 51–54; Атрощенко С. А. Формирование у учащихся базовых математических моделей задач эффективного управления // Международный научно-исследовательский журнал = Research Journal of International Studies. 2013. № 7–4(14). С. 55–56.

2. Атрощенко С. А. Указ. соч. С. 55–56.

3. Виртуальный класс в дополнительном образовании сельских школьников: учеб.-метод. пособие / М. И. Зайкин, С. В. Арутюкина, С. В. Менькова и др. Арзамас: АГПИ, 2008. 120 с.

4. Менькова С. В. Математические «задачи-клоны»: сущность, дидактические функции, приемы составления // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: www.science-education.ru/118-13861.

Notes

1. Atroshchenko S. A., Nesterova L.Y. *Interferenciya matematicheskikh kompetencij v sisteme «shkola – pedvuz – shkola»* [Interference of mathematical competence in the system "school – pedagogical university – school"] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal* - World of science, culture, education. International scientific journal. 2012, No. 3, pp. 51-54; Atroshchenko S. A. *Formirovanie u uchashchihsya bazovyh matematicheskikh modelej zadach ehffektivnogo upravleniya* [Development of students' basic mathematical models of the problems of efficient management] // *Mezhdunarodnyj nauchno issledovatel'skij zhurnal = Research Journal of International Studies* - International scientific research journal = Research Journal of International Studies. 2013, No. 7-4(14), pp. 55-56.

2. Atroshchenko S. A. Op. cit. Pp. 55-56.

3. *Virtual'nyj klass v dopolnitel'nom obrazovanii sel'skih shkol'nikov: ucheb. metod. posobie* - Virtual classroom in rural schools: method. manual / M. I. Zaykin, S. V. Arutkina, S. V. Menkova and others. Arzamas. ASPI. 2008. 120 p.

4. Menkova S. V. *Matematicheskie «zadachi klony»: sushchnost', didakticheskie funkcii, priemy sostavleniya* [Mathematical "tasks-clones": essence, didactic functions, methods of compilation] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* - Modern problems of science and education. 2014, No. 4, available at: www.science education.ru/11813861.

Вятский педагог-методист Н. Н. Блинов (к 175-летию со дня рождения)

В статье раскрывается педагогическая и методическая деятельность известного вятского педагога Н. Н. Блинова, ярко проявившего себя как священник, практический учитель, методист начального обучения, краевед и исследователь истории удмуртского народа. Теоретическая и практическая работа Н. Н. Блинова представляет собой яркую страницу в истории Вятского края.

In the article the pedagogical and methodical activities of the well-known teacher from Vyatka N. N. Blinov are depicted. He has shown himself brightly as a priest, a school teacher, a methodist of the primary education, a student of local lore and a researcher of the history of the Udmurt people. The theoretical and practical work of N. N. Blinov represents the bright part in the history of Vyatka.

Ключевые слова: Вятская губерния, Н. Н. Блинов, К. Д. Ушинский, Н. Ф. Бунаков, Л. Н. Толстой, И. Ф. Фармаковский, Сарапул, Бахта, Бемышево, «Пчелка», «Учение – свет».

Keywords: Vyatskaya gubernia, N. N. Blinov, K. D. Ushinsky, N. F. Bunakov, L. N. Tolstoy, I. F. Farmakovskiy, Sarapul, Bakhta, Bemyshevo, «The bee», «The education is the light».

Одной из региональных особенностей развития образования в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. стало появление значительного количества методистов, деятельность которых осуществлялась не только в Санкт-Петербурге, Москве и других крупных городах, но также и вдали от значительных образовательных и культурных центров. Проявление этой особенности стало важным следствием развернувшегося с 1860-х гг. демократического движения передовой интеллигенции, стремившейся к всемерному распространению просвещения посредством «хождения в народ», открытия школ, написания и издания большими для того времени тиражами, доступной по цене и содержанию «народной» литературы, прежде всего букварей и других учебно-методических пособий для начальной школы.

Авторы многих из этих работ, такие, как А. Баранов, В. Руднев, Н. Щербина, А. Филонов, А. Радонежский, М. Фенелонов, Н. Ермин, Н. Некрасов и др., выступали подчас эпигонами К. Д. Ушинского, В. И. Водовозова, Н. А. Корфа, В. Я. Стоюнина, широко и далеко не всегда достаточно вдумчиво использовавшими новаторские идеи выдающихся русских педагогов и при этом не только не развивавшими эти идеи вглубь, но нередко искажавшими и утрировавшими то ценное, что содержалось в трудах классиков российской педагогики. Передовые педагоги второй половины XIX в., такие, как К. Д. Ушинский, Д. Д. Семенов, Н. В. Шелгунов и др., подвергли острой критике охарактеризованных выше авторов [1].

Одним из главных пороков подобной литературы было стремление авторов к «оригинальности», «ниспровержению авторитетов» в ущерб качеству дидактического материала. В одной из рецензий справедливо отмечалось, что «авторы неудержимо расплывающихся учебников и учебничков смотрят чрезмерно светло и преувеличенно на «особенности» своих произведений» [2]. Так, И. Сильченко, автор «Родной азбуки» (Одесса, 1893), вводил в своем пособии буквы «ъ» и «ь» в числе самых первых и тем самым «опровергал» мнение К. Д. Ушинского, как раз советовавшего в «Руководстве в преподавании по «Родному Слову» «избегать слишком ранней встречи» с этими буквами.

В то же время отечественные ученые разных поколений (Н. Ф. Бунаков, Н. В. Чехов, Н. И. Ашмарин, Н. А. Константинов, В. Я. Струминский, В. Б. Помелов и др.) в своих трудах давали высокую оценку некоторым работам провинциальных авторов, среди которых были уроженцы и Вятской губернии [3]. В число немногих оригинальных, творческих работ для начальной школы Н. А. Константинов и В. Я. Струминский включали наряду с «Азбукой» Л. Н. Толстого и «Наглядной азбукой» Ф. Ф. Павленкова пособия вятского сельского священ-

ника и учителя Н. Н. Блинова «Ученье – свет» и «Пчелка»; относили их автора к плеяде «замечательных, талантливых и самоотверженных одиночек-педагогов» [4]. Аналогичные высказывания в адрес Блинова содержатся в трудах Н. Ф. Бунакова [5], Н. В. Чехова [6]. Бунаков стал автором статьи о Н. Н. Блинове в многотомном «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» [7]. В. Г. Короленко также положительно оценивал подвижническую писательскую и педагогическую деятельность Блинова, высоко ценил его методические работы и считал, что вятский педагог заслужил «высокое почетное имя» [8].

Значительный интерес к творческому, и в частности методическому, наследию Н. Н. Блинова проявляют и современные исследователи [9]. Несомненно, Н. Н. Блинов был самым видным учителем, методистом и земским деятелем на Вятской земле; кроме того, он был известной и популярной личностью в российских педагогических кругах.

В настоящее время региональная печать знакомит читателя с некоторыми ранее не публиковавшимися по идеологическим соображениям работами Блинова, которые выходят сейчас с соответствующими комментариями специалистов [10]. В то же время методическое наследие Н. Н. Блинова во многом остается невостребованным. В частности, Н. А. Константинов и В. Я. Струминский с сожалением указывали на то, что замечательная и поучительная деятельность Н. Н. Блинова была впоследствии замолчана, а его работы преданы забвению [11].

Причиной отмеченного этими авторами сложившегося положения в отношении научного наследия Н. Н. Блинова послужило то трагическое обстоятельство, что он неоднократно подвергался репрессиям со стороны властей. Священник Блинов за активное участие в издании «Вятской незабудки» и «Наглядной азбуки» подвергался обыску, ссылался в дальний приход под надзор полиции, лишался права работать в школе. Продолжавшаяся в течение многих десятилетий пелена забвения вокруг имени этого просветителя значительно сузила возможности для изучения и использования их теоретико-методического наследия.

Николай Николаевич Блинов родился 7 (19) октября 1839 г. в селе Зашижемье Орловского уезда Вятской губернии в семье священнослужителя. В 1861 г. он окончил курс Вятской духовной семинарии и стал священником в удмуртском селе Карсовой Глазовского уезда, где по его настоянию открылась школа. В дальнейшем он совмещал церковную, педагогическую, этнографическую и писательскую деятельность.

В 1868 г. Вятское губернское земство выпускает руководство для учителей, составленное Блиновым, под названием «О способах обучения предметам учебного курса начальных народных училищ» и книгу «Грамота. Учебник для народных школ». «Грамота» была рекомендована учебным комитетом Министерства народного просвещения и быстро распространилась в земских школах. Затем он был учителем в г. Нолинске, где написал книгу «Ученье – свет». Интересный текст и иллюстрации (80 рисунков художника-сарапупльца В. И. Порфирьева) сделали книгу Блинова явлением в учебной литературе. В дополнение к ней он издал сборник стихотворений, пословиц и поговорок «Пчелка». В 1872 г. Н. Н. Блинов участвовал в первом Всероссийском съезде народных учителей в Москве, куда он был отправлен земством. Установив там прочные связи с известными педагогами и литераторами, он стал сотрудником ряда газет и журналов.

Велики были заслуги Н. Н. Блинова в области педагогической деятельности среди русских детей. Ему приходилось в печати и в практической учительской деятельности преодолевать косность старого духовенства. Так, ретрограды не мыслили обучение грамоте без обязательного повторения «глаголь – добро – есть...», считая эти слова чуть ли не за некие религиозные символы, без которых обучение грамоте никак не может обойтись. Свои дидактические взгляды педагог стремился воплотить в «бахтинский» период своей педагогической деятельности.

Важным этапом в жизни священника и учителя Н. Н. Блинова стал период его работы в крупном селе Бахта, расположенном в десяти верстах от Вятки. Вятский учитель-просветитель Дмитрий Илларионович Сенников в статье «Две школы» (имелись в виду организованные Н. Н. Блиновым школа для мальчиков и школа для девочек), опубликованной в «Вятских губернских ведомостях» (далее – «ВГВ») (1870, № 41) поражался небывалой для того времени постановкой школьного дела.

В школе (Блинов предпочитал говорить – «в школах», имея в виду классы для мальчиков и девочек) обучались в среднем 30 мальчиков и 20 девочек. Было введено наглядное обучение. Уроки сопровождалось показом репродукций, иллюстраций, работой с картами. Вместе с Блиновым дети обрабатывали школьный садовый участок, сажали деревья, цветы,

овощи, попутно знакомясь с основами ботаники и агрономии. В школе был введен ручной труд: мальчики обучались сапожному делу, девочки – шитью и вязанию. Все это было делом новаторским для того времени, не говоря уж об уроках физкультуры, которые были обязательны в школе Н. Н. Блинова как для мальчиков, так и для девочек. Необходимость этих нововведений просветитель объяснял тем, что крестьянским женщинам нередко приходится выполнять тяжелую мужскую работу и поэтому девочки с ранних лет должны быть физически подготовленными. Все указанные новшества проводились за счет личных средств учителя (кстати, отца одиннадцати детей). Жалованье уходило на приобретение физкультурных снарядов, книг и наглядных пособий, материалов для обучения детей ремеслу. Земство отпускало на школу крайне скудные средства.

Бахтинский период просветительской деятельности Н. Н. Блинова раскрывал протоиерей И. Ф. Фармаковский в своих воспоминаниях. Он рассказывал, как Блинов убеждал в Бахте крестьян, чтобы они отдавали в школу девочек. Крестьяне возражали: «Ну на что девкам нашим грамота? Ведь не писарями же им быть?!» Но Блинов все-таки добивался своего. В женской школе с девочками занималась и его жена. Она обучала детей чтению, письму и арифметике, а заодно шитью, вязанию, вышиванию.

Практическую педагогическую работу отец Николай сочетал с научно-педагогической. Стремясь к наибольшей эффективности обучения, он обобщил свой, к тому времени уже богатый педагогический опыт и опубликовал методические пособия для учителей: «Грамота: учебник для народных школ» (Вятка, 1868, 1870, 1872), «О способах обучения предметам учебного курса начальных народных училищ» (Вятка, 1870; СПб., 1875, 3-е изд.). В «ВГВ» публиковались его статьи, носившие по тем временам новаторский, остро полемический характер. Так, в статье «О мерах по улучшению преподавания в народных школах» (1869, № 11, 13) он выступил с широким просветительским планом усовершенствования педагогической работы. В частности, им предлагалось создание специальных педагогических библиотек, проведение съездов и совещаний учителей. Его собственная библиотека впоследствии стала предметом специального изучения.

Первые сведения о Н. Н. Блинове как исследователе местного края датируются 1861 г., когда в «ВГВ» вышли его статьи, носившие этнографический характер. В материале «Новое поветрие» (1861, № 29) он рассказывал о суеверном предубеждении крестьян-удмуртов против одежды из фабричных материалов. В «Заметках о пермяках Вятской губернии» (1861, № 44, 45) едва ли не впервые в местной историографии он дал подробное описание быта этой народности, а в статье «О приемных покоях для больных» (1862, № 3) рассказал об отношении удмуртских крестьян к «казенной» медицине и способах народного целительства.

В последующие годы он увлеченно занимался изучением жизни местного населения, чему свидетельством являются его статьи в «ВГВ»: «Описание Карсовайского прихода Глазовского уезда» (1864, № 46, 48, 49), «Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсовайского прихода» (1865, № 31, 33–37), «Иногородцы северо-восточной части Глазовского уезда» (1865, № 59–67), «Влияние времени года на рождение и смертность» (1866, № 84–87), «Движение народонаселения в приходе села Карсовайского» (1869, № 14–22, 28–37). Все указанные статьи не были просто заметками, а именно большими глубокими статьями, печатавшимися на протяжении ряда выпусков газеты. Свою историко-этнографическую ценность эти и другие работы Блинова не только не утратили, но с течением времени приобретают все большее значение, поскольку они являются одним из немногих источников, а в ряде случаев единственным, в области исследования истории и культуры «малых народов».

В 1866 г. «ВГВ» опубликовали знаменитый письменный памятник XVII–XVIII вв. «Повесть о стране Вятской» (другое название – «Повесть о городе Вятке»), вызвавший оживленную и до настоящего времени незавершенную дискуссию историков по вопросу о времени заселения русскими Вятской земли. Это был так называемый «баженовский список». Блинов, ознакомившись с ним, сделал вывод о его неполноте и выдвинул свой, «блиновский» список. Дополнение, приведенное Н. Н. Блиновым, было опубликовано в «ВГВ» (1866, № 34, 45, 66).

В эти годы Блинов направляет свои работы в Вятский губернский статистический комитет, где они получают положительный отзыв и рекомендации к опубликованию. Исследование о Карсовайском приходе высоко оценивается Русским Императорским географическим обществом, и в итоге в 1866 г. автор работы, сельский священник и учитель, принимается в действительные члены общества и награждается бронзовой медалью.

Но деятельность Н. Н. Блинова на педагогическом и публицистическом поприще вызвала недоброжелательное отношение местных властей. В 1875 г. он был «выведен за штат» и по требованию губернатора даже покинул Вятскую губернию. Блинов поехал в Санкт-Петербург, где поступил вольнослушателем на юридический факультет Петербургского университета.

В 1879 г. Н. Н. Блинов вернулся в Вятскую губернию и занял место священника в Сарапульском Вознесенском соборе, где прослужил много лет. Он возобновил свои краеведческие исследования, одновременно занимаясь литературной работой и участвуя в культурной жизни города. В течение многих лет он был членом попечительного комитета публичной библиотеки Сарапульского земства. Принимал самое деятельное участие в организации и работе Сарапульского земского музея и общества изучения Прикамского края. В 1880 г. он издал книгу «К 100-летию юбилею г. Сарапула». Продолжая изучать архивные материалы, опубликовал «Историко-статистическое описание города Сарапула, Воткинского и Ижевского заводов» (1887). Им был написан драматический этюд «Свет и во тьме светит!», посвященный Л. Н. Толстому и являющийся своеобразным откликом на его пьесу «Власть тьмы».

В 1895 г. Н. Н. Блинов был переведен из Сарапула в удмуртское село Бемыж (Бемышево). Его интересовали бытовавшие в удмуртской среде обычаи и религиозные пережитки. Эти наблюдения легли в основу его книги «Языческий культ вотяков», экземпляр которой был подарен им В. Г. Короленко, выступавшему на Мултанском процессе в защиту удмуртов.

Закончив свое пастырское служение, семидесятилетний Н. Н. Блинов вернулся в Сарапул и вновь занялся краеведческой работой. Он выпустил книгу очерков «Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современное» (1908), «Памятные книжки города Сарапула» на 1911–1912 гг., а также издал книгу о славной землячке Н. А. Дуровой «Кавалерист-девица Дурова – Чернова – Александров». В «Известиях Сарапульского земского музея» Н. Н. Блинов помещает ряд статей и заметок: «Сарапульская старина» (1913), этнографический очерк «Лапти», исторический очерк «Заселение Закамья» (1914). Последняя его статья «Церковь на Старцевой горе в городе Сарапуле» была опубликована на страницах первого выпуска «Известий Общества изучения Прикамского края» незадолго до его смерти.

Блинов – автор большого числа статей и более чем двадцати книг, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Вятке и Сарапуле, среди которых «Народное образование в Вятской губернии за последние десять лет. 1864–1874», «Жизнь Робинзона», представлявшее собой изложение для детей известного романа Д. Дефо, и др. В 1914 г. Н. Н. Блинову было присвоено звание «Почетный гражданин города Сарапула». Умер 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) в городе Сарапуле Вятской губернии.

Поистине всероссийскую славу и признание в учительской среде Н. Н. Блинову принесла книга «Ученье – свет» (М., 1873; Вятка, 1884). В своих воспоминаниях Н. Ф. Бунаков, рассказывая о событиях первого Всероссийского съезда народных учителей 1872 г., вспоминал в своей книге «Как я стал и как перестал быть “учителем учителей”», что «в вятской группе находился энтузиаст земской школы, педагог-священник Н. Н. Блинов, симпатичнейший человек, страстно преданный делу народного образования, широко понимавший задачу народной школы. Он тогда уже был известен своею умною книжкой “О способах преподавания предметов элементарного курса”, написанной горячо и с хорошим пониманием дела, а теперь привез в Москву в рукописи свой новый труд “Ученье – свет”, с которым познакомил меня и с которым я познакомил аудиторию, как с превосходным курсом “родиноведения” для народной школы. Книжка эта была издана в Москве Мамонтовым и до сих пор пользуется вполне заслуженным успехом» [12].

Исключительно высоко оценивал методические изыскания вятского педагога Н. Ф. Бунаков в книге «Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905», где он продолжил свои воспоминания о встречах с вятским педагогом на вышеупомянутом съезде: «Блинов Н. Н. познакомился со мной, показал и объяснил мне привезенные рукописи, которые привели меня в восторг. Работы были действительно оригинальные и достойные внимания, особенно “Ученье – свет”, книга для чтения в совершенно новом роде, не шаблонный сборник бессвязных статей, а ряд оригинальных описаний и рассказов, начиная с крестьянской избы, выводящих читателя постепенно за околицу, в поле, в лес и на широкий простор Божиего мира» [13].

Столь высокая оценка работ и деятельности Блинова полностью совпадает с характеристиками, которые давали его методическим работам другие видные исследователи. Н. В. Чехов отмечал, в частности, что до Н. А. Корфа «педагогические вопросы, связанные с постановкой школьного дела, и методы преподавания разрабатывались у нас по преимуществу теоретически, без применения к действительным условиям русской национальной школы. Среди всех педагогов и методистов того времени исключение в этом отношении составлял земец Вятской губернии священник Блинов, видный педагог и самоотверженный деятель в области народного образования» [14]. Чехов считал его методические работы одними из лучших из тех, что были созданы в тот период. Так что литературный и методический талант Блинова не вмещался в узкие рамки священнических, а также учительских обязанностей, которые ему приходилось выполнять. Поэтому неудивительно, что, по определению В. А. Бердинских, Блинов был своеобразной «белой вороной» и даже изгоем в среде сельского приходского духовенства [15]. Одновременно он пользовался большим почетом и уважением среди учительства Вятской губернии.

Ценность научно-методического наследия Блинова определяется двумя обстоятельствами. Первое обстоятельство состоит в том, что он, будучи последовательным сторонником Ушинского в области начального обучения, в своей педагогической деятельности, продолжавшейся более полувека, активно проводил в жизнь такие новаторские идеи великого русского педагога и его ближайших последователей, как народность, гуманность, природосообразность в обучении и воспитании. Вслед за Ушинским он неоднократно подчеркивал необходимость возможно более глубокого изучения природы ученика. Выступал за скорейшее введение всеобщего начального образования и как земский деятель и видный публицист (публиковался в «Неделе», «Биржевых ведомостях», «Русском обозрении», «Детском чтении», «Северном вестнике», «Мире Божиим», «Сельской беседе») всемерно способствовал этому. Второе обстоятельство заключается в том, что, помимо просветительской работы в области распространения взглядов корифеев отечественной педагогики, вятский педагог стремился к формулированию в своих работах самостоятельных педагогических идей, нашедших свое воплощение, прежде всего, в таких его работах, как «Ученье – свет. Книга для чтения в народных училищах» (М., 1873; Вятка, 1884), «Замечания для учителей о классных занятиях по книге “Ученье – свет” Н. Блинова» (М., 1873) и «О способах обучения предметам учебного курса» (СПб., 1875. 3-е изд.).

Анализ пособий Н. Н. Блинова позволяет сделать вывод о том, что наиболее примечательной его чертой как методиста был расчет «не на поспешность и усиленность занятий, а на применение к делу обучения разумных, упрощенных методов и на достаточность учебных пособий, соответствующих цели» [16]. Тем самым педагог подчеркивал свою приверженность научно обоснованным, продуманным методикам, прежде всего при обучении чтению, которое он считал основой основ в начальной школе. Поэтому он обращал особое внимание на «начальные приемы», справедливо полагая, что «хорошо начатое дело и продолжать нетрудно».

Он неоднократно отмечал у стремившихся работать творчески учителей «осознание необходимости введения улучшений», но одновременно указывал, что их многочисленные попытки в этом направлении нередко «не говорят в пользу самого дела». Разуверившись в предлагаемых методиках, учителя бросают их, находя «чересчур замысловатыми». Блинова не удовлетворяли сформировавшиеся в учительской среде методические стереотипы, в частности стремление некоторых учителей начинать работу с детьми с «затверживания» всего алфавита. Он справедливо указывал, что «ни на одном языке нет таких слов, в которые вошел бы не только весь алфавит, но хотя бы половина его; не всякая даже печатная страница совмещает в себе все буквы... К чему же тогда такая торопливость при изучении основ?» [17].

С целью преодоления вышеуказанных стереотипов Н. Н. Блинов разработал своеобразную методику обучения чтению. В ее основание он положил идею формирования, как он пишет, возможно более ясного понятия о звуке (букве), его изолировании или резком выделении среди других звуков (букв). Он предлагал в самом начале работы выделить два-три гласных звука, например «а» и «о». Затем учитель дает описание случаев, когда человек вскрикивает: «Ай! Ой!» Потом эти звуки называются в словах: «мать», «кол», «сад», «дать», «дом», «шаг». Следующий этап работы – определение этих звуков в начале, середине и конце слов: «ах», «ха», «шар», «сор». В дальнейшем даются слова, содержащие эти гласные вместе:

«оба», «закон». За двусложными следуют многосложные слова, такие, как «Маша», «Параша», и смешанные – «солома», «собака».

Аналогичным образом вятский методист предлагал изучать и другие гласные звуки и буквы. Согласные, по его методике, также должны были изучаться постепенно, «по одной зараз». При выборе порядка их изучения методист исходил из двух критериев: наибольшая протяженность звука («л», «с») и более «легкое» объяснение («м» – «мама»). Таким образом, ко времени ознакомления с двумя-тремя согласными буквами ученики уже овладевали всеми гласными и поэтому могли читать легкие тексты, составлять довольно много слов и фраз и записывать их в тетрадь. «Вот основание метода обучения чтению, который только и может называться разумным», – несколько самоуверенно заявлял Блинов.

Ф. Ф. Павленков положил методические воззрения Блинова в основание своей «Наглядной азбуки», представлявшей собой такое учебное пособие, которое могло, по мысли автора, использоваться и без помощи учителя. Однако Н. Ф. Бунаков, называя работу Павленкова оригинальной, талантливой и полезной, не разделял оптимизма Н. Н. Блинова по поводу того, что «эта азбука сделает возможным самообучение грамоте и быстро подвинет распространение грамоты в русском народе», хотя, «непобедимая вера в громадную силу грамоты и неукротимое стремление дать русскому народу эту силу внушали ему (Блинову. – В. П.) уверенность, что возможно осуществление такой утопии, как самообучение грамоте» [18].

Вятский историк педагогики В. А. Петров, кстати, один из первых пятнадцати выпускников Вятского учительского института (1917 г.), давал положительную характеристику методике Н. Н. Блинова, подчеркивая ее логичность и доступность для рядового учителя [19].

Нам представляется в методике Н. Н. Блинова оригинальным и ценным наличие такого для того времени нового элемента в обучении грамоте, как четко установленная и наполненная конкретным содержанием поэтапность, известная в настоящее время под названием «алгоритмизация». В то же время, отдавая должное работе вятского методиста в области создания активной творческой методики обучения чтению, технология которой описана в его трудах и проверена на практике, заметим, что предлагавшаяся им методика не лишена существенных недостатков. Наиболее серьезным из них является то обстоятельство, что стремление к установлению строгой поэтапности в усвоении букв неизбежно должно было сопровождаться необходимостью введения слов, смысл которых был детям неизвестен.

Примечательно, что, раскрывая очень подробно, с многочисленными примерами и ссылками на другие источники, разнообразные нюансы методики обучения чтению и письму, священник Блинов «укладывает» всю «методику» обучения церковно-славянскому языку в полстраницы.

Важнейшим средством обучения в начальной школе является книга. Сам Н. Н. Блинов лучшим из методических руководств считал пособия К. Д. Ушинского. Однако вятский педагог отмечал, что, пользуясь ими, учитель должен уметь методически обрабатывать содержащийся в них учебный материал, применяясь к требованиям сельского училища и возможностям его учеников. Отмечая как положительную черту энциклопедичность и содержательную насыщенность «Детского мира» и «Родного слова» К. Д. Ушинского, Блинов в то же время считал, что эти пособия больше подходят для городских, более развитых и подготовленных к школьному обучению детей. Рассказы в них, указывал вятский методист, идут «разъединенно», и, хотя они связаны определенной логикой и последовательностью, сельскому ребенку, никогда не покидавшему своей деревни, чересчур сложно осознать некоторые сюжеты и понятия, которые относятся к тем сферам жизни, что выходят за пределы ежедневного бытия крестьянина.

Мы считаем подход Н. Н. Блинова к рассмотрению пособий Ушинского весьма упрощенным, а его аргументы по поводу якобы большей развитости городских детей по сравнению с сельскими не вполне убедительными. Нам представляется необоснованной и его критика в адрес работ великого русского педагога, ставших со времени своего появления на долгие годы основными пособиями для детского чтения и положивших начало изданию нового типа литературы – детской энциклопедии (детской хрестоматии); ни одна книга не может содержать такой объем материала и идей, которые бы отвечали всем потенциальным требованиям и запросам читателя; любая книга, как правило, решает локальную задачу.

Таковую же частную задачу ставил перед собой и сам Н. Н. Блинов при составлении «первой книги для сельских ребят» под названием «Ученье – свет». В ней он предлагал вести ре-

бенка «от семьи к деревне, от деревни к селу, затем к школе, в которой ему дается представление о широком Божием мире». Главное внимание в пособии уделяется обильно иллюстрированному связному повествованию, которое ведется от лица мальчика, постепенно открывающего для себя окружающий мир. Повествование разделено на отдельные рассказы – «случаи», логически связанные между собой.

Н. Ф. Бунаков высоко оценивал сочность, народность и в то же время исключительно ярко выраженную литературность языка, которым написана книга. Принцип наглядности в ней реализуется не столько посредством иллюстраций, как у Я. А. Коменского в «Мире чувственных вещей в картинках», не через точное и научное описание рассматриваемых объектов, как в вышеотмеченных работах К. Д. Ушинского, а преимущественно путем использования выразительных средств народного русского языка.

При этом Н. Н. Блинов не претендовал на энциклопедическую широту охвата проблем, присущую произведениям названных великих педагогов; такая задача им просто не ставилась, поскольку книга была предназначена лишь для первого года обучения. Современный исследователь А. В. Блюм подчеркивал и другие достоинства книги Блинова, отмечал, что для нее «характерен глубокий гуманизм, она начисто лишена назидательно-нравоучительного тона, которым были проникнуты почти все издания подобного рода в то время» [20].

Н. Н. Блинов внес определенный вклад в решение проблемы использования основных дидактических принципов применительно к условиям начальной народной школы. Свои воззрения по этому вопросу он изложил в работах «Замечания для учителей о классных занятиях по книге “Ученье – свет” Н. Блинова» (М., 1873) и «О способах обучения предметам учебного курса» (СПб., 1875), ставших одними из первых российских методических пособий региональных авторов для начальной школы.

В них Н. Н. Блинов достаточно аргументированно обосновал необходимость использования основных принципов дидактики, в частности принципа сознательности в обучении. Так, будучи убежден, что ребенок только тогда относится к известному случаю, поступку и т. п. с должным вниманием, сознательно, когда ему известно хотя бы одно лицо, которое участвует в данном действии, методист берет в качестве этого лица самого мальчика – героя книги «Ученье – свет» и предлагает учителю всегда ставить каждого ученика в то положение, в каком находится главное действующее лицо. Он рекомендовал педагогам побуждать детей к составлению своих собственных «книг», то есть личных дневников, в которые они должны были записывать ежедневные впечатления и наблюдения. Немаловажное значение Н. Н. Блинов придавал реализации принципов доступности и последовательности в обучении, что находило отражение в его книге «Ученье – свет» в особом расположении материала, где деревенские реалии постепенно сменялись более сложными для сельских учащихся городскими сюжетами, а затем дети знакомились с жизнью других стран и народов.

Принцип посильности также нашел свое отражение в рассматриваемой книге Н. Н. Блинова. Она хоть и представляла собой единый рассказ, описание жизненных впечатлений одного мальчика, но одновременно подразделялась на отдельные главы. Ее автор справедливо полагал, что к чтению большого рассказа или к однообразному, «связному до педантизма» изложению дети на первых порах еще не готовы. Видимая же связь между всеми «рассказцами», создававшая иллюзию единого большого повествования, позволяла детям преодолевать страх перед чтением «толстых» книг.

Активная методическая деятельность Н. Н. Блинова в определенной степени способствовала утверждению среди учителей Вятской губернии принципа наглядного обучения. В своих выступлениях на съездах народных учителей и в методических пособиях он справедливо отмечал, что в начальные училища поступают дети разных возрастов, не одинаково развитые и обладающие различным, хотя, в целом, и не обширным запасом сведений и жизненных впечатлений. Однако каждый из этих детей обладает драгоценным качеством детства – живой восприимчивостью. С любопытством рассматривает ученик-новичок всякий предмет, хотя бы отчасти и известный ему, если ему указывают на новые, не замеченные им ранее особенности этого предмета. Это стремление к восприимчивости, «охоту к рассматриванию» и должен использовать учитель в первый год обучения. Ему следует обратить внимание детей на окружающие предметы, определить вместе с детьми внешние отличия и обучить их словесному описанию.

Особую роль в первый год обучения Блинов отводил возможно более широкому применению принципа наглядности, придавая ему даже самодовлеющее значение. Он полагал, что в первые месяцы обучения детей «не нужна будет никакая книга» [21]. С таким подходом трудно согласиться, особенно если учесть, что во многих сельских школах обучение продолжалось «одну зиму», то есть всего четыре-пять месяцев.

Н. Н. Блинов указывал также на то, что, на его взгляд, полноценной первой книги для чтения пока не создано. Казалось бы, такое мнение представляется абсурдным для человека, который был даже лично знаком или состоял в переписке с некоторыми авторами учебных книг, получивших широкое признание, например с Н. Ф. Бунаковым. Однако он пояснял, что в настоящее время книги замечательных русских педагогов существуют, несмотря на все свои достоинства, как бы сами по себе, а нужно, чтобы они дополнялись и были тесно увязаны в содержательном отношении с «коллекцией наглядных пособий», которой пока нет.

Таким образом, вятским педагогом высказывалась оригинальная мысль о необходимости создания комплекса учебно-наглядных пособий и для обучения грамоте, и для последующих ступеней обучения. Реализация этой идеи осуществлялась самим Н. Н. Блиновым как в процессе его активной работы по созданию в городе Вятке первого педагогического кабинета, губернской земской мастерской учебно-наглядных пособий, так и при составлении им различных методических пособий.

Собственное понимание реализации принципа наглядности в обучении Н. Н. Блинов подробно рассматривает в книге «О способах обучения предметам учебного курса». Отмечая явную недостаточность учета этого дидактического принципа в практике работы российской начальной школы, он предлагал проведение самостоятельных уроков наглядного обучения, по четыре-пять уроков в неделю. Разумеется, он не был первым, кто выдвигал и реализовывал в практической деятельности идею проведения наглядных уроков. Однако в то время она представлялась в провинции достаточно новой и оригинальной, поскольку сам принцип наглядности не считался общепризнанным среди сельского учительства, особенно среди законоучителей.

В содержание наглядных уроков Н. Н. Блинов включал беседы о свете, цвете, форме и величине тел, упражнения над различением звуков, ознакомление детей с физическими свойствами тел и их поверхностей и многое другое. Дальнейшее развитие уроков наглядного обучения Н. Н. Блинов связывал с введением элементов природоведения и родиноведения, в связи с реализацией принципа природосообразности. Здесь в качестве отправной точки педагоги разных стран, как известно, избирали различные объекты. Так, Й. Г. Песталоцци предлагал начинать изучение ребенком окружающего мира с человеческого тела, немецкие педагоги – с вещей из домашней обстановки, педагоги Англии – с «естественных произведений и технических производств». Н. Н. Блинов придерживался последнего мнения и считал, что только в этом случае в школу будет внесен тот элемент жизненности, который освобождает ее от схоластики в процессе первоначального обучения и сделает последнее более наглядным [22].

Изучение природоведения и родиноведения, по мнению Н. Н. Блинова, может реализовываться не только в процессе книжного обучения в классе, но также и во внеурочное время. С этой целью учитель может воспользоваться прогулками с учениками в ближайший лес, в поле, на луга. В ходе экскурсий и сам учитель узнает много нового, а «полученные им сведения могут принести неоценимую пользу для... составителей руководств отчизноведения» [23]. Поэтому он советовал учителям во время экскурсий обращать внимание на географическое положение населенных пунктов, на горы, воды, почвы, животный и растительный мир, на характерные особенности местных жителей (внешность, национальность, одежда, пища, нравы, обычаи, песни, сказки, предания, поверья, занятия, промыслы, торговля и т. д.) и на собиранье коллекций насекомых, растений, почв, минералов и т. д. С этой целью он считал необходимым учителю составлять «коллекции естественных произведений из трех царств природы».

Н. Н. Блинов неоднократно подчеркивал необходимость для учителей иметь в своем распоряжении доступные средства наглядности: картины, муляжи, модели и т. п. В связи с этим заслуживает внимания его мысль о том, что практически любой предмет можно сделать учебным пособием. Так, «валяющийся у крыльца камень не вызывает в ученике никакого интереса, но принесите этот камень в класс и сделайте о нем беседу и увидите резуль-

таты. Дети видели в лесу тысячи сосновых и еловых шишек, но спросите, рассматривали ли они их внимательно, замечали ли они в них семена, зародыши будущих сосен и елей?» [24].

Таким образом, вятский методист возлагал немалые надежды на региональную составляющую («местный элемент» по Блинову) в содержании образования. Не случайно, отмечал он, «результаты получаются далеко лучшими, когда материалом обучения будет еще более близкое и родственное детям, а именно то, что может еще легче действовать на способность восприятия их» [25]. Наглядные природные, предметные и словесные впечатления локального характера обогащают мышление учащихся настолько, что, как считал педагог, на последующем этапе развития их духовных сил дети не имеют недостатка в материале для упражнения своих мыслительных способностей.

Н. Н. Блинов призывал учителей овладевать богатым методическим арсеналом российской педагогической мысли. Так, им настоятельно рекомендовалась разработанная Ушинским методика рассказов по картинкам. Упражнения в пересказе содержания картинок, справедливо считал педагог, должны сочетаться с письменными упражнениями, под которыми он понимал «осмысленное употребление букв, слов, выражений и расположение слов» [26]. Вятский педагог поддерживал плодотворную идею В. И. Водовозова об «обстоятельном словесном и вещественном разборе статей, дающем достаточный материал для письменных работ учеников» [27].

В опоре на достижения передовой российской методической мысли, нашедшей свое наиболее яркое проявление в трудах К. Д. Ушинского и его единомышленников и последователей, Н. Н. Блинов стремился в своих пособиях выразить собственное понимание целесообразной организации процесса обучения. Например, он предлагал разнообразить уроки чтения в зависимости от степени подготовленности учащихся и характера изучаемого материала и либо сразу приступать к чтению избранного учителем отрывка текста, – в случае, если он своим содержанием вызывает в сознании детей хорошо им известные и «понятные до отчетливости обстоятельства», либо сначала провести предварительную беседу, в ходе которой внимание детей должно быть обращено на предметы и обстоятельства, о которых позднее пойдет речь в избранном для чтения отрывке текста. Такие беседы, указывал Блинов, чаще должны иметь место в начальный период обучения. Так, при работе над рассказом «Деревня» из книги «Ученье – свет» методист советовал учителю начинать урок с обращения к детям рассказать о своей деревне. После этого чтение должно пойти легче, так как оно будет опираться на знакомый детям материал и только что употребленные в речи слова.

В качестве следующего этапа работы над данной темой Блинов советовал предложить детям составить, опираясь на лексическое содержание начального этапа урока, словесное описание своих деревень (каждому ученику – своей), и потом совместно – рассказ о селе, в котором находится школа. Этот последний рассказ в коротких, простых предложениях записывается учителем на классной доске. Как вариант он рекомендовал самостоятельную запись детьми составленного ими рассказа.

Письменные упражнения, под которыми Блинов понимал «осмысленное употребление букв, слов, выражений и расположение слов», должны были идти одновременно с чтением книги, ибо только через практику дети могут привыкнуть к грамотному выражению своих мыслей, чему, по мнению Н. Н. Блинова, способствует «обстоятельный словесный и вещественный разбор статей, дающий достаточный материал для письменных работ учеников» [28]. Следует признать, что вышеприведенные методические советы и рассуждения вятского педагога не были вполне оригинальными. Здесь Блинов по-своему интерпретировал руководства и объяснительные записки К. Д. Ушинского к книгам «Детский мир» и «Родное слово» [29].

Ценность этих методических советов, приведенных в работах Блинова, состояла, прежде всего, в том, что указанные работы великого русского педагога находились достаточно длительное время под запретом и поэтому учителя Вятской и соседних с ней губерний получали возможность ознакомиться с богатым методическим наследием российской педагогической мысли в популярном изложении вятского методиста.

Н. Н. Блинов не замыкался на использовании достижений российских педагогов. Из опыта немецких детских садов Блинов предлагал перенести в русскую начальную школу «дары Фрёбеля», черчение по клеткам, плетение, работу с бумагой, глиной и другими материалами, подвижные игры с мячом.

Последние он связывал с преподаванием пения, которое тогда носило исключительно религиозный характер. По его мнению, пение должно быть и светским, служить своего рода фоном для игр и важным средством передачи молодому поколению народной памяти.

Стремление вятского педагога к освоению передовых методических образцов, в том числе и зарубежных, подчас оборачивалось копированием не только позитивного, а и, на наш взгляд, несколько консервативного опыта. В качестве примера укажем на некоторое заимствование из книги одного из сотрудников выдающегося немецкого педагога Фридриха Фрёбеля Генриха Лавенталя «Первое школьное обучение. Пособие учителям начальной школы» (М., 1867). Немецкий методист предлагал в течение *нескольких месяцев* задавать детям при ознакомлении с окружающими их в школе элементарными вещами вопросы типа: «Что это такое? Что есть у предмета? Для чего? Откуда? Зачем? Из чего сделан?» и т. п. Подобный методический педантизм, заимствованный Н. Н. Блиновым у Г. Лавенталя, а также у Н. Ф. Бунакова, проявился почти дословно в книге вятского педагога «О способах обучения предметам учебного курса». Постановка подобного рода вопросов расценивалась видными педагогами отнюдь не как реализация принципа постепенности в обучении и вызвала едкие, ироничные замечания со стороны, в частности, Л. Н. Толстого.

В то же время демократизм взглядов Блинова, его сочувственное отношение к крестьянам наглядно проявились в отношении к его работам со стороны официального чиновничества. Пытаясь расширить сферу применения своих книг и получить средства на издание их дополнительного тиража, Блинов обратился с этой целью в особый отдел ученого комитета Министерства народного просвещения, но в итоге только навредил делу.

Цензор особого отдела Сент-Илер писал в своей рецензии: «Мальчик (герой книги «Ученье – свет». – В. П.) задумывается над тем, отчего некоторые живут богато, а другие – бедно, и задает себе вопрос “Зачем не только в разных местах, но и в одной деревне у одних всего довольно, а другие перебиваются с куска на кусок?” Прямого ответа на этот важный вопрос нет в книге... Все статьи о неравенстве состояний кажутся нам неуместными. Сами вопросы эти не должны составлять материала для классных бесед. Нет никакой причины особенно возбуждать в детях вопросы о бедности и богатстве» [30]. В итоге было разрешено использование лишь «Пчелки», представлявшей собой сборник безобидных стихов, пословиц и сказок для детского чтения, а книги «Ученье – свет», «Замечания для учителей...», «О способах обучения...» подверглись запрету.

Научно-методическая и практическая педагогическая деятельность Блинова – яркое явление в истории российского провинциального образования. «Симпатичный образ этого русского народного учителя – энтузиаста, с одушевлением и какой-то нервной торопливостью излагающего свои чистые и честные идеи о народном просвещении, о народной школе, народном благе, никогда не изгладится в моем воображении», – писал о нем Н. Ф. Бунаков [31].

Важнейшей чертой практической педагогической деятельности и методического наследия Н. Н. Блинова выступает их актуальность и значительная ценность для дела начального просвещения крестьянского населения. Близость просветителя к народу, постоянная учительская работа в его среде, своевременный учет запросов и требований времени, литературный и педагогический талант позволили ему создать отвечавшие самым высоким методическим требованиям исторического периода произведения, применение которых в школах существенным образом повлияло на качество обучения.

Региональные особенности Вятского края и соседних с ним регионов наложили явственно ощущаемый отпечаток на содержание их трудов. В частности, полиэтничный состав населения обусловил необходимость разработки учебно-методических пособий для нерусских народов. Значительная часть педагогической деятельности Н. Н. Блинова была посвящена обучению удмуртских детей, для которых им была составлена первая удмуртская грамота «Лыдзон» («Чтение») (Вятка, 1867). В ее основу была положена графика русского языка с добавлением надстрочных знаков для выражения специфических звуков удмуртской речи, а самое главное – новаторский для того времени звуковой метод обучения грамоте, предложенный К. Д. Ушинским. Следует заметить, что первая удмуртская азбука была написана иереем из удмуртского села Укан И. Анисимовым и издана в Казани в 1847 г. Но это было сугубо богословское издание, построенное на переложении краткого катехизиса. Поэтому первой полноценной с дидактической точки зрения азбукой-букварем следует считать труд Н. Н. Блинова. В этой азбуке приведены в определенной системе слоги, слова и выражения,

даны переводы молитв и впервые на удмуртском языке прозаические отрывки светского нравоучительного содержания. Здесь же помещен первый перевод поэзии А. С. Пушкина на удмуртский язык, осуществленный Блиновым. Свою рукопись Блинов направил в Вятский губернский статистический комитет, который в те годы был в Вятской губернии, по существу, центром культурной жизни. В своем обращении в комитет он писал: «За составление ее (азбуки. – В. П.) назад тому более года я взялся вследствие настоятельной необходимости, так как поступавшие ко мне для обучения вотские мальчики, не понимая русского языка, с большим трудом знакомились с русской грамотой» [32].

И помощь была оказана: Вятский губернский статистический комитет направил ее на рецензию известному вятскому издателю и журналисту Николаю Ивановичу Золотницкому, жившему в то время в слободе Кукарка Вятской губернии фактически в ссылке. Получив от него положительный отзыв, комитет стал хлопотать об издании работы. Комитет возбудил ходатайство перед губернатором, затем перед Московским цензурным комитетом, и в итоге азбука была издана быстро – в Вятке в 1867 г., а затем и в Москве. В дальнейшем она неоднократно переиздавалась и совершенствовалась другими авторами. Издание этой азбуки поставило Н. Н. Блинова в один ряд с видными российскими просветителями «малых народов». Успех издания вдохновил автора на издание других работ. Его работа по составлению методической литературы для средневожских народов была продолжена и значительно усовершенствована И. С. Михеевым. Методические взгляды Н. Н. Блинова до настоящего времени остаются современными и не утратившими своего значения. Вятский просветитель внес вклад в развитие национальной культуры и литературы, выступив автором оригинальных литературных этнографических, драматических, исторических, биографических произведений.

Блинов не принадлежал к какой-то определенной научной группе. Он был единственным в своем роде ученым-методистом, учителем и священником. Подчас ему приходилось страдать именно потому, что нападавшие на него знали, что Блинов – один, его никто не поддержит и никто не защитит [33]. В качестве примера приведем историю с изданием в 1873 г. Ф. Ф. Павленковым в Санкт-Петербурге своей азбуки. Книга вышла с фамилией Блинова на обложке, который был вынужден дать на это согласие в интересах дела просвещения, хотя и предвидел для себя возможные неприятности, которые, действительно, не замедлили сказаться: последовали обыск, отстранение от учительской работы. Спустя 15 лет, когда ссылки и цензурные придирки в отношении данного издания были далеко в прошлом, и можно было «смело» указать на свое авторство, в предисловии к очередному изданию «Объяснения к “Наглядной азбуке”» Ф. Ф. Павленков вдруг счел необходимым заявить следующее: «Составление “Наглядной азбуки” до последних лет приписывалось о. (отцу. – В. П.) Блинову, который долгое время ничего не имел против этого. Но после упреков, которые были им обращены ко мне по поводу будто бы невыгодных последствий от такого недоразумения, я считаю вполне позволительным для себя заявить теперь, что отцу Блинову не только не принадлежит ни одной строки в “Наглядной азбуке” и “Чтении-письме по картинкам”, но что до окончания моей работы он даже не верил в возможность практического осуществления той мысли, которая была положена мной в основание этих азбук. В своей “Грамоте”, рекомендованной министерством народного просвещения, о. Блинов держался совершенно иной системы и даже стоял за раздельное обучение чтению и письму» [34].

Совершенно необходимо отметить, что такое «признание», мягко говоря, не делало чести известному издателю. Получилось так, что, когда издание книги было делом опасным, но в то же время сама необходимость издания была для Павленкова делом принципа, авторство им было великодушно отдано Блинову; спустя же годы, когда об изданной некогда вольнодумной книге можно было говорить без опасений, Павленков вдруг забеспокоился о своем авторстве. Но ведь Блинов-то в свое время от этого навязанного ему «авторства» пострадал, и очень сильно! Он принял эту опасную миссию на себя и лишился работы, будучи отцом одиннадцати детей! А теперь «гроза миновала» и «славу борца» пожинал другой «герой»!

Примечания

1. Ушинский К. Д. Цветы московской педагогики на петербургской почве // Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1989. С. 474–496; Семенов Д. Д. Опыт педагогической критики русской элементарно-учебной литературы (1887–1888) // Семенов Д. Д. Избр. пед. соч. М., 1953. С. 165–220.

2. А. Н. Рецензия на книгу И. Сильченко «Родная азбука» (Одесса, 1893) // Русская школа. 1894. № 5–6. С. 290.

3. Помелов В. Б. Первый вятский автор учебников И. Ф. Яковкин // Петряевские Чтения'98. Киров, 1998. С. 66–67.
4. Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М., 1953. С. 172.
5. Бунаков Н. Ф. Как я стал и как перестал быть «учителем учителей» // Бунаков Н. Ф. Избр. пед. соч. М., 1953. С. 337; *Он же*. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. СПб., 1909. С. 97.
6. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М., 1912. С. 57.
7. Бунаков Н. Ф. Блинов Николай Николаевич // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых / сост. С. А. Венгерова. Т. 3. СПб., 1892. С. 381–389.
8. Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки. Киров, 1990. С. 76.
9. Горбунов Ю. А. Дань своему времени // Урал. 1981, № 2. С. 175–184.
10. Блинов Н. Н. Страдания великого учителя, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа (для семейного чтения) // Уральский следопыт. 1991. № 8. С. 15–19; Горбунов Ю. А. Страдания великого учителя // Уральский следопыт. 1991. № 7. С. 2–5.
11. Константинов Н. А., Струминский В. Я. Указ. соч. С. 180.
12. Бунаков Н. Ф. Как я стал и как перестал быть «учителем учителей». С. 337.
13. Бунаков Н. Ф. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. С. 97.
14. Чехов Н. В. Указ. соч. С. 57.
15. Бердинских В. А. Вятский сундук: Занимательное краеведение. Киров, 1997. С. 133.
16. Блинов Н. Н. О способах обучения предметам учебного курса. СПб., 1875. С. 11.
17. Там же. С. 12.
18. Бунаков Н. Ф. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. С. 98.
19. Петров В. А. Земская начальная школа в Вятской губернии: дис. ... канд. пед. наук. М., 1954. С. 200.
20. Блюм А. В. Ф. Ф. Павленков в Вятке. Киров, 1976. С. 37.
21. Блинов Н. Н. Замечания для учителей о классных занятиях по книге «Ученье – свет» Н. Блинова». М., 1873. С. 2.
22. Блинов Н. Н. О способах обучения предметам учебного курса. С. 9.
23. Там же. С. 64.
24. Там же. С. 9.
25. Там же.
26. Блинов Н. Н. Замечания для учителей о классных занятиях по книге «Ученье – свет» Н. Блинова». С. 58.
27. Там же. С. 56.
28. Там же. С. 58.
29. Ушинский К. Д. Представление в совет воспитательного общества: Об издании книги для чтения // Ушинский К. Д. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1989. С. 6–7; *Он же*. Предисловие (к книге «Детский мир») // Там же. С. 8–20; *Он же*. О первоначальном преподавании русского языка // Там же. Т. 4. С. 8–22; *Он же*. Родное слово. Книга для учащихся // Там же. С. 24–88.
30. ЦГИА РФ. Ф. 734. Оп. 36. 1874. Д. 26. Л. 490–492.
31. Бунаков Н. Ф. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837–1905. С. 241.
32. А. Н. Рецензия на книгу И. Сильченко «Родная азбука». С. 3.
33. Богданович А. И. «Ученые» открытия Н. Н. Блинова в вопросе о вотяках и их культуре // Мир Божий. 1898. № 12. С. 12–22.
34. Павленков Ф. Ф. Объяснение к «Наглядной азбуке» (Ключ к чтению и письму по картинкам). СПб., 1887. С. 4.

Notes

1. Ushinsky K.D. *Cvety moskovskoj pedagogii na peterburgskoj pochve* [Flowers of Moscow pedagogics on the St. Petersburg sole] // Ushinsky K. D. coll. works in 6 vol. Vol. 3. Moscow. 1989. Pp. 474–496; Semenov D. D. *Opyt pedagogicheskoy kritiki russkoj ehlementarno uchebnoj literatury (1887–1888)* [Experience of teaching critics of Russian elementary educational literature (1887–1888)] // Semenov D. D. Sel. ped. works. Moscow. 1953. Pp. 165–220.
2. A. N. *Recenziya na knigu I. Sil'chenko «Rodnaya azbuka» (Odessa, 1893)* [Review on a book of I. Silchenko "Native alphabet" (Odessa, 1893)] // *Russkaya shkola - Russian school*. 1894, № 5–6, p. 290.
3. Pomelov V. B. *Pervyj vyatskij avtor uchebnikov I. F. YAKovkin* [First Vyatka author of textbooks I. F. Yakovkin] // *Petryaevskie CHteniya '98 - Petryaevsk Reading'98*. Kirov. 1998. Pp. 66–67.

4. Konstantinov N. A., Struminsky V. Y. *Ocherki po istorii nachal'nogo obrazovaniya v Rossii* [Essays on the history of primary education in Russia]. Moscow. 1953. P. 172.
5. Bunakov N. F. *Kak ya stal i kak perestal byt' «uchitelem uchitelej»* [How I was and how I ceased to be a "teacher of teachers"] // Bunakov N. F. *Sel. ped. works*. Moscow. 1953. P. 337; *Ibid. Moya zhizn', v svyazi s obshcherusskoj zhizn'yu, preimushchestvenno provincial'noj. 1837–1905* [My life, in connection with general Russian life, mostly provincial. 1837-1905]. SPb. 1909. P. 97.
6. Chekhov N. V. *Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60 h gg. XIX v.* [Public education in Russia from the 60s of the nineteenth century]. Moscow. 1912. P. 57.
7. Bunakov N. F. *Blinov Nikolaj Nikolaevich* [Blinov Nikolai Nikolaevich] // *Kritiko biograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchenyh* - Critical biographical dictionary of Russian writers and scientists / comp. S. A. Vengerov. Vol. 3. SPb. 1892. Pp. 381-389.
8. Izergina N. P. *Literaturnaya zhizn' Vyatki* [Literary life of Vyatka]. Kirov. 1990. P. 76.
9. Gorbunov Y. A. *Dan' svoemu vremeni* [A tribute to its time] // *Ural*. 1981, No. 2, pp. 175-184.
10. Blinov N. N. . *Stradaniya velikogo uchitelya, Gospoda i Spasitelya nashego Iisusa Hrista (dlya semejnogo chteniya)* [Suffering of a great teacher, our Lord and Savior Jesus Christ (for family reading)] // *Ural'skij sledopyt* - Ural Pathfinder. 1991, No. 8, pp. 15-19; Gorbunov Y. A. *Stradaniya velikogo uchitelya* [Suffering of a great teacher] // *Ural'skij sledopyt* - Ural Pathfinder. 1991, No. 7, pp. 2-5.
11. Konstantinov N. A., Struminsky V. Y. *Op. cit.* P. 180.
12. Bunakov N. F. *Kak ya stal i kak perestal byt' «uchitelem uchitelej»* [How I was and how I ceased to be a "teacher of teachers"]. P. 337.
13. Bunakov N. F. *Moya zhizn', v svyazi s obshcherusskoj zhizn'yu, preimushchestvenno provincial'noj. 1837–1905* [My life in connection with general Russian life, mostly provincial. 1837-1905]. P. 97.
14. Chekhov N.V. *Op. cit.* P. 57.
15. Berdinskykh V.A. *Vyatskij sunduk: Zanimatel'noe kraevedenie* [Vyatka chest: Interesting local history]. Kirov. 1997. P. 133.
16. Blinov N. N. *O sposobah obucheniya predmetam uchebnogo kursa* [About training methods of training course subjects]. SPb. 1875. P. 11.
17. *Ibid.* P. 12.
18. Bunakov N. F. *Moya zhizn', v svyazi s obshcherusskoj zhizn'yu, preimushchestvenno provincial'noj. 1837 1905* [My life, in connection with general Russian life, mostly provincial. 1837 1905.] P. 98.
19. Petrov V.A. *Zemskaya nachal'naya shkola v Vyatskoj gubernii: dis. ... kand. ped. nauk* [State elementary school in Vyatka province: dis. ... cand. ped. sci.] Moscow. 1954. P. 200.
20. Blum A. C. *F. F. Pavlenkov v Vyatke* [F. F. Pavlenkov in Vyatka]. Kirov. 1976. P. 37.
21. Blinov N. N. *Zamechaniya dlya uchitelej o klassnyh zanyatiyah po knige «Uchen'e – svet» N. Blinova»* [Notes for teachers on classroom book "Knowledge is light" of N. Blinov"]. Moscow. 1873. P. 2.
22. Blinov N. N. *O sposobah obucheniya predmetam uchebnogo kursa* [About methods of training of training course subjects]. P. 9.
23. *Ibid.* P. 64.
24. *Ibid.* P. 9.
25. *Ibid.*
26. Blinov N. N. *Zamechaniya dlya uchitelej o klassnyh zanyatiyah po knige «Uchen'e – svet» N. Blinova»* [Notes for teachers on classroom book "Knowledge is light" of N. Blinov"]. P. 58.
27. *Ibid.* P. 56.
28. *Ibid.* P. 58.
29. Ushinsky K.D. *Predstavlenie v sovet vospitatel'nogo obshchestva: Ob izdanii knigi dlya chteniya* [Representation to the Council of the educational society: On the publication of books for reading] // Ushinsky K. D. *Col. works in 6 vol.* Vol. 3. Moscow. 1989. Pp. 6-7; *Ibid. Predislovie (k knige «Detskij mir»)* [Preface (to the book "Children's world")] // *ibid.* Pp. 8-20; *Ibid. O pervonachal'nom prepodavanii russkogo yazyka* [On the initial teaching of Russian] // *ibid.* Vol. 4. Pp. 8-22; *Ibid. Rodnoe slovo. Kniga dlya uchashchih* [Native word. A book for teachers] // *ibid.* Pp. 24-88.
30. CSIA of the Russian Federation. F. 734. Sh. 36. 1874. File 26. Sh. 490-492.
31. Bunakov N. F. *Moya zhizn', v svyazi s obshcherusskoj zhizn'yu, preimushchestvenno provincial'noj. 1837 1905* [My life, in connection with general Russian life, mostly provincial. 1837-1905]. P. 241.
32. A. N. *Recenziya na knigu I. Sil'chenko «Rodnaya azbuka»* [Review for I. Silchenko's book "Native alphabet"]. P. 3.
33. Bogdanovich A. I. *«Uchenye» otkrytiya N. N. Blinova v voprose o votyakah i ih kul'ture* ["Scientific" discoveries of N. N. Blinov in a question about the Votyaks and their culture] // *God's world*. 1898, No. 12, pp. 12-22.
34. Pavlenkov F. F. *Ob"yasnenie k «Naglyadnoj azbuke» (Klyuch k chteniyu i pis'mu po kartinkam)* [Explanation for "Visual alphabet" (Key to reading and writing based on pictures)]. SPb. 1887. P. 4.

Применение интерактивных методов при обучении школьников решению стереометрических задач

В статье обосновывается необходимость внедрения интерактивных методов обучения в средней школе, рассматривается использование таких методов на уроках геометрии в 11-м классе при обучении школьников решению стереометрических задач.

In the article the need for the introduction of interactive teaching methods in secondary school is substantiated. The author considers the use of these methods at geometry lessons in 11th grade for training students to solve stereometric tasks.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, стереометрическая задача.

Keywords: interactive teaching methods, stereometric task.

На сегодняшний день в сфере образования происходит массовая информатизация и компьютеризация. Значительные перемены, произошедшие в последние годы, связаны с появлением новых образовательных стандартов и программ, а также нового Закона об образовании.

Компьютер становится неотъемлемой частью повседневной жизни учителя математики. Все чаще в школе можно увидеть не традиционный урок с методическим обеспечением «доска – тряпка – мел», а урок с применением компьютерных технологий. Использование электронных учебных пособий и сетевых образовательных ресурсов, применение компьютерных образовательных программ, обучающих интерактивных досок и мобильных компьютерных классов изменили классическое представление о способах обучения.

Вопрос рациональности использования компьютера в процессе обучения остается открытым, но очевидно, что компьютеризацию уже не остановить, а значит, необходимо извлечь максимальную педагогическую пользу из происходящего.

Какие возможности открываются перед педагогом, строящим образовательный процесс с использованием компьютерных технологий? Наиболее важной выступает возможность применения новых интерактивных методов в обучении, которые позволяют осуществлять дифференцированный личностный подход к учащимся и более качественный контроль (корректировку) знаний.

Публикуются работы по вопросам интерактивного обучения в высшей школе [1]. Целенаправленных же работ по интерактивному обучению математике в средней школе практически нет.

В Федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования [2] прописано, что ученик после окончания школы должен владеть «основными понятиями о плоских и пространственных геометрических фигурах и их основных свойствах». Должно быть сформировано умение «распознавать на чертежах, моделях и в реальном мире геометрические фигуры», а также «применение изученных свойств геометрических фигур и формул для решения геометрических задач и задач с практическим содержанием».

В статье представлен опыт проведения уроков математики с применением интерактивных методов обучения в 11-х классах МБОУ «СОШ № 57» г. Кирова.

В процессе подготовки к урокам возникла идея связать изучение пространственной геометрии с компьютерными технологиями. Возможность применения компьютера в данном случае сводится не только к созданию трехмерных моделей и возможности рассматривать фигуры под различными углами, что, конечно, тренирует пространственное воображение, а также к использованию интерактивных форм обучения. Под интерактивностью понимается воз-

возможность работы ученика над решением задачи в режиме реального времени и при взаимодействии с учителем и/или другими участниками образовательного процесса. Отметим, что такая работа также соответствует требованиям новых образовательных стандартов, поскольку у школьника вырабатывается умение моделировать реальные ситуации и исследовать построенные модели, интерпретировать и анализировать полученные результаты.

Рассмотрим применение интерактивных методов при изучении курса стереометрии в 11-м классе. Стереометрический материал достаточно сложен для освоения, потому что переход от плоскостной к пространственной геометрии в совокупности со строгими математическими расчетами становятся непростой задачей для школьников. Здесь наиболее важным является принцип наглядности. Компьютер позволяет создать трехмерные модели пространственных объектов. Научить школьников работать с ними, «видеть» переход от пространства к плоскости при решении задачи – главные методические задачи, стоящие перед учителем.

Интерактивные технологии могут применяться на разных этапах урока стереометрии. Для организации урока необходим мобильный компьютерный класс, программное обеспечение которого позволяет учителю видеть на экране своего ноутбука изображения экранов учащихся, транслировать изображение своего экрана на экраны учащихся, а также проводить проверку знаний в режиме реального времени. Рассмотрим интерактивные методы работы со стереометрическими задачами по теме «Перпендикулярность прямой и плоскости».

Во время урока ученики находятся за своими компьютерами и работают с заранее созданной учителем презентацией, в которой созданы заготовки для урока, представляющие собой пошаговые построения, необходимые для решения задач. Подготовительная работа – повторение определения перпендикулярности прямой и плоскости, признака перпендикулярности прямой и плоскости, определения угла между прямой и плоскостью.

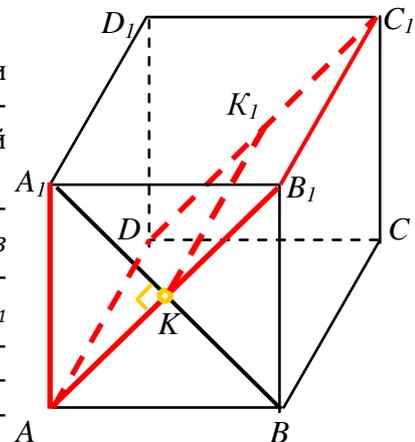
Задача 1. Докажите, что в кубе $ABCD A_1 B_1 C_1 D_1$ прямая $A_1 B$ перпендикулярна плоскости $AB_1 C_1$.

Решение

1. Изобразим куб $ABCD A_1 B_1 C_1 D_1$.

2. Построим прямую $A_1 B$ и плоскость $AB_1 C_1$. В сечении получаем параллелограмм $AB_1 C_1 D$ (вспоминаем, что линиями пересечения двух параллельных плоскостей третьей плоскостью являются параллельные между собой прямые).

3. Докажем, что $AB_1 C_1 D$ – прямоугольник (для наглядности изменим точку обзора на компьютере и убедимся в этом). Для этого достаточно показать, что угол $AB_1 C_1$ – прямой. Так как в кубе ребро $B_1 C_1$ перпендикулярно ребрам $A_1 B_1$ и $B_1 B$, то по признаку перпендикулярности прямой и плоскости прямая $B_1 C_1$ перпендикулярна плоскости $AB_1 C_1$, а значит, по определению перпендикулярности прямой и плоскости, перпендикулярна и прямой AB_1 .

Итак, в параллелограмме $AB_1 C_1 D$ угол B_1 прямой. Следовательно, $AB_1 C_1 D$ – прямоугольник.

4. Отметим точку K – пересечение диагоналей $A_1 B$ и AB_1 . Построим прямую KK_1 , параллельную стороне $B_1 C_1$. Из условий $KK_1 \parallel B_1 C_1$ и $B_1 C_1 \perp (AB_1 C_1)$ следует $KK_1 \perp (AB_1 C_1)$.

5. Из перпендикулярности прямой KK_1 и плоскости $AB_1 C_1$ следует, что прямая KK_1 перпендикулярна любой прямой, лежащей в плоскости $AB_1 C_1$ и проходящей через точку K , следовательно, $KK_1 \perp AB_1$.

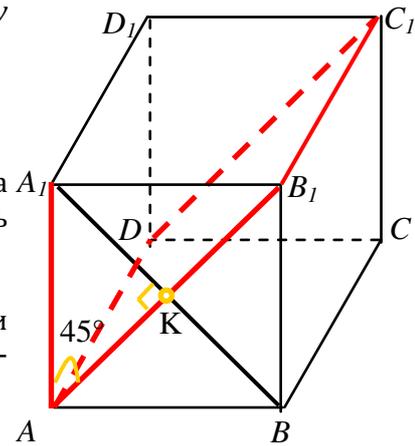
6. Заметим, что прямые AB_1 и KK_1 лежат в плоскости $AB_1 C_1$, при этом $A_1 B \perp AB_1$ (диагонали квадрата) и $AB_1 \perp KK_1$. По признаку перпендикулярности прямой и плоскости получаем $A_1 B \perp (AB_1 C_1)$. Задача решена.

Замечание. В условии задачи существенно, что $ABCD A_1 B_1 C_1 D_1$ – куб. Компьютер позволяет смоделировать ситуацию, когда в параллелепипеде $ABCD A_1 B_1 C_1 D_1$ с ребрами равной длины прямая $A_1 B$ не перпендикулярна плоскости $AB_1 C_1$.

Задача 2. В кубе $ABCD A_1 B_1 C_1 D_1$ найдите угол между прямой AA_1 и плоскостью $AB_1 C_1$.

Решение.

1. Построим куб $ABCD A_1 B_1 C_1 D_1$.
2. Изобразим прямую AA_1 и плоскость $AB_1 C_1$.
3. Необходимо опустить перпендикуляр из точки A_1 на плоскость $AB_1 C_1 D$. Этот перпендикуляр пересекает плоскость в точке K (задача 1).
4. AK – проекция прямой AA_1 на плоскость $AB_1 C_1 D$.
5. Угол между прямой AA_1 и её проекцией AK , а значит, и угол между прямой AA_1 и плоскостью $AB_1 C_1$ равен 45° градусов. Задача решена.

Ученик видит на экране компьютера все шаги решения, приводящие к необходимому результату и после построения может просмотреть все действия еще раз, изменить точку обзора, тем самым тренируя пространственное воображение и навыки работы с трехмерными объектами.

В онлайн-режиме возможен разбор решения задачи, когда ученик на своем компьютере выполняет необходимые действия, а учитель со своего компьютера корректирует его ответ.

Контроль знаний учащихся проводится в форме онлайн-тестирования по заранее составленным учителем тестам, что существенно сокращает время на проверку. Данные от учеников сразу попадают на компьютер учителя, и в соответствии с полученными результатами им выставляются оценки.

Примечания

1. Макаров С. И., Севастьянова С. А. Интерактивное обучение математике в вузе с использованием электронной рабочей тетради // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 6. Ч. 5; Реутова Е. А. Применение активных и интерактивных методов обучения в образовательном процессе вуза: метод. рекомендации для преподавателей Новосибирского ГАУ. Новосибирск: Изд-во НГАУ, 2012. 58 с.; Гушчин Ю. В. Интерактивные методы обучения в высшей школе // *Психологический журнал*. Дубна. 2012. № 2; Салихова М. Н., Шнайдер Н. В. Применение интерактивных форм обучения в современном вузе // *Аграрное образование и наука*. 2013. № 1; Фахрутдинова Р. А. Интерактивные технологии обучения как средство развития творческих способностей студентов // *Современные направления в лингвистике: традиции и новаторство: материалы I междунар. науч.-практ. конф.* (4 апреля 2012 г.). Казань: Казан. (Приволжский) федер. ун-т, 2012. 259 с.; Григорьева Д. Р., Шамсутдинов Р. Р. Интерактивные методы обучения в образовательном процессе // *Материалы 77-й Международной научно-технической конференции ААИ «Автомобиле- и тракторостроение в России: приоритеты развития и подготовка кадров»*. Кн. 14. 2012. 367 с.; Дзуличанская Н. Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций // *Электронное научно-техническое издание «Наука и образование»*. 2011. № 4; Коротаева Е. В. Интерактивное обучение: вопросы теории и практики обучения // *Педагогическое образование в России*. 2012. № 2.

2. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. URL: <http://www.rg.ru/2011/02/17/shkola-standart-site-dok.html>

Notes

1. Makarov S. I., Sevastianova S. A. *Interaktivnoe obuchenie matematike v vuze s ispol'zovaniem ehlektronnoj rabochej tetradi* [Interactive teaching mathematics in university using e-workbook] // *Fundamental'nye issledovaniya* - Fundamental research. 2013, No. 6, pt. 5; Reutova E. A. *Primenenie aktivnyh i interaktivnyh metodov obucheniya v obrazovatel'nom processe vuza: metod. rekomendacii dlya prepodavatelej Novosibirskogo GAU* [The use of active and interactive teaching methods in the educational process of the university: method. recommendations for teachers of the Novosibirsk State Agrarian University]. Novosibirsk: NSAU Publ. 2012. 58 p.; Guschin Y.V. *Interaktivnye metody obucheniya v vysshej shkole* [Interactive methods of learning in higher education] // *Psihologicheskij zhurnal* - Psychological journal. Dubna. 2012, No. 2; Salikhova M. N., Schneider N. V. *Primenenie interaktivnyh form obucheniya v sovremennom vuze* [Use of interactive forms of education in the modern university] // *Agrarnoe obrazovanie i nauka* - Agrarian education and science. 2013, No. 1; Fakhrutdinova R. A. *Interaktivnye tekhnologii obucheniya kak sredstvo razvitiya tvorcheskikh sposobnostej studentov* [Interactive learning technologies as a device of development of creative abilities of students] // *Sovremennye napravleniya v lingvistike: tradicii i novatorstvo* - Modern trends

in linguistics: traditions and innovations: proceedings of the first international scient. practical conf. (4 April 2012). Kazan: Kazan. (Volga) Fed. University. 2012. 259 p.; Grigorieva D. R., Shamsutdinov R. R. *Interaktivnye metody obucheniya v obrazovatel'nom processe* [Interactive teaching methods in the educational process] // *Materialy 77 j Mezhdunarodnoj nauchno tekhnicheskoy konferencii AAI «Avtomobile i traktorostroenie v Rossii: priority razvitiya i podgotovka kadrov»*- Proceedings of the 77th International scientific and technical conference AAI "Automobile and tractor industry in Russia: development priorities and training". Book 14. 2012. 367 p.; Dvulichanskaya N. N. *Interaktivnye metody obucheniya kak sredstvo formirovaniya klyuchevykh kompetencij* [Interactive teaching methods as a means of formation of key competencies] // *EHlektronnoe nauchno tekhnicheskoe izdanie «Nauka i obrazovanie»* - Electronic scientific and technical publication "Science and education". 2011, No. 4; Korotaeva E.V. *Interaktivnoe obuchenie: voprosy teorii i praktiki obucheniya* [Interactive learning: issues of theory and practice in education] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* - Pedagogical education in Russia. 2012, No. 2.

2. Federal state educational standard of secondary (complete) General education. Available at: <http://www.rg.EN/2011/02/17/shkola-standart-site-dok.html> (in russ.)

УДК 159.9.072

Л. Э. Семенова, Е. В. Кожина

Нетрадиционные подходы к исследованию родительства

В статье осуществляется анализ некоторых подходов, предлагающих нетрадиционное «прочтение» проблем материнства и отцовства. Представлены наиболее важные для понимания сущности и специфики родительства взгляды феминистских и гендерных авторов, позволяющие по-новому переосмыслить происходящие в современном обществе трансформации в системе гендерных отношений.

The article examines some of the approaches that offer non-traditional «reading» of motherhood and fatherhood. Presents the most important for understanding the nature and specifics of parenthood views of feminist and gender authors, allowing to reconsider what is happening in modern society of transformation in the system of gender relations.

Ключевые слова: родительство, материнство, отцовство, философия феминизма, гендерный подход.

Keywords: parenthood / parenting, motherhood / mothering, fatherhood / fathering, philosophy of feminism, gender approach.

Наука, как и само общество, не стоит на месте, она развивается. При этом происходящие в обществе изменения, смена культурных приоритетов закономерно отражаются и на научной деятельности. Меняется ракурс рассмотрения многих проблем, появляются новые точки зрения, теории и концепции, новые варианты осмысления феноменов и явлений, новые методы их анализа.

Одним из таких новых, пока еще нетрадиционных подходов к изучению объективной и субъективной реальности является гендерный подход, возникший в системе научного знания сравнительно недавно – в последней четверти XX столетия. Его идейными источниками помимо философии феминизма стали социально-конструктивистский подход П. Бергера и Т. Лукмана, этнометодология Г. Гарфинкеля и драматургический интеракционизм И. Гофмана [1].

Именно феминистские, а позднее гендерные авторы задали новый ракурс рассмотрения проблемы родительства: впервые поставили под сомнение факт наличия у женщин материнского инстинкта, переосмыслили роль материнства и отцовства не только в воспитании и развитии детей, но и в процессе личностного становления самих женщин и мужчин, обосновали значимость дуального родительства и необходимость замены материнства (как исключительно женской обязанности родительской заботы и опеки) дуальным родительством (включенность в заботу о детях отцов). Именно в рамках этого нетрадиционного подхода были четко разведены феномены родительства (материнства и отцовства) как социаль-

ного института и идеологии, т. е. системы культурных требований к обязанностям и поведению матери и отца, с одной стороны, и как личного опыта конкретных родителей (матерей и отцов), их реальных индивидуальных практик, мыслей, чувств и стилей поведения, связанных с воспитанием детей, – с другой [2].

Изложим некоторые из этих нетрадиционных взглядов несколько подробнее. При этом, следуя принципу историзма, начнем с рассмотрения проблем материнства, поскольку научный анализ родительства первоначально концентрировался преимущественно на изучении материнской роли.

Крайне интересной, на наш взгляд, является позиция одной из сторонниц психоаналитического феминизма Нэнси Чодороу, согласно точке зрения которой материнство является одним «из немногих всеобщих и стабильных элементов системы полового разделения труда, где бы это ни было» [3].

По утверждению исследовательницы, материнство как исключительная ответственность женщины за воспитание детей редко становилась предметом специального научного анализа, несмотря на то огромное значение, которое этот феномен имеет в плане структуры семьи, системы отношений между полами и полового разделения труда. Подобное положение дел автор связывает с тем, что исключительная ответственность женщины за исполнение материнской роли, как правило, ни у кого не вызывает сомнения, поскольку именно женщина вынашивает ребенка и кормит его грудью.

Н. Чодороу предполагает, что черты личности, ценностная ориентация женщины и мужчины смешиваются в половом и семейном разделении труда и в неразрывной идеологии гендера. Они создают асимметрию в структуре производства и репродукции, при которой женщина в первую очередь – мать и жена, а мужчина – работник. Эта структура производства и репродукции требует и предполагает развитие особенных отношений между мужем и женой, матерью и детьми и формирует ядро семьи в современном обществе.

В своей работе «Воспроизводство материнства. Психоанализ и социология гендера» Н. Чодороу рассуждает о том, почему женщины хотят быть матерями. Она отвергает стандартные объяснения, такие, как природное предназначение и принуждение общества, и обращается к анализу Эдиповой стадии развития детей, которую девочки и мальчики переживают по-разному.

Специфика психосексуального развития детей женского и мужского пола, по мнению Н. Чодороу, имеет социальные последствия. Так, если отдаление мальчика от матери подготавливает его к работе в публичной сфере, ориентирует на рациональную эффективность, то сближение девочки с матерью ориентирует ее на эмоциональные отношения, готовит к роли заботливой жены и матери в частной сфере.

Однако общество ждет от женщины не просто материнства, а идеального материнства: мать не должна быть слишком невнимательной и не должна быть чрезмерно заботливой. «Слишком мало материнства» делает детей психотиками. «Слишком много материнства» делает девочек зависимыми, а мальчиков заставляет избегать эмоциональных привязанностей и защищаться от женщин. Автор объясняет эти крайности материнства как психоаналитическими, так и социальными причинами. Если женщина не заботится о детях, значит, ее мать была незаботливой по отношению к ней. Если женщина чрезмерно опекает своих детей, это происходит потому, что ее потребности в интимности не удовлетворяются мужем, и она ожидает от своих детей того, что может дать только взрослый мужчина [4].

Для решения проблемы «переразвитости» способностей женщин к эмоциональным отношениям и «недоразвитости» этих способностей у мужчин Н. Чодороу, как и некоторые другие авторы, например Д. Диннерстайн, предлагает институционализацию дуального родительства. Другими словами, выход из сложившейся ситуации видится в следующем: материнство (связанное с единоличной ответственностью за воспитание и благополучие детей исключительно женщины) должно быть заменено именно родительством, то есть мужчины должны стать равными женщинам родителями и освободить женщин от монопольной ответственности за воспитание и развитие детей.

Принципиально новый шаг в рассмотрении проблемы родительства в целом и материнства в частности был сделан в работе американской исследовательницы Адрианны Рич «Рожденные женщиной: материнство как личный опыт и социальный институт», где был поставлен вопрос о необходимости разводить культурную идеологию и политику в отношении материнства и реальную практику матерей.

По мнению А. Рич, материнство есть политический институт, и как политический институт его следует признать и изучать, в том числе анализируя, как он оборачивается против самих женщин. Однако помимо этого материнство – это еще и реальный опыт женщин-матерей, который может как соответствовать, так и не соответствовать культурно заданным стандартам материнства. Ситуация этого несоответствия, пусть не всегда, но все-таки нередко оказывается весьма драматичной, приводя ко многим негативным последствиям, становясь источником психологических проблем как самих женщин, так и их детей. А такое несоответствие вполне типично, поскольку существующие в обществе институты материнства создают настолько идеализированные образы матерей и предъявляют к женщинам-родителям такие высокие требования, что в реальности это оказывается фактически недостижимым [5]. Кроме того, определяя «здоровую идентичность» женщины исключительно как идентичность матери, культура ставит женщин в такие условия, когда они, несмотря ни на что, становятся матерями. Единственная значительная с точки зрения общества работа для женщины – это быть хорошей матерью, которая не должна иметь никаких личных планов и интересов, если они не относятся непосредственно к семье; должна круглосуточно служить своим детям и мужу и любить такое служение. При этом именно женщина и только она виновата во всех неприятностях, случающихся с ее детьми [6]. Подчеркнем, что даже на сегодняшний день такая критика «привычных истин» может восприниматься не просто как новое и необычное видение проблемы, а как ангажированная и даже опасная.

Полагаем, что весьма существенную роль в изучении родительства сыграли также исследования Энн Оукли, где был по-новому переосмыслен широко распространенный в быденном сознании «миф о материнстве», который включает в себя три основные идеи: ребенку нужна биологическая, а не социальная мать; ребенок, особенно маленький, нуждается в том, чтобы именно мать целиком и полностью посвящала себя заботам о нем; ребенку нужен один ухаживающий за ним взрослый, а не множество.

В своих работах Э. Оукли разоблачает и опровергает все эти идеи, ссылаясь на конкретные факты:

– усыновленные/удочеренные дети ни в чем не отстают от тех, кто воспитываются родной матерью;

– ребенку в принципе нужен тот человек, с кем он может установить близкие отношения;

– те дети, что воспитывались коммуной, ни в чем не хуже детей, воспитанных в семьях.

На основании собственных рассуждений автор делает вывод о том, что биологическое материнство не всегда является благом и необходимостью для женщин, поскольку далеко не все из них действительно хотят или могут быть матерями. Более того, по ее мнению, те женщины, которые были бы счастливы без детей, под давлением культурных норм становятся матерями, и часто несчастными, а те, которые хотели бы разделить материнскую ответственность с мужчинами, вынуждены быть матерями круглые сутки, что также делает их несчастными. Причем все это усугубляется еще и тем, что многие женщины воспринимают неудачу и несчастье в материнстве как жизненную катастрофу и личный провал [7], не говоря уже о тех, кто хочет, но не может стать матерью. Поэтому действительно счастливым материнство может стать для женщины только тогда, когда она сама будет иметь возможность определять свою судьбу.

Вместе с тем с позиций нетрадиционного подхода к исследованию материнства предполагается, что абсолютизированная идея о материнском инстинкте и незаменимости матери, а также о врожденном характере способности и желания женщины растить и воспитывать ребенка, оказывает женщине плохую услугу, поскольку на самом деле, и это подтверждают современные исследования, воспитание детей связано не с природными задатками, а с целым рядом чувств и умений, которые требуют своего развития в ходе детско-родительского взаимодействия [8]. Соответственно, большинству женщин, как и большинству мужчин, приходится на практике учиться ухаживать за детьми. К тому же, судя по имеющимся научным данным, образы «положительных матерей» довольно сильно отличаются от реальных образов, рожденных опытом женщин. Эти опыты, по словам ряда специалистов, – отражение того, как на женщин воздействуют социальные институты и как конкретные матери справляются в этих условиях [9].

Иными словами, если институт материнства налагает на женщину слишком много ответственности и ограничений, приводящих ее к стрессам, то в личностном плане материн-

ская роль может приносить женщине не только огромные трудности, но и радость, удовольствие и удовлетворение. Именно поэтому в последнее время исследователи стали интересоваться опытом разных матерей, с учетом их реальных жизненных условий: матерей-монородителей; матерей-лесбиянок; матерей, воспитывающих детей в полной семье, где мужчины и женщины стараются поровну разделить родительские обязанности; матерей-домохозяек и, наконец, множество сходных опытов замужних женщин, которые работают полное время, но продолжают ухаживать за детьми и выполнять всю домашнюю работу и др. [10] Подобного рода исследования проводили и мы, изучая восприятие материнской роли, субъективный смысл материнства и стили родительского отношения замужних и незамужних матерей, с учетом факта сознательности/вынужденности монородительства последних [11].

Также предметом специального анализа с позиций нетрадиционного (феминистского, гендерного) подхода стал процесс индивидуального развития и культурного воспроизводства материнства, которому, в частности, посвящено исследование Н. Чодороу. Учитывая тот факт, что заботу о детях в раннем возрасте (как девочек, так и мальчиков) в основном осуществляет мать, автор рассматривает особенности взаимодействия матери с ребенком женского и мужского пола. Согласно ее точке зрения, в контексте этих отношений развитие личности девочки происходит в условиях, при которых мать относится к своей дочери как к подобной себе и как к продолжению самой себя, следствием чего становится идентификация девочки с матерью, ощущение себя похожей на мать и на женщину. Напротив, развитие личности мальчика происходит как противоположный процесс, связанный с отделением себя от матери, поскольку к сыну мать относится как к своей противоположности, в результате чего мальчик идентифицируется как мужчина [12]. А поскольку функции ухода за детьми и их воспитания культура приписывает женщине, именно девочки, идентифицируясь с матерью и развиваясь как женщины, усваивают модель заботливого материнства.

Таким образом, выводы Н. Чодороу позволяют понять скрытые механизмы формирования у женщин и мужчин структуры ожиданий, согласно которой общая забота о благополучии ребенка лежит на матери и именно женщины по своей природе склонны и соответственно должны заботиться о детях.

Заметим, что новый ракурс изучения материнства инициировал в конце XX столетия постановку в качестве специального предмета научного анализа и проблемы отцовства. В этом плане мы считаем важным подчеркнуть два момента: во-первых, изменение научных взглядов на природу и характер материнства привело к постепенному изменению представлений в среде академического сообщества об отцовской роли; и, во-вторых, пересмотр значимости для мужчин приватной сферы был во многом обусловлен изменениями положения женщин в профессиональной сфере, что в совокупности привело к переоценке отцовства как социального института и как практики воспитания детей.

Первоначально интерес к проблеме отцовства в контексте ее нетрадиционного «прочтения» возник среди сторонников феминистской позиции и участников движений за мужские права (Уоррен Фаррелл, Роберт Брэннон, Роберт Блай и др.). Позднее традицию анализа социокультурных условий становления и конкретной реализации отцовской роли продолжили гендерные исследователи, в работах которых на базе парадигмы социального конструктивизма сложился комплексный подход к изучению феномена отцовства. С позиций этого нового научного подхода отцовство стало рассматриваться как детерминированный социокультурными условиями, меняющийся с течением времени и зависящий от идеологии маскулинности (мужских гендерных норм) феномен [13]. Соответственно, постепенно утвердилась точка зрения, согласно которой признается необходимость изучения отцовства не изолированно, а с учетом психологического, социального, культурного и исторического контекста [14]. Иными словами, отцы, как и мужчины вообще, не представляют собой однородную группу; разные отцы ведут разный образ жизни и являются разными родителями.

На рубеже веков появились работы, авторы которых высказывали новые нетрадиционные взгляды относительно отцовства, расставляли иные акценты. В частности, учеными все чаще стали признаваться и озвучиваться необходимость мужской заботы о детях, значимость отцовства не только для развития ребенка, но и для самого мужчины [15]. Исследователи заговорили о наметившемся переходе от «физически присутствующих», но «функционально отсутствующих» отцов к так называемым «новым», активным, ответственным отцам, которые с готовностью ухаживают за детьми и включены в процесс их воспитания [16]. По-

лучили переосмысление многие традиционные нормы мужественности, и, как следствие, стали констатироваться факты проявлений эгалитарной культуры отцовства и отцовства как важного элемента мужской идентичности, значимого аспекта самореализации современного мужчины [17]. Все чаще подчеркивалась уже не только уникальность отцовства в сравнении с материнством, но и возможность замены заботы о ребенке со стороны женщины заботой со стороны мужчины. При этом главный пафос нетрадиционного отношения академического сообщества к отцовству можно сформулировать примерно следующим образом: «Мужчина может и должен быть хорошим родителем!». Хорошим – это значит ответственным, заботливым, внимательным, включенным в жизнь ребенка.

Так же как ранее обсуждались проблемы возможного несоответствия личного опыта материнства с его социальными стандартами, в контексте происходящих изменений рядом специалистов, – как правило, представителями гендерного подхода, начали подниматься вопросы о различного рода переживаниях некоторыми отцами по поводу расхождения их реального родительского поведения с образом «нового» отца [18], т. е. предпринимается попытка разобраться в противоречивых тенденциях обозначившегося процесса более активного включения мужчин в семейную сферу. Кроме того, предметом изучения в рамках все более набирающего в науке вес социально-конструктивистского подхода к феномену отцовства становятся не только культурные образы отца, с которыми мужчины-родители соотносят себя в каждодневной жизни, но и вариативность представлений об отцовской роли самих мужчин, принадлежащих к разным социальным слоям, этническим группам, имеющим разное образование и т. п. [19]

В целом, как указывает И. С. Кон, в современной гуманитарной науке, включая психологию, наметились три разных уровня и три разных контекста изучения отцовства. Уровень межличностных взаимодействий, где предметом анализа являются взаимоотношения между отцом и ребенком. Мезоуровень, или групповой, где изучаются особенности разных групп отцов. И макроуровень, на котором проводятся исследования соотношения отцовства с различными социальными институтами и преобладающих в той или иной культуре реальных практик отцовства [20].

Что же касается специфики отцовства применительно к условиям современного российского общества, то она во многом обусловлена противоречивым сочетанием у абсолютного большинства наших соотечественников, как женщин, так и мужчин, традиционных и эгалитарных установок относительно отцовских функций, а именно: необходимости мужчины-отца нести главную ответственность за материальное обеспечение семьи и одновременно принимать активное участие в воспитании детей [21]. И хотя сам вопрос о возможности совмещения этих функций остается дискуссионным, предпринимаются попытки изучения типичных последствий такого противоречивого сочетания традиционных и эгалитарных установок, среди которых в центре внимания исследователей, прежде всего, семейные конфликты. Вместе с тем полученные в ходе нашего исследования [22] факты относительно наличия у некоторых мужчин тенденции восприятия отцовской роли в контексте смысла собственной жизни позволяют говорить о постепенной смене приоритетов российских мужчин в направлении их ориентации на активное, ответственное отцовство.

Таким образом, исходя из изложенного выше, логично заключить, что появившееся в науке новое видение отцов не только идет в ногу со временем, отражая объективные перемены в жизни современного общества, в системе гендерных отношений, но и определяет различные перспективы в его изучении.

Итак, нами были рассмотрены некоторые идеи нетрадиционных подходов (а именно феминистского и гендерного) относительно родительства. При этом, подводя итог предпринятому анализу, мы можем сделать вывод о том, что именно этим подходам принадлежит ключевая роль в развенчании ряда весьма укоренившихся в общественном сознании мифов и, как следствие, открытии для академического сообщества целого спектра новых, весьма актуальных на сегодняшний день тем и проблем, задающих соответствующие ориентиры для научных исследований в психологии.

Примечания

1. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 9–33.
2. Воронина О. А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ: МВШСЭН: МФФ, 2001. С. 13–108; Клецина И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. 2009. №3. С. 29–41; Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.; и др.
3. Чодороу Н. Воспроизводство материнства. Психоанализ и социология гендера. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2006. С. 8.
4. Там же.
5. Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 164 с.
6. Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 1998. С. 15–46.
7. Воронина О. А. Указ. соч.
8. Овчарова Р. В. Родительство как психологический феномен. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 496 с.; Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. СПб.: Питер, 2005. 400 с.; и др.
9. Гурко Т. А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 90–97; Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты; Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 325 с.
10. Воронина О. А. Указ. соч.; Гурко Т. А. Брак и родительство в России.
11. Семенова Л. Э., Кожина Е. В. Специфика восприятия женщинами материнства: социально-психологический анализ // Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Минск: ЧУО «Институт современных знаний имени А. М. Широкова», 2012. С. 74–76; Семенова Л. Э., Кожина Е. В. Стили родительского отношения замужних и незамужних матерей // Гендерные аспекты социогуманитарного знания – III: материалы третьей Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / под ред. Д. Б. Вершининой. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013. С. 92–96.
12. Чодороу Н. Указ. соч.
13. Клецина И. С. Указ. соч.; Кон И. С. Указ. соч.; и др.
14. Pleck J. H. Fatherhood and masculinity // Lamb M. E. The Role of the Father in Child Development. 5th ed. Hoboken (N. J.): John Wiley & Sons, 2010. P. 27–57.
15. Клецина И. С. Указ. соч.; Кон И. С. Указ. соч.; и др.
16. Pleck J. American fathering in historical perspective. In M.Kimmel (Ed.), Changing men: New directions in research on men and masculinity. Beverly Hills, CA: Sage, 1987. P. 88.
17. Клецина И. С. Указ. соч.; Кон И. С. Указ. соч.; и др.
18. LaRosa R. Fatherhood and social change. In M.S.Kimmel, M.A.Messner (Eds.) Men's Lives. New York: Macmillan, 1992. P. 532.
19. Marsiglio W. Fatherhood scholarship: An overview and agenda for the future. In W. Marsiglio (Ed.), Fatherhood: Contemporary theory, research, and social policy. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 3.
20. Кон И. С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9. С. 3–16.
21. Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты; Гурко Т. А. Брак и родительство в России.
22. Семенова Л. Э. Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин-монородителей // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 2. С. 108–111.

Notes

1. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. *Social'noe konstruirovanie gendera kak metodologiya feministskogo issledovaniya* [The social construction of gender as a methodology for feminist research] // *Rossijskij gendernyj poryadok: sociologicheskij podhod: kollektivnaya monografiya* - Russian gender order: a sociological approach: collective monograph / Ed. by E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina. SPb. European University in St. Petersburg Publ. 2007. Pp. 9-33.
2. Voronina A. O. *Teoretiko metodologicheskie osnovy gendernyh issledovaniy* [Theoretical and methodological foundations of gender studies] // *Teoriya i metodologiya gendernyh issledovaniy: kurs lekcij* - Theory and methodology of gender studies: lectures / under the general editorship of O. A. Voronina. Moscow. MCGI: MHSES: FMF. 2001. Pp. 13-108; Kletsina I. S. *Otcovstvo v analiticheskikh podhodah k izucheniyu maskulinnosti* [Paternity in analytical approaches to the study of masculinity] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve. Rossijskij nauchnyj zhurnal* - Woman in Russian society. Russian scientific journal. 2009, No. 3,

pp. 29-41; Kon I. S. *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [Man in a changing world]. Moscow. Time. 2009. 496 p.; and others

3. Chodorow N. *Vosproizvodstvo materinstva. Psihoanaliz i sociologiya genera* [The reproduction of mothering. Psychoanalysis and the sociology of gender]. Moscow. Russian political encyclopedia". 2006. P. 8.

4. Ibid.

5. Gurko T. A. *Roditel'stvo: sociologicheskie aspekty* [Parenting: sociological aspects]. Moscow. Center of human values. 2003. 164 p.

6. Elliot P., Mandel N. *Teorii feminizma* [The theory of feminism] // *Gendernye issledovaniya: feministskaya metodologiya v social'nyh naukah* - Gender studies: feminist methodology in the social Sciences / Ed. by I. A. Zhrebkina. Kharkov. KCGI. 1998. Pp. 15-46.

7. Voronina A. O. Op. cit.

8. Ovcharova R. V. *Roditel'stvo kak psihologicheskij fenomen* [Parenthood as a psychological phenomenon]. Moscow. Moscow psychology social Institute. 2006. 496 p.; Prikhozhan A. M., Tolstykh N. N. *Psihologiya sirotstva* [The psychology of abandonment]. SPb. Peter. 2005. 400 p.; and others.

9. Gurko T. A. *Variativnost' predstavlenij v sfere roditel'stva* [The variety of views in the field of parenting] // *Sociologicheskie issledovaniya* - Sociological research. 2000, No. 11, pp. 90-97; Gurko T. A. *Roditel'stvo: sociologicheskie aspekty* [Parenting: sociological aspects]; Gurko T. A. *Brak i roditel'stvo v Rossii* [Marriage and parenthood in Russia]. Moscow. Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences. 2008. 325 p.

10. Voronina O. A. Op. cit.; Gurko T. A. *Brak i roditel'stvo v Rossii* [Marriage and parenthood in Russia].

11. Semenova L. E., Kozhina E. V. *Specifika vospriyatiya zhenshchinami materinstva: social'no psihologicheskij analiz* [Specificity of the perception of women motherhood: social psychological analysis] // *Nauka i obrazovanie v usloviyah social'no ehkonomicheskoy transformacii obshchestva* - Science and education in conditions of socio-economic transformation of society: proceedings of the XVth international scient. practical conf. Minsk. CHUO "Institute of modern knowledge named after A. M. Shirokov". 2012. Pp. 74-76; Semenova L. E., Kozhina E.V. *Stili roditel'skogo otnosheniya zamuzhnih i nezamuzhnih materej* [Styles of parental relationships of married and unmarried mothers] // *Gendernye aspekty sociogumanitarnogo znaniya - III* - Gender aspects of socio-humanitarian knowledge - III: materials of the third all-Russian (with the intern. participation) scientific. conf. / Ed. by D. B. Vershinino. Perm: Perm State National Research University. 2013. Pp. 92-96.

12. Chodorow N. Op. cit.

13. Kletsina I. S. Op. cit.; Kon I. S. Op. cit.; and others

14. Pleck, J. H. *Fatherhood and masculinity* // Lamb, M. E. *The Role of The Father in Child Development*. 5th ed. Hoboken (N. J.): John Wiley & Sons. 2010. Pp. 27-57.

15. Kletsina I. S. Op. cit.; Kon I. S. Op. cit.; and others

16. Plek J. *American fathering in historical perspective*. In M. Kimmel (Ed.), *Changing men: New directions in research on men and masculinity*. Beverly Hills, CA: Sage, 1987. P. 88.

17. Kletsina I. S. Op. cit.; Kon I. S. Op. cit.; and others

18. LaRosa R. *Fatherhood and social change*. In M. S. Kimmel, M. A. Messner (Eds.) *Men's Lives*. New York: Macmillan, 1992. P. 532.

19. Marsiglio W. *Fatherhood scholarship: An overview and agenda for the future*. In W. Marsiglio (Ed.), *Fatherhood: Contemporary theory, research, and social policy*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. P. 3.

20. Kon I. S. *Otcovstvo kak sociokul'turnyj institut* [Fatherhood as a social and cultural Institute] // *Pedagogika* - Pedagogy. 2005, No. 9, pp. 3-16.

21. Gurko T. A. *Roditel'stvo: sociologicheskie aspekty* [Parenting: sociological aspects]; Gurko T. A. . *Brak i roditel'stvo v Rossii* [Marriage and parenthood in Russia.]

22. Semenova L. E. *Specifika roditel'skogo otnosheniya i sub"ektivnogo vospriyatiya otcovstva v kontekste real'nogo opyta muzhchin monoroditelej* [Specificity of the parental relationship and the subjective perception of fatherhood in the context of real-world experience of men-monoparents] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of the Vyatka state University of Humanities. 2014, No. 2, pp. 108-111.

Использование типологической личностной характеристики в исследовании половой идентификации подростков

В статье рассматривается проблема формирования половой идентификации у подростков, воспитывающихся в разных социально-педагогических ситуациях развития (детский дом, приемные и обычные семьи). Для успешной адаптации и интеграции в социум как полноправного его члена ребенок должен воспитываться в семье, где происходит формирование полоролевых нормативных ориентаций и стереотипов поведения. Однако у детей, воспитывающихся в домах ребенка, детских домах, ограничены возможности на познание этих ориентаций, вследствие чего возникает вероятность нарушений в сфере полового самосознания ребенка. Проводится краткий обзор теоретических воззрений о феномене половой идентификации в аспекте личностного развития. Автором изложены результаты эмпирического исследования и предложены рекомендации по использованию типологической личностной характеристики подростков в условиях детского дома. Практические рекомендации помогут в оказании квалифицированной психологической помощи детям-сиротам и поддержке специалистов, занимающихся проблемами данной категории детей.

The paper is devoted to the problem of the formation of gender identity in adolescents brought up in different socio-educational development situations (children's home, foster and ordinary families). For successful adaptation and integration in society as a full member, the child should grow up in a family where there is a formation of gender normative orientations and behaviour stereotypes. However, children living in orphan homes have limited opportunities for learning these orientations, as a result, the risk of disorders in the sphere of sexual identity of the child arises. A brief review of theoretical views on the phenomenon of sexual identity in terms of personal development is conducted. The author states the results of empirical research and gives recommendations on the use of personal typological characteristics adolescents in the orphanage. He offers practical recommendations which give a qualified psychological assistance to orphans and specialists who devotes themselves to the decisions of such problems.

Ключевые слова: личность, половая идентификация, маскулинность, феминность, андрогинность, подростки, детский дом, депривация.

Keywords: personality, sex-role identification, masculinity, femininity, androgyny, teenagers, boarding school, deprivation.

Проблема личности, ее самосознание на протяжении длительного времени остается объектом внимания ученых. Доказано, что вопросы формирования личности тесно связаны с проблемой развития половой идентификации, являющейся, по мнению многих исследователей (Л. И. Божович, И. С. Кон, В. В. Столин, С. Л. Рубинштейн, И. И. Чеснокова, В. С. Мухина и др.), частным вариантом целостного самосознания личности. Трудно переоценить значение пола для понимания психологических особенностей и характеристик жизненного пути человека. Разделение людей на мужчин и женщин предполагает у каждого индивидуума полное соответствие не только биологических, но и психологических особенностей, т. е. полового самосознания, а также адекватную направленность полового влечения и наличие соответствующих стереотипов полового поведения. Труды отечественных ученых в сфере развития сознания и самосознания в детском и подростковом возрасте (Б. Г. Ананьев, И. Д. Бех, Л. И. Божович, В. С. Мухина, Т. М. Титаренко) определяют развитие полового сознания как сложный психический процесс, который проявляется, в первую очередь, в восприятии человеком многочисленных соответствующих образов самого себя в разных ситуациях деятельности и общения и опирается на представление о половом самосознании как части целостного самосознания, имеющем ту же структуру: познание себя как представителя пола, оценивание себя как представителя пола и регулирование личностных и социальных проявлений человека как представителя пола [1]. В концепции феноменологии развития и бытия личности, разработанной В. С. Мухиной, выделены две направленности самосознания

личности: на внешнее пространство, определяющее условия развития и бытия человека как личности; на внутреннее пространство личности (подразумевается целостная структура самосознания). Системообразующими факторами самосознания, из которых выстраиваются звенья его структуры, являются: имена собственные (телесные, физические и поведенческие особенности); содержание притязаний на признание, характеризующих уровень социального развития; половая идентификация, типичная для каждого этноса и для каждой группы с присущими им особенностями; психологическое и историческое прошлое, настоящее и будущее конкретного индивида и этноса; обязанности и права, которыми обладает каждый индивид в системе своего государства и национальных традиций. Согласно концепции В. С. Мухиной, половая идентификация – третье звено структуры самосознания, включающее в себя ценностные ориентации человека на свой пол как социальную роль, как сексуальную потенцию и сексуальное поведение, а также психологическое признание своей идентичности со своим полом в физическом, социальном и психологическом плане [2]. Проведенный анализ зарубежной и отечественной литературы показал неоднозначность представлений авторов о феномене половой идентификации. Одной из проблем психологии половой идентификации является наличие множества понятий, терминов, определений, используемых из-за неоднозначности этого феномена, его сущности и составляющих. В связи с этим нами было уточнено научное представление о содержании такого явления, как «половая идентификация», представляющего собой сложный психический процесс (стадиальный), сущность которого заключается в восприятии личностью многочисленных «образов» самой себя в ситуациях деятельности, поведения, во взаимодействии с другими людьми в соответствии с нормами мужского и женского пола и социокультурными традициями общества, в результате чего складывается единое представление о себе как о человеке определенного пола, занимающем определенную полоролевою позицию. Были выделены ее составляющие: половая идентичность, полоролевая идентичность, полоролевые стереотипы, полоролевое поведение, полоролевые предпочтения, психологический пол личности, социокультурные представления о семье (об отце, о матери, о муже, о жене), об идеальных мужчине и женщине [3]. С опорой на теоретико-методологическую основу формирования половой идентификации в детском и подростковом возрасте было проведено экспериментальное исследование по выявлению особенностей половой идентификации подростков с разной социально-педагогической ситуацией развития (детский дом, приемные и обычные семьи). В рамках исследования использовался следующий пакет психодиагностического инструментария: многофакторный личностный опросник FPI с использованием шкалы «маскулинности-феминности»; детский опросник гендерной идентичности Д. Холла (адаптация М. В. Ивановой, О. В. Коваленко); методика «Психологический пол» (О. В. Лопухова); методика «МиФ» (Н. В. Дворянчиков, А. В. Герасимов); модифицированный вариант теста «Рисунок человека» (К. Махвер); методика свободных описаний (сочинение на тему «Какими я представляю себе современных мужчин и женщин» (М. И. Лисина, И. В. Дубровина, Г. А. Рузская).

В результате эмпирического исследования установлено, что у подростков в разных социально-педагогических ситуациях развития (детский дом, обычная, приемная семья) часто встречается андрогинный тип личности с различными вариантами выраженности маскулинности и феминности как среди мальчиков, так и среди девочек. Выявленный факт можно объяснить кризисом идентичности, который характеризуется активным поиском себя и своего места в группе сверстников, конфликтом между желаемым и действительным, появлением потребности примерить роли и особенности поведения лиц противоположного пола. Исследованием установлены отличительные особенности половой идентификации подростков в разных социально-педагогических ситуациях развития, которые заключаются в более феминных проявлениях составляющих у воспитанников-мальчиков детского дома и маскулинных у девочек-сирот; у подростков, воспитывающихся в условиях семьи (обычной и приемной), преобладают маскулинные черты у мальчиков и феминные качества у девочек; наблюдается также проявление маскулинности личности у девочек из обычных и приемных семей и феминность у мальчиков из обычных неполных семей; обращает на себя внимание тот факт, что при внешней агрессивности (самозащитного обвиняющего характера) мальчиков из детского дома выявлено проявление феминности личности составляющих половой идентификации подростков; возможно, это связано с тем, что воспитанники во внутреннем плане действий на эмоционально-волевом уровне остаются не способными выносить самостоятельные решения, зависимыми от мнения окружающих взрослых и сверстников [4].

Выявлен недифференцированный психологический пол (неопределенный тип полоролевой ориентации) у воспитанников детского дома до 20% случаев, преимущественно среди мальчиков. В качестве детерминант выступают ограниченность ориентации на пол, отсутствие достаточного количества образцов полоролевого поведения, а также образцов межполового взаимодействия. Возможно, это связано с незначительным присутствием мужчин в жизнедеятельности мальчиков, большое количество женщин-воспитателей с разнообразной программой воспитания и предъявляемых требований к поведению и дисциплине.

У подростков из детского дома не сформирована полоролевая идентичность, т. е. представления о типичности для пола своего поведения, а также функций, выражающихся как обобщенные суждения о мужественности/женственности, прямо противоположны: у мальчиков – феминны, у девочек – маскулинны. О сформированности полоролевой идентичности подростков, воспитывающихся в семьях, говорит традиционная направленность – маскулиная у мальчиков из приемных семей и андрогинная с преимуществом маскулинных черт у мальчиков из обычных семей и феминных качеств у девочек из обычных и приемных семей. Полоролевые предпочтения, т. е. ценности подростков в отношении стереотипного поведения того или иного пола, у воспитанников детского дома сформированы недостаточно по сравнению со сверстниками из семей. Образ себя как представителя определенного пола у мальчиков-воспитанников не сложился. Возможно, это связано с кризисом идентичности, отсутствием программ мужского воспитания, значимого взрослого (мужчины), образцов мужского поведения (в противном случае может развиваться «диффузия идентичности» – Э. Эриксон), наличием в избытке постоянного женского окружения, без положительно окрашенного эмоционального общения, с постоянным контролем, регламентацией поведения, негативизмом [5]. Проявление маскулинности девочек детского дома, возможно, связано с тем, что они хотят быть ближе к представителям мужского сообщества, привлекая тем самым к себе внимание, успешнее находить контакт со сверстниками противоположного пола; а также позволяет им комфортно чувствовать себя в данном учреждении, так как перед ними стоит вопрос сохранности личностного экзистенциального пространства, обусловленное отсутствием близких родственных связей и чувства защищенности (базового доверия к миру в целом).

Полоролевые стереотипы, т. е. представления подростков о поведении и функциях, характеризующих мужчин и женщин, выглядят следующим образом: больше сходств обнаруживается в образе «Идеального мужчины», который представлен маскулинно, в той или иной степени. Представления подростков об «Идеальной женщине», можно сказать, более традиционны в обычных и приемных семьях, дети-сироты считают, что женщина должна в большей степени обладать мужскими чертами. Основной причиной является отсутствие семьи и, как следствие, невозможность наблюдать разнообразие социальных ролей. Представления мальчиков и девочек, воспитывающихся в условиях семьи, о паттернах своего поведения, демонстрируемых другим представителям своего пола, соответствуют в большинстве случаев социальным стереотипам мужчин и женщин, т. е. проявлениям маскулинности мальчиками, феминности девочками в своем поведении. Возможно, этому способствует более широкий круг взаимодействия девочек из семей с мужчинами (папа, брат, дядя, отчим и т. д.), которые подчеркивают их женственность, поощряя проявления феминности в поведении, внешности, личностных качествах, значимой роли отца (мужчин) в жизни мальчиков (важной в подростковом возрасте). Совокупность субъективных представлений подростков о том, какими их видят другие мужчины и женщины, у воспитанников детского дома имеет феминный характер, а в глазах мужчин – неопределенный. Возможно, это связано с тем, что в реальной жизни у детей детского дома больше общения с представителями женского пола (воспитательницы, учителя, бабушки, тети, матери-одиночки и т. д.). Деперсонифицированное восприятие мужчин и женщин подростками из детского дома, которое характеризуется формальностью, указывает на несформированность базовых структур половой идентичности. Дети из приемных и обычных семей имеют представления о типичности для пола своего поведения, выражающиеся в обобщенных суждениях о мужественности/женственности, о формах поведения и функциях мужчин и женщин, о паттернах собственного поведения, соответствующих социальным стереотипам мужчин и женщин и полоролевым предпочтениям в отношении своего и противоположного пола, что говорит о сформированности базовой и константной половой идентичности; но у мальчиков из обычных семей недостаточно выражены полоролевые предпочтения, т. е. ценности индивида в отношении стереотипного по-

ведения к женщинам, а у мальчиков из приемных семей – паттерны поведения, соответствующие стереотипным, демонстрируемые женщинами, нечеткие представления о полоролевых стереотипах маскулинности/феминности.

Социокультурные представления подростков в разных социально-педагогических ситуациях развития о семье имеют качественные отличия в супружеских образах (мужа и жены), в представлениях о матери и аналогичны в представлениях об отце. Образ «Идеальной мамы» подростками, воспитывающимися в условиях приемной и обычной семьи, представлен одинаково, т. е. андрогинно с преобладанием женских черт в той или иной степени. Представления о матери у мальчиков детского дома более феминны. Образ идеального отца имеет сходства в представлениях всех подростков, которые видят его андрогинным, но преимущественно с мужскими качествами, как и идеального мужчину. Наблюдается наличие схожести взглядов подростков из приемных семей и детского дома (сказывается прошлый негативный опыт проживания в кровной семье), а также совпадение мнений с детьми из обычных семей (положительное влияние семейного воспитания в приемной семье). Отличия проявляются в том, что у воспитанников детского дома негативный образ мужчин и женщин гораздо более дифференцирован, разнообразен, основан на личном опыте и наблюдении, а в положительном образе присутствует больше стереотипов, идеализаций. Отчетливо выделяются два противоположных образца маскулинности/феминности – положительный и отрицательный в социокультурных представлениях о семейных ролях у подростков из детского дома и приемных семей, ранее проживающих в неблагополучной кровной семье и в детском доме [6]; их содержание различно у детей из разных категорий семей и детей-сирот.

В основу построения типологической личностной характеристики подростков в разных социально-педагогических ситуациях развития, легли принципиальные положения ортогональной модели (А. Константинополь, С. Бем), отображающие особенности половой идентификации [7]. Мы попытались представить наиболее выраженные типологические личностные характеристики подростков в разных социально-педагогических ситуациях развития, опираясь на имеющийся в психологической литературе аналогичный материал (типы полоролевой ориентации, типы психологического пола личности) и результаты эмпирического исследования. Типологическая личностная характеристика дает возможность не просто дать описание изучаемого объекта, но и объяснить природу, причины, закономерности возникновения и развития половой идентификации по тому или иному пути, составить прогноз. Такое выделение носит условный характер, могут быть выделены и другие типологические характеристики. Главными типологическими признаками явились: осознание себя представителем определенного пола; оценка соответствующего полу поведения; выбор полоролевых стереотипов, полоролевого поведения, полоролевых предпочтений; социокультурные представления о мужественности/женственности; психосексуальная ориентация. Типологическая личностная характеристика включает в себя: признаки социально-педагогической ситуации развития, тип психологического пола личности, характеристику признаков половой идентификации. Рассмотрим более подробное ее описание в соответствии с пятью типами психологического пола личности, выявленными эмпирическим путем.

Маскулинный тип проявляется в индивидуальных чертах личности, особенностях поведения, иерархии основных жизненных ценностей и структуре мотивов, проявляются нормативные характеристики мужской половой роли. Встречается у подростков, воспитывающихся в разной социально-педагогической ситуации развития:

– детский дом (разрыв с семьей и поступление в детский дом в подростковом возрасте – мальчиков; в дошкольном, младшем школьном – девочек (патернальная депривация); материнская, социальная, эмоциональная, когнитивная виды деприваций, круглосуточное пребывание в коллективе, отсутствие мест для уединения, жесткая регламентация режима проживания);

– обычные семьи (полная семья – мальчики; неполная семья – девочки);

– приемные семьи (полная семья, устройство мальчика в семью с раннего возраста; девочек в младшем или подростковом возрасте либо из детского дома, либо из неблагополучной кровной семьи с ответствующим комплексом деприваций).

Характеристика признаков половой идентификации для данного типа психологического пола личности: отстаивание своих интересов, проявляя агрессивность вербального и невербального характера; доминирование во взаимоотношениях со сверстниками; проявление

ние грубости в выражениях; активное участие в различных общественных мероприятиях (девочки); способность действовать в качестве лидера; склонность к риску; целеустремленность, настойчивость; умение быстро действовать, ориентироваться в любой обстановке; проявление силы, смелости, ловкости; узкая, практическая направленность интересов, реалистичность суждений, тривиальность поведения; адекватная самооценка в представлениях о себе, как носителе мужского пола; паттерны поведения, демонстрируемые мужчинам, женщинам, носят маскулинный характер; полоролевые стереотипы, социокультурные представления о мужественности/женственности соответствуют традициям и нормативным ориентациям, принятым в обществе (традиционные у мальчиков, для маскулинных девочек мужчина выглядит мужественно, женщина наделяется также мужскими качествами); внешний вид, стиль одежды и т. д. соответствуют мужскому образу; адекватная направленность психосексуальных ориентаций при взаимодействии со своим и противоположным полом.

Феминный тип характеризуется соответствием указанных выше особенностей личности нормативным характеристикам женской половой роли. Встречается у подростков, воспитывающихся в разной социально-педагогической ситуации развития:

– детский дом (поступление в детский дом мальчиков с рождения, в дошкольном возрасте; девочек – в младшем школьном, подростковом возрасте; виды деприваций: материнская, социальная, эмоциональная, когнитивная сенсорная; условия жизнедеятельности, перечисленные выше);

– обычные семьи (полная семья – девочки, неполная семья – мальчики);

– приемные семьи (полная семья, устройство девочек с рождения, в дошкольном, в младшем школьном возрасте либо из детского дома, либо из неблагополучной кровной семьи).

Характеристика признаков половой идентификации для данного типа психологического пола личности: проявляет опрятность, аккуратность во всем; умение сострадать, помочь; вежливый, ласковый, уступчивый, скромный, застенчивый, мягкость в высказываниях, неиспользование грубых выражений; склонность к проявлению чувств; разнообразные, слабо дифференцированные интересы, тяга к фантазированию и эстетическим занятиям, демонстрация чрезмерной озабоченности личными проблемами, склонность к самоанализу и самокритике, пассивность, зависимость, избегание соперничества, легко принимают помощь и поддержку; адекватная самооценка в представлениях о себе как носителе женского пола; паттерны поведения, демонстрируемые представителям разного пола, носят феминный характер; полоролевые стереотипы, социокультурные представления о мужественности, женственности традиционные, соответствуют общепринятым нормативам (у мальчиков – женщина более маскулинна); внешний вид, стиль одежды и т. д. соответствуют женскому образу; адекватная направленность психосексуальных ориентаций при взаимодействии со своим и противоположным полом.

Андрогинный (средневыраженный) тип характеризуется проявлением одновременно феминных и маскулинных черт личности. Признаки социально-педагогической ситуации развития:

– детский дом (поступление в учреждение независимо от пола в младшем школьном, подростковом возрасте; виды деприваций: материнская, патерналистская, эмоциональная, когнитивная; условия жизнедеятельности, перечисленные выше);

– обычные семьи (полная семья);

– приемные семьи (полная семья, устройство детей-сирот с рождения, в дошкольном, в младшем школьном возрасте либо из детского дома, либо из неблагополучной кровной семьи).

Характеристика признаков половой идентификации для данного типа психологического пола личности: наблюдается тенденция к сближению феминных и маскулинных качеств, способен проявлять как феминность, так и маскулинность; самооценка в представлениях о себе как носителя определенного пола адекватна биологическому полу; паттерны поведения, демонстрируемые представителям разного пола, носят феминный характер у девочек, маскулинный – у мальчиков; полоролевые стереотипы, социокультурные представления о мужественности, женственности ближе к традиционным, соответствуют общепринятым нормативам, женщины и мужчины в представлениях подростков обладают одинаковыми качествами; внешние признаки (стиль одежды, тембр голоса и т. д.) не дифференцированы по половому признаку; адекватная направленность психосексуальных ориентаций при взаимодействии со своим и противоположным полом.

Андрогинный тип с выраженной маскулинностью характеризуется смешением женских и мужских качеств, но с преимуществом маскулинных черт личности. Признаки социально-педагогической ситуации развития подростков аналогичны андрогинному средневыраженному типу психологического пола личности.

Характеристика признаков половой идентификации: обладает феминными и маскулинными качествами личности одновременно, в большей степени присущи мужские черты, старается придерживаться мужских образцов в поведении. Представления о паттернах своего поведения, демонстрируемых представителям разных полов, соответствуют социальным стереотипам мужчин, т. е. проявлениям маскулинности в своем поведении; самооценка в представлениях о себе как носителя определенного пола адекватна биологическому полу; адекватная направленность психосексуальных ориентаций при взаимодействии со своим и противоположным полом; социокультурные представления о мужественности, женственности ближе к традиционным, соответствуют общепринятым нормативам, внешний вид, стиль одежды и т. д. соответствуют мужскому образу у мальчиков, девочки детдома не дифференцируют свою позицию относительно внешнего облика.

Андрогинный тип с выраженной феминностью – смешение женских и мужских качеств, но с превалированием феминных черт. Признаки социально-педагогической ситуации развития аналогичны андрогинному средневыраженному типу и андрогинному типу с выраженной маскулинностью психологического пола личности. Характеристика признаков половой идентификации: обладает феминными и маскулинными качествами личности одновременно, в большей степени присущи женские черты, старается придерживаться женских образцов в поведении. Представления о паттернах своего поведения, демонстрируемых представителям разных полов, соответствуют социальным стереотипам женщин, т. е. проявлением феминности в своем поведении; самооценка в представлениях о себе как носителя определенного пола адекватна биологическому полу; адекватная направленность психосексуальных ориентаций при взаимодействии со своим и противоположным полом; социокультурные представления о мужественности, женственности ближе к традиционным, соответствуют общепринятым нормативам; внешний вид, стиль одежды и т. д. соответствуют женскому образу у девочек, мальчики детдома не дифференцируют свою позицию относительно внешнего облика.

Недифференцированный тип характеризуется отсутствием или недостаточностью проявления как мужских, так и женских качеств. Признаки социально-педагогической ситуации развития:

- детский дом (депривационный комплекс (материнская, патерналистская, сенсорная, эмоциональная, коммуникативная, социальная) при поступлении в детский дом с рождения и дошкольного периода (условия жизнедеятельности, перечисленные выше);
- обычные и приемные семьи (неполные).

Характеристика признаков половой идентификации: расхождение в представлениях подростка о себе как носителя определенного пола, рассогласованность самооценки (Я-реального и Я-идеального); нет четких представлений в отношении стереотипного или коррелирующего с ним поведения какого-либо пола, наблюдается несоответствие ценностных структур нормативным, социокультурные представления о мужественности, женственности нечеткие, в большинстве случаев адекватная направленность психосексуальных ориентаций при взаимодействии со своим и противоположным полом, пассивность, зависимость во взаимоотношениях, ценности подростка, половые предпочтения в отношении представителей другого пола не сформированы, возможно несоответствие психосексуальных ориентаций полоролевым стереотипам противоположного пола; внешние признаки (стиль одежды, тембр голоса и т. д.) не дифференцированы по половому признаку.

Легко заметить, что проявление адекватного типа полоролевой ориентации, т. е. показывающей сформированность половой идентификации, зависит от наилучших социальных условий, какими являются условия семьи обычной или приемной (благополучной семьи), не учитывая при этом биологический фактор – отклонения на физиологическом (генетическом, гормональном) уровне.

Нами была разработана диагностико-прогностическая карта особенностей половой идентификации подростков детского дома, которая содержит рекомендации по формированию адекватной половой идентификации воспитанников в условиях детского дома. Диагно-

стико-прогностическая карта включает в себя следующие разделы: признаки социально-педагогической ситуации развития, соответствующий набор типологических качеств и рекомендации, включающие формы работы психолога и воспитателей с воспитанниками. Ниже приводится пример одного из разделов карты по формированию адекватной половой идентификации у воспитанниц детского дома с маскулинными качествами личности.

Признаки социально-педагогической ситуации развития: разрыв с семьей и поступление в детский дом в дошкольном, младшем школьном возрасте; виды деприваций: патерналистская, материнская, социальная, эмоциональная, когнитивная; круглосуточное пребывание в коллективе; отсутствие мест для уединения; жесткая регламентация режима.

Набор типологических качеств девочек маскулинного типа: агрессивное отстаивание своих интересов; доминирование; проявление грубости в выражениях; общественная активность; лидерство; склонность к риску; целеустремленность, настойчивость; находчивость; проявление силы, смелости, ловкости; внешние признаки маскулинности; социокультурные представления о мужественности/женственности, полоролевые стереотипы, предпочтения, паттерны поведения соответствуют мужским образцам.

Рекомендации психологу:

1. Необходимо стимулировать процессы рефлексии, самопознания (индивидуальные и групповые формы работы «Что я знаю о себе?». «Что я люблю и ненавижу?» «Человек, которым я восхищаюсь» и т. д.).

2. Поощрять стремление к ведению личных дневников.

3. Развитие эмпатии, способности к сопереживанию, формирование потребности разделять свои переживания с другим человеком, обмениваться впечатлениями. Проведение тренинга по управлению эмоциями, усвоению навыков релаксации, тренинга по вербализации чувств и выражению их не вербально. Использование игр, развивающих и закрепляющих навыки понимания и учета состояния другого человека.

4. Помощь в оптимизации отношений с опекунами, другими родственниками, а также с кровными родителями.

5. Формирование научных представлений о межличностных отношениях между людьми противоположного пола, о личностных качествах (матери, жены), об этике семейных отношений, проигрывание сцен из семейной жизни и т. д.

6. Игровые ситуации, формирующие и закрепляющие в сознании эталоны мужественности и женственности.

7. Формирование ценностного отношения к ребёнку, эмоционально окрашенного образа матери, развитие чувства эмпатии, сострадания, жалости.

8. Развитие навыков конструктивного взаимодействия в конфликтах через игры на межличностное межполовое взаимодействие.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что неадекватная половая идентификация подростков, оставшихся без попечения родителей, обусловлена неправильной организацией общения взрослых с детьми, разнообразными программами женского воспитания с предъявляемыми требованиями к поведению и дисциплине, не компенсирующими дефектов развития, вызванных отсутствием семьи; недостаточностью мужского воспитания; недостаточностью психолого-педагогической подготовленности воспитателей по формированию адекватной половой идентификации воспитанников подросткового возраста; постоянным нахождением детей в условиях коллектива; отсутствием положительной роли семейного воспитания; разрывом с семьей и помещением ребенка в детский дом; различными видами деприваций. Семейные условия воспитания дают большие возможности для усвоения социальных ролей подростками (в том числе семейных, половых).

Примечания

1. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. М.: Ин-т практической психологии, 1996. 352 с.; Кон И. С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 59–68; Лишенные родительского попечительства: хрестоматия / под ред. В. С. Мухиной. М.: Просвещение, 1991. С. 222.

2. Лишенные родительского попечительства.

3. Виноградова Г. А., Бобкова Т. С. Своеобразие полового самосознания подростков с разной социальной ситуацией развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Вып. 2. Самара: СНЦ РАН, 2010. Т. 12. № 3. С. 386–393.

4. Там же.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 344.
6. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития 10-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2006. С. 608.
7. Лопухова О. Г. Психологический пол личности: адаптация диагностической методики // Прикладная психология. 2001. № 3. С. 57–67.

Notes

1. Bozhovich L. I. *Problemy formirovaniya lichnosti: izbrannye psihologicheskie trudy* [Problems of formation of personality: selected psychological works] / edited by Doctor of historical sciences D.I. Feldstein. Moscow. Institute of practical psychology. 1996. 352 p.; Kon I. S. *Psihologiya polovyh razlichij* [Psychology of sex differences] // *Voprosy psihologii* - Questions of psychology. 1981. No. 2. pp. 59-68; *Lishennye roditel'skogo popechitel'stva: hrestomatiya* - Deprived of parental care: a reader / Ed. by V. S. Mukhina. Moscow. Prosvescheniye. 1991. P. 222.
2. *Lishennye roditel'skogo popechitel'stva* - Deprived of parental care. (in Russ.)
3. Vinogradova G. A., Bobkova T.S. *Svoeobrazie polovogo samosoznaniya podrostkov s raznoj social'noj situaciej razvitiya* [The peculiarity of the sexual identity of adolescents from different social situation of development] // // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* - Proceedings of Samara scientific center of Russian Academy of Sciences. Is. 2. Samara scientific center of RAS. 2010, vol. 12, No. 3, pp. 386-393.
4. Ibid.
5. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow. 1996. P. 344.
6. Mukhina V.S. *Vozrastnaya psihologiya. Fenomenologiya razvitiya* [Age psychology. Phenomenology of development] 10th ed., rev. and ext. Moscow. Academy. 2006. P. 608.
7. Lopukhova O.G. *Psihologicheskij pol lichnosti: adaptaciya diagnosticheskoy metodiki* [Psychological gender of a person: adaptation psychology] // *Prikladnaya psihologiya* - Applied psychology. 2001, No. 3, pp. 57-67.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XXXIII Международный научный семинар вузовских преподавателей математики и информатики, посвящённый 100-летию ВятГГУ

25–27 сентября 2014 г. в г. Кирове на базе Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ) был проведён XXXIII Международный научный семинар преподавателей математики и информатики университетов и педагогических вузов «Тенденции и перспективы развития математического образования», посвящённый 100-летию ВятГГУ. Научным руководителем семинара является доктор пед. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *Александр Григорьевич Мордкович*. Именно А. Г. Мордкович в 1987 г. основал семинар и стал его бессменным руководителем. Этот семинар обычно так и называют – *семинар Мордковича*. Укажем географию всех 33 уже состоявшихся семинаров: Москва (1987, 2000, 2010), Красноярск (1988), Пермь (1988, 2008), Улан-Удэ (1989), Казань (1989), Ярославль (1990), Барнаул (1990), Ульяновск (1991), Рязань (1991), Чебоксары (1992), Коломна (1992), Липецк (1993), Елабуга (1994, 2011), Орск (1995), Санкт-Петербург (1996, 2002), Новгород (1997), Калуга (1998), Брянск (1999), Вологда (2001), Тверь (2003), Челябинск (2004), Саратов (2005), **Киров (2006, 2014)**, Самара (2007), Екатеринбург (2009, 2013), Тобольск (2012).

Непосредственно в XXXIII семинаре приняли участие более 150 вузовских преподавателей, аспирантов и студентов. Помимо кировчан в семинаре участвовали 52 человека из 22 городов: Арзамаса, Владимира, Вологды, Глазова, Елабуги, Екатеринбурга, Калуги, Москвы, Нижнего Тагила, Оренбурга, Орска, Перми, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Сургута, Сыктывкара, Тобольска, Ульяновска, Чебоксар, Якутска, Ярославля.

25 сентября состоялось открытие и пленарное заседание семинара. С приветственным словом выступил проректор по НИР ВятГГУ, доктор ист. наук, профессор *Ю. А. Балыбердин*, отметивший добрую традицию проведения научно-методических конференций по проблемам математического образования в ВятГГУ и напомнивший, что XXV семинар математиков также проходил на Вятской земле. Он передал форуму пожелание плодотворной работы от ректора ВятГГУ, доктора ист. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ *В. Т. Юнгблюда*. Вступительное слово произнёс руководитель семинара *А. Г. Мордкович*, подчеркнувший актуальность и важность заявленных на семинаре проблем математического образования, требующих серьёзного анализа, адекватных подходов и решений. Выступивший затем председатель оргкомитета конференции, доктор физ.-мат. наук, профессор *Е. М. Вечтомов* коснулся истории проведения в ВятГГУ научных конференций по математическому образованию. Вступительная часть завершилась презентацией «Вехи истории высшего математического образования на Вятке», подготовленной учёным секретарём семинара кандидатом физ.-мат. наук, доцентом *В. И. Варанкиной*.

Далее было прочитано 8 пленарных докладов из 12 заявленных; не смогли приехать *С. Т. Главацкий* (Москва), *С. Р. Коголовский* (Иваново), *А. Е. Малых* (Пермь), *П. И. Совертков* (Сургут). Приведем список докладчиков и тем сделанных пленарных докладов. Кандидат пед. наук, заслуженный работник профобразования РФ *А. Д. Белова* (Москва) «Гении Колмогоров и Арнольд – учитель и ученик». Кандидат физ.-мат. наук, доцент *Г. А. Клековкин* (Самара) «Педагогическое проектирование или педагогическое прожектёрство?». Доктор физ.-мат. наук, профессор, член-корреспондент РАН *А. А. Махнев* (Екатеринбург) «Академическая алгебра на Урале». Доктор физ.-мат. наук, профессор *В. П. Одиноц* (Санкт-Петербург) «О некоторых математических методах, используемых при принятии управленческих решений». Доктор пед. наук, профессор *Т. С. Полякова* (Ростов-на-Дону) «Курс отечественной истории математики в контексте ее периодизации». Кандидат физ.-мат. наук, доцент, заслуженный работник высшей школы РФ *В. А. Попов* (Сыктывкар) «О некоторых новых понятиях и подходах изложения основ математического анализа». Доктор пед. наук, профессор *В. А. Тестов* (Вологда) «Основные тенденции развития математического образования». Доктор пед. наук, профессор *А. В. Ястребов* (Ярославль) «Граф соответствия как средство описания педагогических моделей».

Все пленарные доклады весьма профессиональны, по-своему оригинальны и поучительны, охватывают проблематику математического образования с разных сторон. На наш взгляд, наибольший интерес вызвали доклады *Г. А. Клековкина* и *А. А. Махнева*. Геннадий Анатольевич подверг обоснованной критике проектный подход, культивируемый нашей педагогической наукой в ущерб содержательному предметному обучению учащихся. Александр Алексеевич осветил направления алгебраических исследований (в основном это тематика теории групп) в историческом аспекте, развиваемые в Институте математики и механики Уральского отделения РАН.

26 сентября, в день секционных заседаний, работали три секции. На секции «Методика обучения математике и информатике в школе», руководимой профессором *В. А. Тестовым* (Вологда) и доцентом *Д. В. Чупраковым* (Киров), было сделано 17 докладов. Отметим следующие выступления: кандидат пед. наук, доцент *И. Н. Власова* (Пермь) «Курсы повышения квалификации учителей математики как условие успешного внедрения ФГОС основной школы», доцент *В. М. Михайлов* (Москва) «Методические возможности учёта структурной составляющей учебного материала для совершенствования обучения математике», кандидат физ.-мат. наук, доцент *Е. А. Перминов* (Екатеринбург) «О метапредметном подходе в интеграции профильного обучения математике в школе».

Секцией «Методика обучения математике и компьютерным наукам в вузе» руководили профессора *С. И. Калинин* (Киров) и *Т. С. Полякова* (Ростов-на-Дону). В числе 13 заслушанных докладов можно выделить выступления кандидата физ.-мат. наук, доцента *Ю. Б. Мельникова* (Екатеринбург) «Отношение к математическим результатам как к инструменту деятельности», кандидата пед. наук, доцента *М. Ф. Гильмуллина* (Елабуга) «Интерактивные формы обучения истории математики», доктора пед. наук, профессора *Н. И. Мерлиной* (Чебоксары) «Электронное портфолио студента и Интернет».

Наконец, на секции «Математические исследования», курируемой профессорами *В. П. Одинцом* (Санкт-Петербург) и *В. В. Черных* (Киров), состоялось 8 докладов. Член оргкомитета семинара *А. А. Махнев* выступил с весьма содержательным докладом на тему «Регулярные графы и группы». Нетривиальные доклады сделали молодые исследователи из ВятГГУ: студент *С. А. Вычегжанин*, магистранты *А. С. Бестужев*, *Р. В. Марков*, *А. А. Петров*.

Участниками секционных заседаний было выражено единодушное мнение о том, что давно на научно-методических конференциях и семинарах подобного уровня не наблюдалось такого заинтересованного и профессионального обсуждения докладов.

В рамках семинара было проведено 19-е заседание Совета УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона с повесткой дня: 1) о сетевой форме обучения студентов; 2) грифование учебных пособий; 3) приём новых членов Совета УМО. Первичным опытом сетевого обучения поделились председатель Совета УМО *Е. М. Вечтомов*, профессора, доктора пед. наук *И. Г. Липатникова* (Екатеринбург), *Т. И. Уткина* (Орск), *В. А. Тестов* (Вологда), доктор техн. наук, заслуженный работник высшей школы РФ *В. Л. Никитенков* (Сыктывкар). Начало сетевому обучению положено, но это направление в высшем образовании пока никак финансово не обеспечено. Гриф УМО получили три учебных пособия: «Историко-методические ситуации и задачи» *М. Ф. Гильмуллина* (Елабуга) и *А. Л. Жохова* (Ярославль), «Об истории некоторых математических методов, используемых при принятии управленческих решений» *В. П. Одица* (Сыктывкар), «Практико-ориентированное обучение математической логике» *М. Е. Сангаловой* (Арзамас). В члены Совета УМО избрана *Т. И. Уткина*, зав. кафедрой алгебры, геометрии, теории и методики обучения математике Орского филиала Оренбургского госуниверситета.

К открытию семинара опубликован сборник материалов семинара (392 с.), содержащий 147 работ 186 авторов, и напечатан буклет с программой семинара. Следует отметить, что сборник открывается статьёй *В. И. Варанкиной*, *Е. М. Вечтомова*, *А. Г. Мордковича* «Математическое образование в Вятском государственном гуманитарном университете», посвящённой юбилею ВятГГУ. Среди 197 очных и заочных участников семинара 35 докторов и 85 кандидатов наук, много молодых ученых, аспирантов и студентов. Представлено 43 города из пяти стран: Абакан (2), Арзамас (4), Архангельск (4), Боровск (1), Великий Новгород (1), Владимир (3), Вологда (1), Глазов (4), Екатеринбург (14), Елабуга (1), Елец (1), Иваново (1), Калуга (3), Киев, Украина (2), Киров (35), Коломна (2), Краснодар (2), Красноярск (3), Курган (2), Мапуту, Мозамбик (2), Москва (24), Нижний Тагил (1), Новополюк, Беларусь (1), Орен-

бург (2), Орск (1), Оуденбош, Нидерланды (2), Пермь (10), Ростов-на-Дону (2), Рязань (3). Самара (2), Санкт-Петербург (3), Стерлитамак (5), Сургут (3), Сыктывкар (7), Тобольск (8), Тольятти (1), Уссурийск (3), Ухта (1), Хабаровск (3), Чебоксары (5), Челябинск (5), Якутск (1), Ярославль (5). Издание сборника было поддержано грантом ведущей научной школы ВятГГУ «Полукольца и их применения», проект № 1.1.1-14.

В первый день работы семинара была организована выставка-продажа книг (монографий, учебных пособий, методических разработок), принадлежащих перу участников семинара. Наиболее востребованными оказались монография Е. М. Вечтомова «Философия математики» (Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. 316 с.) и учебное пособие Е. М. Вечтомова и Д. В. Широкова «Математика. Вводный курс» (Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. 240 с.). Состоялись приуроченные к 100-летию университета персональные выставки трудов известных выпускников ВятГГУ: профессоров нашего вуза математика-методиста *Фёдора Фёдоровича Нагибина* (1909–1976), математика-методиста *Евгения Степановича Канина* (1926–2013) и геометра *Якова Петровича Понарина* (1934–2008), профессора МГУ имени М. В. Ломоносова, философа математики *Василия Яковлевича Перминова* (1938 г. р.), профессора Тольяттинского университета, геометра *Евгения Викторовича Потоскуева* (1939 г. р.). Были выставлены материалы 10 математических конференций, проведенных в разные годы в ВятГГУ, и 16 выпусков периодического межвузовского сборника научно-методических работ «Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона», издаваемого с 1998 г. под редакцией Е. М. Вечтомова. Особое место на выставке заняла только что увидевшая свет книга В. И. Варанкиной, Е. М. Вечтомова, Е. С. Канина «Профессор Фёдор Нагибин. Сквозь призму времени» (Киров: ООО «Лобань», 2014. 316 с.), открывающая юбилейную серию «Научно-педагогическое наследие ВятГГУ». В ней представлены не только жизнь и творчество Ф. Ф. Нагибина, но живо, в воспоминаниях и лицах запечатлён процесс становления и развития математического образования в ВятГГУ.

Удалась и культурная программа: автобусная экскурсия по Кирову и посещение палеонтологического музея (25 сентября), выступление фольклорного ансамбля «Горенка» (в котором состоит доцент *В. И. Варанкина*) – лауреата многих Всероссийских и Международных конкурсов и фестивалей (26 сентября), незабываемая поездка в село Великорецкое (27 сентября).

Как всегда, семинар предоставил всем участникам неоценимую возможность общения. Многие исследователи «обкатали» свои идеи, разработки и концепции, скорректировали научные планы. В качестве резолюции единым гласом прозвучало: *Семинару Мордковича жить и далее служить делу математического образования и просвещения!*

Отметим, что XXXIII семинар организован и проведён кафедрой *фундаментальной и компьютерной математики* ВятГГУ (зав. кафедрой *Е. М. Вечтомов*). В проведении семинара участвовали все сотрудники кафедры, а также студенты направления подготовки Математика и компьютерные науки. В организационном плане ведущую партию исполнила координатор семинара *В. И. Варанкина*. Впервые вся основная информация о семинаре была размещена на сайте <http://conf-math.vggu.ru/>, специально созданном сотрудником кафедры *Р. В. Марковым*.

И как обычно, профессор *А. Г. Мордкович* – в качестве автора школьных учебников – выступил с лекциями перед кировскими учителями математики в лицее № 21 (организатором стал завуч лицея, кандидат пед. наук, доцент кафедры фундаментальной и компьютерной математики *П. М. Горев*) и перед студентами-математиками ВятГГУ.

По отзывам участников, семинар был прекрасно организован, проведён на высоком научном уровне, проходил в тёплой доброжелательной атмосфере.

Следующий XXXIV семинар решено провести в славном городе Калуге (организаторы – доктора пед. наук, профессора Ю. А. Дробышев и И. В. Дробышева).

Е. М. Вечтомов,
председатель оргкомитета семинара,
доктор физ.-мат. наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ;
В. И. Варанкина,
учёный секретарь и координатор семинара,
кандидат физ.-мат. наук, доцент,
почётный работник ВПО РФ

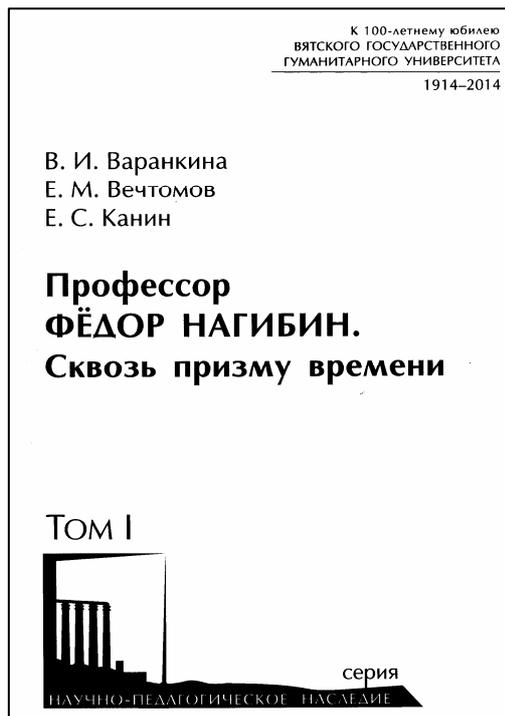
РЕЦЕНЗИИ

Вечность можно и надо строить...

(Рецензия на книгу «Профессор Фёдор Нагибин. Сквозь призму времени».

Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. 316 с.

Серия «Научно-педагогическое наследие ВятГГУ»)

Первый том новой серии книг в год юбилея ВятГГУ реализует стремление руководства и авторов отыскать и обозначить «единство во многообразии» в исторической миссии ведущих профессоров, деятелей духа и дела нашего вуза. Значимые традиции живут дольше людей, но без людей нет традиций. И выдающиеся профессора нашего университета во все времена объединяли людей, заражали духовной энергией и вели по ниве просвещения и науки.

Фёдор Фёдорович Нагибин с окончания вуза в 1933 году до самого последнего дня в 1976 году жил и работал в вузе. И названная книга – наш духовный памятник его деятельности.

Считаю правильным, что такая серия книг выходит под патронажем ректора вуза. Наверное, надо сразу определить и полный перечень книг серии, т. е. определить её законченность по личностям или событиям (и то и другое может быть достойным объектом рассмотрения!), целям, содержанию, стилю... И оставить истории все другие факты, идеи, события – новые серии книг для другого времени.

Лежащая на моём столе книга объективно задаёт некую рамку книг этой серии. Во-первых, как обозначено, это научное издание. Но это, по нашему мнению, может быть в зависимости от персоны и авторов научно-методическое, научно-публицистическое или монографическое издание, каждое со своим аппаратом, особенностями подачи материала, функциями и ролями.

Во-вторых, это обязательно по задачам и смыслам содержания – историческая работа. В неё личность героя «вложена» в историю нашего вуза: раскрыта на фоне его научно-образовательных событий, нацелена на воспроизводство особенностей духовной (организационной, познавательной, творческой, просветительской...) деятельности того или иного деятеля-профессора для будущего.

В-третьих, в такой книге теоретическая идея (картина мира) авторов ведёт описания жизнедеятельности объекта исследования, определяет подбор и форму представления эмпирического материала (фактов, оценок, текстов...). В названной книге наиболее ярко, последовательно и выпукло содержательно-временное пространство деятельности Ф. Ф. Нагибина представлено через задание пространства мыслей и чувств его ближайшего окружения – коллег по работе, соавторов, аспирантов, студентов... Этот построенный мир настойчивыми поисками, прежде всего, Веры Ивановны Варанкиной, образует сложную и самостоятельную, современную жизнь духа Федора Федоровича Нагибина. Конечно, этот мир всегда ограничен рамками идей, доступного содержания, формами представления. Но именно он определяет значимость книги для сегодняшнего и будущего читателя. Именно он обеспечивает жизнь книги, её дыхание. Мне запомнились живые слова учителей физики Т. Г. Быковой и З. Б. Плюсониной, доцента Н. Г. Килиной, нашего земляка, профессора Г. А. Клековкина...

В-четвертых, немаловажное значение имеет и форма. Повторим мысль: факт обозначения тома – это обязательство закончить серию небольшим количеством координат творческих личностей нашей истории. Здесь всё должно быть уместным: время, служение делу, общероссийский научный уровень, очевидная «вечность» образовательных и общественных достижений, нравственная и гражданская чистота личности...

Первая в серии книга издана с любовью. А чистота, «научность» текста, конкретность каждой страницы вызывают уважение к всегда многотрудной работе авторов. В конструировании текста, в изложении истории математического образования нашего региона узнаётся и чувствуется страстная заинтересованность авторов в жизни нашего общего дела. Сам уважаю математиков и преклоняюсь перед этим великим языком мира... И в книге, что принципиально важно, есть математика, т. е. в книгах серии должно быть солидное, твердое предметное основание. А иного и не мыслю.

Книга – всегда коллективный труд авторов, редакторов, дизайнеров... Мне нравится содержательная строгость твердой обложки. И сама верстка (шрифты, расположение текстов и др.), и обилие фотографий, справочный и библиографический аппарат делают работу прагматически полезной и комфортной для использования. Каждого автора книги – В. И. Варанкину, Е. М. Вечтомова, Е. С. Канина – по-своему вижу в книге, каждый имеет свою нишу. Например, рука мыслей Евгения Михайловича видна при рассмотрении вопросов развития математического образования нашего края. Но моё открытие – энергия, труд, исторический вкус Веры Ивановны. Вот почему её автограф на книге так дорог.

Итак, книга ушла от авторов и издателей. Убеждён в справедливости и полезности её появления. И жду новых книг серии.

*Ю. А. Сауров,
доктор педагогических наук, профессор ВятГГУ*

ПЕРСОНАЛИИ

Владимиру Федоровичу Юлову – 70 лет

О Владимире Федоровиче Юлове как учёном

Сразу признаюсь, что Владимир Федорович Юлов сыграл в моей жизни роль Перводвигателя в метафизике греческого философа Аристотеля. Существование Перводвигателя, или Формы форм, которая созерцает самое себя и которой нет дела до остального мира, заставляет материю тянуться к ней как к недостижаемому образцу, в результате материя приходит в движение, развивается ко все более высоким ступеням бытия. Так и существование В. Ф. Юлова в качестве сначала кандидата философских наук, а затем доктора философских наук и профессора указывало мне ступени моего возможного развития. Я говорил себе каждый раз: почему бы и нет? – и защищал кандидатскую, затем докторскую диссертацию, становился профессором, писал книжки и строил концепции.

Правда, на построение таких всеобъемлющих концепций, как юловская *интегративная теория познания*, я не замахивался. Изложу ее основные идеи*.

Главным допущением этой теории является мысль, что познание животных, человеческое практическое познание, духовный поиск (мировоззрение) и научное познание можно рассматривать в контексте единого целого. Этот подход опирается на принцип эволюционно-познавательного единства всего живого. В то же время автор признает, что данный подход чреват определенным абстрагированием от того, что принято считать собственно человеческим сознанием.

Дело в том, что животных вполне можно рассматривать в качестве познавательных агентов. Они придают сенсорным впечатлениям рациональные значения, различают пространственные фигуры, действуют в соответствии с транзитивной логикой, представляют предметы без их непосредственного восприятия, то есть обладают воображением. Животные способны к количественным оценкам, они просчитывают местонахождение жертвы. У них намечаются представление о собственном Я и способность приписывать другим особям мен-

* См.: Юлов В. Ф. Интегративная теория познания: научная монография. М.: Современная музыка, 2014. 401 с.

тальные и когнитивные состояния. Животные могут обманывать себе подобных, понимать других по взглядам и жестам, у них можно обнаружить зародышевые образы искусства.

У животных прижизненный опыт опирается на врожденные генетические программы. Эта же опора на генетику вначале определяла содержание человеческого познания. Но в ходе эволюции существенные характеристики опыта подверглись изменениям. Их интегральной причиной стала практика, то есть создание артефактов в виде искусственных орудий или техники. В то же время артефакты были бы невозможны без социальной организации высокого уровня. С проблемой эволюционных истоков практики сопряжена проблема сознания.

В концепции В. Ф. Юлова большую роль играет понятие габитуса, которое разрабатывал французский философ Пьер Бурдьё, опирающийся в свою очередь на работы Эдмунда Гуссерля. Габитус выступает концентратом практического опыта, он позволяет конструировать бессознательные автоматизмы повседневного поведения. В то же время у человека баланс трех сил – *природа – социум – культура* – нарушился за счет природы, однако возникла возможность усиления остальных составляющих – социума и культуры. Люди стали развивать именно социальную культуру.

Согласно В. Ф. Юлову, в духовном опыте человек представлен телесностью, бытийственной психикой, ментальной чувственностью и тем нижним слоем интеллекта, который обеспечивает формирование ощущений, восприятий и представлений с духовными смыслами. Такая комплексность делает духовный опыт органичным синтезом бытия и познания.

Особо выделяется взаимосвязь эмпирического опыта и теоретического мышления. Смысловым ядром противоборства эмпиризма и рационализма, проходящего через всю историю философии, является оппозиция «фактуализм – теоретизм», причем согласно «фактуализму» научные факты совершенно не зависят от теорий и играют в науке решающую роль, а согласно «теоретизму» теории определяют содержание всех фактов (все факты нагружены теориями). Эти две позиции обнаруживают свою односторонность и требуют понимания их соотношения в духе золотой середины. Выдвигается тезис о том, что часть научных фактов действительно автономна и независима от теорий.

Факты суть прямые и непосредственные указатели реальности, теории же относятся к ней лишь косвенно. Теоретические утверждения демонстрируют логическую необходимость, фактуальные же констатации несут неистребимую вероятностную приблизительность. Поэтому на любой исторической стадии научного знания актуальна проблема определения границы измерения: допустимая погрешность/недопустимая ошибка. Прогресс науки делает «интервал безразличия» все меньше. Во времена И. Ньютона эффект в 1/10000 был погрешностью, которая не шла в расчет. Квантовая физика считает его уже фактической ошибкой. Важно то, что теория всегда будет утверждать чистую необходимость, а эмпирические факты науки всегда будут отражать случайный хаос действительности и флуктуации человеческого опыта.

И все же научные факты играют решающую роль в отборе теоретических гипотез. Дело в том, что теоретическая критика помогает сократить количество предположений, но ее возможности ограничены. В этом случае арбитром становится способность предсказания новых фактов.

В концепции показывается взаимодействие четырех форм познания: познания животных, человеческого практического познания, мировоззренческого и научного. Стоит отметить последовательность и строгую продуманность концепции Владимира Федоровича Юлова. Этим она отличается от многих других научных концепций, где не формулируется в явном виде определенная исходная позиция. Мы имеем дело с обстоятельной, оригинальной творческой концепцией, которая является ощутимым вкладом в корпус современной философской литературы.

*М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор ВятГГУ*

Интервью с Владимиром Федоровичем Юловым*

– Владимир Федорович, какие произведения мировой литературы и философии повлияли на формирование Вашего мировоззрения?

– Вот я думаю, что всё равно без Маркса не обойтись: в свое время я очень внимательно изучил первый том «Капитала». Вторая книга, которая на меня существенно повлияла, – это «Колобок». Ведь в чем суть этой сказки? Колобок всё время меняется: все, с кем он сталкивается, становятся для него новым началом, самоценной строфой в песне его судьбы. Столкнувшись с критической, пограничной между жизнью и смертью ситуацией, Колобок не растворяется в ней «с головой», то есть полностью, а *обходит* её, одновременно обогащаясь этим опытом, превращая его в ресурс преодоления дальнейших препятствий. Точно так же, например, insult можно воспринять в сугубо буквальном смысле как кратковременное прекращение кровяного питания мозга, и это парализует тебя, отняв силы к дальнейшему движению, а можно здесь применить обходную стратегию, интерпретировав болезнь как время переоценки своей жизни, как случай задуматься: туда ли ты идешь, правильно ли развиваешься. И я сейчас уже не склонен драматизировать эту ситуацию, рассматривать как чисто негативное явление – я в ней вижу и определенный позитив. ...Поэтому Колобок для меня – знаковый персонаж.

И еще одна книга, которая на меня очень существенно повлияла, – это «Иосиф и его братья» Томаса Манна, особенно предисловие. Я был просто потрясен этим произведением, благодаря ему я ушел от чисто идеализированных моделей мира, придя к важному для себя выводу, что культура, высокая рафинированная культура – это очень тонкая плёночка, под которой бушует океан массового сознания. И вот это массовое сознание во многом определяет и наши жизни, и мировую политику, и т. д.

– Что Вы понимаете под «философией»?

– Здесь я не буду оригинальным: философия – это не наука, это область свободного рефлексивного мышления над любым предметом – наукой, сознанием и чем угодно.

– Вы закончили физический факультет КГПИ. Что привело Вас в философию?

– Хороший вопрос, я размышлял над этим в свое время. Дело в том, что во время учебы на физическом факультете я искренне верил, что физика – это царица наук. Большое уважение к физике я питаю до сих пор, но сейчас понимаю, что не физикой единой, не «энергией вакуума» лишь жив человек. В армию я был призван в 1963 году, как раз когда случился «карибский кризис», когда многих брали прямо со студенческой скамьи, в том числе и меня. Я попал в погранвойска, в спортивную роту, ведь у меня был третий разряд по стрельбе. И там у меня оказалось очень много свободного времени: нам разрешали после тренировки до вечера уходить в город. Ну ребята по женским общезжитиям, а я рванул в университет. Прослушал очень многое, в том числе по современному естествознанию, по математике, посетил семинар по квантовой физике... И там же начал слушать кое-какие лекции по философии, которые совершенно перевернули мое прежнее, ходульное представление о ней. В Ленинградском университете как раз подобралась плеяда молодых талантливых преподавателей – Михаил Васильевич Степаненко, другие... Благодаря им я понял, что такое «философствование вслух», мне удалось принять участие в таинстве рождения мысли. Оказалось, что философия вовсе не сводится к диаматовской «мантре» о примате бытия над сознанием. Я понял, что совсем не знаю философию, она открылась для меня как «терра инкогнито», которой я был просто очарован, как Ланселот Авалоном... Поняв, что «это моё», стал самостоятельно изучать литературу в библиотеке Ленинградского университета, ходить по книжным магазинам...

Так что, вернувшись после службы на физический факультет КГПИ, я имел уже другое увлечение. Профессор Вячеслав Всеволодович Мултановский на последнем курсе обучения

* В сокращенном виде интервью было опубликовано в газете «Университетский вестник» от 30.09.2014 г.
210

предложил мне идти в аспирантуру по методике преподавания физики. Я поблагодарил его, но признался, что в Ленинграде заболел философией. На что услышал в ответ: «Так что? Я ведь и сам ее люблю и уважаю». Он посоветовал мне поступать в аспирантуру по философии в Нижнем Новгороде и написал рекомендательное письмо Федору Фомичу Кальсину, заведующему кафедрой философии в Институте иностранных языков им. Добролюбова. Тот дал мне тему реферата – «Философские проблемы физики» – и отправил писать до сентября. И хотя конкуренцию мне составлял партийный работник, Федор Фомич взял на себя смелость принять именно меня, а на неизбежно последовавшие вслед за этим замечания ответил примерно следующее: партийный активист всё вызубрил по программе и считает, что на этом основании быстрее добьется благорасположения философии. Но философия – «гражданка серьезная» и любит тех, кто пусть и меньше знает, но гибкий и готов меняться.

Так я и стал аспирантом – притом, что вступительные сдал не без проблем: на экзамене по немецкому языку спросили, почему у меня произношение вятское, а не немецкое...

– Вспомните один из ярких моментов обучения на физическом факультете КГПИ им. В. И. Ленина.

– Первое, что пришло на ум: идёт лекция профессора Мултановского по теоретической физике, и вдруг его перебивает глухой стук: это я сидел, подперев рукой голову, и уснул. И профессор вместо гневного окрика спрашивает: «Что, опять разгружали?» – просто он знал, что я вместе с еще одним одноклассником по ночам подрабатывал, разгружая вагоны, и относился к этому с пониманием.

– Кто из отечественных философов оказал на Вас особое влияние?

– Федору Фомичу Кальсину я благодарен за жесткую критическую школу. Он ведь, к примеру, заставил меня написать четырнадцать вариантов первой статьи; каждый раз говорил: «Нет, это не то – ты можешь лучше», «можешь лучше», «можешь лучше»... Я уже заплакал: Федор Фомич, не могу больше! А он в ответ: «Ничего, ничего – можешь!» Принял только четырнадцатый вариант, забраковав предыдущие тринадцать. В общем, он меня приучил к такой очень жесткой самокритике. Самая плохая черта в человеке, – говорил мне Кайсин, – благодушие. Надо вытравлять из себя это благодушие, склонность принимать себя «таким, какой уж есть».

Ну а второе сильнейшее впечатление от личности, которое я испытал, – это Владимир Валентинович Калиниченко. Я почувствовал в нем человека, который в философии «свой в доску», который явился из каких-то заповедных глубин классической философии. Калиниченко стал для меня образцом подлинного философствования, от него я многое взял и очень благодарен ему.

– А когда Вы с Владимиром Валентиновичем познакомились?

– Кажется, в 2001 году. А уже через Калиниченко, через его рассказы на меня большое впечатление произвела и фигура его учителя, Мераба Константиновича Мамардашвили.

...А тогда, после аспирантуры, в 1972 году я оказался на нашей кафедре. Из тех, кого застал Ваш выпуск, там была только Елена Федоровна Владыкина. А заведовал кафедрой Александр Кузьмич Останин. У меня с ним сложились доброжелательные отношения; хотя он был приверженцем официальной марксистской философии, но довольно-таки либеральных, не-догматических взглядов. Причем любил больше не истмат, а диамат. Кстати, у него тоже надо постараться взять интервью, ведь это человек по-своему легендарный.

– В чем может состоять смысл поиска собственных решений «вечных вопросов», если априори «ничто не ново под луной»? Есть ли смысл изобретать философский «велосипед», приходиться к тем ответам, которые уже две тысячи лет назад были найдены?

– Иногда очень интересен и самоценен путь к результату, а не сам результат. Суметь самостоятельно пройти этот путь – тоже очень важно. Конечно, философия как способ мыш-

ления традиционна, но непреходящую ценность ей придает способность оценивать, рефлексировать не только свою традицию, но и науки.

– В самом общем смысле можно выделить две основные трактовки философии: с одной стороны, со времен эллинистической-римской философии и вплоть до современного экзистенциализма существует представление о философии прежде всего как о руководстве к подлинной жизни. С другой стороны, многие великие философы – от Аристотеля до Канта и Гуссерля – пытались построить, обосновать философию в качестве строгой науки. Какой точки зрения придерживаетесь Вы?

– Я бы дал положительную оценку и того и другого подхода, ведь в философии важна ее способность, фигурально говоря, не останавливаться на одной остановке, идти по разным маршрутам. Впрочем, две указанные трактовки философии – как формы бытия и как формы мышления – сложно разделить в принципе. Вот возьмем инсульт, который я пережил весной. Я ведь в своих теоретических работах разбирал связь сознания с мозгом, телом, а теперь этот теоретический опыт помогает мне преодолевать личную ситуацию разлада между сознанием и телом через восприятие её не только как экзистенциальной проблемы, но и как своего рода экспериментальной, хоть и вынужденной, проверки своих теоретических построений. По-моему, Мамардашвили говорил, что, когда, например, у него болят зубы, он пытается растождествить себя и своё переживание боли, сделать её предметом рефлексии – начинает строить какие-то графики интенсивности зубной боли и т. п., – и она отступает на второй план.

– Игрет ли философия столь же важную роль в построении научной картины мира, какую, без сомнения, играет физика?

– Безусловно. В основе научной картины мира лежат философские основания: все нормативные ценности науки сформулировали философы. Можно сказать, что философия без науки теряет предмет, становится чересчур умозрительной и легковесной, а наука без философии лишается основания и широкой перспективы, превращаясь в «коллекционирование марок».

– Всё же какая дисциплина, на Ваш взгляд, составляет ядро философии?

– Я считаю, что прежде всего философия не философия без метафизики – без осмысления философских категорий бытия, потенции, формы и других. Взять тот же системный подход, становление которого в XX веке сыграло для науки парадигмальную роль: но ведь ключевая для него идея о том, что целое не сводится к сумме частей, была выдвинута и обоснована еще Аристотелем.

– Может ли искусство привести к тем же результатам, что и научное познание?

– В известном смысле искусство приводит даже к более значительным результатам. Тот же Мамардашвили как-то отметил, что везде, где археологи находили следы разумной жизни, рядом обязательно обнаруживалась настенная живопись. А Эйнштейн признавался, что произведения Достоевского дали ему как ученому гораздо больше, чем чтение трудов кого-либо из физиков. Всё-таки наука требует от тех, кто ею занимается, определенной «духовной стерильности». Разумеется, я за рационализм, но не за «рационализм без границ». Залог продуктивного развития мировоззрения, науки и искусства – их взаимодополнительность.

– Как Вы относитесь к современной моде на философский анализ явлений повседневности, массовой культуры типа почтовой открытки, о которой Жак Деррида написал целую книгу, пивных этикеток и т. п. вплоть до нижнего белья? Или же подлинная философия должна отстраняться от подобных явлений как от «прыщей бытия», поскольку, фигурально говоря, основания бытия всё те же, что и во времена Парменида и записавшего «Книгу Бытия» Моисей?

– Отвечу словами Мао Цзэдуна: «Пусть взойдут сто цветов!» Я считаю, что в «прыщах» тоже есть свой, прыщавый, смысл.

– Как Вы оцениваете будущее философии в системе высшей школы?

– Как прагматик я пессимист – то есть философию будут и дальше урезать, но, с другой стороны, это заставит преподавателей совершенствовать методики преподавания философии, находить какие-то новые возможности подачи, раскрытия философских идей: чтобы и в таком, форсированном, «прокрустовом» варианте прохождения курса философии суметь передать ученикам ощущение глубины и многогранности её идей, а это поведет их дальше, уже самостоятельно.

– Чем философия может быть интересна обычному человеку, как его можно увлечь философией?

– В этом смысле, на мой взгляд, больше шансов у феноменологической философии с её обращением к «жизненному миру», к повседневности, ведь это и есть *наш* мир, тот, в котором, собственно, и живет человек. Я тут, например, встретил у своей бывшей ученицы статью, в которой она пытается осмыслить медицинскую практику с феноменологической точки зрения. Как оптимизировать отношения между больным, пациентом – и врачом. Она высказывает такую мысль, что сейчас наметилась тенденция, когда больные всё чаще становятся хроническими больными, появляются своего рода «профессиональные больные», с ними надо как-то иначе разговаривать, надо пациента делать собеседником, другом, а это совершенно другой подход и к медицине, и к коммуникации. Искусство врача должно проявляться в его способности не задавить пациента своим авторитетом, эрудицией, а сделать его своим со-трудником, не загонять в предзаданные, медицинские рамки, обусловленные прежним опытом лечения многочисленных «анонимных» пациентов, а предложить новую коммуникацию, в которой врач выступает не только как эксперт, но и как товарищ, – который тоже *не понимает* эту болезнь, конкретный случай течения данной болезни, – но *старается понять*. Я считаю это интересным.

– Часто ли проходили проверку Ваши жизненные принципы в 90-е годы XX века?

– В 90-е годы через бандитизм утверждалась частная собственность, происходило «первоначальное накопление капитала» многих современных олигархов; в какой-то момент я даже боялся, что на волне воинственного невежества, которая тогда пришла на смену воинственному атеизму, начнется отстрел ученых. Но в целом обошлось, и нам удалось встроиться в новые общественно-экономические отношения. Впрочем, обоим моим аспирантам, которые пытались совместить бизнес и философию, это не удалось. Всё-таки в конце концов приходится отдаваться какому-то делу полностью.

– Стоит ли философу интересоваться политикой, и если да, то в какой степени?

– Почему нет? Есть ведь и философия политики, замечательные образцы которой дала в своих книгах Ханна Арендт.

– Каков, на Ваш взгляд, наиболее существенный критерий свободы для человека, живущего в развитой стране в XXI веке?

– Основным критерием свободы – «свободы для», разумеется, а не «свободы от» – является творчество, в частности, познание: если человек творчески не саморазвивается, то он не свободен, это лишь иллюзия свободы.

– Назовите, на Ваш взгляд, самое яркое событие в жизни кафедры философии и социологии?

– Для меня как председателя диссертационного совета по философии такими событиями всегда были успешные защиты аспирантов, в том числе коллег по кафедре. Радость диссертантов, радость их научных руководителей передавалась и мне.

– Если бы не философия, какой бы сфере науки или культуры Вы хотели бы себя посвятить?

– Я бы пошел тренером по стрельбе – я же по ней кандидат в мастера спорта.

– Если не брать экологический аспект – правда ли, что раньше и трава была зеленее?

– Вообще говоря, я не склонен к ретроспективному утопизму, идеализации прошлого: мол, «раньше девки были моложе!..». Хотя, скажем, в прежние времена сельская школа давала вузам особенно сильных, ревнивых до знаний студентов; сейчас так сказать нельзя.

– Что Вы думаете о гипотетической возможности введения курса философии в учреждения общего среднего образования?

– Например, в США активно развивается философия для детей, и я считаю, что это хорошая тенденция: философией, как и гимнастикой, можно заниматься в любом возрасте.

– Озвучьте, пожалуйста, свой любимый афоризм.

– Приведу любимую народную мудрость моей матушки: «глаза боятся, а руки делают» – и действительно, эта пословица психологически очень точна и, несомненно, имеет определенный методологический смысл.

– Согласны ли Вы с тем, что интеллектуальная среда в наши дни загрязнена даже больше, чем природная среда?

– Согласен: сейчас «экология человека» актуальнее, чем экология природы. А применительно к русскому человеку это еще усугубляется тем, что мы не умеем культивировать свое, посконное, относимся к нему с предвзятостью и вообще очень зависимы от западной культуры, тогда как это должна быть взаимозависимость: если кто-то берёт у другого больше, чем дает, он тем самым хоронит свое будущее. Толерантность, терпимость ко всему, под «вывеской» которой в последние несколько десятилетий происходила вестернизация, не может быть в центре аксиосферы, должна пониматься не как пассивное приятие чужого опыта и уклада, а как вдумчивое эмпатическое вникание.

– Какие радостные события, связанные с вашими студентами и аспирантами, Вы можете вспомнить?

– Самым ярким событием последнего времени для меня стало то, что все мои аспиранты, включая уже защитившихся, в трудную минуту моей жизни навещали меня в больнице и помогали буквально встать на ноги. Я тогда убедился, что не просто установил чисто формальные, менторские отношения с учениками, а смог создать крепкую аспирантскую «семью», воспитать настоящую «тимуровскую команду». И я понял, что не совсем уж плохо я преподавал философию, раз оказался интересен этим людям и как человек. Когда аспиранты поддержали меня, это было очень радостно...

– Можно ли стать успешным в профессии человеком, не имея Учителя?

– Успешность в широком смысле без Учителя с большой буквы невозможна: «заражение» тем или иным делом, без которого оно не может стать «делом всей жизни», происходит всегда только через личность Учителя, причем им может оказаться и собственный родитель, и кто-то из друзей-сверстников, по-настоящему чем-либо увлеченных.

– Можно ли «включать» мыследеятельность по потребности, или мыслить нужно (можно) только всегда и никак иначе?

– Иногда можно и не мыслить – нужно жить. Практическая жизнь не требует рассуждений: нырнул – плыви, но результаты практической деятельности необходимо осмыслять, подвергать критической рефлексии. Как рассказывал Владимир Валентинович Калинин, однажды он ехал в автобусе и невольно подслушал разговор двух женщин на сиденье перед

ним. Одна жаловалась другой на бытовые проблемы, а другая ей в ответ: «А ты поступай по-философски: не думай!» Калиниченко был в полном восторге...

– Владимир Федорович, Вы обладаете колоссальным педагогическим опытом. На ваш взгляд, существенна ли разница между студентами, которые обучались 20–30 лет назад и современной студенческой молодежью?

– Разница, конечно, есть, и прежде всего когнитивная: раньше студенты знали больше, у них был больший когнитивный ресурс. Современный же студент, в силу общего измельчания и обмельчания школьной нагрузки, приходит несколько «легковесный»: не Дон Кихот, а Санчо Панса, который романтике научного поиска предпочитает клубные тусовки и на преподавание смотрит так же: как на развлечение, а в таком качестве наука, разумеется, заведомо проигрывает пляскам в клубе. Таким образом, современный студент оценивает преподавателя прежде всего с точки зрения того, хороший ли он «тамада», насколько увлекательно он умеет подать материал, при этом на первый план выходит, разумеется, не качество знаний, а их «прикольность», занимательность. Я сам люблю сопровождать серьезный материал в учебнике или в монографии иллюстрациями в виде анекдотов, притч, афоризмов и не против «занимательной физики» или «занимательной философии», но весь университетский курс философии в целом не может быть построен таким образом. С другой стороны, этих молодых людей всё равно надо образовывать, а поэтому и завлекать, создавая интерес, показывая студентам, что философия, как «фонарь Диогена», освещает те области, в которых они зачастую считают себя давно просвещенными.

– Владимир Федорович, Вы добились высоких успехов в научно-педагогической деятельности, обладаете многими званиями и наградами. Какое достижение вы считаете самым важным в жизни на данный момент?

– Я считаю, что по философии сознания мне удалось выстроить некий ряд интересных и оригинальных идей, в частности выявить «расслоение» сознания на три уровня: бытийственную психику, ментальную чувственность, интеллект. Кроме того, под моим руководством 34 аспиранта и соискателя стали кандидатами наук.

Я, кстати, всё больше убеждаюсь в том, что оптимальная мыслящая система – это «руководитель – аспирант», а сейчас такой возможности у меня нет, то есть она сохранилась, но на локальном уровне: каждый может приехать ко мне по собственному желанию и обсудить те или иные теоретические вопросы. Но хотелось бы продолжить в аудиторном масштабе...

– Владимир Федорович, что для Вас семья и в чем, на Ваш взгляд, состоит секрет семейного долголетия?

Семья для меня – это абсолютная ценность: в том смысле, что исходные ценностные предпосылки закладываются в (под)сознание человека в семье, и в этом ей альтернативы просто нет. А чтобы семья была крепкой, женщина должна обладать искусством прощения грехов мужа, а тот не должен этим злоупотреблять. Муж должен, прежде всего, работать, *в том числе* и помогать жене, ведь «работа» не сводится только к «заработку», это еще и работа над собой: где-то суметь уступить своей «второй половине», а к чему-то просто отнестись с юмором, вместо того чтобы заострять на этом внимание.

– Какой вопрос Вы бы, может быть, задали самому себе?

– Я бы задал себе такой вопрос: можно ли говорить, что работа мозга определяет всё в работе сознания? И ответил бы на него примерно так: связь между ними не абсолютная, мозг определяет только работу подсознания, а сознание в значительной степени автономно. Что, кроме прочего, придаёт мне необходимый оптимизм в той ситуации, в которой я оказался и которую определяю как «экзистенция в тисках инсульта». Планирую написать статью с таким названием.

*Интервью взял кандидат философских наук Н. В. Коротков
23.08.2014.*

Слово об учителе

*Николай Николаевич Ярыгин,
доктор философских наук, профессор кафедры социальных наук,
педагогике и права Калининградского государственного технического университета*

Мне посчастливилось быть первым аспирантом у Владимира Федоровича, за что я очень благодарен судьбе. С первых шагов моей научной деятельности Владимир Федорович окружил меня отеческой заботой, причем делалось это без какого-либо давления с его стороны. Он всегда выслушивает другое мнение, ведет диалог, ищет компромисс, что собственно и отличает истинного мудреца от многословного начетника и всезнайки. Рискну сказать, что во Владимире Федоровиче обитает сократовский дух, это – бескорыстное служение Истине, это – вечное вопрошание, а не готовые ответы на все вопросы.

Работая над своей диссертацией, я обращался к научному наследию Владимира Федоровича. Его научные труды проникнуты плюрализмом и терпимостью к разным точкам зрения, но, несмотря на это, он выстраивает свою оригинальную концепцию видения мира и человека, познания их.

Педагогическая деятельность Владимира Федоровича отличается живостью общения с аудиторией. Он всегда ведет диалог со слушателями, умеет вовремя разрядить обстановку, его лекции никогда не бывают скучными.

*Глеб Владимирович Суворов,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии
института истории и культуры ВятГГУ*

Не секрет, что большинство студентов оценивают своих преподавателей. Критерии оценки могут быть самыми разнообразными: увлекательность предмета, способность доступно донести материал, чувство юмора и т. д. Однако в редких случаях все желаемые качества сочетаются в полном объеме. Мне повезло. За время обучения в ВятГГУ я встретил таких преподавателей. Это были неординарные личности, люди мыслящие и глубоко интеллигентные. Владимир Федорович Юлов – один из них.

В. Ф. Юлова отличает такая важная особенность, как уважение к чужому мнению, понимание другой точки зрения. Даже выступая с критикой, Владимир Федорович, стремится не упростить чужую позицию, а сделать ее более значимой и глубокой. Особенностью В. Ф. Юлова как преподавателя является его постоянная готовность к диалогу – превращаясь в увлекательного собеседника, он заставляет размышлять, мыслить самостоятельно. Владимир Федорович – выдающийся ученый и педагог, обладающий очень высокой культурой. Его мудрость, обаяние, мягкий юмор, энергетика и жизнелюбие не могут не вызывать восхищения.

*Наталья Серебренникова,
старший специалист отдела рекламы,
связей со СМИ и общественностью «КонсультантКиров»*

Владимир Федорович Юлов.... Именно Вы повели нас, вчерашних школьников, в неизвестную, но, как оказалось, такую завораживающую страну под названием «Философия». На первых занятиях охватывал ужас от непонятных слов: «субстанция», «монады», «априори» и т. д. Казалось, что эти термины невозможно запомнить, не говоря уж о том, чтобы понять.

Вы всегда рассказывали интересно, с азартом, юмором. Ваши шутки или веселые истории, уместно вставленные в самые сложные философские темы, помогали отвлечься, а подчас и разобраться в вопросах бытия. Вы всегда относились к нам как к себе равным, что, безусловно, очень сильно помогало в постижении этой непростой дисциплины. А сколько книг мы прочитали по Вашим советам!

Хочу сказать спасибо Владимиру Федоровичу за то, что мы состоялись как профессионалы. Спасибо за доброжелательное отношение, поддержку. Спасибо за все те интересные, полезные знания, которые мы получили благодаря Вам. Можно только поблагодарить судьбу, что в студенческие годы она свела нас с Вами.

*Сергей Юрьевич Сауров,
кандидат философских наук,
директор по информационным технологиям ООО ЮНИПС*

1. Значимо и приятно ощущать себя частью большой и дружной аспирантской семьи Владимира Фёдоровича.

2. Радостно, что я могу сказать: у меня в жизни был человек, который учил (и во многом – научил!) мыслить, а не просто осваивать то, что уже было открыто в мире.

3. Сложно представить себе руководителя, который бы так же поддерживал своих учеников.

4. Колоссальный оптимизм – вот то, что кроме всего прочего следует взять от Владимира Фёдоровича. И жизнь наполнится страстью... к познанию и плодотворному общению!

5. В ответ на суждение, с которым В. Ф. не согласен, слышалось не «убрать из диссертации», а «не согласен. Но интересно. Оставляй. Будешь защищать!».

*Руслан Александрович Волосков,
кандидат философских наук,
заместитель директора КУ НАО «Центр занятости населения»*

Хороший ученый может любую сложную идею объяснить простыми словами.

Лекции Владимира Федоровича отличались тем, что он рассказывал о фундаментальных философских проблемах в форме свободного рассуждения, используя примеры из жизни. Эти веселые жизненные истории мы слушали увлеченно, зачастую не видя леса за деревьями и не фиксируя материал. Но отсутствие конспектов лекций в тетрадях с лихвой компенсировалось наличием учебника «Философия: проблемный курс для вузов», в котором каждая тема отражалась лаконично и понятно. Я и сегодня с удовольствием перечитываю отдельные его параграфы. Он полюбился тем, что с него началось мое изучение феноменологии. Параграф, посвященный этому философскому направлению, занял полторы страницы и не утратил при этом необходимой смысловой нагрузки. Позже, когда данный метод был исследован мной детально, я вспомнил про эти полторы страницы, перечитал их и удивился. Это и была феноменология – сказано все, что надо, сказано коротко и незамысловато.

Уверен, что еще много лет мы будем пользоваться результатами научной деятельности Владимира Федоровича. В этом контексте хочу отметить монографию «Мышление в контексте сознания». Технологическая концепция мышления не вызывала удивления, а, напротив, всегда казалась знакомой и очень логичной. При этом обширный материал по проблемам теории мышления и сознания, собранный в монографии, и сегодня представляет для меня большой интерес. К сожалению, эту книгу в свое время приобрести не получилось, а сегодня ее уже нигде не найти – остается надеяться на скорое переиздание. Могу сказать, что, когда это произойдет, первый встану в очередь и приобрету несколько долгожданных экземпляров!

*Елена Сергеевна Попова (Южанина),
выпускница социально-гуманитарного факультета ВятГГУ
специальности «философия» 2007 года,
в настоящее время капитан полиции*

Несколько лет назад, еще в студенческие годы, когда в своей жизни я познакомилась с такой вездесущей и вечной наукой, как философия, мне посчастливилось, и одним из проводников по тернистому пути познания стал известный российский ученый и прекрасный преподаватель, доктор философских наук, профессор Владимир Федорович Юлов. Его умение вложить в еще «туманные» головы студентов те знания, которые просветят их ум, научили меня мыслить, рассуждать, находить нестандартные пути решения и применять их в обычной жизни. Сформированное благодаря Владимиру Федоровичу мировоззренческое мышление открыло для меня ряд ценностей, разграничивающих стихии добра и зла, с чем мне приходится сталкиваться ежедневно. Неповторимый блеск в глазах Владимира Федоро-

вича и улыбка, тонкий юмор, искусно вплетенный в контекст лекций, всегда заражали позитивом, способствуя максимальному усвоению информации. Я преклоняюсь перед его просветительским талантом, перед силой его мысли и благодарна ему за полученные знания, позволившие воплотить их в положительный жизненный опыт.

*Роман Фофанов,
аспирант кафедры философии и теологии
Нижегородского педагогического университета им. К. Минина,
журналист информационного портала «Свойкировский.рф»*

Владимира Федоровича я запомнил как неунывающего атеиста, статного и всегда со вкусом одетого мужчину. Он является живым примером того, как должен выглядеть профессор. Интереснее всего, что он – действительно профессор, так что его внешний вид, социальный статус и внутреннее содержание абсолютно совпадают. Этот человек заложил во мне основы философского мышления. На первом курсе я вполне реально чувствовал, что мой мозг начинает работать на других основаниях, нежели прежде. Это состояние осталось и поныне. Особо вспоминаются фирменные «юловские» анекдоты, которые профессор рассказывал для лучшего усвоения материала. Пересказывать их нет смысла, но педагогический эффект от них очевиден, если я до сих пор использую их как метки для памяти.

*Ольга Николаевна Сысолятина,
доцент кафедры социологии ВятГГУ*

О вятском Саламиномахосе...

Путь в науку, вне зависимости от когнитивных пристрастий и исследовательского опыта ученого, сложен, но в то же время невероятно увлекателен. И где только не побывали аспиранты Владимира Федоровича с «познавательными визитами», работая над темами своих диссертаций... Работали в крупнейших библиотеках России и даже познакомились с научными фондами Германии, Китая, Греции... И это совсем не удивительно, ведь оригинальный стиль и логика мышления нашего глубокоуважаемого Учителя «заражает» на всю жизнь и побуждает к неустанному научному поиску. Став аспирантом Владимира Федоровича, вскоре осознаешь, что без науки, и в частности без философии, жизнь не представляет особого интереса.

Дар позитивного «заражения» имеет далеко не каждый ученый, поэтому я часто говорю о том, что ученый ученому рознь. Можно писать научные трактаты «для галочки», для продвижения по карьерной лестнице или по каким-либо другим прагматичным причинам. Совсем другое дело, когда ты живешь наукой и философией, которые становятся неотъемлемой частью твоей повседневности, когда создаешь научные труды и спешишь поделиться новыми идеями, обсуждая их в кругу заинтересованных лиц. Наш научный руководитель Владимир Федорович – показательный тому пример.

Неоднократно я наблюдала, как он создает монографии и с долей разумной критичности оценивает концепции различных ученых. А затем очень структурно и последовательно излагает свое видение проблематики, причем до такой степени оригинальное, что спутать его работы с работами других исследователей просто невозможно... Здесь уже речь идет о сформировавшемся научном стиле. Следует признаться, что для меня сотрудничество с Владимиром Федоровичем – это бесценный опыт, который останется со мной на всю жизнь, и за это я бесконечно благодарна своему Учителю.

Кроме того, могу сказать еще и о том, что наряду с колоссальным багажом знаний и опыта он напрочь лишен напыщенной ученой амбициозности. Всегда тактичен и дружелюбен, внимательно выслушает, посоветует и подскажет решение в сложной ситуации. А во время предзащиты и защиты диссертации чувствуешь себя довольно спокойно и уверенно, зная о том, что твой научный руководитель – это «сильный лев».

Персоналии

Когда я размышляю о многочисленных достоинствах личности Владимира Федоровича, у меня в сознании часто возникает образ Саламиномахоса (от греч. «Σαλαμίνομάχος»). Это скульптура одного из древнегреческих воинов, самоотверженно сражавшегося в греко-персидской войне 480 года до н. э. за свободу и независимость Греции, которые она впоследствии и получила. Саму скульптуру можно увидеть в центральной части острова Саламина, расположенного неподалеку от Афин.

Когда смотришь на этот образ, то ощущаешь невероятную силу, выносливость и стремление к победе этого храброго воина. На нем доспехи весом не один пуд, а в левой руке он держит тяжелое копье и щит. Но кажется, что ему все нипочем... взгляд воина решительно устремлен вдаль.

Конечно, образ Саламиномахоса я использую в данном контексте в качестве метафоры. Тем не менее, в науке и в жизни Владимир Федорович мне видится именно таким – сильным, волевым, мудрым и невероятно организованным человеком, с четким осознанием своего предназначения в жизни, верным своим принципам и убеждениям... и это несмотря ни на какие обстоятельства, какими бы сложными они порой не показались...

Так, благодаря огромной силе воли и стремлению к победе, храбрый воин Саламиномахос по-прежнему стоит на почетном пьедестале, охраняя родные границы, и никакие мировые катаклизмы не способны ему противостоять...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКИЛБАЕВ Александр Владимирович – младший научный сотрудник отдела археологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (МарНИИЯЛИ). 424036, Республика Марий Эл, Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44.

E-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

АТРОЩЕНКО Светлана Аскольдовна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре математики, теории и методики обучения математике Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36.

E-mail: atrochshenko_s@mail.ru

БАГАУТДИНОВ Радик Олегович – кандидат исторических наук, доцент Башкирского государственного университета. 450074, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: boradik@mail.ru

БОБКОВА Татьяна Степановна – кандидат психологических наук, докторант кафедры экономики и управления Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета. 446022, Самарская обл., г. Сызрань, ул. Людиновская, д. 23.

E-mail: tsbobkova@mail.ru

БУБНОВА Нина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А. М. Василевского. 214027, г. Смоленск, ул. Котовского, д. 2.

E-mail: 85ninochka67@mail.ru

ВАХОТИН Антон Андреевич – аспирант заочной формы обучения кафедры лингвистики и перевода ВятГГУ, ст. преподаватель кафедры экономики и менеджмента филиала ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Сыктывкар. 167023, Республика Коми, г. Сыктывкар, Сысольское шоссе, д. 64.

E-mail: samo87@mail.ru

ВНУТСКИХ Александр Юрьевич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29.

E-mail: avnut@inbox.ru

ГАФАРОВ Азат Загирович – аспирант Башкирского государственного университета. 450074, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

E-mail: azat.gafarov@yandex.ru

ГУТОВА Светлана Георгиевна – кандидат философских наук, доцент по кафедре культурологии, философии и социальных наук Нижневартковского государственного университета. 626602, г. Нижневартковск, ул. Ленина, д. 56.

E-mail: svetguts.07@mail.ru

ДВОЕГЛАЗОВ Владимир Викторович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Vladimir6798@yandex.ru

ДОЛГИХ Андрей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ДУДИН Александр Сергеевич – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: dudin@list.ru

ЗОЛОТАРЕВА Светлана Сергеевна – ассистент кафедры управления образованием Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.
E-mail: sv_gold82@mail.ru

КОЖИНА Екатерина Владимировна – аспирант кафедры классической и практической психологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.
E-mail: kafedra417@mail.ru

КОМАРОВ Дмитрий Андреевич – начальник отдела следственной части следственного управления УМВД России по Кировской области; аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: sashadmit@mail.ru

КОСАРЕВ Александр Николаевич – магистрант кафедры фундаментальной и компьютерной математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: a_k8888@mail.ru

КРАУЗЕ Александра Анатольевна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24.
E-mail: krauze@pspu.ru

КУМАНЬКОВ Арсений Дмитриевич – преподаватель кафедры истории философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 109028, г. Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2.
E-mail: akumankov@hse.ru

КУТЕЕВА Неля Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре лингводидактики и переводоведения Башкирского государственного университета. 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
E-mail: n_kuteeva@mail.ru

ЛОБАНОВ Вячеслав Викторович – кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН. 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.
E-mail: asto1@yandex.ru

ЛОБИН Александр Михайлович – кандидат филологических наук, доцент по кафедре филологии, издательского дела и редактирования Ульяновского государственного технического университета. 432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32.
E-mail: ikc@ulstu.ru

МЕНЬКОВА Светлана Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре математики, теории и методики обучения математике Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36.
E-mail: Svetlana.menckova@yandex.ru

МИРОНОВА Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. 420014, г. Казань, Кремль, 5-й подъезд.

E-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

НУРУЛЛИНА Эльмира Ринатовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Казанского государственного энергетического университета. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51.

E-mail: elmiranur10@yandex.ru

ОКОНСКАЯ Наталия Камильевна – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29.

E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

ОСТРОВСКАЯ Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре английской филологии Адыгейского государственного университета. 385012, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208.

E-mail: ostrovska.t@mail.ru

ПЕПЕЛЯЕВА Софья Валерьевна – аспирант кафедры классической и современной литературы Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: sofia87@mail.ru

ПЕТРОВ Антон Михайлович – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Владимирского юридического института ФСИН России, старший лейтенант внутренней службы. 600020, г. Владимир, Большая Нижегородская ул., д. 67е.

E-mail: Antosharusin@rambler.ru

ПОЛЯКОВА Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

СЕМЕНОВА Лидия Эдуардовна – доктор психологических наук, доцент, профессор по кафедре классической и практической психологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: kafedra417@mail.ru

ТУРОВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой документоведения и документационного обеспечения управления Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета. 625003, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 25.

E-mail: svtur57@mail.ru

УТКИНА Надежда Вениаминовна – кандидат философских наук, доцент по кафедре «Английский язык для машиностроительных специальностей» Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. 105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1.

E-mail: utkina-nv@yandex.ru

ХАЙРУЛЛИНА Юлдуз Ракибовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии Казанского государственного энергетического университета. 420066, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51.

E-mail: iouldouz@yandex.ru

ХАПЧАЕВ Исмаил Абуевич – доктор философских наук, профессор по кафедре гуманитарных, социальных, экономических и прикладных правовых дисциплин Северо-Кавказского юридического института (филиал) ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». 369000, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Космонавтов, д. 100.

E-mail: khasfotia@mail.ru

ЧИРКОВА Екатерина Вячеславовна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: katushinsk@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

AKILBAEV Alexander Vladimirovich – junior researcher of the Department of archaeology of Mari Scientific Research Institute of Language, literature and History of V.M. Vasiliev. 44 Krasnoarmeyskaya St., 424036 Republic of Mari El, Yoshkar Ola.

E-mail: akilbaev.alexandr@yandex.ru

ATROSHCHENKO Svetlana Askoldovna – candidate of Pedagogical sciences, associate Professor of the Department of Mathematics, Theory and Methods of teaching mathematics in the Arzamas branch of Nizhny Novgorod State University n.a. N. I. Lobachevsky. 36 K. Marx St., 607220, Nizhny Novgorod region, Arzamas.

E-mail: atrochshenko_s@mail.ru

BAGAUDINOV Radik Olegovich – candidate of historical Sciences, associate Professor of Bashkir State University. 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan.

E-mail: boradik@mail.ru

BOBKOVA Tatyana Stepanovna – candidate of Psychological Sciences, doctoral candidate of the Department of Economics and Management of Syzran branch of Samara State Economic University. 23 Ludinovskaya St., 446022, Samara region, Syzran.

E-mail: tsbobkova@mail.ru

BUBNOVA Nina Viktorovna – candidate of Philological sciences, associate Professor on the Department of Russian language of the Military Academy of Air Defense Forces of the Armed Forces of the Russian Federation name of Marshal A. M. Vasilevsky. 2 Kotovsky st., 214027 Smolensk.

E-mail: 85ninochka67@mail.ru

VAKHOTIN Anton Andreevich – post-graduate student of correspondence courses of the Department of linguistics and translation VyatSHU, senior lecturer of the Department "Economy and management" of branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg State Economic University" in Syktyvkar. 64 Sysolsk Highway, 167023, Republic of Komi, Syktyvkar.

E-mail: samo87@mail.ru

VNUTSKIKH Aleksandr Yur'evich – doctor of Philosophy, Professor of philosophy and law of the Perm National Research Polytechnical University. 29 Komsomolsky prospect, 614990 Perm.

E-mail: avnut@inbox.ru

GAFAROV Azat Zahirovic – graduate student of the Bashkir state University. 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan.

E-mail: azat.gafarov@yandex.ru.

GUTOVA Svetlana Georgievna – candidate of Philosophy, associate professor in the Department of cultural studies, philosophy and social sciences of Nizhnevartovsk State University. 56 Lenin St., 626602 Nizhnevartovsk.

E-mail: svetguts.07@mail.ru

DVOEGLAZOV Vladimir Viktorovich – postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature of VyatSHU. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: Vladimir6798@yandex.ru

DOLGIKH Andrey Yurievich – candidate of Philosophy, associate professor of the Department of Philosophy of VyatSHU. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

DUDIN Alexander Sergeevich – postgraduate student of the Department of culturology and advertising of VyatSHU. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.
E-mail: dudin@list.ru

ZOLOTAREVA Svetlana Sergeevna – assistant Professor of education administration of the Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya Str., 150000 Yaroslavl.
E-mail: sv_gold82@mail.ru

KOZHINA Ekaterina Vladimirovna – postgraduate student of the Department of Classical and Practical Psychology of Nizhny Novgorod State Pedagogical University n.a. Kozma Minin. 1 Ulyanov St., 603005, Nizhny Novgorod.
E-mail: kafedra417@mail.ru

KOMAROV Dmitry Andreevich – Head of the Investigation Unit of Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kirov region; postgraduate student of the Department of Criminal Law disciplines of VyatSHU. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.
E-mail: sashadmit@mail.ru

KOSAREV Aleksandr Nikolayevich – graduate student of the Department of Fundamental and Computational Mathematics of VyatSHU. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.
E-mail: a_k8888@mail.ru

KRAUSE Alexandra Anatol'evna – candidate of Philosophy, associate professor on the Department of philosophy and social sciences of the Perm State Humanitarian-Pedagogical University. 24 Sibirskaya St., 614990 Perm.
E-mail: krauze@pspu.ru

KUMAN'KOW Arseny Dmitrievich – lecturer on the Department of History of philosophy of National Research University "Higher school of Economics". 8/2 Maly Trekhsvyatitelsky lane, 109028, Moscow.
E-mail: akumankov@hse.ru

KUTEEVA Nelya Eduardovna – candidate of Philology, associate professor of the Department of linguodidactics and translation of the Bashkir State University. 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa.
E-mail: n_kuteeva@mail.ru

LOBANOV Vyacheslav Viktorovich – candidate of Historical sciences, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences. 19 Dmitry Ulyanov St., 117036 Moscow.
E-mail: asto1@yandex.ru

LOBIN Alexander Mikhailovich – candidate of Philological sciences, associate Professor on the Department of Philology, Publishing and Editing of Ulyanovsk State Technical University. 32 Severny Venets St., 432027 Ulyanovsk.
E-mail: ikc@ulstu.ru

MENKOVA Svetlana Viktorovna – candidate of Pedagogical sciences, associate Professor of the Department of Mathematics, Theory and Methods of teaching mathematics in the Arzamas branch of Nizhny Novgorod State University n.a. N. I. Lobachevsky. 36 K. Marx St., 607220, Nizhny Novgorod region, Arzamas.
E-mail: Svetlana.menckova@yandex.ru

MIRONOVA Elena Valeryevna – candidate of Historical sciences, senior researcher of the Department of Modern and Contemporary History Institute of History of W. Mardjani of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 5 th entrance, The Kazan Kremlin 420014.
E-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru

NURULLINA Elmira Rinatovna – candidate of Sociology, senior lecturer of the Department of sociology of Kazan State Energetic University. 51 Krasnosel'skaya St., 420066, Kazan.
E-mail: elmiranur10@yandex.ru

OKONSKAYA Natalia Kamilevna – doctor of Philosophy, Professor of philosophy and law of the Perm National Research Polytechnical University. 29 Komsomolsky prospect, 614990 Perm.
E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

OSTROVSKAYA Tatiana Aleksandrovna – candidate of Philology, associate Professor of the Department of English Philology of Adygh State University. 208 Pervomaiskaya St., 385012, Maikop.
E-mail: ostrovska.t@mail.ru

PEPELYAEVA Sofya Valeryevna – postgraduate student of the Department of Classical and Modern Literature of Nizhny Novgorod State Pedagogical University n.a. K. Minin. 1 Ulyanov St., 603950 Nizhny Novgorod.
E-mail: sofia87@mail.ru

PETROV Anton Mikhailovich – lecturer on the Department of Criminal Law and Criminology of Vladimir Institute of Law of Federal Service for Execution of Sentences of the RF, senior lieutenant. 67 Bolshaya Nizhegorodskaya St., 600020 Vladimir.
E-mail: Antosharusin@rambler.ru

POLYAKOVA Olga Anatolievna – candidate of Philological sciences, associate Professor of the Department of Russian and Foreign literature of VyatSHU. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.
E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

POMELOV Vladimir Borisovitch – doctor of Pedagogical sciences, Professor of the Department of Pedagogy of VyatSHU. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

SEMENOVA Lidia Eduardovna – doctor of Psychological sciences, associate Professor of the Department of Classical and Practical Psychology of Nizhny Novgorod State Pedagogical University n.a. Kozma Minin. 1 Ulyanov St., 603005, Nizhny Novgorod.
E-mail: kafedra417@mail.ru

TOUROV Sergey Viktorovich – candidate of Historical Sciences, Professor, head of the Department of Documentation and Document Management of the Institute of History and Political Sciences at the Tyumen State University. 25 Lenin St., 625003 Tyumen.
E-mail: svtur57@mail.ru

UTKINA Nadezda Veniaminovna – candidate of Philosophy, associate professor in the Department of “English for engineering specialties” of Moscow State Technical University n.a. N. E. Bauman., B.1, Baumanskaya St., 105005, Moscow.
E-mail: utkina nv@yandex.ru

KHAIRULLINA Yulduz Rakhimova – doctor of Sociology, Professor, head of the Department of socio-biology of Kazan State Energetic University. 51 Krasnosel'skaya St., 420066, Kazan.
E-mail: iouldouz@yandex.ru

HAPCHAEV Ismail Abuevich – doctor of Philosophy, Professor of the Department of humanitarian, social, economic and applied legal disciplines of the North Caucasian Law Institute (branch) of Federal State budgetary educational institution of higher professional education “Saratov State Law Academy”. 100 Cosmonaut St, 369000 Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk.
E-mail: khasfotia@mail.ru

CHIRKOVA Ekaterina Vyacheslavovna – postgraduate student of the Department of State and Legal disciplines of VyatSHU. 26, Krasnoarmejskaya St., 610002 Kirov.
E-mail: katushinsk@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 10 (2014)

Подписано в печать 25.09.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,5. Тираж 1000. Заказ № 130.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674